

A 139
36

СЫНЪ

802-11
278

ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книжка девятая.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1847.

ОТДЕЛЪ
КНИЖКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 30-го Августа 1847 года.

Цензоры } *А. Фрейманъ.*
 } *А. Очкинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*
Издатели } *К. Жериковъ.*
 } *М. Овлинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Взятіе столичнаго города Пруссія, Берлина, Россійскими войсками въ 1760 году. 1—10

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границею.—(*Европа.* Франція.— Англія.— Пруссія.— Испанія.— Италия.— Турція.— Греція.— *Азія.* Курдистанъ.— Китай.— Кохикина.— *Африка.* Алжиръ.— *Америка.* Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты и Мексика.)—Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.— Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 іюля по 15 августа, 1847 года. 1—32

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Изъ Гейне. *Н. М...*. 1—2
Къ Мальтѣ. Соч. *А. О...*. 2—3
Два Ыздока. Соч. *К. Масальскаго*. 3—4
Ростовщикъ и чортъ. *Его же*. 5—6
Дочь шута. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть вторая. Соч. *П. Фурманна*. 7—84
Путевый романъ. Соч. *Барона Розена*. 85—104

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воспитанница игрока. Разсказъ американскаго писателя, Вильяма Гильмора Симса. 1—32

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Историческое обозрѣніе общихъ законоположеній Пруссіи	1—46
Парацельсъ	47—66

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Московскій литературный и ученый Сборникъ. Статья I. —Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Сигизмунда Герберштейна.—Грамматическій курсъ нѣмецкаго языка. Е. Бенескриптова.—Начальныя основанія геометріи, соч. Спродда.—Алфавитный указатель къ отысканію полицейскихъ узаконеній. Соч. Н. Цылова.—Попеченіе православной церкви о спасеніи міра.—Патріархъ Іоакимъ и заслуги его отечеству, въ парижскомъ, гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Н. Е—на.	1—30
---	------

VII. СМѢСЬ.

Перико-эль-Сарагате. Сцены изъ жизни Мексиканцевъ. Габріеля Ферри.—Сказанія объ истокахъ Нила. Изъ путешествія Ампера по Египту и Нубіи.—Измѣненія, замѣчаемыя въ относительномъ положеніи моря и его береговъ.—Услуги, оказываемыя птицами земледѣлю.—Поваренное искусство древнихъ Римлянъ.—Объ атмосферѣ луны.—Гумбольдтъ.—Распространеніе христіанства въ Корей.—Новая отрасль промышленности.—Снарядъ для подаванія помощи судамъ во время бури.—Употребленіе сѣрнаго эфира въ пчеловодствѣ.—Странности ученыхъ.—Еще новая планета.—Ходъ эпидемической холеры въ Россіи.	1—46
---	------

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

ВЗЯТІЕ СТОЛИЧНАГО ГОРОДА ПРУССІИ, БЕРЛИНА,
РОССІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ВЪ 1760 ГОДУ.

Какъ любопытный историческій матеріалъ, сообщаемъ нашимъ читателямъ: *Описаніе всему тому, что при занятіи Берлина войсками Ея Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы происходило (въ 1760 году).*

Послѣ того, какъ учиненныя 22-го сентября два приступа къ городу желаннаго дѣйствія не имѣли, до 26-е число почти ничего знатнаго не случилось. Этимъ войска стояли при Кепеникѣ, имѣя форпосты свои подъ самимъ Берлиномъ, и ожидали приближенія отпращеннаго изъ арміи генерала-поручика

Панина съ его деташаментомъ; потому-что непріятель не токмо со всѣхъ сторонъ сильно собирался, но Принцъ Виртембергскій и генераль Штутергеймъ стояли уже лагеремъ на правомъ берегу рѣки Спре, подъ стѣнами стараго города, на случившихся вышинахъ, и сильно батареями укрѣпились.

Главнѣйшій при всей сей экспедиціи генераль-поручикъ графъ Чернышевъ, осмотра съ лагеремъ-маіоромъ графомъ Тотлебенемъ положеніе непріятельскихъ корпусовъ и города, 25-го числа резолюцію привалъ, на другой день, то есть, 26-го числа, къ оному подойти, получа извѣстіе, что генераль-поручикъ Панинъ около того-жъ времени прибыть могъ.

Въ-слѣдствіе того графъ Чернышевъ отправился отъ Кеппника по правому берегу рѣки Спре, и лагерь свой занялъ подъ самыми пушечными выстрѣлами непріятельскихъ батарей, и въ равнью противъ его линіи, лишіе.

Непріятель старался тому сильною изъ пушекъ стрѣльбою воспрепятствовать, имѣя готовыя на высокихъ мѣстахъ батареи. Но графъ Чернышевъ, не-смотря на то, приказалъ артиллеріи маіору Лаврову главную непріятельскую батарею, между Берлинномъ и деревнею Лихтенбургомъ, атаковать и сбить. Сей маіоръ, взявъ 4 пушки двѣнадцати-фунтовыхъ и 2 полукарталюныхъ единорога, да вятскаго полка 2 роты, данное ему повелѣніе такъ храбро и проворно исполнилъ, что при третьемъ выстрѣлѣ изъ единороговъ непріятельскіе ящики зажжены, и чрезъ то непріятель, съ крайнимъ поспѣшеніемъ батареи оставя, ретировался, но всѣхъ пушекъ увести не могъ, а одну полушудовую гоубицу и 12-ти-фунтовую пушку съ цѣлымъ ящикомъ зарядовъ оставилъ. Непріятель притомъ много людей потерялъ, ибо маіоръ Лавровъ, занявъ батарею, еще съ 200 сажень непрестанно стрѣлая, бѣгущихъ преслѣдовалъ.

Въ то-жъ время и помянутая деревня четырьмя гренадерскими ротами подъ командою подполковника Лабадіи занята. Непріятель старался его оттуда выжить, но тщетно; паче-же и прочія его батареи поверхностію нашей артиллеріи скоро къ молчанію приведены, такъ, что графу Чернышеву не осталось ни труда, ни опасности, занять свой лагерь подъ выстрѣлами оныхъ.

Генераль-маіоръ графъ Тотлебенъ, выступя въ то-жъ время изъ Кеппника, маршировалъ къ Берлину по лѣвому берегу рѣки Спре, и сталъ у новаго города между потедамскими и силежскими воротами. Римскій императорскій генераль фельдцеймейстеръ графъ Лессі, прибывъ напередъ съ нѣкоторою

частью кавалеріи своей и легкихъ войскъ, къ нему-жъ прикнулъ.

Непріятельскій генераль-поручикъ Гильзенъ, о которомъ думано было, яко бы онъ отъ Виттенберга ретируется къ Магдебургу, оказался однако-жъ тогда у Телтова, маршируя къ Берлину. Авангардія оного, подъ командою генерала Клейста, тотчасъ атакована здѣшними легкими войсками и австрійскими гусарами съ такою храбростію, что не только съ поспѣшеніемъ назадъ прогнана, съ потеряніемъ на мѣстѣ болѣе шестисотъ человекъ, но еще сверхъ того оставила въ полонъ нашихъ войскамъ трехъ офицеровъ и около двухъ сотъ рядовыхъ, да австрійскимъ гусарамъ одного офицера и съ лишкомъ 60 человекъ рядовыхъ.

Но когда Гильзеновъ корпусъ весь приближаться сталъ, то уже ни переходу его чрезъ рѣку Спре, ни соединенію съ Принцемъ Виртембергскимъ сопротивиться не лзя было; однако къ великому удивленію не пользовался онъ превосходствомъ силы своей, отбить генераль-маіора графа Тотлебена; паче-же сей послѣдній неотменно продолжалъ городъ съ своей стороны бомбардировать. Около семи часовъ вечера, Гильзенъ, со всемъ своимъ корпусомъ, былъ уже на правомъ берегу рѣки Спре, предъ старымъ городомъ; и такъ непріятель, знатно умноживъ свою и артиллерію, старался вновь не токмо обезопасить занятый графомъ Чернышевымъ лагерь, но, буде можно, и къ отступленію его принудить. Только-жъ въ то время наша артиллерія была уже вездѣ надлежаще разставлена, и въ готовности, такъ, что непріятель не токмо на мѣрзѣннѣ своего не достигнулъ, и артиллерія его наги вездѣ сбиты, но и по единогласному объявленію взятыхъ тогда 30-ти человекъ въ полонъ, и явившихся сорока дезертировъ отъ здѣшней стрѣльбы убитыми болѣе четырехъ-сотъ человекъ потерялъ.

Того-жъ еще дня въ вечеру прибылъ генераль-поручикъ Панинъ съ авангардіею своего деташамента, а 28-го числа, на разсвѣтѣ, и весь его деташаментъ, перешедъ въ два марша болѣе семидесяти верстъ. Графъ Чернышевъ назначилъ оному прикнуть къ правому его крылу, и протянуть свой фронтъ такимъ образомъ, чтобъ не токмо весь непріятельскій занимать, но нѣсколько и въ лѣвый его флангъ взять, генераль поручикъ Панинъ исполнилъ оное тотчасъ. Непріятель старался и здѣсь, также какъ на-канунѣ, сильною изъ пушекъ стрѣльбою тому противиться; но стрѣльба его почти никакого дѣйствія не имѣла, и скоро къ молчанію приведена сильнымъ дѣйствіемъ на-

шей артиллеріи, такъ что непріятельскій фронтъ безпрестанно перемѣняемъ и за пригорки укрываемъ былъ.

О ежечасныхъ въ оба тѣ дни сраженіяхъ между легкими войсками здѣсь не упоминается, а только коротко объявить надлежитъ, что непрестанно плѣнные и дезертиры въ великомъ числѣ приводимы были, и всѣхъ дѣла храбрости и мужества почти описать не можно: коротко сказать, всё и каждый, отъ перваго до послѣдняго старались должность свою исполнить.

Прочее время сего дня препровождено въ распоряженіяхъ, чтобъ на другой день съ свѣтомъ вдругъ атаковать весь непріятельскій корпусъ. Генераль-фельдцеймейстеръ Лесси, котораго корпусъ около полудня къ Берлину прибылъ, и на лѣвомъ берегу рѣки Спре сталъ, по учиненному соглашенію, имѣлъ сію атаку подкрѣплять, а генераль-майоръ графъ Тотлебенъ долженствовалъ къ городу приступъ здѣлать.

Генераль-поручикъ графъ Чернышевъ увѣренъ былъ, что непріятель собравшись со всѣхъ сторонъ и съ толикимъ попѣшеніемъ на защищеніе столичнаго города, и составляя армію около двадцати тысячъ человекъ или и болѣе, не оставитъ оной на жертву, но во чтобъ ни стало, до послѣдней крайности обороняться и городъ защищать станеть. Но непріятель думалъ о томъ инако, и пользуясь весьма-темною ночью и близости находившагося къ лѣвому его флангу лѣса въ крайней тишинѣ въ оной вобрался, такъ что о томъ только въ тотъ самый часъ увѣдано, который для сигнала къ генеральной атакѣ назначенъ былъ. Невозможно довольно описать, съ какою нетерпѣливостію и жадностію ожидали войска сей атаки,—надежда у cadaго на лицѣ изображалася,—ниже того сожалѣнія, которое всѣ чувствовали, что лишаются случая, показать свое мужество.

Генераль-поручикъ графъ Чернышевъ тотчасъ поручилъ генералу-поручику Панину распоряженіе сдѣлать, дабы бѣгущій непріятель преслѣдовать, и всевозможной вредъ ему причиненъ былъ, а самъ подполковника Ржевскаго послалъ слачи города требовать. Но сего встрѣтилъ присланный отъ графа Тотлебена офицеръ съ извѣстіемъ, что городъ сдается, и оныя управляетя въ распоряженіи капитуляціи онымъ.

Вскорѣ потомъ генераль-фельдцеймейстеръ графъ Лесси, приѣхавъ въ лагерь къ графу Чернышеву, ѣздили оба въ городъ, который здѣланными войсками уже занятъ былъ, и распоряженіе сдѣлали, чтобъ двои городскія ворота войсками Ея Величества Императрицы-Королевы хранимы были. Въ бытность еще ихъ

въ городъ генераль-поручикъ Панинъ репортовалъ, 1) что оныя гренадерскіе резервы подъ командою бригадира графа Брюса и полковника Рененкампа, десять эскадроновъ кирасиръ подъ командою генерала-майора Граугревена, и рижской драгунской полкъ подъ командою полковника Апочинина, командировалъ въ слѣдъ за непріятелемъ, причинять оному всевозможной вредъ, и арріергардію оного всемѣрно атаковать. 2) Что своего адъютанта капитанскаго ранга Панина, придавъ ему двадцать пять человекъ козаковъ, послалъ ко всѣмъ въ близости находившимся командамъ легкихъ войскъ, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ всѣ за непріятелемъ гнались, вездѣ атаквали, и сколько можно задерживали, дабы оныя генераль-поручикъ самъ съ регулярнымъ войскомъ подоспѣть могъ. 3) Что сей адъютантъ не токмо приказаніе его исполнилъ, но паче атаковавъ самъ, и схвати небольшой непріятельскій пикетъ, показалъ примѣръ бригадиру Краснощокову и гусарскому полковнику Подгоричанину, настоящую непріятельскую арріергардію атаковать. 4) Что сія арріергардія состояла изъ Клейстова пѣхотнаго полка, изъ одного баталіона Вуншева полка, изъ трехъ сотъ человекъ королевскихъ егерей, изъ четырехъ эскадроновъ кавалеріи, изъ двухъ эскадроновъ гусаръ, и составляла около 3000 человекъ, но что изъ оной всемѣрно ни одинъ человекъ не спасся. Въ половъ взято болѣе тысячи человекъ съ однимъ майоромъ и четырнадцатью оберъ-офицерами, а прочіе всѣ безъ остатка порублены; въ добычу получено двѣ пушки, пятьдесятъ телѣгъ и великое число лошадей. Сербскаго гусарскаго полка подполковникъ Текелли, подоспѣвъ туда отъ графа Тотлебена, равную съ бригадиромъ Краснощоковымъ и подполковникомъ Подгоричанинымъ храбрость показалъ. 5) Что регулярныя наши войска къ дѣлу подоспѣть не могли. Каково жестоко было нападеніе легкихъ войскъ, таково скоро пораженіе непріятеля. Весь нашъ уронъ притомъ состоитъ въ 45 человекъ убитыхъ, да ранено 21 человекъ. 6) Что по разбитіи поманутой арріергардіи гнались легкія войска и за главнымъ непріятельскимъ корпусомъ, но оной былъ уже близъ Шпандау, и пушками съ крѣпости защищался; и 7) что взятый въ плѣнъ майоръ и офицеры единогласно объявляютъ, что никогда не видывали большаго смѣтенія, какъ въ каковомъ бѣжали ихъ войска изъ-подъ Берлина, что не токмо въ лѣсу многія пушки въ болото побросаны, но что люди сами себя давили, такъ что оны въ арріергардіи оставались не столько для прикрытія ретираты всего корпуса, какъ паче, чтобъ въ замѣстельствѣ безчестно не потерять жизни.

Генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ, сдѣлавъ въ городѣ надлежащія распоряженія, и поруча все то генералу-майору графу Тотлебену, ѣздилъ съ графомъ Лессіемъ въ австрійскій лагерь.

Какъ сей день, такъ слѣдующій потомъ и 30-е число упражнялись собраніемъ контрибуціи, королевской казны и испраженіемъ арсеналовъ и магазиновъ, о чемъ особливныя прилагаются вѣдомости. Чегожъ забрать не возможно было, а неприятелю къ продолженію войны служить могло, оное все истреблено. Всѣ пороховыя мѣльницы около Берлина, литейные пушечные дворы, также потсдамскіе и близъ Шпандау находящіяся ружейныя и шпажные заводы до подошвы разорены.

По исправленіи всего того, генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ, имѣя извѣстіе, что король прусскій со всею арміею находился уже въ Лузациі при Губенѣ, и потому въ близости, или на здѣшнюю армію при Франкфуртѣ, или на его корпусъ въ раздѣленіи напасть, или же въ Саксонію вошедъ хорошей видъ тамошнихъ дѣлъ въ худой преобразить, согласился съ генераломъ-фельдцеймейстеромъ графомъ Лессіемъ, чтобъ здѣшнимъ войскамъ итти въ соединеніе къ главной арміи, а графу Лессію въ Саксонію, что имъ не токмо въ одно время, но и въ одинъ часъ учинено съ 30-го числа на 1-е октября, а 2-го октября генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ былъ уже при Франкфуртѣ, сдѣлавъ маршъ болѣе семидесяти верстъ, съ такимъ искусствомъ, что во всѣ тѣ ужасныя марши не сдѣлалось большыхъ болѣе тридцати человекъ. Генералъ-майоръ графъ Тотлебенъ составлялъ притомъ арріергардію, и 3-го числа къ Франкфурту прибылъ.

Свѣтъ съ трудомъ повѣрять, что сія толь важная и для общаго дѣла полезная экспедиція не стѣбитъ здѣшней арміи ста человекъ убитыми, и что раненыхъ еще меньше; но для сего опасенія истинну угадать и уронъ свои увеличить нельзя; напротивъ того, неоспоримо, что неприятель буде не больше, то конечно до осьми тысячъ человекъ убитыми, плѣнными и дезертирами потерялъ, какъ то изъ приложенія пространнѣе усмотрѣно будетъ.

Излишно вступать въ подробное объявленіе всѣхъ происшедшихъ изъ того общему дѣлу существительныхъ выгодностей. Краткое означеніе оныхъ достаточно будетъ, сдѣлать каждому о томъ полное воображеніе.

1) Король прусскій принужденъ чрезъ то Силезію покинуть, и командующему вынѣ тамо генералу борону Лаудону свободныя руки оставить, къ распространенію полученныхъ завоеваній.

2) Шведская армія также свободу получила дѣйствовать по собственному благозобрѣтенію.

3) Генералъ Гилзень Саксонію очистилъ, а Берлина не спасъ; но маршами и храбростію здѣшнихъ войскъ корпусъ его разоренъ.

4) Король прусскій армію свою симъ походомъ столько изпурилъ, что, по полученнымъ чрезъ плѣнныхъ и дезертировъ извѣстіямъ, ни люди ни лошади съ мѣста итти не могутъ, и король принужденъ спокойно смотрѣть, что и послѣдній въ Саксоніи во владѣніи его бывшій городъ Виттенбергъ взятъ, гарнизонъ его плѣненъ, и всѣ магазины и осадная артилерія въ добычу получены.

При такихъ обстоятельствахъ весьма сожалѣтельно, что позднее годовое время не позволяетъ всѣми сими выгодами пользоваться, и еще сею компаніею сдѣлать войнѣ желанное окончаніе, однакожъ съ всякимъ основаніемъ надѣяться можно, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Дауль въ состояніи будетъ не токмо всѣ пріобрѣтенія вышшняго года сохранить, но и умножить оныя. А здѣшней арміи по неимѣнію крѣпостей и отдаленію магазиновъ конечно не остается болѣе, какъ искать покойныхъ квартиръ, и къ раннему началку будущей кампаніи готовиться.

По послѣднимъ изъ оной репортамъ, вступить она теперь на кантониръ - квартиры въ Помераніи, начиная отъ Ландсберга къ Дризену; ибо весьма сырая и студеная погода съ беспрестанными и престоющими вѣтрами не позволяетъ долѣе въ полѣ оставаться.

Пункты капитуляціи берлинскаго гарнизона.

1. Гарнизону и всѣмъ военнослужащимъ позволенъ будетъ свободный выходъ со всѣми ихъ вещами, для кототыхъ даны будутъ подводы.

2. Больные изъ военнослужащихъ получаютъ до ихъ выздоровленія всякую безопасность, а потомъ позволенъ имъ будетъ также свободный выходъ, и даны имъ будутъ подводы подъ ихъ вещи.

3. Гарнизонъ возьметъ съ собою всю аммуницію, пушки и мундирныя вещи.

4. Королевскій замокъ, принцевъ дворецъ и другія публичныя строенія имѣютъ получить салвогардію, и признаваемы быть за освященное убѣжище.

5. Всѣхъ росіійско-императорскихъ военнопленныхъ, кои здѣсь находятся, возьметъ гарнизонъ съ собою.

6. Понезже сверхъ гарнизона находятся здѣсь разные воинскіе служители, такожъ и отъ союзныхъ войскъ: то оныя вѣрно объявлены будутъ, и никакая королевская казна, военная аммуниція, ни провіантскій или фуражный магазины утаены не будутъ.

Сколь скоро росіійскій гарнизонъ вступитъ, то долженствуетъ городъ отъ всѣхъ нападеній, какъ съ росіійской стороны, такъ и отъ союзниковъ надежное защищеніе получить. — Въ Берлинѣ 9-го октября 1760 года.

Роговъ.

На 1-й и 2-й.

Господинъ коммандантъ, всѣ генералы, штабъ и другіе офицеры, такожъ всѣ солдаты гарнизонные или другіе дѣйствительно служащіе, или просто въ Берлинѣ находящіеся, больные и отставные, кои еще служить могутъ, однимъ словомъ всѣ, кои въ Берлинѣ и на здѣшней сторонѣ обрѣтаются, имѣютъ отдаться военнопленными, и выступя изъ воротъ положить ружье; а городскіе ворота мною заняты будутъ: хромые же и безногіе останутся здѣсь, которымъ имѣетъ подана быть роспись; господа офицеры удержатъ свои экипажи. Надобно роспись подать всѣмъ пленнымъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, находящимся здѣсь; и надлежитъ имъ завтра по утру въ 7 часовъ быть у Котбусскихъ воротъ.

3. Вся артиллерія и военная аммуниція безъ всякой утайки, по росписи мнѣ отдана быть имѣетъ.

4. Всѣ дома останутся невредимы, и освобождены будутъ отъ грабленія, что напаче дозволится королевскимъ дворцамъ.

5. Всѣ военнопленные Саксонцы, Шведы, Французы, Австрійцы и Имперцы, и однимъ словомъ всѣ союзнымъ арміямъ принадлежащіе, здѣсь находящіеся пленные, должныствуютъ тотчасъ мнѣ выданы быть, и отнюдь ничего не утайтъ, какъ изъ гарнизона, такъ военныхъ припасовъ, и еще паче пленныхъ.

6. Какую Берлинъ контрибуцію заплатить долженъ, о томъ особливую сълать капитуляцію уполномоченъ отъ меня господинъ бригадиръ Бахмацъ. — Въ лагерѣ при Берлинѣ 9-го октября 1760 года.

Графъ Тотлебенъ.

Роговъ.

Пункты капитуляціи, которую городъ Берлинъ изъ милости Ея Императорскаго Величества Императрицы Всеросіійской, и по извѣстному ея сіятельства командующаго господина генерала челоуколюбію, получить надѣется.

1. Чтобъ сей столичный городъ, и всѣ обыватели, при ихъ привилегіяхъ, вольностяхъ и правахъ содержаны, а торговля, фабрики и науки на прежнемъ основаніи оставлены были.

2. Чтобъ свободное отправленіе вѣры и службы Божіей при нынѣшнемъ учрежденіи, безъ малѣйшей отмыки позволено было.

3. Чтобъ городъ и всѣ предметія отъ постоевъ освобождены, а легкимъ войскамъ дозволено не было вернуться въ городъ и въ предметія.

4. Если нужда потребуетъ нѣсколько регулярныхъ войскъ расположить въ городъ и въ предметіяхъ, чтобъ сіе учинено было на основаніи бывшихъ повѣстъ учрежденій, а тѣ, кои прежде отъ того выключены, и впредь свободны быть имѣютъ.

5. Всѣ обыватели вообще, какого бы званія и достоинства ни были, останутся въ спокойномъ владѣніи ихъ имѣній, и никакіе беспорядки и грабительства въ городѣ и въ предметіяхъ и въ магистратскихъ деревняхъ допущены не будутъ.

6. Всѣ церкви, школы, гошпитали и всѣ духовныя учрежденія съ ихъ служителями содержаны будутъ при ихъ доходахъ и учиненныхъ распоряженіяхъ.

7. Въ здѣшнихъ королевскихъ коллегіяхъ, такожъ въ земскихъ и магистратскихъ коллегіяхъ и городскихъ судахъ, всѣ архивы и регистратуры и доходы, кои съ королевскою казною сопряженія никакого не имѣютъ, оставлены будутъ.

8. Торговля водою и сухимъ путемъ, какъ внутри, такъ и внѣ земли, безпрепятственно продолжаема будетъ впредь.

9. Хожденіе почтъ пресѣчено не будетъ, но свободный проѣздъ и привозъ вездѣ позволяемъ будетъ.

10. Полицейское учрежденіе на прежнемъ основаніи останется, а всѣ цехи и гильдіи при ихъ привилегіяхъ оставлены, и въ разсужденіи ихъ персонъ, и ремесленныхъ людей и подмастерьевъ никакія препятствія учинены не будутъ.

11. Городу Берлину такое обѣщаніе дается, что сія капитуляція въ разсужденіи всѣхъ союзныхъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ Императрицею Всеросіійскою, державъ и ихъ войскъ дѣйствительность имѣть будетъ, и впредь никакимъ образомъ какія либо требованія учинены не будутъ.

12. А какъ еще нѣкоторые пункты, слѣдующіе къ сущей пользѣ города, и почитаемые за слѣдствіе Всемилюствѣйше оубыщанной Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссийской протекціи, здѣсь еще довольно не показаны, то его сіятельство командующій господинъ генералъ, въ такихъ пунктахъ, по прошенію магистрата, такожъ въ дачѣ потребныхъ иногда салвогвардій, особливо позволить.

13. А напротивъ того, отъ города Берлина, вмѣсто требованной мукы, раціоновъ и порціоновъ, за неимѣніемъ пахотныхъ земель или прочихъ къ тому потребныхъ способовъ, завтра поутру заплачены быть имѣютъ, состоящему подъ командою его сіятельства корпусу 100000 талеровъ, да на корпусы господина генерала графа Чернышева, и господина генерала графа Лесція 100000 талеровъ, и тогда уже никакія претензіи, какого званія они бы ни были, впредь учинены не будутъ.

Что-жъ касается до Императорской контрибуціи, то городъ, по случаю требованнаго на послѣдокъ числа полутора милліона, единственно подвергаетъ себя въ томъ прославленной во всемъ свѣтѣ Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссийской милости, въ разсужденіи извѣстной скудости всѣхъ жителей, и надѣется многомогущимъ отъ російскаго генералитета заступленіемъ, въ сей немалой суммѣ получить милостивое упушеніе и облегченіе.

А между тѣмъ обязуется здѣшнее купечество, на всю сумму дать вексель въ шесть дней его сіятельству, предоставляя себѣ однако при томъ, что все то, что въ помянутыхъ шести дняхъ въ уплату собрано будетъ серебряными деньгами, въ уплатужъ принято быть имѣть, а на достальную сумму векселя даны будутъ на червонные, считая каждый по четыре талера, и платежъ учиненъ будетъ въ два мѣсяца.

Впрочемъ городу такое обиадеживаніе дано, что сверхъ по ставленныхъ въ сей капитуляціи денежныхъ суммъ, отъ прочихъ стоящихъ въ городѣ или за городомъ, или-же приближающихся еще австрійскихъ войскъ никакія контрибуціи или подарки деньгами, ниже поставка провіанта и фуража впредь требованы не будутъ. — Берлинъ 9-го октября 1760 года.

Графъ Тотлебенъ.

*Президентъ, бургомистры и ратманы:
Кирхгейзенъ. Рейхгельмъ. Ридиеръ.
Дитерихъ.*

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Литонисъ и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**ОВОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА
ГРАНИЦЕЮ.**

ЕВРОПА.

Франція.

Засѣданія палатъ, не задолго передъ закрытіемъ парламента, послѣдовавшимъ 9 августа, были оживлены довольно сильными преніями, касавшимися дѣйствій минувшаго собранія. Въ одно изъ этихъ засѣданій, 2 августа, въ палатѣ перовъ, графъ *Монталамберъ* слѣлалъ министерству упрекъ въ томъ, что оно много общало, но мало исполнило. «Измѣненіе таможенныхъ постановленій, сказалъ онъ, законъ о морской торговлѣ и объ улучшеніи атлантическихъ сообщеній, всѣ эти важные вопросы или вовсе не были разсмотрѣны, или оставлены на половинѣ пути, такъ, что настоящее собраніе палатъ не принесло странѣ никакой пользы. Причину того слѣдуетъ искать отчасти въ без-

дѣйстви кабинета, по преимуществу заключается она въ законѣ о выборахъ и въ господствующей системѣ подкуповъ. Дѣло собственно не въ денежныхъ подкупахъ, это только исключительные случаи, но въ подкупахъ, еще болѣе вредныхъ и заключающихся въ нравственномъ вліяніи. Правительство употребляетъ всевозможныя усилія для направленія выборовъ согласно съ своими видами, и избиратели, съ своей стороны, руководствуются только своими частными интересами. При послѣднихъ выборахъ правительство дѣлало всевозможныя обѣщанія, чтобы приобрести большинство и чтобы уничтожить надежды нѣкоторыхъ депутатовъ, которыхъ ему не удалось отдѣлать отъ оппозиціи. Избиратели равнымъ образомъ заслуживаютъ строгую порицанія за пожертвованіе своею независимостью для приобретенія должностей и наградъ. Въ Англіи также случаются подкупы, но тамъ это дѣло частное и не столь вредное какъ во Франціи, гдѣ домогательства идутъ отъ правительства, средства котораго заключаются въ бюджетѣ. Кто платитъ за голоса изъ собственного своего кармана, тотъ заслуживаетъ менѣе порицанія, чѣмъ тотъ, кто подобнаго рода издержки покрываетъ бюджетомъ. Говорятъ, прибавилъ ораторъ, что это неизбежно зло. Нѣтъ! то было бы богохульство противъ правосудія Божьяго и противъ свободной воли человѣка. Но надобно помнить однако, что это зло чрезвычайное. И этому злу надобно помочь. Быть можетъ, для отвращенія его, вы принуждены будете прибѣгнуть къ средству, которому я мало сочувствую, къ преобразованію избирательной системы; быть можетъ, нужно будетъ хотя я съ своей стороны и не одобряю этого, увеличить число избирателей или же уменьшить число чиновниковъ. Послѣднее средство, по моему мнѣнію, было бы лучше.» Эти злоупотребленія, о которыхъ упоминалъ ораторъ, привели его къ слѣдующему заключенію: «Въ одномъ только нравственномъ воспитаніи народа можемъ мы найти средство противъ этого зла, на которое мы все такъ жалуемся; надобно очистить нравы, укрѣпить дисциплину, религіею обуздать совѣсти, а для этого необходимо признать свободу обученія. А что вы сдѣлали въ ея пользу? Ничего. Вы еще, напротивъ, возстановили оружіе монополіи, завѣщанное вамъ Имперіей. Какъ! При томъ сугубомъ примѣрѣ, который подають намъ теперь сѣверъ и югъ, Англія и Италія, министръ иностранныхъ дѣлъ не хотѣлъ и подумать о отвращеніи этого славнаго подвига освобожденія и независимости? Но я увѣренъ, что министры люди честные и со способностями; однако, вмѣстѣ съ противниками ихъ, даже и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ ихъ друзей, я принужденъ сказать, что

управленіе ихъ дурно. Гдѣ же причина этому? Въ личностяхъ ли ихъ, или же въ ихъ страстяхъ? Выиграемъ ли мы чтонибудь, замѣнивъ ихъ другими личностями и другими страстями, какъ это, говорятъ, будетъ сдѣлано по закрытіи собранія? Не думаю, потому что зло кроется въ самой системѣ, которой министры суть невольныя орудія.» Рѣчь эта была принята съ живѣйшими знаками одобренія. Послѣ *Монталамбера* взошелъ на кафедру г. *Гизо*; онъ началъ отвѣтъ своей слѣдующими словами: «Мн. гг., гг. перы, въ этой рѣчи вы слышали сейчасъ оппозицію весьма рѣзкую, весьма свободную, но не смотри на это я однако глубоко благодаренъ за нее достопочтенному графу *Монталамберу*. Это оппозиція, уважающая какъ свое собственное достоинство, такъ и достоинство своихъ противниковъ. Съ такою оппозиціею можно и разсуждать и сражаться безъ отвращенія. Съ нѣкотораго времени мы уже отыкнули отъ этого. Случалось, что я долженъ былъ хранить молчаніе, хотя и желалъ бы говорить; и такъ еще разъ благодаря графа *Монталамбера* за доставленный мнѣ теперь поводъ прервать мое молчаніе.» Потомъ ораторъ немедленно приступилъ къ опроверженію словъ своего противника. По мнѣнію г. *Гизо*, оканчивающееся сравненіе палатъ нельзя назвать безплоднымъ, потому уже, что вновь избранная палата и нѣсколько лѣтъ уже существующее министерство необходимо должны были нѣкоторое время взаимно изучать другъ друга. Несмотря на это, представлены были многие важные вопросы, какъ напримѣръ: объ обученіи, объ освобожденіи колоній, о системѣ тюремъ и о системѣ таможенъ. Вопросы эти были уже подготовлены въ нынѣшнемъ собраніи, и при открытіи будущаго предложены будутъ на совѣщанія палаты. «И такъ я повторю, сказалъ г. *Гизо*, что если и дѣйствительно собраніе не рѣшило великихъ вопросовъ, то оно по крайней мѣрѣ приготовило ихъ рѣшеніе: это значитъ не терять время, но имъ пользоваться.» Потомъ ораторъ говорилъ, что такъ какъ все тѣ подкупы, на которые жалуется графъ *де Монталамбергъ*, происходятъ во время выборовъ, то они и подлежатъ единственно суду палаты депутатовъ, которая, на основаніи хартіи, одна имѣетъ право признать или не признать законность избранія своего члена. А какъ же поступаетъ палата? При началѣ нынѣшняго собранія сильно оспаривали законность избранія многихъ депутатовъ, но противъ одного только могли представить достаточныя доказательства, и палата немедленно занялась этимъ вопросомъ; результатъ этого процесса всемъ извѣстенъ. «Нѣтъ, говорилъ г. *Гизо*, графъ *де Монталамбергъ* ошибается; вліянія, которымъ подчиняется наше

отечество, тѣ же, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ; но нигдѣ выборы не совершаются съ такою свободою, какъ у насъ.»

По поводу вопрошенія Виконта *Флавини*, въ засѣданіи 3 августа, министръ иностранныхъ дѣлъ, г. *Гизо*, сказалъ между прочимъ слѣдующее о политическихъ отношеніяхъ Франціи къ Швейцаріи и къ Италіи: «Относительно Швейцаріи, я долженъ прежде всего опровергнуть два совершенно ложныя мнѣнія. Утверждаютъ во первыхъ, будто бы мы хотимъ вмѣшаться во внутреннія дѣла этой страны и что мы угрожаемъ ей чуждою интервенціею. Это совершенно несправедливо. Второе мнѣніе, которое стараются распространить, заключается въ томъ, будто бы мы хотимъ противоудѣйствовать Швейцарцамъ относительно введенія политическихъ реформъ, которыя они считаютъ для себя нужными. Вниманіе французскаго правительства, конечно, обращено на событія въ Швейцаріи, гдѣ законная власть подрывается нынѣ губительными дѣйствіями радикализма и коммунизма. Такое состояніе дѣлъ требуетъ всей нашей бдительности; но мы не противопоставляемъ ему ни силы, ни угрозы; мы выражаемъ мнѣнія наши съ полною умѣренностію и въ формѣ дружественнаго совѣта. Всѣ дипломатическія наши ноты служатъ тому доказательствомъ. Тѣмъ до сихъ поръ ограничилась наша политика. Если дальнѣйшія событія потребуютъ ея измѣненія, потребуютъ съ нашей стороны иныхъ дѣйствій, то палата можетъ быть увѣрена, что министерство не упуститъ изъ виду уваженія къ народному праву и не нарушитъ ни европейскихъ, ни французскихъ интересовъ. Что жъ касается до Италіи, то мы не имѣемъ тамъ территоріальныхъ, непосредственныхъ, личныхъ интересовъ; мы не италіанская держава; но для насъ важны интересы европейскаго равновѣсія, интересы христіанскаго, болѣею частію католическаго народа, интересы союздства, торговли и родства королевской фамилии. Все это, конечно, важные интересы, но не прямыя и предоставляющіе дѣйствіямъ нашимъ большую свободу. Что необходимо для нихъ удовлетворенія? Во-первыхъ миръ внутри Италіи и сохраненіе всѣхъ территоріальныхъ и политическихъ отношеній. Потомъ необходимы независимость и прочность италіанскихъ правительствъ, которыя нынѣ зависятъ отъ добраго согласія ихъ съ управляемыми народами. Благоразумныя и законныя реформы, предпринимаемыя Піемъ IX, заслуживаютъ одобренія иностранныхъ правительствъ; дѣло идетъ здѣсь не о минутномъ интересѣ той или другой націи, того или другаго правительства; долгъ всѣхъ націй, всѣхъ христіанскихъ правительствъ поддержать

тяжкіе и благородные труды, которымъ посвятилъ себя Папа. Умѣренному правительству его содѣйствуетъ умѣренная партія въ римскихъ владѣніяхъ, чуждая ложныхъ теорій и тѣхъ сильныхъ страстей, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность крайнихъ политическихъ партій. При такомъ положеніи дѣлъ, политика наша должна заключаться въ поддержаніи пріятій означеннаго правительства и означенной партіи. Обязанности Франціи почерпать силу и опору не въ духѣ оппозиціи, стремящейся къ переворотамъ, но въ духѣ прозорливыхъ и благоразумныхъ стремленій правительства и въ совокупномъ дѣйствіи съ нимъ умѣренныхъ партій.»

Англія.

Изъ послѣднихъ засѣданій англійскаго парламента было замѣчательно засѣданіе верхней палаты, 20 іюля. Лордъ *Брумъ* принявъ на себя обязанность цензора и ревизора парламентскаго собранія, лордъ *Линдурстъ* съ большою горячностью исполняя обыкновенно обязанность эту во время министерства Мельбурна. Лордъ *Брумъ*, сдѣлавъ подробный обзоръ всего собранія, заключилъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, собраніе это ознаменовано лишь особенно вредными для государства мѣрами. Онъ безусловно упрекалъ правительство какъ за преобразование центральнаго управленія, какъ за способы, употребленные для вспомоществованія нуждающейся Ирландіи, такъ и за сокращеніе рабочаго времени для фабричныхъ работниковъ женскаго пола и малолѣтнихъ мужскаго, и наконецъ, за законы относительно желѣзныхъ дорогъ. Сожалѣя, что столь важныя мѣры, какъ на прим. усовершенствованіе тюремной и ссылочной системъ, или билль объ улучшеніи состоянія здоровья въ большихъ городахъ, были взяты правительствомъ обратно, ораторъ заключалъ свой приговоръ собранію тѣмъ, что оно, по его мнѣнію, есть только доказательство слабости и безсилія министерства. Наконецъ, изъявивъ свое желаніе скорѣйшей перемѣны кабинета, онъ окончилъ свою рѣчь словами епископа: «всякое министерство лучше того, которое не имѣетъ никакой силы». Маркизь *Ландсдаунъ*, какъ членъ министерства, защищалъ его противъ упрека въ слабости и безсиліи; онъ говорилъ, что, по крайней мѣрѣ, сѣдныя послѣдствія нынѣшняго собранія не могутъ служить этому доказательствомъ, потому что случались и прежде парламентскія собранія, которыя не представляли лучшихъ результатовъ. Такъ же точно нельзя, по его мнѣнію, упрекать правительство и за то, что оно взяло обратно нѣсколько важныхъ

предложеній, имъ сдѣланныхъ, потому что, какъ онъ напомнилъ палатѣ, и самыя значительныя мѣры, какъ напр. отмѣненіе Test-act, освобожденіе католиковъ, достигнуты были не иначе, какъ послѣ весьма продолжительныхъ отсрочекъ и бывъ по нѣскольку разъ взяты обратнo министерствомъ. Послѣ краткаго возраженія со стороны лорда *Брума*, предметъ этотъ былъ оставленъ и засѣданіе закрыто.

Ея величество королева, 23 іюля, лично закрыла парламентъ, произнесъ при этомъ тронную рѣчь, утвержденную въ засѣданіи тайнаго совѣта, происходившемъ наканунѣ въ Букингамскомъ дворцѣ. Эта церемонія происходила во вновь выстроенномъ дворцѣ верхней палаты, въ которомъ ея величество явилась въ первый разъ по государственнымъ дѣламъ. Палата представляла чрезвычайно блестящее зрѣлище. Королева встрѣчена была при входѣ во дворецъ всеми государственными и придворными сановниками; облеченъ въ порфиру, она заняла свое мѣсто на тронѣ, а принцъ Альбертъ сѣлъ съ лѣвой ея стороны, на креслахъ, поставленныхъ для него пониже. Потомъ, пригласивъ членовъ нижней палаты подойти къ оградѣ, королева прочла, голосомъ, какъ обыкновенно, яснымъ и внятнымъ, слѣдующую рѣчь:

«Милорды и господа!»

«Я весьма радуюсь, что могу уволить васъ отъ обязанностей труднаго и обременительнаго собранія. Я не могу проститься съ вами, не выразивъ вамъ чувствъ моей признательности за то усердіе и рвеніе, съ которыми вы посвятили себя общественному благу.

«Вниманіе ваше въ особенности устремлено было на мѣры непосредственнаго вспомоществованія, сдѣланнаго необходимымъ по причинѣ великаго и безпримѣрнаго бѣдствія.

«Я охотно дала мое соизволеніе на тѣ законы, которые, разрѣшая свободный ввозъ хлѣба и облегчая употребленіе сахара на пивоварняхъ и вишнихъ заводахъ, увеличиваютъ массу жизненныхъ потребностей человѣка и способствуютъ къ процвѣтанію торговли.

«Радуюсь, видя, что вы ни въ одномъ случаѣ не потребовали новыхъ ограниченій, что вы ни разу не достигли на свободу внутренней и внѣшней торговли, для отвращенія бывшаго недостатка. Я убѣждена, что мѣры эти вообще недействительны, а во многихъ случаяхъ еще и увеличиваютъ зло, для уменьшенія котораго употребляютъ ихъ.

«Искренно сочувствую тѣмъ подвигамъ великой и щедрой благотворительности вашей, которыми вы уменьшили страданія многихъ ирландскихъ подданныхъ. Я охотно изъявила мое согласіе и на тотъ законъ, который относится къ лучшему учрежденію постоянныхъ вспомоществованій для пенуищихъ въ Ирландіи. Я столь же охотно дала мое соизволеніе и на многіе прозкты законовъ, имѣвшіе цѣлью развитіе промышленности и земледѣлія въ той части Соединеннаго Королевства. Отнынѣ тѣ мѣры, которыми можно будетъ достигнуть этой спасительной цѣли, будутъ обращать на себя все мое вниманіе.

«Отношенія мои къ иностраннымъ державамъ внушаютъ мнѣ постоянную утѣшенность въ сохраненіи мира.

«Мнѣ весьма пріятно было видѣть, что принятая мною, совокупно съ королемъ Французомъ, испанскою королевою и королевою португальскою, мѣры для умирненія Португаліи оказались полезными и что междоусобная война, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшаяся въ этомъ государствѣ, прекратилась наконецъ безъ кровопролитія.

«Надѣюсь, что отнынѣ несогласія въ мнѣніяхъ между политическими партіями этого государства будутъ уже оканчиваться безъ призыва жителей къ оружію.

«Господа члены нижней палаты!»

«Благодарю васъ за готовность, съ которой вы ассигновали суммы, необходимыя на государственные расходы; онѣ съ заботливостью и бережливостью употреблены будутъ для государственной службы.

«Радуюсь, что могу сообщить вамъ, что государственные доходы, не смотря на высокія мѣны жизненныхъ потребностей, были до настоящаго времени выше, чѣмъ я имѣла право этого ожидать. Такому результату всего болѣе содѣйствовало увеличившееся потребленіе статей всеобщаго продовольствія.

«Доходы, получаемые съ сахара, въ особенности значительно увеличились черезъ отмѣненіе запретительныхъ пошлинъ съ привознаго сахара.

«Я твердо надѣюсь, что различныя суммы, ассигнованныя вами для народнаго обученія въ Соединенномъ Королевствѣ, будутъ много содѣйствовать къ развитію религіознаго и нравственнаго образованія моего народа.

«Милорды и Господа!»

«Считаю нужнымъ сообщить вамъ, что я намѣрена немедленно распустить настоящій парламентъ.

«Я твердо увѣрена въ благородномъ расположеніи къ престолу и въ приверженности къ свободнымъ постановленіямъ этого государства, которыми одушевлена великая масса моего народа. Вместе съ сею возсылаю я мои молитвы къ Всемогущему Богу, дабы нужда, насъ постигшая, превратилась, при его Божественномъ благословеніи, въ избытокъ и дешевизну!»

Въ Gazette обнародована слѣдующая прокламація о распусченіи нынѣшняго парламента и созваніи новаго:

«Victoria regina. Внявъ мнѣнію нашего тайнаго совѣта и признавъ за нужное распустить нынѣшній парламентъ, отероченный до 21 сентября, объявляемъ мы для сего сію нашу королевскую прокламацію и вместе съ тѣмъ распускаемъ упомянутый парламентъ. Вслѣдствіе сего духовные и свѣтскіе лорды, равно и кавалеры, граждане и комиссары отъ графствъ и мѣстечекъ въ нижней палатѣ снмъ увольняются отъ обязанности являться къ помянутому 21 сентября. А такъ какъ мы желаемъ и рѣшили сколь возможно скорѣе соединиться съ нашимъ народомъ и пользоваться совѣтами его въ парламентѣ, то снмъ и объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ о нашемъ королевскомъ намѣреніи и желаніи созвать новой парламентъ. Далѣе мы снмъ объявляемъ, что внявъ мнѣнію нашего тайнаго совѣта мы повелѣли нашему канцлеру части нашего Соединеннаго Королевства, именуемой Великобританіею, и нашему канцлеру Ирландіи, немедленно каждому изъ нихъ по предъявленіи сего, для созванія новаго парламента, разослать въ надлежащей и законной формѣ повѣстки о выборахъ. И такъ повелѣваемъ мы сею нашею королевскою прокламаціей за нашею великою печатью Соединеннаго Королевства, чтобы упомянутые канцлеры наши издали каждый въ своей стороны повѣстки о выборахъ, дабы духовные и свѣтскіе лорды и члены нижней палаты, имѣющіе засѣдать въ упомянутомъ парламентѣ, законно были избраны и къ 21 сентября явились бы въ упомянутый парламентъ.

«Дано при нашемъ дворѣ въ Буккингамскомъ дворцѣ, 23 іюля въ годъ отъ Р. X. 1847, а царствованія нашего въ 11-й.—Боже храни Королеву!»

— Въ продолженіе 100 лѣтъ, нынѣ оконченное парламентское собраніе было, за двумя исключеніями, самое продолжи-

тельное. Въ теченіе его представлено было не менѣе 4,253 прошеній за 559,977 подписями противъ плана воспитанія, принятаго правительствомъ, и 919 прошеній за 141,717 подписями, подавшихъ въ пользу этого плана. Глобе помѣстилъ въ одномъ изъ двухъ нумеровъ отчетъ о продолжительности существовавшей послѣднихъ 14 парламентовъ съ 1796 г. и замѣчаетъ при этомъ, что съ 1801 г. смѣнились 15 первыхъ министровъ, а именно: *Аддингтонъ* въ 1801 г., *Питтъ* въ 1804 г., *Гревилль* въ 1806, герцогъ *де Нортландъ* въ 1807, *Персиваль* въ 1810, графъ *Ливерпуль* въ 1812, *Фелпсъ* въ 1827, *Годеричъ* въ 1827, герцогъ *Веллингтонъ* въ 1828, *Грей* въ 1830, *Мельбурнъ* въ 1834, *Пиль* въ 1834, *Мельбурнъ* въ 1835, *Ниль* въ 1841, и лордъ *Россель* въ 1846.

— Вечеромъ того самаго дня, въ который послѣдовало закрытіе парламента, повелѣнія объ избраніи новыхъ членовъ нижней Палаты были уже разосланы по всѣмъ частямъ государства, и непосредственно переданы въ правительственныя мѣста столицы и ея округовъ. Въ графствахъ шерифъ долженъ, черезъ два часа по полученіи повелѣнія о выборахъ, созвать прокламаціею собраніе графства, которое и дѣлаетъ свои распоряженія о выборахъ, начинающихся не прежде 10 и не позже 16 дней послѣ изданія прокламаціи. Въ городахъ же и мѣстечкахъ повелѣнія о выборахъ присылаются къ шерифу, обязанному въ теченіе трехъ дней сообщить о своихъ распоряженіяхъ чиновникамъ, распоряжающимся выборами, которые и должны быть начаты не позже 8 дней послѣ этого.

— Въ собраніи директоровъ Остъ-Индской компаніи, 4-го августа графъ *Дальгауи* назначенъ генералъ-губернаторомъ Индіи, а Сиръ *Гэри Поттинджеръ* губернаторомъ Мадраса. Губернаторское же мѣсто послѣдняго на Мысѣ Доброй Надежды займетъ побѣдитель при Алингабѣ, генералъ *Смитъ*.

— Съ нѣкотораго времени очень ревностно занимаются планомъ защиты береговъ посредствомъ учрежденія корпуса капопривовъ береговой стражи, упражняемыхъ теперь въ артилерійской службѣ Полковникъ *Густонъ*, которому поручено привести этотъ планъ въ исполненіе, занимается имъ чрезвычайно дѣятельно, и уже весьма скоро число этихъ капопривовъ будетъ простираться до 2,000 человекъ совершенно обученныхъ. Они будутъ разѣяны по всему протяженію береговъ и заняты прислужою у орудій тяжелаго калибра, тамъ поставленныхъ.

Пруссия.

Въ собраніи законовъ, обнародованъ законъ объ отношеніяхъ Евреевъ. Этотъ законъ состоитъ изъ 73 параграфовъ; но мы почитаемъ нужнымъ указать только на слѣдующія, важнѣйшія статьи: «На всемъ пространствѣ прусской монархіи, Евреямъ предоставляются, при одинакихъ обязанностяхъ съ христіанами, тѣ же гражданскія права, какими пользуются христіане, — за исключеніемъ, однакожъ, случаевъ, опредѣляемыхъ настоящимъ закономъ. Къ непосредственной или посредственной государственной должности, а также къ должности общественной, Еврей можетъ быть допущенъ только въ такомъ случаѣ, когда съ этою должностью не соединено отправление судебной, полицейской или исполнительной власти. Сверхъ того, вообще, Евреи, по прежнему, устраняются отъ управленія церковными дѣлами и дѣлами по министерству народнаго просвѣщенія. Въ университеты же могутъ быть допускаемы, если не препятствуютъ тому статуты, въ качествѣ частныхъ учителей, экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ по факультетамъ медицинскимъ, математическимъ, естественнымъ, географическимъ и словеснымъ наукамъ. Отъ всехъ прочихъ факультетовъ университета, какъ равно отъ должностей декана, проректора и ректора, они устраняются. Впрочемъ, Евреи могутъ быть также учителями въ художественныхъ, ремесленныхъ, коммерческихъ и навигаціонныхъ школахъ. Правами чиновъ Евреи не могутъ пользоваться и на будущее время. Ограниченія, тяготѣнія надъ Евреями относительно упражненія въ ремеслахъ, отмѣняются. Касательно приведенія къ присягѣ свидѣтелей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, уничтожается всякое различіе между Евреями и христіанами. Заключение брака между Израилтянами должно предшествовать публичное объявленіе о томъ. Отдѣльныя постановленія и предписанія, изданныя на счетъ долговъ еврейскихъ цеховъ, остаются въ силѣ до погашенія этихъ долговъ; но особая, личная подать, платимая Евреями въ государственную кассу, отменяется безъ всякаго вознагражденія. Евреи должны быть соединены въ особія общины, изъ которыхъ при каждой находится синагога. Въ каждой общинѣ учреждается правленіе, состоящее изъ 3—7 членовъ, которые должны безвозмездно исполнять свои обязанности. При томъ, каждая община имѣетъ соразмѣрное число представителей, не менѣе 7 и не болѣе 21. Все члены общины мужескаго пола, совершеннолѣтніе и пользующіяся добрымъ име-

немъ, которые могутъ сами себя прокармливать и исправно платили общинныя подати въ три послѣдніе года, избираютъ представителей, а представители избираютъ членовъ правленія на 6 лѣтъ. Выборы членовъ правленія подтверждаются правительствомъ, которое наблюдаетъ за дѣйствіями правленія и имѣетъ право увольнять членовъ его, по уважительнымъ причинамъ. Правленіе есть органъ, посредствомъ котораго предложенія или жалобы общинъ достигаютъ до государственныхъ властей. Собраніе представителей контролируетъ дѣйствія членовъ правленія, и потому въ правѣ узнавать о принятыхъ ими рѣшеніяхъ, просматривать отчеты, дѣлать возраженія и проч. Если оно найдетъ, что правленіе или нѣкоторые изъ членовъ его перадѣютъ о своей обязанности или преступаютъ долгъ, оно обязано объявить о томъ правительству, которое наряжаетъ слѣствие и рѣшаетъ дѣло. Прежнее раздѣленіе Евреевъ великаго герцогства Познанскаго на принятыхъ и непринятыхъ въ число гражданъ будетъ до времени еще удержано. Евреи великаго герцогства Познанскаго, принятые въ число гражданъ, пользуются всеми правами, предоставленными иудейскому населенію прочихъ частей монархіи. Все отдѣльныя постановленія, которыя уклоняются отъ настоящаго закона, должны оставаться безъ дѣйствія».

Испанія.

Извѣстія изъ Испаніи представляютъ жалкую картину положенія этой страны, раздираемой междоусобіями. О положеніи враждующихъ партій можно судить по слѣдующему описанію ихъ дѣйствій.

Въ концѣ Іюля, карлистскій летучій отрядъ вторгнулся въ мѣстечко Льякуну (въ провинціи Террагонѣ) и потребовалъ безусловной сдачи отъ 15-ти солдатъ тамошняго гарнизона, которые находились въ то время у обѣдни. Офицеръ, находившійся при этихъ солдатахъ, не только безъ сопротивленія исполнилъ это требованіе, но, будучи отпущенъ карлистами, не постыдился тотчасъ явиться къ своему налальнику. Генераль-капитанъ подвергнулъ его за такую трусость отвѣтственности. Такъ какъ, по приказанію того-же генераль-капитана, не за долго предъ тѣмъ были разстрѣляны 6 пѣхотныхъ карлистовъ, то и опасались, что помянутыхъ 15 солдатъ постигнетъ такая-же участь. Генераль-капитанъ Каталоніи дѣйствительно донесъ, что въ

окрестностях Манресы, въ ночи на 29-е число, были слышны ружейные выстрѣлы, и что на слѣдующее утро найдено 15 обезображенныхъ труповъ, въ которыхъ, по-видимому, убили 15 солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Льякувѣ. Такъ какъ во власти генераль-капитана находились 17 плѣнныхъ карлистовъ, то онъ и приказалъ «для удовлетворенія арміи» разстрѣлять ихъ 31-го числа, не-смотря на то, что семействами ихъ были поданы просьбы королевѣ о ихъ помилованіи. Эту казнь плѣнниковъ, жизнь которыхъ была предоставлена милосердію королевы, газета ультра-умѣренной партіи «Fago» называетъ мѣрою необходимости. «Можно-ли прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, сказано въ этой газетѣ, для обузданія кровожадности этихъ людей карлистовъ?». Прогрессивная газета «Есо», напротивъ того, спрашиваетъ: «Можемъ-ли мы удивляться, если послѣ такихъ дѣйствій со стороны правительственныхъ лицъ,—вся Европа считаетъ насъ Африканцами и избѣгаетъ, какъ каннибаловъ?»—Такимъ образомъ второстепенные военные начальники распоряжаются жизнью подданныхъ Изабеллы II-й, «конституціонной» королевы испанской; такимъ-то образомъ вызываютъ они безконечныя пролитія крови; между тѣмъ какъ тѣсный кругъ искиателей приключеній не допускаетъ до юной дочери Фердинанда VII-го вопли народа, обманутаго во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, и заглушаетъ эти вопли шумомъ непрерывныхъ удовольствій.— «Кто окружаетъ теперь нашу юную монархиню? спрашиваетъ газета «Fago»; тѣ, отвѣчаетъ она, которыхъ выгоды требуютъ, чтобъ нынѣшнее несчастное положеніе Испаніи продолжалось, чтобъ совершенной по приказанію генераль-капитана Каталоніи, сообщаютъ еще слѣдующее: Въ Матаро находились пять плѣнныхъ карлистовъ, которыхъ положено было разстрѣлять. Жители крайне сожалѣли о несчастной участи этихъ молодыхъ людей, никогда не проливавшихъ крови, и обратились къ генераль-капитану съ просьбою о ихъ помилованіи. Плѣнники были отведены уже въ мрачную капеллу, гдѣ приговорились къ смерти, какъ вдругъ генераль-капитанъ приказалъ объявить имъ, что, въ уваженіе ихъ молодости и незначительности вины, даритъ имъ жизнь. Эта радость вѣсть произвела на несчастныхъ, обреченныхъ смерти столь сильное впечатлѣніе, что имъ принуждены были пустить кровь. Пока, однакоже, спѣшили къ нимъ родственники, чтобы обнять ихъ, генераль-капитанъ получалъ извѣстіе о гибели 15-ти солдатъ при Монрозѣ. Онъ тотчасъ приказалъ разстрѣлять и этихъ пятерыхъ, имъ уже помилованныхъ карлистовъ. Послѣдніе были снова отведены въ мрачную капеллу и

еще разъ подверглись мучительному приготовленію къ смерти. 31-го числа они были разстрѣляны въ Матаро.

И т а л і я .

Въ Римѣ, 31-го іюля, было обнародовано правительствомъ ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ постановленіе о гражданской гвардіи: Regolamento per la Guardia civile nello Stato Ecclesiastico. Въ этомъ постановленіи заключается подробное объясненіе предварнаго эдикта, издавнаго статьи — секретаріатомъ въ минуту опасности, 5-го ч., для скорѣйшаго образованія гражданской гвардіи въ стольномъ городѣ Римѣ. Этотъ регламентъ, въ которомъ предписывается учредить вооруженную національную гвардію по всей Церковной Области, состоитъ изъ VII-ми главъ и 132-хъ параграфовъ, и слѣдующими словами опредѣляетъ цѣль и назначеніе новаго учрежденія: § 1. Гражданская гвардія должна защищать законнаго государя, охранять и возстановлять повиновеніе законамъ, порядокъ и общественное спокойствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ должна она, въ случаѣ нужды, оказывать помощь и военной силѣ государства. Всякое совѣщаніе гражданской гвардіи о дѣлахъ государственныхъ, провинціальныхъ или муниципальныхъ, такъ-же какъ и всякое незаконное дѣйствіе, собраніе или прошеніе, неутвержденное начальствомъ, должно быть почитаемо государственнымъ преступленіемъ. § 2. Гражданская гвардія, какъ въ Римѣ, такъ и въ остальныхъ общинахъ Церковной Области, состоитъ изъ всѣхъ гражданъ и изъ всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ законное мѣсто жительства, не моложе 21-го года и не старше 60-ти лѣтъ. § 20. Она состоитъ подъ начальствомъ муниципальных совѣтовъ, губернаторовъ, провинціальныхъ начальниковъ и статьи-секретаріата, имѣющаго подъ непосредственнымъ своимъ вѣдѣніемъ гражданскую гвардію Рима.» Издержки на вооруженіе отвесены на счетъ общинъ.

Т у р ц і я .

По извѣстіямъ изъ Бѣлграда, отъ 13-го іюня, туда прибылъ Шекибъ-Эфеиди, возвратившійся изъ инспектированія Босніи и турецкой Кроаціи. Онъ послалъ самыя убѣдительныя дописанія въ Константинополь касательно безконечной анархіи, господствующей въ странѣ, и притѣсеній и наслій, которыя турецкіе

жители дозволяют себѣ въ отношеніи къ христіанамъ. Во-время своего пребыванія въ Бѣлградѣ, онъ имѣлъ совѣщаніе съ австрійскимъ агентомъ, и составилъ съ нимъ проектъ договора съ Австріею о выдачѣ преступниковъ.

— По извѣстіямъ изъ Албаніи, мятежникъ *Джулека* окруженъ на горѣ, между Дельвино и Аргирокастро, куда онъ укрылся, султанскими войсками, подъ начальствомъ *Садика-Паши* и *Бесима-Паши*. Ему удалось пасть въ располхъ, въ тѣсной дѣлѣ, на турецкій отрядъ челоѣкъ въ 60, посланный для рекогносцировки, подъ командою *Нумана-Аш*, который былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ.

Гречія.

По извѣстіямъ изъ Аоніи, тамъ готовились къ открытію палаты, назначенной на (22-е) 10-е июля. Министерская партія рѣшительно одержала верхъ. Г. *Козетти* избранъ депутатомъ отъ города Аоніи. Мятежный генералъ *Гривасъ* находится, съ 150-ю приверженцами, на одномъ изъ Ионическихъ острововъ, Санта-Мавръ, куда ожидали прибытія изъ Корфу англійскаго лорда верховнаго-коммиссара, лорда *Ситона*.

АЗІЯ.

Курдистанъ.

Корпусъ турецкихъ войскъ, назначенный для преслѣдованія курдскаго мятежнаго начальника *Бедерхана-Бел*, перешелъ черезъ Тигръ, и нанесъ ему два сильныхъ пораженія, въ слѣдствіе которыхъ *Эмеръ-Паша* занялъ укрѣпленный курдскій замокъ Дергилъ, съ богатыми запасами, а *Бедерханъ-Бей* заперся въ цитадели Оракъ. Сераскиръ *Османъ-Паша*, при помощи *Эмеръ-Паши*, предпринялъ осаду и бомбардированіе этой цитадели, и курдскій начальникъ, тяжело раненый, принужденъ былъ сдаться на волю побѣдителей; онъ только просилъ *Османъ-Пашу* пощадить жизнь его и его семейства; и оставить неприкосновеннымъ его имущество. Просьба его была исполнена. Спустя нѣсколько дней, *Махмудъ-ханъ*, изъ Ваи, и братъ его, явились также съ изъявленіемъ покорности въ главную квартиру. Такимъ образомъ сераскиръ *Османъ-Паша* достигъ блестящаго успѣха отъ компаніи, которая продолжалась только

мѣсяца, противъ непріятеля, почти равнаго силами, и среди безчисленныхъ трудностей въ странѣ, пересѣкаемой горами и рѣками. *Бедерханъ-Бей* и его семейство отравлены, подъ сильнымъ прикрытіемъ, въ Константинополь.

Китай.

Судя по словамъ «Morning-Chronicle», Англія собирается предпринять новую войну противъ Китая. Дѣла, пишутъ въ этой газетѣ, слова принимаютъ грозный видъ въ Китаѣ, гдѣ отъ императора до самаго мелкаго сельскаго чиновника, все народонаселеніе дышитъ, кажется, недовѣрчивостью и ненавистью къ Англичанамъ. При этомъ, на всемъ протяженіи имперіи обнаруживаются признаки безначалія и переворота, которые очень могутъ быть предвѣстниками переменъ династіи. Въ старину, городскіе начальники и другіе высшіе государственные чиновники могли полагаться на народное повиновеніе и уваженіе, приближавшее къ обожанію. Нынѣ уже не то: нынѣ жители деревень и деревушекъ имѣютъ собранія, въ которыхъ обсуживаютъ цѣлуютъ дѣйствія своихъ начальниковъ, и подстрекаютъ другъ друга къ явному сопротивленію. Не смотря на миролюбивыя намѣренія кантонскаго губернатора, Ки-Нига, котораго за это самое ненавидятъ Китайцы южныхъ провинцій, все, кажется, предзнамуетъ новую и близкую войну съ небесною имперіею. Центральное правительство такъ ослабѣло, что почти лишилось свободы въ своихъ дѣйствіяхъ. Уже давно оно не имѣетъ никакого вліянія на кантонское народонаселеніе, и еще недавно образовалась, въ гуанской провинціи, страшная оппозиція противъ всего, что происходить отъ правительства или мѣстныхъ начальствъ. Это враждебное расположеніе явно обнаружилось по случаю недавнихъ споровъ съ губернаторомъ провинціи касательно уступки Англичанамъ мѣстъ для сооруженія церкви, помѣщенія кладбища и построенія частныхъ домовъ. — Въ «Morning-Chronicle» утверждаютъ далѣе, что теперь уже почти невозможно удерживать китайское народонаселеніе. Дѣйствительно узнали, что оно составляетъ самые враждебные проекты противъ Англичанъ, которыхъ называетъ «дьяволами, вышедшими изъ моря.» Въ Кантовѣ пошелъ даже слухъ, что Китайцы намѣрены возобновить сицилійскую вечерню, потомъ опустошить Гонгконгъ, и умертвить губернатора Девиса и всѣхъ Англичанъ, находящихся на этомъ острову. Кажется, однако, что послѣдній, мало заботясь объ этихъ угрозахъ Китайцевъ, намѣренъ отправиться въ Кохшиху, чтобъ завести торговля сношенія съ этою странюю.

Кохинхина.

Въ «Galignani's Messenger» сообщаютъ подробности о послѣднихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ Французовъ противъ Кохинхины. Властитель Кохинхины представляется въ этой газетѣ государемъ человеколюбивымъ. Онъ прежде сего приказывалъ обращаться съ людьми всѣхъ націй, претерпѣвшими крушеніе, по всевозможнымъ пощечіямъ; но въ послѣдствіи времени явились тамъ французскіе миссіонеры, іезуиты, которые играли роль при сверженіи престола короля. Преемникъ его, опасаясь ихъ вліянія, старался ограничить ихъ власть, и началъ преслѣдовать. «Узнавъ объ этомъ, сказано далѣе, сѣверо-американскій капитанъ Персиваль, убѣжденный іезуитами въ Сингапурѣ, согласился пойти съ фрегатомъ «Конституенсъ» въ Кохинхину, чтобы потребовать освобожденія епископа и его причта, съ которыми обращались, какъ съ плѣнными. Однакоже желанія его не исполнили, и отвѣчали, что плѣнные суть Французы, которыхъ выдачи не можетъ требовать сѣверо-американскій корабль, и что только король можетъ даровать имъ свободу, ибо они нарушили общественное спокойствіе. За тѣмъ, американскій фрегатъ открылъ пушечный и ружейный огонь противъ толпы народа, собравшейся на берегу. 180 человекъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола были убиты и многіе другіе переранены. Сѣверо-американскій консулъ въ Сингапурѣ былъ недоволенъ этимъ рѣшительнымъ поступкомъ капитана фрегата, и написалъ къ кохинхинскому королю, что онъ сожалѣетъ объ этомъ случаѣ, и что правительство его подвергнетъ капитана изысканію за такой поступокъ и дастъ королю удовлетвореніе. Вскорѣ послѣ того одинъ французскій военный корабль пришелъ въ Кохинхину и потребовалъ выдачи духовныхъ, что и было тогда-же исполнено. Но чрезъ нѣсколько времени миссіонеры вышли опять на берегъ въ другомъ пунктѣ, чтобы воротиться туда, откуда ихъ прогнали. При возвращеніи ихъ возникло волненіе, откуда ихъ прогнали. При возвращеніи ихъ заключенъ въ тюрьму. Кохинхинскій епископъ былъ опять заключенъ въ тюрьму. Кохинхинскій король написалъ тогда письмо къ сингапурскому губернатору и къ американскому консулу, прося у нихъ совѣта, что должно ему дѣлать съ плѣнными. Они отвѣчали, чтобы онъ прислалъ миссіонеровъ въ Сингапуръ, и предостергъ ихъ отъ возвращенія въ Кохинхину, или они подвергнутся всѣмъ послѣдствіямъ такого поступка. Миссіонеры были приведены въ Сингапуръ; но тотчасъ-же изъявили намѣреніе, вопреки желанію короля, вновь отправиться въ его страну. На жалобу ихъ,

что въ послѣдніе годы французскіе миссіонеры были жестоко наказываемы и умерщвляемы, за то, что они старались распространить свою вѣру, что не доказано, адмиралъ Сесиль съблалъ представленія кохинхинскому правительству, которое однако же оставило ихъ безъ вниманія. Преемникъ его, адмиралъ Лапьеръ, счелъ нужнымъ немедленно пойти туда съ корветомъ «Викторіезъ» и съ фрегатомъ «Глуаръ», и вынудить требованное удовлетвореніе. Между-тѣмъ, какъ ожидали отвѣта на письмо, посланное къ королю, и тратили время въ церемоніяхъ всякаго рода, французскіе офицеры вообразили себѣ, что существуетъ заговоръ, котораго цѣль будто-бы состоитъ въ нападеніи на нихъ и въ умерщвленіи ихъ, когда они будутъ на берегу. Докладательства же этому не было никакого. Вѣроятно, эти офицеры искали только предлога отмстить Кохинхинцамъ, и разсказъ о замыслѣ противъ нихъ былъ выдуманъ, чтобы оправдать истребленіе кохинхинской эскадры.

Въ «Semaine» сообщаютъ слѣдующее письмо изъ Макао, отъ 20 го мая: «Здѣсь много толкуютъ о письмѣ одного французскаго миссіонера, изъ Кохинхины, къ капитану Лапьеру. Этотъ миссіонеръ, скрывающійся въ восточныхъ горахъ, посреди народонаселенія почти совершенно христіанскаго, изображаетъ впечатлѣніе, произведенное тамъ сраженіемъ въ Туранскомъ заливѣ. Кажется, императоръ Мингъ-Мангъ сильно разгнѣвался, получивъ извѣстіе объ истребленіи его флота, и приказалъ привезти къ нему туранскаго мандарина въ оковахъ. Въ то-же время императоръ издалъ повелѣніе, опредѣляющее на будущее время образъ сношеній съ варварами: имъ не будетъ дозволено выходить на берегъ, но письма ихъ будутъ приниматься и доставляемы прямо къ нему: онъ предоставляетъ одному себѣ отвѣчать на нихъ».

АФРИКА.

Алжиръ.

Пишутъ изъ Бужіи, отъ 24-го июля: Послѣдній походъ Французовъ въ Кабилию произвелъ такое сильное впечатлѣніе на тамошнихъ горцевъ, что они безусловно покорились французскому владычеству. Торговъ жизненными припасами, превратившій послѣдними безпокойствами, возобновился теперь съ болѣею силою. Вездѣ господствуютъ такіа спокойствіе и безопасность, что путь изъ Алжира въ Сетию и обратно совершаютъ въ семь дней, что прежде было не слышано. Въ равнинахъ Кабилии и въ

Телль прекрасный урожай. Жители Сагары дѣлаютъ теперь приготовленія, чтобъ во время прибыть на телльскіе рынки съ своими караванами, изъ которыхъ многіе, какъ полагаютъ, отправятся и въ Алжирь.

— Изъ донесенія объ Алжиріи, представленнаго палатѣ перовъ г-мъ *Дюпенемъ*, видно, что въ Алжиріи находится теперь 110000 колонистовъ, изъ которыхъ 17,000 принадлежатъ къ милиціи; послѣднихъ достаточно для защиты страны, когда всѣ тамошнія войска выступятъ въ походъ. Сначала почти вовсе не было женщии и дѣтей; нынѣ же считается тамъ 25,000 женщии и 42,000 дѣтей, изъ которыхъ 4,000 посѣщаютъ уже школы. Сестры милосердія занимаются воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ Константинолѣ ходятъ онѣ за большими и раздаютъ лекарства бѣднымъ Арабамъ, прибѣгающимъ къ ихъ помощи. Ежедневно до 100 Арабовъ пользуются ихъ попеченіемъ.

А М Е Р И К А.

Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты и Мексика.

Мексиканскія извѣстія, доходящія изъ столицы до 19-го іюня, подають, какъ кажется, мало надежды на миръ. Тамъ *Санта-на* объявленъ былъ президентомъ съ властью, почти диктаторскою; предписано было произвести понудительный заемъ въ 1 миллионъ долларовъ, и занимались укрѣпленіемъ столицы. Генераль *Скоттъ*, по причинѣ недостаточнаго числа войскъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія идти къ Мексикѣ. Онъ еще находился въ Пуэбла, ожидая подкрѣпленій, которыя уже частію прибыли въ Вера-Крусъ, и по словамъ газ. *Washington Union*, будутъ состоять всего изъ 20,000 человекъ. Онъ приказалъ разрушить лагерь при Ялапѣ, и намѣренъ, какъ говорятъ, вмѣсто Вера-Круса, назначить теперь крайнимъ пунктомъ своей операционной линіи городъ Туспанъ. Между-тѣмъ Гверильясы набѣдничаютъ по всѣмъ дорогамъ, и нападали, хотя само собою разумѣется безъ успѣха, даже и на сильныя колонны генераловъ *Кадвалладера* и *Паллива*, бывшихъ на маршѣ изъ Вера-Круса въ Пуэблу. Экспедиція коммодора *Перси* заняла безъ большаго сопротивленія Табаско. — По извѣстіямъ изъ Тампико, тамъ ожидали нападенія на городъ Урреа. — Генераль *Тейлоръ* все еще стоялъ около Монтерея и тоже ждалъ обещаннаго ему подкрѣпленія въ 10,000 человекъ. Полковникъ *Донцифанъ* съ своимъ корпусомъ прибылъ наконецъ въ Санъ-Луи де Потози. Говорятъ, что въ Нью-Мексико толпа Мексиканцевъ и Индѣйцевъ разбила небольшой отрядъ американскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ майора *Эдмондсона*.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О Б З О Р Ъ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

Въ газетѣ «Кавказъ» помѣщены слѣдующія извѣстія. «Намъ пишутъ изъ дѣйствующаго отряда въ Дагестанѣ, что во время движенія отъ Гергебиля въ Ходжалъ-Махи, *Шамиль*, который во все время съ высоты горъ смотрѣлъ на всѣ наши дѣйствія, но не смѣлъ ничего предпринять, чтобы насъ беспокоить, послалъ наконецъ нѣсколько сотъ человекъ, которые, съ частію гарнизона Гергебиля, атаковали отрядъ генераль-лейтенанта князя *Аргутинскаго*, прикрывавшаго движеніе всего отряда. Покушеніе сіе неприятелю дорого стоило. Князь *Аргутинскій*, заманивъ его въ удобное мѣсто, между его лѣвыми флангомъ и Казикумскимъ Койсу, внезапно поворотилъ два батальюна и часть милиціи прямо на неприятеля. 1-й батальюнъ Мингрельскаго егерскаго полка, поддержанный 1 батальюномъ Эрванскаго карабинернаго полка, бросился въ штыки, а милиція въ шапки. Неприятель не устоялъ ни минуты, и старался спастись чрезъ рѣку, въ которой многіе утонули. На мѣстѣ осталось много тѣлъ въ полномъ вооруженіи, и охотники Мингрельскаго ба-

талийона захватили одинъ значекъ. Другіе два значка въ виду всего отряда понесены водою вмѣстѣ съ тѣлами убитыхъ, или раненыхъ своихъ всадынковъ.

Отрядъ генераль-лейтенанта князя *Бebutova* занимается укрѣпленіемъ д. Ходжалъ-Махи. Войска расположились на высокихъ мѣстахъ, и холера совершенно ослабла. Главнокомандующій пошелъ съ Самурскимъ отрядомъ на Турчи-Дагъ, выбирая путь по мѣстамъ возвышеннымъ и здоровымъ, дабы при малыхъ переходахъ, войска могли отдохнуть, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ болѣзни. 15-го іюня, въ лагерь, между деревнями Улучуръ и Кумухомъ въ первый разъ, во всемъ отрядѣ, въ продолженіе сутокъ, не было ни одного, совершенно-признаннаго холернаго случая. Въ семь же лагерѣ, присутствіе войскъ дало случай рѣшить самымъ удовлетворительнымъ образомъ важный вопросъ о существованіи въ здѣшнихъ мѣстахъ каменнаго угля. Профессоръ *Абиахъ*, посланный для того изъ Тифлиса еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, нашелъ вѣрные признаки его, и лично донесъ о томъ г. главнокомандующему въ Ходжалъ-Махи. 14 іюня произведены работы командами изъ всѣхъ батальоновъ; добыто нѣсколько сотъ пудовъ разныхъ качествъ совершенно-употребительнаго угля, изъ котораго нѣкоторая часть, по мнѣнію г. *Абиаха*, подходитъ къ антрациту. Открытіе сіе будетъ имѣть самую важную послѣдствія для защиты и спокойствія этого края; ибо по сію пору, совершенный недостатокъ въ топливѣ необходимо удалялъ всѣ наши резервы на всю зиму, и оставлялъ какъ Цудахаръ и Акушу, такъ и все Казikumъское ханство, въ опасности отъ непріятельскихъ набѣговъ и покушеній.

Послѣ удачнаго для насъ дѣла, 12 іюня, въ Малой-Чечнѣ, Ханъ Нуръ-Али пытался еще сдѣлать поискъ на Сунженскую долину и потянулся, 22 іюня, съ довольно сильною партіею къ верховьямъ р. Камбилъевки; но видя готовность генераль-маіора *Нестерова* встрѣтить его съ фронта, и съ другой стороны, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ переправы чрезъ р. Ассу, мятежный Ханъ возвратился въ глубину Чечни, гдѣ собранная имъ партія разошлась.

Послѣ того, генераль-маіоръ *Нестеровъ*, довершивъ на р. Ассу постройку четвертой станицы Сунженскаго казачьяго полка, перешелъ на вершины горъ Малой Кабарды, для водворенія тамъ митой и послѣдней станицы сего полка, близъ урочища Магометъ-Юрта. Окончательное устройство Сунженскаго полка и страхъ, наведенный на горцевъ сими новыми поселенцами, подъ командою поковника *Слытцова*, прочно обезпечилъ важную часть

занятаго нами края и Терскую линію, отъ Екатеринограда до станицъ Гребенскаго казачьяго полка.

Генераль-лейтенантъ *Шварцъ*, вступивъ въ концѣ іюня въ лезгинскія горы и, расположившись на урочищѣ Химрикъ, потребовалъ амаватовъ отъ соседнихъ лезгинскихъ обществъ, въ залогъ будущаго ихъ спокойствія. Получивъ отказъ отъ нѣкоторыхъ селеній, онъ строго ихъ наказалъ, и потомъ двинулся съ лезгинскимъ отрядомъ на урочище Мааль-Раасса, откуда, прикрывая всю плоскость Джаро-Белоканскаго округа, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрожаетъ непріятелю.

Главнокомандующій съ Самурскимъ отрядомъ ожидаетъ на высотахъ Турчидага прекращенія холеры въ долинахъ. Здоровье войскъ въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Кромѣ каменнаго угля, открыто огромное количество наилучшаго торфа на самомъ Турчидагѣ; гдѣ былъ совершенный недостатокъ, теперь изобиліе топлива.

Въ Дагестанскомъ отрядѣ нѣтъ уже холеры. Укрѣпленіе въ селеніи Ходжалъ-Махи приводится къ окончанію.

Эпидемія явилась на Кавказской линіи и ея Владикавказскомъ округѣ. Первою ея жертвою въ Назьчакѣ былъ достойный начальникъ центра сей линіи, генераль-маіоръ *Хлюпинъ*.

Въ Тифлисѣ холера замѣтно уменьшается.»

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 ІЮЛЯ ПО 15 АВГУСТА 1847 ГОДА.

Учрежденія государственныя и губерскія.

Г. статсъ-секретарь Тавѣевъ сообщилъ г. министру юстиціи, что въ слѣдствіе ходатайства нѣкоторыхъ начальствъ объ отданіи старшинства въ чинахъ ео для выслуги установленныхъ сроковъ, лицамъ, награжденнымъ денежными выдачами между временемъ выслуги и самымъ производствомъ въ чинъ, по неполной опредѣлительности существующаго на сей предметъ узаконенія, возникъ въ инспекторскомъ департаментѣ гражданскаго вѣдомства, вопросъ: слѣдуетъ ли считать денежные награды препятствіемъ къ отданію полного старшинства при производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ, или отнести оныя къ катего-

ринъ тѣхъ награды, по которымъ никакого вычета изъ срока выслуги не положено? Въ разрѣшеніе сего вопроса, г. статсъ-секретарь Танъевъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго Государя Императора указація, и Его Величеству благоугодно было повелѣть ему вопросъ сей передать на предварительное заключеніе завѣдывающаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, который нынѣ въ отзывѣ своемъ изъяснилъ: что хотя статья 521-я III т. св. зак. гражд. (по силѣ которой лица, награжденныя обыкновенными подарками и одновременно денежными выдачами въ промежутокъ времени между выслугою на чинъ и производствомъ въ оный, изъяты изъ общаго, въ тойже статьѣ изображеннаго правила о наградахъ, препятствующихъ отданію старшинства въ чинѣ со дня выслуги) и замѣчена Высочайше утвержденнымъ 12 сентября 1846 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, внесеннымъ въ изданное нынѣ VIII продолженіе свода, которымъ именно воспрещается представлять получившихъ за выслугу лѣтъ чины къ наградамъ, прежде истеченія годичнаго послѣ дѣйствительной выслуги срока; но какъ между тѣмъ, ни въ мнѣніи томъ, ни въ другихъ постановленіяхъ, нѣтъ правила, чтобы чиновникъ, получившій въ теченіе означеннаго времени какую-либо награду, терялъ чрезъ то право на старшинство, опредѣляемое по общему закону со дня выслуги установленныхъ сроковъ, то на семъ основаніи, и принявъ сверхъ того на видъ, что означенное ограниченіе относится лишь къ праву начальствъ въ представленіи къ наградамъ, статсъ-секретарь, баронъ Корфъ, полагаетъ, что при производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ лицъ, получившихъ въ недавнемъ времени не только награды денежныя, но даже и всякія другія, какой бы ни былъ поводъ или путь пожалованія оныхъ, награды сіи не представляютъ, въ разумѣ существующихъ нынѣ законовъ, никакого препятствія къ отданію такимъ лицамъ заслуженнаго ими, при соблюденіи прочихъ условій, старшинства. Таковое мнѣніе по сему предмету члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря барона Корфа, Его Императорское Величество Высочайше утвердить изволило.

Учрежденія губерскія и уставы казеннаго управленія.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе г. председателя комитета государственнаго коннозаводства о порядкѣ рассмотрѣнія въ судебныхъ мѣстахъ дѣлъ, касающихся интересовъ коннозаводскаго вѣдомства, мнѣніемъ, Высочайше утверж-

деннымъ 23 іюня 1847 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить, чтобы судебныя мѣста первой и второй инстанціи приговоры свои по дѣламъ, касающимся интересовъ коннозаводскаго вѣдомства, сообщали коннозаводскимъ окружнымъ правленіямъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какой наблюдается въ отношеніи къ палатамъ государственныхъ имуществъ.

Уставы казеннаго управленія.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, относительно вычетовъ, которые слѣдуетъ производить у чиновниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ долѣе 29-ти дней, мнѣніемъ Высочайше утвержденнымъ 2 іюня 1847 года, положило: въ поясненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить: 1.) При увольненіи въ отпускъ чиновъ гражданского вѣдомства, на время свыше 29 дней, удерживать у нихъ какъ опредѣленное штатами, такъ и производимое по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, содержаніе, подъ какимъ бы наименованіемъ оно ни назначалось, кромѣ однако получаемыхъ на службѣ пенсіоновъ, арендныхъ и квартирныхъ денегъ, и не требуя при томъ возврата выданныхъ, прежде увольненія въ отпускъ, впередъ за одинъ мѣсяць, столовыхъ денегъ. 2.) Если увольняемый въ отпускъ чиновникъ получаетъ содержаніе по двумъ или болѣе должностямъ, то вычетъ, на вышеназоченномъ основаніи, производить по всемъ занимаемымъ имъ должностямъ. 3.) Существующія узаконенія, которыми для производства разнородныхъ окладовъ назначены, по особымъ уваженіямъ, положительные сроки, оставить и впредь въ своей силѣ. 4.) Удерживаемая за время отпуска деньги передавать, по содержанію 610 статьи устава о пошлинахъ (св. зак. тома V), въ уѣзныя казначейства, для причисленія къ общимъ государственнымъ доходамъ, кромѣ тѣхъ только вычетовъ, которые, по опредѣленнымъ въ законахъ правиламъ, подлежатъ отчисленію въ особія суммы, или экономическіе капиталы, и 5.) Постановляемая по настоящему предмету правила относятся собственно до отпусковъ, закономъ дозволенныхъ, которые, на основаніи 1146-й статьи уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III), болѣе 4-хъ мѣсяцевъ продолжаться не могутъ; увольненіе же на сроки долѣе сего времени зависитъ исключительно отъ Его Императорскаго Величества; при чемъ, согласно

съ Высочайшею волею, дѣлаются распоряженія и на счетъ получаемого увольняемымъ содержанія.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе завѣдывающаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, о назначеніи взысканій за несоблюденіе Высочайше утвержденныхъ, 25-го ноября 1846 года, правилъ о помѣщичьихъ лѣсахъ въ с. петербургскомъ и царскосельскомъ уѣздахъ, *мнѣніемъ положила*, къ Высочайше утвержденному, 25 ноября 1846 года, мнѣнію государственнаго совѣта присовокупить слѣдующее дополненіе: 1) Если, вопреки постановленіямъ ст. 662, устава лѣснаго, распространенной мнѣніемъ государственнаго совѣта 25 ноября 1846 года на помѣщичьи лѣсныя дачи с. петербургскаго и царскосельскаго уѣздовъ, кто либо изъ владѣльцевъ сихъ дачъ, за всѣми напоминаніями и увѣженіями со стороны предводителей дворянства, не будетъ лѣсныхъ своихъ дачъ содержать въ предписанномъ означенною статьею порядкѣ, то въ семъ случаѣ такой владѣлецъ подвергается взысканію отъ 25-ти до 50-ти рублей. 2) На томъ же основаніи, если владѣльцы сіи не будутъ имѣть при лѣсныхъ своихъ дачахъ положенныхъ особыхъ сторожей, взыскивается съ нихъ за каждый день, въ который дача оставлена будетъ безъ означенныхъ сторожей, по 30-ти коп., начиная сіе взысканіе съ того времени, когда неисполняющему обязанности своей владѣльцу слѣдано было отъ уѣзднаго предводителя дворянства напоминаніе объ имѣнннхъ лѣсныхъ сторожахъ, и продолжая оное до тѣхъ поръ, пока сторожа сіи будутъ опредѣлены. Таковое мнѣніе Высочайше утверждено 23 іюня 1847 года.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ относительно приготовленія сигаръ въ домашнихъ заведеніяхъ и продажъ оныхъ, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 30-го іюня 1847 года, *положила*: допущенное во 2-мъ примѣчаніи къ ст. 24-й устава объ акцизѣ съ табаку (Св. Зак. т. V. продолженіе II), въ видѣ опыта, на четыре года, разрѣшеніе мѣщанамъ и другимъ лицамъ, торгующимъ по свидѣльствамъ 4-го рода, готовить въ домашнихъ ихъ заведеніяхъ сигары изъ табаку русскаго произрастенія, и продавать собственно въ табачныхъ лавочкахъ, не только выдѣлавныя на тѣхъ заведеніяхъ сигары, но и покупаемыя съ другихъ русскихъ табачныхъ фабрикъ, оставить, по минованіи упомянутого срока, и ввѣдь въ своей силѣ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о податяхъ съ иностранныхъ мастеровъ въ С.-Петербургѣ, *мнѣніемъ*, Высочайше-утвержденнымъ 7-го іюля 1847 года, *положила*: въ замѣвъ примѣчанія къ 658-й ст. Устава о податяхъ (Св. Зак. т. V. Продолж. II-е) постановить: С.-петербургской ремесленной управѣ, при раскладкѣ податей съ иностранныхъ мастеровъ, дозволяется распределять оныя не на три класса, какъ сіе постановлено въ статьѣ 658-й, а облагать мастеровъ, по соображенію состоянія ихъ, сколько каждому платитъ возможно, начиная съ самаго малаго и постепенно доводя до установленнаго высшаго оклада, по сорока три рубля серебромъ, съ тѣмъ однако-же, чтобы общая сумма сбора, слѣдующая ко взносу въ казну со всѣхъ мастеровъ, равнялась сбору по двадцати девяти рублей съ мастера, и чтобы равноѣрно была обеспечена назначенная, по статьѣ 660-й, добавочная плата на пополненіе казеннаго сбора и на вспоможеніе мастерамъ.

Законы о состояніяхъ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената объ оставленіи въ помѣщичьемъ окладѣ, впродъ до ревизіи, крѣпостныхъ людей, получающихъ свободу за продажу ихъ отдѣльно отъ семействъ, *мнѣніемъ*, Высочайше-утвержденнымъ 23-го іюня 1847 года, *положила*: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить, что изложенное въ статьѣ 1085-й зак. о сост. (т. IX.) правило, по которому крѣпостные люди, получающіе свободу отъ помѣщичьяго владѣнія, по неправильной передачѣ ихъ лицамъ, неимѣющимъ дворянскаго права, изъ помѣщичьяго оклада до будущей ревизіи не исключаются, и въ платежѣ податей за нихъ по прежнему званію отвѣчаютъ собственно сіи помѣщики и мнѣнія, къ коимъ означенные люди были приписаны, распространяется и на тѣхъ крѣпостныхъ людей, которымъ предоставлено будетъ свобода отъ помѣщичьяго владѣнія за продажу ихъ съ раздробленіемъ семействъ.

Уставы казеннаго управленія и законы уголовные.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о наказаніяхъ за контрабанду вооруженною рукою, мнѣніемъ, Высочайше-утвержденнымъ 23-го іюня 1847 го-

да, положилъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей устава таможеннаго и книги 2-й т. XV. св. зак., постановить: 1) Военные суды по дѣламъ о тайномъ на прусской границѣ провозѣ товаровъ, при коемъ оказано соединенное съ насиліемъ, или хотя безъ насилія, но дѣйствительное сопротивленіе поимщикамъ, приговариваютъ каждаго изъ контрабандировъ и ихъ соучастниковъ, виновныхъ въ сопротивленіи, равно и захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, или и безъ оного, но изъ толпы, оказавшей буйство противу стражи и назначенныхъ въ помощь оной воинскихъ командъ или земской полиціи, къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 284-й, 285-й и 289-й уложенія о наказаніяхъ для зачинщиковъ или главныхъ злоумышленниковъ въ возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ. Но если при самомъ производствѣ слѣдствія и суда, зачинщики и главные злоумышленники будутъ открыты и изблечены, то всѣ прочіе, съ ними захваченные, приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 287-й ст. уложенія для участниковъ, сообщниковъ и пособниковъ сихъ злоумышленниковъ. 2) Военные суды по упомянутымъ дѣламъ на прусской границѣ, составляемые изъ чиновъ внутренней стражи, пополамъ съ членами уѣздныхъ судовъ, гдѣ происшествіе случилось, обязаны дѣла о буйствахъ контрабандировъ рѣшать немедленно, и приговоры свои представлять гражданскимъ губернаторамъ. По утвержденіи ими сихъ приговоровъ, оныя приводятся въ исполненіе безотлагательно, въ томъ самомъ мѣстѣ или городѣ, въ коемъ или близъ коего преступленіе учинено. Но въ случаѣ приежденія къ тѣлесному наказанію или къ ссылке въ Сибирь болѣе 9-ти человекъ, приговоры военныхъ судовъ вносятся, съ мнѣніемъ главныхъ начальниковъ губерній, къ министру финансовъ, для представленія въ комитетъ гг. министровъ.

Законы уголовныя.

Государственный Совѣтъ, по рассмотрѣніи дѣла объ одномъ чиновникѣ, составившемъ для себя фальшивый паспортъ, коимъ онъ не успѣлъ воспользоваться по не зависѣвшему отъ него обстоятельству, остановился на предположеніи суда облегчить мѣру слѣдующаго виновному по закону (1210-й ст. улож.) наказанія, въ томъ уваженіи, что онъ сдѣлалъ подлогъ по крайней бѣдности, которая, по 7-му п. 140-й ст. улож., принадлежитъ къ числу обстоятельствъ, уменьшающихъ вину и наказаніе. Съ своей стороны Государственный совѣтъ, вникая въ

точный смыслъ означеннаго закона, въ которомъ условіе ослабленія вины и наказанія изложено слѣдующимъ образомъ: «если виновный учинилъ преступленіе единственно по крайности и совершенному неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ»,—находитъ, что условіе сіе надлежитъ прилагать къ преступленіямъ съ крайнею разборчивостію и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, какъ напримѣръ: когда кто-либо, лишась средствъ къ пропитанію себя работою, покусился въ крайности своего положенія на воровство-кражу собственнo для своего прокормленія; ибо въ противномъ случаѣ распространеніе сего условія на нынѣ преступленія важнѣйшаго рода, будучи въ противурѣчій съ самою цѣлью закона, имѣло-бы вредное вліяніе на нравственность народную. Въ настоящемъ дѣлѣ подсудимый самъ объяснилъ покушеніе свое на подложное составленіе для себя паспорта крайностію, въ коей онъ находился по удаленіи отъ должности, не успѣвъ сдать бывшихъ въ его производствѣ дѣлъ; но прямою причиною такого положенія его было, какъ видно изъ дѣла, верадѣніе его по службѣ и безпечность о скорѣйшемъ, по случаѣ дѣла, приобрѣтеніи занятій другаго рода. При такихъ обстоятельствахъ мѣра наказанія за покушеніе на преступленіе, остановленное не по собственній волѣ подсудимаго, должна быть опредѣлена по точной силѣ 120-й ст. улож. одною только степенью ниже противъ наказанія, положеннаго за самое преступленіе въ ст. 1210-й, а за ненахожденіемъ въ сей статьѣ нисшей мѣры наказанія, съ переходомъ, на основаніи 154-й ст., къ слѣдующему, по порядку, роду наказанія, надлежитъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, приговорить подсудимаго къ облегчителному наказанію въ высшей мѣрѣ оного. По симъ соображеніямъ состоялось мнѣніе государственнаго совѣта, удостоенное Высочайшаго утвержденія.

Правительственныя распоряженія.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правилахъ допущенія къ слушанію университетскихъ лекцій, *мыслимъ*, Высочайше утвержденнымъ 16-го іюня 1847 года, *положилъ*, въ измѣненіе ст. 15-й положенія 6-го апрѣля 1844 г. о производствѣ въ ученыя степени, постановить: 1) Разрядъ частныхъ слушателей на будущее время упразднится. Лицамъ, посѣщающимъ нынѣ университетскія лекціи въ качествѣ такихъ слушателей, дозволяется окончить начатый ими курсъ на прежнемъ основаніи. 2) Слу-

жашіе и отставные чиновники, равно лица всѣхъ свободныхъ состояній, если по роду занятій ихъ имѣютъ желаніе приобрести спеціальныя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, допускаются къ посѣщенію университетскихъ лекцій, съ разрѣшенія ректора, которому они предъявляютъ на сей конецъ документы о своемъ происхожденіи, а служащіе, дозволеніе своего начальства слушать университетское преподаваніе. 3) Посѣщающіе на семъ основаніи лекціи университета могутъ, если пожелаютъ, подвергнуться испытаніямъ, или на ученую степень, по ст. 5-й положенія 6-го апрѣля 1844 г., или, буде они по прохожденію своему имѣютъ право на вступленіе въ службу, либо въ оной уже состоятъ, то по ст. 85-й уст. о службѣ по опредѣленію отъ прав. (св. зак. т. III.) для полученія ученаго аттестата на причисленіе къ первому разряду гражданскихъ чиновниковъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями прошенія правленія общества царскосельской желѣзной дороги, о дозволеніи дороге эту продолжить до Гатчины, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Предоставить обществу продолженіе предполагаемой дороги до Гатчины произвестъ по представленному при упомянутомъ прошеніи проекту, который Его Величество изволилъ утвердить. 2) Дозволить обществу нечисленную на продолженіе упомянутой желѣзной дороги сумму, 875 т. р. сер., собрать выпускомъ, въ дополненіе къ имѣющимся 17500 акціямъ царскосельской дороги, еще такового-же числа акцій, по 50 руб. сер. за каждую. 3) Предоставить обществу, по сооруженіи Царскосельско-Гатчинской желѣзной дороги, всѣ тѣ права и преимуществъ, которыя были дарованы обществу положеніемъ 21 марта 1836 г. при сооруженіи царскосельской желѣзной дороги.

Государь Императоръ, обративъ вниманіе, что протестантскія консисторіи, (кромѣ городовыхъ, т. е. рижской и ревельской), доселѣ именовются провинціальными, тогда какъ имперія давно раздѣлена на губерніи, — Высочайше повелѣть изволилъ именовать означенныя консисторіи, вмѣсто провинціальныхъ, только названіемъ той мѣстности, гдѣ оныя находятся.

Государь Императоръ, по ходатайству Его Императорскаго Высочества, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній,

Высочайше повелѣть соизволилъ: изложенное въ §§ 31-мъ и 32-мъ Высочайше-утвержденныхъ 1-го января 1845 года правилъ, дѣйствіе временныхъ до 1-го сентября 1847 года изятій, по предмету опредѣленія малолѣтнихъ дворянъ въ кадетскіе корпуса, отсрочить еще на годъ, то-есть до 1-го сентября 1848 года.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ.

Юня 28. Исправляющій должность военнаго губернатора г. Тулы и тульского гражданскаго губернатора, генераль-майоръ *Муравьевъ*, а также состоящіе въ должностяхъ начальниковъ губерній: пркутской и псковской, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Пятницкій* и *Черкасовъ*, рязанской, костромской и саратовской, статскіе совѣтники: *Кожинъ*, *Григорьевъ* и *Кожениковъ*, утверждены въ востоящихъ должностяхъ, съ производствомъ по дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ. Юля 1. Утвержденъ въ должности волынскаго губернскаго предводителя дворянства, состоящій донынѣ въ семь званій, надворный совѣтникъ *Вобрь*, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. — Юля 17. тыльскаго егерскаго полка полковникъ *Волоцкий* 1-й, пожалованъ въ генераль-майоры, съ состояніемъ по арміи, и повелѣно ему быть ставропольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. — Юля 20. Состоящій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ *Катакази*, назначенъ присутствующимъ въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ и въ вѣдомствѣ того министерства.

Увольненіе отъ должности или службы.

Юля 8. Отъ должности: члена корреспондента спеціальной комисіи коннозаводства, почетный почетитель орловской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Зиновьевъ*, съ оставленіемъ въ сей послѣдней должности. Отъ службы: юля 10, IV отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи старшій чиновникъ, статскій совѣтникъ *Савичъ*. — Юля 15, сенаторъ, генераль-лейтенантъ *Лисаревъ*, по прошенію. — Юля 22, по прошеніямъ: виленакаго дворянскаго института врачъ, статскій совѣтникъ *Врублевскій*, съ чинномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ. — С. петербургскаго университета ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Сеиковскій*, съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ.

Перемьщениа по службѣ.

Юля 24. Канцелярн оберъ-прокура святѣйшаго синода начальникъ отдѣленія, стат. совѣтн. Гебгардтъ, переведенъ въ IV отдѣленіе собственной Е. И. В. канцелярн старшимъ чиновникомъ. —

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Юня 30. Графиня Ольга Александровна Орлова и баронесса Сесилія Владиславовна Фредериксъ, пожалованы въ статсъ-дамы къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Правнука генералиссимуса князя италійскаго, графа Суворова Римникскаго, дѣвнца Елена Башмакова, — и дѣвнцы: баронесса Паулина Розенъ, — княжна Евдокія Горчакова, — княжна Прасковья Хилкова — и графиня Анна Гендрикова, — пожалованы во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕНЫ:

ВЪ ТАЙНЫЕ СОВѢТНИКИ.

Юля 1. Товарищъ статсъ-секретаря и директоръ инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ, Ковальковъ, — съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ.

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

(за выслугу лѣтъ).

Юля 6. Управляющій владимірекою конторою Барыковъ, — Юля 8. Главнаго казначейства, члены правленія: Корчаковскій и Филипповъ. Юля 10. Губернскіе казначей палатъ: орловской Родионовъ, виленской Карагановичъ и архангельской Титовъ. Второга департамента министерства государственнаго имущества: первый люстраціонной инспекціи инспекторъ Видау. — Юля 13. Департамента вѣшной торговли чиновникъ особыхъ порученій VI класса Гаенфельдъ и начальникъ архангельскаго таможеннаго округа Ушаковъ. — Юля 16. Казенныхъ палатъ совѣтники: тверской Лате и псковской Демьяновичъ. — Юля 20. Сост. въ числѣ чиновниковъ почтоваго департамента Фроловъ и московскаго почтамта старшій цензоръ Горлицынъ. — Юля 22. Нижегородской губерніи вице-губернаторъ Пановъ — и тамошняго губернскаго правленія старшій совѣтникъ, камеръ-юнкеръ

Григорьевъ. — Юля 23. Дерптской гимназіи врачъ, докторъ медицины Фробенъ. — Юля 26. М. г. н. лѣснаго департамента: начальникъ отдѣленія Пуговинъ. — Межевое корпуса старшій членъ канцелярн Есиповъ. — Юля 27. Чиновникъ особыхъ порученій при особой канцелярн министра иностранныхъ дѣлъ Юкинъ, генеральный консулъ въ Адрианополѣ Ващенко и начальникъ отдѣленія въ департаментѣ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ Бороздинъ.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА I-Й СТЕПЕНИ.

Юля 1. Статсъ-секретарь, управляющій 1-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцелярн, тайный совѣтникъ, сенаторъ Таньевъ.

АЛМАЗНЫХЪ ЗНАКОВЪ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Юля 1. Духовникъ, отецъ протопресвитеръ Музовской.

СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Юля 1. Тайный совѣтникъ, сенаторъ Акшифовъ. — Тайный совѣтникъ Блокъ.

ВЪЛАГО ОРЛА.

Юня 14. Главноуправляющій французскимъ банкомъ графъ д'Аргу. — Юля 1. Тайный совѣтникъ, сенаторъ Полуденскій.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 2-Й СТЕПЕНИ.

Юля 1. Тайный Совѣтникъ Шамбо. — Статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Гофманъ.

СВ. СТАНИСЛАВА I-Й СТЕПЕНИ.

Юня 25. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Отто. — Юня 28. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, московскій вице-губернаторъ, въ званіи камергера Новосильцовъ. — Генераль-майоръ, исправляющій должность военнаго губернатора г. Житомира и волынскій гражданскій губернаторъ, Каменскій.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 3-Й СТЕПЕНИ.

Мая 30. Гродненскій гражд. губернаторъ, дѣйст. стат. совѣтн. Васковъ. Старшій врачъ больницы всѣхъ скорбящихъ докторъ медицинскій стат. совѣтн. Герцогъ. Юня 6. Штабъ-докторъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, дѣйст. стат. совѣтн. Шнилевскій, главный докторъ ревельскаго военнаго госпиталя стат.

совѣтн. *Бейеръ* и помощникъ главнаго доктора московскаго военнаго госпиталя стат. совѣтн. *Виноградовъ*, директоръ наволодской казенной суконной фабрики, дѣйст. стат. совѣтн. князь *Грузинскій*; нач. отд. департ. внутр. сношеній мин. иностр. дѣлъ стат. совѣтн. *Святскій*, чиновники морскаго министерства, статскіе совѣтники: правитель канцеляріи главнаго медицинскаго управленія *Гуслистый*, начальники отдѣленій, департаментовъ: строительнаго *Ждановичъ* и корабельныхъ дѣловъ *Острогоградскій* и канцеляріи морскаго министерства, кол. совѣтн. *Григорьевъ*. Юня 7. Помощникъ главноуправляющаго французскимъ банкомъ *Верну*. Юня 25. Командующій Навагинскимъ пѣхотнымъ полкомъ, полковникъ, баронъ *Вревскій 2-й*.

СВ. ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ, СЪ ВАНТОМЪ.

Юня 22. Мехтулинскаго владѣнія подпоручикъ *Шахма-Бекъ Тахмасханъ-Бекъ-Оглы*. Юня 25. Маіоры: Навагинскаго пѣхотнаго полка *Лукомскій* и оберъ-вагенмейстеръ 20-й пѣхотной дивизіи 11-й фуштатской бригады *Роговскій* и дивизионаго штаба квартирмейстеръ 20-й пѣхотной дивизіи генеральнаго штаба капитанъ *Колодцовъ*. Юня 29. Командиръ Черноморскаго линейнаго № 3-го баталіона сост. по арміи маіоръ *Тессенъ* и Баллавласкаго греческаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Стамати*.

СВ. ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ БЕЗЪ ВАНТА.

Юля 1. Состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ: принцъ *Албертъ Прускомъ*, адъютанты: ротмистръ *фонъ-Мантейфель*, и капитанъ *фонъ-Равенъ* и при принцѣ *Фридрихъ нидерландскомъ*: адъютантъ, ротмистръ *фонъ-деръ-Динъ* и секретарь *фанъ-Оттерло*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ, ДЛЯ НОШЕНІЯ НА ШЕѢ.

Юня 24. Золотою, съ надписью: за усердіе, на аннинской лентѣ: завѣдывающій гимнастическими упражненіями нижнихъ чиновъ с. петербургской полиціи, французскій подданный *Ру*, и Шуленгъ 4-го Чернорутскаго рода ленскаго бурятскаго вѣдомства *Бахаруй Кужиковъ*. Золотою, съ надписью: за полезное, на аннинской лентѣ, вольный штурманъ россійско-американской компаніи *Михаилъ Гоманъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Пухъ волосъ твоихъ такъ молодъ,
 Лѣто пышетъ на щекахъ;
 А на сердцѣ зимній холодъ,
 И морозъ въ твоихъ рѣчахъ.

Время все измѣнить это,
 Вотъ увидишь ты сама:
 Въ жаркомъ сердцахъ будетъ лѣто,
 На лицѣ твоемъ зима.

Ж. М...ъ.

=

КЪ МАЛЬТѢ.

Тамъ, тамъ, гдѣ вѣчно дышетъ лѣто,
 Гдѣ днемъ пылаетъ солнца зной,
 Гдѣ дѣвы юныя съ фальдетой
 Гуляютъ лунною порой;

Гдѣ вѣтерокъ надъ влагой сонной,
 Съ прохладой утреннихъ часовъ,
 Разноситъ ароматъ лимонный
 И нѣжный запахъ отъ цвѣтовъ;

Гдѣ какъ невѣста ликъ природы,
 Гдѣ лѣтомъ нѣтъ вечерней мглы,
 Гдѣ съ ласкою младенца воды
 Лобзаютъ берегъ и скалы:

Тамъ зрѣлъ я городъ величавый,
 Съ его воинственной красой,
 Отколь, на звукъ призывной славы,
 Сидѣли рыцари толпой.

Гдѣ не сверкали грозны брони?
 Гдѣ кости въ прахъ ихъ не легли?
 Въ какихъ мѣстахъ, степные кони
 Героевъ Мальты не несли?

Но стихъ въ вѣнахъ ихъ шумъ сраженій,
 Дворцы ихъ мохъ и плющъ обвилъ,
 И дѣлъ великихъ мощный геній
 Въ слезахъ мечъ славы притупилъ.

Въ объятыхъ нѣги и забавы,
 Потухъ жаръ битвъ въ младыхъ сынахъ,
 И вѣтъ флагъ другой державы
 На ихъ прославленныхъ стѣнахъ.

Ж. М...

=

ДВА ЪЗДОКА.

Въ какомъ-то городѣ отличный жилъ Ъздокъ;
 Всѣ жители его искусству удивлялись,
 И всѣ его конемъ прекраснымъ любовались.
 «Постой, любезнѣйшій! Дай срокъ!»

Сказалъ сосѣдъ Антипъ, который жилъ съ нимъ рядомъ
И втайнѣ завистью ужъ мучился давно.
«Не хвастай ты конемъ, искусствомъ и вариадомъ,
я спеси пособью съ тебя! Вотъ что оно!
Проѣду я и самъ, да такъ, что всѣ лишь ахнутъ,
А ѣздки отъ зависти зачакнутъ.»

Антипъ имѣлъ осла,
Который огроду не выдывалъ сѣдла.
Онъ осѣдлалъ его, и самъ принарядился,
И, подбоченнвшисъ, съ двора рысцою пустился;
Но вотъ, оселъ пошелъ ужъ и въ талонъ,

Нагнувъ къ землѣ свой лобъ,
Потомъ онъ замоталъ нелѣпо головою,
Хвостъ поднялъ и лягулъ ногою,
А въ слѣдъ за тѣмъ двумя замахнулъ.
«Держите, батюшки, держите! Караулъ!»
Кричитъ Антипъ. «Совсѣмъ набѣжлася скотина!»
Тѣмъ кончилась ѣзда, что въ грязь слетѣлъ дѣтина.

Коня не замѣнить осломъ,
Какъ завистью и хвастовствомъ
Не замѣнить познанья,
Ума и дарованья.

Всѣ это говорятъ. Что жъ видимъ мы въ дѣлахъ?
Вездѣ встрѣчаешь тѣмъ Антиповъ на ослахъ!

Ж. Абрамштинъ.

РОСТОВЩИКЪ и ЧОРТЪ.

Какой-то грѣшникъ деньги крадъ,
И взятки непомѣрно бралъ;
Заемщики ему платили роста
Лишь по сту, а не больше, со ста.
Чтобъ обсчитать кого-нибудь и обмануть,
Онъ былъ готовъ разъ десять присягнуть.
Честь, совѣсть, стыдъ считалъ онъ старымъ вздоромъ,
Однакожъ называть его не смѣли воромъ,
Напротивъ, онъ лишь былъ солидный человекъ,
Постигшій и прогрессъ и позитивный вѣкъ.
Вѣдь не таскалъ онъ, изъ чужихъ кармановъ,
Ни табакерокъ, ни платковъ;
Прилраться не къ чему. Вотъ, былъ каковъ
Покойникъ Карпъ Ильичъ Капкановъ.

Одинъ лишь онъ знавалъ своимъ денженкамъ счетъ.
Онъ не моталъ, былъ скупъ и велъ себя степенно;
Получить что-нибудь, и завтражъ, непременно,
На неизвѣстнаго кладежъ.
Изволь узнать, такимъ манеромъ,
Что онъ давно миллионеромъ.
Разъ Карпъ Ильичъ сидѣлъ одинъ,
Противъ камина, въ кабинетѣ,
Зѣвалъ и размышлялъ все суета на свѣтѣ!
Вдругъ входитъ въ кабинетъ какой-то господинъ.

«Что вамъ угодно?

Не денегъ ли просить пришли займы?

Копѣйки вѣтъ теперь свободной!

Притомъ же незнакомы мы.»

— Ну полноте шутить съ старинными друзьями.

«Ага! я вижу, что вы шутъ;

Я никогда знакомымъ не былъ съ вами,
Не знаю и того, какъ даже васъ зовуть..

— На *неизвѣстнаю* вы деньги ваши клали?

Не такъ ли?... *Неизвѣстный* — я!

И мы, какъ я сказалъ, старинные друзья.

Вѣдь вашъ весь капиталъ вы для меня накрали.

«Какъ! Чтò?» — Да такъ! Вы благодѣтель мой!

«Я васъ, сударь, велю прогнать съ двора метлой!

Да какъ вы смѣете?... Велю стащить васъ въ будку!»

— Вы, вижу, сердитесь не въ шутку,

А, право, не зачто! Позвольте васъ обнять,

Подцѣловать и попенять,

Что забываете друзей, и къ нимъ суровы.

Прощайте! — Нѣтъ! я не пушу васъ! Кто вы?

Извольте вашу мнѣ фамилію сказать!

— Съ охотою готовъ васъ этимъ обязать;

Я... чортъ... За тѣмъ, мое почтенье!

Капкановъ, струсивъ, впасть въ большое изумленье,

А чортъ расшаркался, разклавяся, и въ дверь.

Тутъ Карпъ Ильичъ на креслахъ потянулся,

И вдругъ проснулся.

«Какой преглуный сонъ!» сказалъ: «Вотъ, снамъ-то вѣрь!»

Ж. Масаляскій.

ДОЧЬ ШУТА.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

УБѢЖИЩЕ ВЪ ЛѢСУ.

Весеннее солнце грѣло землю, упитанную разстаявшимъ снѣгомъ; теплый богатый вѣтерокъ стряхнулъ съ деревьевъ иней; свѣтлозеленый бархатъ начиналъ покрывать землю.

Въ Киевской губерніи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Климовскаго посада, въ глубинѣ дремучаго лѣса, находилось на берегу небольшого протока страннаго вида строеніе.

Пространство во сто квадратныхъ сажень было со всѣхъ сторонъ ограждено досчатымъ заборомъ; на разстояніи одной сажени отъ внутренней стороны забора тянулось длинное,

низкое строение, съ маленькими окнами, на сажень отдаленными одно отъ другаго; посреди двора стояла бревенчатая часовня, на остроконечной досчатой кровлѣ которой высился золоченый осьмиконечный крестъ. По бокамъ забора были широкія ворота, а въ сторонѣ, обращенной къ рѣкѣ, нѣсколько кааптокъ, въ равномъ разстояніи одна отъ другой; за часовой, подъ навѣсомъ на деревянныхъ столбахъ, висѣли два колокола, а по другую сторону находился колодець.

Кругомъ этого строенія шумѣлъ густой, дремучій лѣсъ. Типо качивалъ весенній вѣтеръ обнаженные еще сучья вѣковыхъ дубовъ и вѣчно зеленыхъ, но унылыхъ, тоску навдающихъ вѣтви елей и сосенъ. Плотнo ограждалъ лѣсъ уединенную обитель. Вездѣ взоръ встрѣчалъ темную, непроницаемую массу деревъ; рѣчка извилистыми своими терлась въ чащѣ лѣса, и высокія деревья, наклонившись къ ней, ревниво или подобно суровымъ стражамъ, заслоняли узкую природную протѣку. Дорога проходила прямо къ воротамъ, но при самомъ вступленіи въ лѣсъ образовала крутые повороты.

Мѣстоположеніе было самое дикое, пустынное. Казалось, обитатели этого мѣста обрекли себя на вѣчное уединеніе; до того, что было за дремучимъ лѣсомъ, имъ не было дѣла; непроницаемая ограда, закрывавшая отъ глазъ ихъ весь мѣръ, какъ-бы заставляла ихъ возноситься мыслию въ одну только сторону, гдѣ былъ просторъ, гдѣ была безконечная даль, откуда солнце, подобно взору Всевышняго, разливало благодать....

Строеніе, описанное нами, вмѣстало въ себя женскій монастырь и находилось въ зависимости отъ Покровскаго монастыря, вывезеннаго старообрядцами съ Вѣтки.

Для ясности нашего разсказа, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и объяснить читателямъ, что такое *Вѣтка*.

Задолго до вступленія на престолъ Великаго Петра, многіе раскольники, гонимые правительствомъ, или же вслѣдствіе собственныхъ несогласій и раздоровъ, собирали себѣ для жительства самыя уединенныя мѣста въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Россіи, въ мѣстахъ пограничныхъ, дабы въ случаѣ преслѣдованія имъ удобнѣе было укрыться; наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ перешли за границу, и именно въ Польшу.

Тамъ, въ мѣстѣ пана Халецкаго, на островѣ, образован-

номъ рукавомъ рѣки Сожи и называемомъ *Вѣткой*, развился зародышъ секты, впоследствии чрезвычайно сильной, какъ по многочисленности своей, такъ и по упорному фанатизму своихъ послѣдователей. Вѣсть о немъ благочестіи вѣтковцевъ и о благодатной землѣ, на которой они поселились, не замедлила распространиться между всѣми раскольниками, и вскорѣ на Вѣтку стали стекаться со всѣхъ сторонъ раскольники и бродяги, укрывавшіеся отъ строгости законовъ.

Мѣсто, избранное вѣтковцами, весьма благопріятствовало распространенію ея. Хитрые малороссійскіе паны на перерывѣ другъ передъ другомъ стали помогать бѣглецамъ, отводили имъ лучшія земли и всячески приманивали ихъ, надѣясь сдѣлать ихъ впоследствии своими данниками.

Читатели уже знаютъ, что къ нимъ попалъ отче-Лазарь.

Судъ, производившійся надъ нимъ, заставилъ Императрицу Анну Іоанновну обратить вниманіе на вѣтковцевъ, и въ 1733 году, яснымъ манифестомъ, повелѣно имъ было воротиться въ Россію. Безпорядки, возникшіе въ послѣднее время въ Вѣткѣ, заставили Государыню принять рѣшительныя мѣры и разсѣять по разнымъ мѣстамъ людей, вся сила которыхъ состояла въ соединеніи ихъ.

Однакожъ неоднократно повторяемый указъ оставался безъ исполненія до 1735 года. Тогда Императрица, видя такое упорство раскольниковъ, послала въ Вѣтку пять полковъ войска. Муравьиное гнѣздо старообрядцевъ было почти совершенно разорено. Ихъ оказалось болѣе сорока тысячъ душъ. Нѣмыхъ взялъ въ службу, другихъ отдалъ прежнимъ господамъ, третьихъ, людей свободныхъ и болѣе спокойныхъ, оставилъ въ покоѣ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы они воротились въ Россію.

При этомъ случаѣ вѣтковцы просили полковника, которому поручена была эта экспедиція, позволить имъ взять съ собою въ Россію свою Покровскую церковь. Получивъ позволеніе, они разобрали дубовыя бревна, изъ которыхъ она была срублена, сдѣлали изъ нихъ плоты и пустили ихъ внизъ по рѣкѣ Сожѣ. Прочія же части, какъ то иконостасъ, образа и вся прочая церковная утварь, были перевезены сухимъ путемъ.

Въ стародубовскихъ предѣлахъ, въ недалекомъ разстояніи отъ слободы Климовской, построили изгнанные вѣтковцы вновь

свою Покровскую церковь, а въ полуверстѣ отъ нея, также въ лѣсной чащѣ, построили они женскій раскольничій монастырь.

Теперь возвратимся къ нашему разсказу.

Было теплое, мартовское утро. Солнце только-что поднялось изъ-за горизонта и лучи его не успѣли еще проникнуть до раскольничьяго монастыря; только темно-желтоватый полусвѣтъ, замѣнившій снѣговатый почной туманъ, возвѣщалъ о восхожденіи солнца.

Жизнь пробудилась въ длинномъ строеніи, въ которомъ по сторонамъ корридора, проходившаго посрединѣ его и освѣщеннаго сверху маленькими окнами, подбланными въ крышѣ, находились кельи монахинь.

Выходя изъ дверей, находившихся по концамъ длиннаго строенія, гдѣ оно пересѣкалось проѣздами отъ воротъ, монахини, какъ бы по привычкѣ, крестились на всѣ четыре стороны, и обратившись къ часовнѣ, падали ницъ и кланялись земные поклоны; вслѣдъ за тѣмъ онѣ расходились, однѣ къ рѣкѣ мыться или полоскать бѣлье, другія къ колодезю черпать воду, третьи таскали дрова, каждая по своимъ занятіямъ.

Въ это время изъ лѣсу выѣхала телѣга, запряженная высокою, здоровою бурною лошадейю, шедшею шагомъ. Телѣга была тяжело нагружена. На передкѣ сидѣла, спустивъ nogивнизъ, молодая женщина въ черной монашеской одеждѣ; на головѣ у нея была черная круглая шапочка, съ мѣховымъ околышемъ; черное же покрывало, пришитое къ шапочкѣ, было откинуто на одно плечо, втроятно, для того, чтобы монахинѣ было удобнѣе править, и изъ подъ шапочки висѣли космачи бѣлокурые волосы. Трехугольныя черныя четки, съ красными коімами, небрежно висѣли черезъ край телѣги и болтались, ударяясь о колеса.

За этою женщиною сидѣла старуха въ такой же одеждѣ и дремала.

Лишь только монахини, вышедшія изъ своихъ келій, завидѣли телѣгу, какъ всѣ, оставивъ свои занятія, столпились у воротъ, издали привѣтствуя сестеръ и громко выражая свое нетерпѣніе, что однакожь ни мало не дѣйствовало на лошадей, продолжавшую идти тѣмъ же нѣрнымъ, тихимъ шагомъ.

— Здравствуй, Ирина! кричали черницы, когда телѣга въѣ-

жала, наконецъ, на дворъ, и колеса скрыпнули въ послѣдній разъ подъ тяжестью клади.

Молодая женщина скоро соскочила съ телѣги; старуха сошла съ помощію сестеръ. Но ни та, ни другая не могли еще произнести слова, потому что со всѣхъ сторонъ сыпался на нихъ сороговоркой вопросы.

— Ты, кажись, привезла намъ хорошаго гостинца! сказала одна изъ самыхъ любопытныхъ дочерей Эввы, приподнявъ уголокъ ковра, закрывавшаго поклажу.

— Не замай! съ сердцемъ вскричала на нее старуха: разберемъ, такъ и увидишь.

— Экъ, бурко-то нашъ какъ усталъ! Отпряжете его поскорѣе, да на коношню! Вишь, какъ онъ сердешный дышетъ, говорили между тѣмъ другія монахини, лаская бурога коня.

— Куда вы! закричала опять старуха на черницу, припавшихъ уже отпрягать лошадь: экія умницы! Неужто вы не видите, что телѣга стала посередѣ дороги, на самомъ проѣздѣ?... Эхъ вы, простоволосыя!... отведите ее до кладовой, потомъ выпрагайте!... Только, чуръ безъ меня поклажи не трогать! Слышите?... Ирина, не отходи отъ телѣги.

— Да мы и сами не тронемъ, матушка Агаоья, отвѣчали нѣкоторые изъ черницъ.

Матушка Агаоья пользовалась, по видимому, особымъ почетомъ; она принадлежала къ числу заслуженныхъ старницъ монастыря, и всѣ повиновались ей.

Между тѣмъ, какъ однѣ изъ монахинь отпрягали своего бурка, а другія окружили Ирину и, съ жадностію поглядывая на полную телѣгу, разспрашивали ее о разныхъ зачѣсныхъ новостяхъ, Агаоья отвела въ сторону одну изъ сестеръ, красивую, стройную женщину.

— Ну, что новаго, Наталья? спросила старуха.

— Да все по старому, отвѣчала Наталья.

— Какъ бабушка Софья?

— Живетъ еще.

— Гм! живуча больно, сказала старуха злобно, сказавъ и безъ того уже узкія губы такъ, что ихъ вовсе не стало видно.

— Вчера приходила лекарка изъ Митьковки; она говоритъ, что бабушка промается еще денька три.

— Да ужъ она говоритъ это не впервые.

— Теперь, кажись, правду сказала; бабушка чуть дышет. Днем лежить как убитая, а ночью стонетъ; такъ что я сама третью ночь уже не сплю въ своей кельѣ; вѣдь ты знаешь, что она рядомъ съ кельей Софьи.

— Гдѣ же ты спишь? спросила Агаѣя, изъ подлобья посмотрѣвъ на Наталью.

— Да гдѣ придется, отвѣчала она, смѣло смотря ей въ глаза. Да не въ томъ дѣло; а денка черезъ три придется намъ поздравить тебя начальницей.

Старуха сдѣлала гримасу, которая, по видимому, должна была выражать улыбку самодовольствія.

Потомъ она о чемъ-то задумалась, невольно остановивъ взоръ на лицѣ молодой женщины.

— А ты, матушка, счастливо ли ѣздила? спросила послѣдняя.

Старуха махнула рукой.

— Не тѣ времена стали, мать моя! Окрестила шестерыхъ младенцевъ, надъ двумя покойниками разрѣшальныя молитвы читала, а главное подашнѣ собрала на чтеніе псалтыря о здравіи. Нынче люди себѣ на умѣ; что, говорятъ, о покойникахъ хлопотать, лучше о себѣ, о своемъ здравіи позаботиться.... Ну, да ладно, я съ тобой заболталась; пора разобрать поклажу.... чу!... никакъ въ Покровскомъ ужъ къ ранней благовѣстять.... Ахъ, послушай-ка, Наталья, вѣдь я тебѣ гостиницъ привезла.... сама купила, на свои деньги....

— Спасибо, матушка, что не забыла, отвѣчала Наталья, поклонившись.

— Вѣдь я знаю, продолжала старуха улыбаясь, что въ тебѣ не совсѣмъ остыло мірское... Ты любишь принарядиться....

— Эхъ, матушка, вѣдь ты знаешь, что я пришла сюда не волею, а отъ злаго мужа ушла.... отвѣчала молодая женщина, и лице ея внезапно приняло грустное выраженіе.

— Да, да, видала я твоего мужа.... донской козакъ.... бравый, видный молодецъ!

— То-то и горе, что бравый, да видный! Кабы я его не любила, такъ мнѣ бы и горя мало, а то, повѣришь ли, нѣда сердце такъ и зашепчетъ, особливо когда онъ начнетъ просить, чтобы я вернулась къ нему; да нѣтъ! знаю его; недѣлку про-

живемъ, какъ два голубка, а тамъ онъ нападетъ опять на горѣлку, и давай колотить!...

— Да, жалко, жалко.... сказала старуха, слегка поморщившись. Какую жъ я тебѣ душегрѣйку привезла! алую, мать моя, шелковую!...

Лицо Натальи прояснилось.

— Ой-ли? сказала она: ну, спасибо, матушка, я жъ тебѣ сама услужу!...

— Ладно, ладно.... только, знаешь, какъ я тебѣ дамъ душегрѣйку-то, такъ ты ее не развертывай при всѣхъ.... а снеси въ келью.... или нѣтъ, лучше ко мнѣ.... вотъ тебѣ ключъ отъ моего сундука....

— Понимаю, понимаю, сказала Наталья, улыбаясь.

— Что дѣлать, мать моя! продолжала старуха, какъ бы извиняясь: старость одолеваетъ.... нѣда охъ какъ жутко приходится! Надо подкрѣпить себя.... А ужъ что за палвочка, сахарная, мать моя, рябиновая!... Смотри же, снеси осторожно!

И маленькіе сѣрые глаза Агаѣи заблестали при послѣднихъ словахъ.

Наталья кивнула старухѣ головой, и обѣ пошли къ телѣгѣ.

Начался разборъ. Кладъ состояла изъ огромныхъ кусковъ холста и другихъ тканей, а большую частію изъ съѣстныхъ припасовъ.

Въ то самое время, какъ Наталья разговаривала со старухой, изъ дому вышла молодая дѣвушка съ кувшиномъ въ рукахъ.

Въ раскольникѣмъ Казанскомъ монастырѣ было много молодыхъ дѣвушекъ, привезенныхъ туда въ дѣтствѣ родными. Изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ нѣкоторые произносили обѣтъ ищчества, а большая часть выходила за мужъ за слободскихъ раскольниковъ.

Молодая дѣвушка, вышедшая изъ дому, принадлежала, по видимому, къ числу этихъ затворницъ по неволѣ, потому-что носила мірскую крестьянскую одежду. На ней было длинное малиновое платье, украшенное впередъ рядомъ мѣдныхъ, круглыхъ, совершенно бесполезныхъ пуговицъ; коротенькая, синяя шелковая, душегрѣйка или, вѣрнѣе сказать, фуфайка, обшитая по краямъ серебрянымъ галуномъ и еще мѣдными пуговицами, обрисовывала талью ея чуть-чуть не подъ мышками. Темно-ка-

штановые, почти черные волосы ея были гладко расчесаны на обѣ стороны, съ проборомъ въ серединѣ, и сплетены сзади въ одну косу, перевязанную желтыми лентами. Какъ платье, такъ и фуфайка, были безъ рукавовъ, нзъ прорѣзовъ ихъ выходили полные рукава тонкой миткалевой рубашки.

Да не осудитъ слишкомъ строго вкусъ моихъ разборчивыхъ читательницъ этотъ костюмъ. въ которомъ преобладаютъ яркіе, такъ называемые первобытные, чистые цвѣта. Просимъ вспомнить, что вкусъ девятнадцатаго столѣтія далеко ушелъ отъ вкуса восемнадцатаго. Уточенность вкуса не избрѣла тогда еще сомнительныхъ цвѣтовъ, которымъ и названія придумать трудно, и которые совершенно характеризуютъ духъ нашего вѣка. Въ старину были люди добрые и люди злые; теперь все добры и все злы; вездѣ и во всемъ вы встрѣтите—*circonstances atténuantes*, гениальное и вполне соответствующее вѣку изобрѣтеніе повѣйнаго судопроизводства; въ старину каждый радужный цвѣтъ былъ самъ по себѣ, нынче все цвѣта слились, и чѣмъ труднѣе дать этой смѣси какое-нибудь названіе, чѣмъ труднѣе опредѣлить какой это цвѣтъ, тѣмъ онъ *moderne*.

Мы сочли эту небольшую диссертацию необходимою, чтобы наши читательницы не обвинили насъ въ недостаткѣ вкуса, въ томъ мнѣніи, что мы произвольно создали описанный нами костюмъ. Передъ нами лежитъ теперь старинное сочиненіе, въ которомъ авторъ, съ помощію всевозможныхъ цвѣтовъ краснорѣчія, описываетъ подобный парядъ съ такимъ восторгомъ, что въ каждомъ словѣ его слышится какъ-бы прищелкиваніе языкомъ лакомки, послѣ гастрономическаго обѣда.

Молодая дѣвушка была высока ростомъ; къ ней можно было примѣнить сѣверное поэтическое выраженіе «стройна какъ ель» или «сосна», потому-что ей не доставало круглоты, развитія формъ, главнаго признака зрѣлости. Продолговатое лицо ея поражало своею прозрачною бѣлизною, по которой на вискахъ едва замѣтными отблесками проходили спиветатыя жилы; на полныхъ, но неокругленныхъ щекахъ ея рисовался легкій румянецъ, подобный пуху персика, слабо подкрашенною солнечнымъ лучемъ.

Она шла медленно и опустивъ глаза; какъ на лицѣ, такъ и въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ ея, проявлялась болѣзнен-

ная томность. Она шла къ колодцу, а потому непременно должна была пройти мимо Натальи и старухи.

Подойдя къ нимъ, она подняла глаза, черные, выразительные, полные глубокаго чувства!.. И вмигъ вся наружность ея измѣнилась; въ однихъ глазахъ сосредоточивалась вся жизнь этой дѣвушки, и сколько силы, сколько твердости, сколько жизни было въ этой жизни! Съ опущенными глазами она походила на одно изъ тѣхъ блѣдныхъ, болѣзненныхъ существъ, которыхъ маменьки наши вывозятъ на балы потому, что имъ минуло уже пзвѣстное число лѣтъ, хотя переломъ, испытаніе, которому природа подвергаетъ ихъ при переходѣ изъ дѣтства въ зрѣлость, вредятъ процессу природы, останавливаютъ его. Такой образъ воспитанія даритъ блѣдныхъ мужей больными, слабонервными женами, вѣчными страдальцами, и дѣтьми, не переживающими дѣтскаго возраста, а если и переживающими, то вѣчно больными. Мы знаемъ, что на это многіе изъ читательницъ скажутъ, что хороши и мужья, которые достаются имъ въ удѣлъ; на что мы имъ отвѣтимъ, что онѣ совершенно правы, но и то виною близкаго своей собственности оправдывать нельзя. Опять отступленіе — виноваты!..

Перемѣну, происшедшую въ наружности молодой дѣвушки, когда она подняла глаза, можно сравнить съ перемѣною, происходящей во всей природѣ, когда, послѣ пасмурной, дождливой, тоску наводящей погоды, солнечный лучъ прорѣжетъ облака. Во всемъ существѣ ея выразилась женственная самостоятельность, твердая воля и благородная самоуверенность.

— Здравствуй, Елена! сказала Наталья, на лицѣ которой при взглядѣ на приближившуюся молодую дѣвушку выразилось участіе. Куда это ты?

— За водой, отвѣчала Елена, указавъ на кувшинъ.

— Что тебѣ самой трудиться? сказала Наталья: подь силу лп тебѣ поднять бадью изъ колодца? Пойдемъ ко мнѣ, у меня есть еще вода; я подѣлюсь съ тобой. Еще разъ спасибо за душегрѣйку, матушка Агаюль, прибавила она, обратившись къ старухѣ.

— Смотри, не разбей ее! шепнула ей послѣдняя.

— Кого? душегрѣйку-то? спросила Наталья смѣясь.

— Ну, полно зубы-то скалить, возразила старуха съ неудовольствиемъ: вѣдь обѣди еще не отошли!

Старуха отвернулась, а Наталья, продолжая смѣяться, пошла съ молодой дѣвушкой къ кельямъ.

ГЛАВА II.

ДВА ВСАДНИКА.

Въ то самое время, когда происходило вышерасказанное нами, верстахъ въ десяти отъ монастыря ѣхали два всадника.

Дорога шла густымъ лѣсомъ, которымъ была такъ богата старинная Стародубовщина. Обширныя лужи, незасыхавшія, быть можетъ, круглый годъ, по причинѣ болотистаго мѣстоположенія и потому, что до земли никогда не достигалъ солнечный лучъ, безпрестанно перерѣзывали дорогу, что чрезвычайно затруднило путь. Сухія мѣста дороги были изрыты рытвинами, на днѣ которыхъ лежалъ еще снѣгъ. Мѣстами дерево, опрокинутое молніею, оставившее на стволѣ его черныя бороздки, лежало поперекъ дороги, и тогда она образовывала новую извилину, между тѣмъ, какъ обрестности опрокинутаго дерева заросли уже мелкимъ кустарникомъ. Никому не приходило въ голову самое простое средство — поднять дерево, отбросить его въ сторону, и такимъ образомъ прочистить дорогу; въ проѣзжіе останавливались сначала съ изумленіемъ передъ неожиданной преградой, потомъ, почесавъ голову проносили энергическое слово и заворачивали въ сторону, рискуя завязнуть съ телѣгой и лошадей въ болотѣ. Это исторія почти всѣхъ бесконечно извилистыхъ проселочныхъ дорогъ.

Все было тихо; только лѣсъ напѣвалъ свою вѣчно унылую пѣснь, монотонность которой была прерываема пророческимъ голосомъ кукушки или зловѣщимъ карканьемъ ворона.

Всадники ѣхали медленно, удерживая порывы ретивыхъ казачьихъ коней, безпрестанно поднимавшихъ головы, раздувавшихъ поздры и обругавшихъ переднія ноги, какъ бы гото-

вые пуститься во всю скачь. Всадники либо не торопились, либо жалѣли коней, которые по этой дорогѣ легко могли переломить себѣ ноги.

Одинъ изъ всадниковъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, съ откинутымъ краснымъ воротникомъ и красными обшлагами; на головѣ у него была маленькая трехугольная шляпа, безъ всякихъ украшеній; сади, изъ подъ шляпы высѣла косичка. Правая рука была у него на перевязи, и онъ одною лѣвою ловко и привычно управлялъ конемъ.

Ему казалось около двадцати четырехъ лѣтъ. По лицу его было видно, что онъ перенесъ тяжкую болѣзнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по возвращавшемуся здоровому цвѣту его, можно было видѣть, что природа счастливо пересилила недугъ и что силы его быстро восстанавлились. Выраженіе лица этого молодого человѣка отличалось благородствомъ и мужествомъ.

Товарищъ его былъ одинъ съ нимъ лѣтъ, но одѣтъ совершенно иначе; сколько въ костюмѣ перваго было простоты, столько же у послѣдняго было изысканнаго шегольства. Сверхъ ярко-малиноваго шелковаго кафтана, красовалась темносиняго польскаго сукна черкеска съ разрѣзными рукавами, зашпунными за спину и по временамъ развѣвающимся по вѣтру. Кафтанъ былъ опоясанъ парчевымъ поясомъ. Концы широкихъ зеленыхъ шальваръ изъ бумажной матеріи были скрыты въ сафьянныхъ сапогахъ; коротко подстриженные волосы его закрывались шапкой съ бархатнымъ верхомъ, опущенной мѣхомъ. Подбоченясь, онъ съ самодовольствіемъ смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы сожалѣя о томъ, что въ этой пустынѣ не было живой души, передъ которой онъ могъ бы шегольнуть своимъ нарядомъ.

По смуглому лицу, волосамъ, подстриженнымъ въ кружокъ, новыше ушей, длиннымъ усамъ, типической безпечности и хитрости, скрытой подъ видомъ добродушія и простоты, въ немъ не трудно было узнать сына благословенной Малоросіи.

Всадники ѣхали нѣсколько времени молча. Первый о чемъ-то задумался, а второй безпрестанно охорашивался и любовался своимъ нарядомъ.

— А шо, панъ поручикъ, спросилъ шеголь, проихали мы кривой дубъ, али нѣтъ?

Задумчивый молодой человек поднял голову, осмотрелся и отвечал:

— Право, я не заметил.

— О-то не заметив! Как задумовся, пань! Да о чмъ?

— Мало-ли о чем мнѣ думать, пань добродій!... Вѣдь вотъ ужъ скоро третій мѣсяць, какъ я гошу у васъ....

— А что же, перебилъ его щеголь: мы добрымъ гостямъ рады; для нихъ у насъ всегда найдется и корка хлѣба и чарка горилки; стало быть объ этомъ нечего и задумываться!

— Нѣтъ, другъ мой, я не о томъ и задумываюсь. Въ теченіе трехъ почти мѣсяцевъ, я успѣлъ ознакомиться съ вашимъ гостепримствомъ. Сначала, когда меня привезли сюда, тяжело раненнаго, мнѣ было чрезвычайно грустно; сердце мое обливалось кровью, когда товарищи распрощались со мною и сказали мнѣ утѣшительное «до свиданія!» Нѣтъ, не надѣялся я свѣдѣть съ ними, когда смотрѣлъ изъ окна, къ которому меня поднесли, какъ мои товарищи весело удалялись, возвращаясь на родину, оставивъ меня одного, тяжело раненнаго, на чужбинѣ!... И теперь тоска давить мнѣ сердце, какъ вспомню объ этомъ!...

— Такъ зачѣмъ вспоминать? Теперь ты, пань, слава Богу, здоровъ....

— Да, здоровъ, благодаря вашимъ братскимъ попеченіямъ. Только вашей заботливости обязанъ я тѣмъ, что счастливо перенесъ сильную горячку, въ которую я впалъ вслѣдствіе опасной раны и душевной скорби. За то какъ я былъ счастливъ, какъ легко было у меня на-сердцѣ, когда тяжкій недугъ миновался и когда глаза мои опять прозрѣли и съ надеждой стали смотрѣть на мѣръ Божію!... Нѣтъ, друзья мои, никогда не забуду я вашихъ услугъ, и молю Бога даровать мнѣ возможность отблагодарить васъ....

— Что касается до меня, весело отвечалъ щеголь: такъ я довольствуюсь словесной благодарностью и искренно желаю, чтобы тебѣ, пань, не представилась возможность отплатить мнѣ тою-же монетою. Но я все-таки не понимаю, о чемъ ты горюешь?

Молодой человекъ вздохнулъ.

— Я получилъ приказаніе воротиться въ полкъ... сказалъ опять.

— Такъ шо-же?

— И сегодня долженъ ѣхать.... Я и такъ уже промедлилъ полторы недѣли.

— Эка бѣда! Скажи, что ты былъ еще не совсѣмъ здоровъ.... Не вызгутъ.

— Да я не о томъ п безпокоюсь.

— Такъ о чемъ же?

— О томъ, что долженъ ѣхать сегодня.

— А печто тебѣ не охота? Нечто тебѣ поправилось наше житъе? Такъ оставайся у насъ!

Молодой человекъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— Чего! Оставайся, пань поручикъ, мы тебя не выдадимъ.... Отпишемъ, что такой-то, поручикъ Преображенскаго полка, Александръ Благово, Божіею волею помрѣ.... Я самъ напишу, да такъ, что вся ваша ученость въ Питербурхѣ расплачется... А мы тебя полюбили; тебѣ у насъ будетъ хорошо.

— Нѣтъ, благодарю, Пилюкъ (южннй щеголь носилъ это не слншкомъ благозвучное имя), благодарю.... Ты забываешь, что у меня на родинѣ, въ Москвѣ нашей бѣлокаменной, есть мать, сестры, братъ....

— Экъ я, въ самомъ дѣлѣ, вздурнл! сказалъ Пилюкъ, ударивъ себя правою рукою по лбу: вѣдь это все равно, какъ еслибъ ты сталъ звать меня съ собою! Не то, чтобы я не любилъ Москалей... ничего, народъ добрый, да только нашъ братъ, донской *лицарь** моему сердцу ближе!... Такъ что-же, наконецъ, тревожить тебя? прибавилъ онъ, посмотрѣвъ съ лукавой усмѣшкой на молодаго офицера.

— Да я и самъ хорошенько не знаю, отвечалъ тотъ, и легкій румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ его.

— Не помочь ли тебѣ придумать? спросилъ Пилюкъ, продолжая улыбаться.

Поручикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Шо, знаешь теперь? спросилъ Малороссъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ой ли? А Маруся?...

— Маруся! повторилъ молодой офицеръ, невольно и нѣсколько насмѣшливо улыбувшись.

* Рыцарь.

— Тебѣ жаль разстаться съ нею?

Офицеръ промолчалъ.

— Полно, панъ, коли о всякой дивчнѣй горевать будешь, такъ и сердца не хватить!... Слѣдуй моему примѣру: я люблю, да не залюблюсь! Пока можно, гуляй! а нельзя, прощай! За то и ни одной бабѣ, ни одной дивкѣ не дамъ волн надъ собою, сказалъ щеголь, съ самодовольнымъ видомъ сдвинувъ шапку еще болѣе на бекрень.

Поручикъ все молчалъ, и опять лицо его сдѣлаось печальнымъ; опять грустное чувство овладѣло имъ.

— Коли другой кручинушки у тебя нѣтъ, панъ поручикъ, такъ ты скоро утѣшишься!... продолжалъ Пилюкъ.

— О, нѣтъ, никогда! съ глубокимъ чувствомъ возразилъ офицеръ.

Щеголь посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, почесалъ затылокъ, пожалъ плечами и сказалъ какъ бы про-себя;

— Не понимаю.

— Послушай; панъ добродій, сказалъ послѣ минутнаго молчанія офицеръ, обратившись къ своему товарищу: я раскаиваюсь въ томъ, что такъ долго обманывалъ тебя!...

— Обманывалъ! съ изумленіемъ и недоумѣнностію повторилъ Пилюкъ.

— Да... по причинной тому искренность чувства, ощущаемаго мною и уваженіе къ этому чувству!...

— Не понимаю.

— Я люблю не ту, о которой я тебѣ говорилъ.

— Не ту?...

— Я не могъ, не долженъ былъ открывать тебѣ истины; но теперь, когда все рушилось, когда я долженъ навсегда разстаться съ нею... мнѣ нужно высказать кому-нибудь то, что такъ крѣпко, такъ больно давитъ мою грудь!...

— Больно давить? машинально повторилъ Пилюкъ, непонимавшій ни слова изъ того, что говорилъ ему его товарищъ.

— Да; ты мнѣ во многихъ случаяхъ доказалъ свою дружбу, а потому мнѣ совѣстно, что я такъ долго обманывалъ тебя!...

— Стой, панъ поручикъ, стой! внезапно вскричалъ щеголь, оставивъ свою лошадь: теперь я все понимаю!...

— Понимаешь?

— Все!... Ты не любишь Марусю?

— Не люблю.

— И ты обманывалъ меня?

— Я постараюсь извиниться въ томъ, открывъ тебѣ все дѣло!...

— Не нужно, не нужно! я самъ все понимаю теперь.

— Это меня удивляетъ, потому-что я никогда не подавалъ повода!...

— То-то и есть, что не подавалъ! О-то хитрый!... сказалъ Пилюкъ, съ дружескимъ упрекомъ глядя на молодого офицера; да и я не промахъ! Ты только слово молвилъ, а я и смѣкнулъ дѣломъ.

— Неужели ты догадываешься?...

— А какъ же?... Ты любишь не Марусю, а Наталку, мою кохану! А?—

Молодой офицеръ невольно засмѣялся. Пилюкъ былъ пропущателемъ, догадливъ, но въ этотъ разъ онъ перехитрилъ.

— Що? угадалъ?

Поручикъ продолжалъ смѣяться.

— Вотъ то-то и есть! продолжалъ Пилюкъ съ самодовольнымъ видомъ: я, братъ, издалека вижу! Да зачѣмъ же ты молчалъ? Давно бы сказалъ, я бы и отступился отъ нея! Хоть Наталка и славная баба, да для пріятеля я все готовъ сдѣлать.

— Благодарю, отвѣчалъ офицеръ, но ты ошибаешься.

— Ошибаюсь? съ величайшимъ удивленіемъ и сомнительно покаявшаю головою повторилъ щеголь.

— Я къ Наталкѣ такъ же равнодушенъ, какъ и къ Марусѣ.

Пилюкъ опять почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Не понимаю.

Молодой офицеръ промолчалъ съ минуту, потомъ протянулъ къ своему товарищу руку:

— Послушай, Пилюкъ, я полюбилъ тебя какъ друга и какъ честнаго, благороднаго малага, и потому смѣло обращаюсь къ тебѣ съ просьбою. Дай мнѣ слово, что ты исполнишь ее?

— Да якая жъ та просьба?

— Общай сперва, ч.о ты исполнишь ее.

Пилюкъ подумалъ нѣсколько секундъ съ малороссійскою осторожностію, потомъ спросилъ:

— А ты бы далъ слово исполнить, еслибъ у меня была къ тебѣ таже просьба?

— Не колеблясь ни ипшуты.

— Такъ исполню; вотъ тебѣ рука моя.

Молодой офицеръ съ признательностію пожалъ руку своего пріятеля.

— Ну, теперь говори скорѣе, продолжалъ послѣдній: вотъ кривой дубъ, а за нимъ сей-часъ будетъ перекрестокъ, на которомъ стоитъ корчма и гдѣ мы будемъ ждать, пока заблаготѣстятъ въ Казанскомъ. Я слушаю.

— Другъ мой, я сего дня вечеромъ уѣзжаю и унесу съ собою чувство искренней, глубокой признательности къ вашему гостепримству и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо тягостное ощущеніе....

Плюкъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Скажи мнѣ, Плюкъ, неужели ты никогда не грустишь, неужели на тебя не находитъ смертная тоска, когда ты ложишься?

Изумленіе донскаго щеголя дошло до степени столбняка.

— Зачѣмъ грустить? отвѣчалъ онъ: что жъ это за любовь, коли наводитъ тоску?

— Боже мой! сказалъ молодой офицеръ: такъ что же это за чувство, которое овладѣло всѣмъ моимъ сердцемъ, не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью?

— Не знаю, простодушно отвѣчалъ Плюкъ.

— А я думалъ, что это любовь! продолжалъ офицеръ, грустно покачавъ головой.

— А може и любовь, съ важностію возразилъ Плюкъ: я читалъ одну хорошую книгу, на польскомъ языкѣ, въ которой повѣствуется о любви какаго-то Филлора къ Арминіи. О, шо за любовь! Лучше вѣкъ ее не знать. Може и твоя такая жъ.

— Что же сказано въ этой книгѣ? съ любопытствомъ спросилъ молодой офицеръ.

— Филлоръ увидалъ Арминію, когда она гуляла по берегу большаго озера. Лишь только онъ узрѣлъ ее, какъ въ сердце его словно горячій уголь попалъ; Арминія ушла, и Филлоръ пошелъ домой; а на другой день его такъ и потянуло опять къ озеру....

— Такъ, такъ, сказалъ офицеръ, слушавшій съ особеннымъ вниманіемъ.

— Отчего такъ? Нечто ты читалъ эту книгу?

— Нѣтъ; но я сравниваю ощущенія твоего Филлора со своими.

— Нечто и тебя тянуло?...

— Да, только не къ озеру. Но рассказывай, рассказывай дальше.

— И сталъ Филлоръ ходить каждый день къ озеру, гдѣ всякій разъ встрѣчался съ Арминією; но она никогда не смотрѣла на него, а стыдливо потупивъ глаза, проходила мимо; тогда Филлоръ упалъ духомъ и заскорбѣлъ плотію; ни яства, ни питія не привлекали болѣе его вкуса; сонъ бѣжалъ очей его, и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая прозывается *меланхоліей*....

— Что это за болѣзнь?

— Такая, что самъ не знаешь почему, а тоска беретъ. Ныло сердце бѣднаго Филлора; горамъ и облакамъ, лѣсамъ и озерамъ повѣрялъ онъ скорбь свою, а облегченія все не было....

— Такъ... такъ... А что Арминія?

— И она впала въ тую жъ болѣзнь; тоже не ѣсть, не пить, а все плачетъ....

— Неужели?

— Погоревали годика два молодые люди, никому не открывая ни своей любви, ни своего горя....

— А потомъ? съ живымъ участіемъ спросилъ офицеръ.

— А потомъ она зачахла....

— Умерла? со страхомъ спросилъ молодой человѣкъ

— Скончалась во цвѣтѣ лѣтъ.

— Бѣдная! сказалъ поручикъ, опустивъ голову на грудь; онъ самъ только тогда замѣтилъ, что у него вылились слезинки изъ глазъ, когда онъ, застынувъ, потекли по щекамъ. Не поднимая головы, чтобы не показать своихъ слезъ, онъ спросилъ: — а онъ?

— Онъ ощутилъ толчку скорби, что кончилъ дни свои, погрузившись въ пучину водъ.

— Утопился?

— Съ-дуру, отвѣчалъ Плюкъ, въ видѣ заключительнаго комментарія на развязку рассказанной имъ повѣсти.

Поручикъ глубоко вздохнулъ и задумался.

Быть можетъ, наивная сантиментальность молодого офицера покажется преувеличенною, неправдоподобною нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей; но пусть хоть немногіе поймутъ ее и мы порадуемся за этихъ немногихъ, пожалѣемъ о нѣкоторыхъ. Впрочемъ, едвали число этихъ послѣднихъ будетъ велико. Не смотря на все знаніе и разочарованіе нашего вѣка, человѣкъ все-таки остается человѣкомъ, назовите его львомъ, денди, франтомъ или какъ хотите. Жалокъ тотъ человѣкъ, который не заплатитъ дань сердцу въ извѣстные годы — къ сожалѣнію, эти извѣстные годы въ наше время универсальнаго образованія приходятъ слишкомъ рано; — жалокъ тотъ человѣкъ, который въ молодости не берегъ съ сердечною заботливостію какого-нибудь засохшаго цвѣтка, какой-нибудь голубенькой лепточки. Все это сантиментально, пошло до нельзя — если проявляется не въ юношахъ, дѣтяхъ по сердцу и по опытности; но къ нимъ это такъ же идетъ, какъ запахъ къ розѣ, какъ роза къ мнелюбной пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ....

Александръ Благово былъ русскій дворянинъ. Отецъ его служилъ при Императорѣ Петрѣ Великомъ капитанъ-исправникомъ въ Архангельской губерніи. Въ удивленіи и тишинѣ выросъ Александръ, и все воспитаніе его ограничилось умѣть довольно бѣгло читать и довольно четко писать. Впоследствии, когда отецъ его умеръ, Александръ переселился со всемъ своимъ семействомъ въ Москву, куда въ то время перенесъ русскій дворъ юный Императоръ Петръ II. Тамъ старшій братъ Александра, сдѣлавшійся главою и опорой семейства, позаботился о болѣе полномъ образованіи своего брата. Потомъ его записали въ службу въ Преображенскій полкъ, куда онъ поступилъ уже въ царствованіе Анны Ивановны. Въ 1738 году, Александръ отправился въ турецкую компанію.

По переходѣ русской арміи черезъ Дунай, она была атакована сильнымъ турецкимъ корпусомъ, но безъ всякаго успѣха для послѣдняго. Послѣ многихъ и частыхъ стычекъ, Турки должны были отступить до возвышенности, близъ мѣстечка Ставучанъ. Оттуда хотинскій паша выслалъ сильный корпусъ, которому поручено было ворваться въ правое крыло русской арміи.

Но умный распоряженія фельдмаршала Миниха предупреди-

ли намѣренія неприятеля, отступавшаго съ урономъ. Не смотря на то, Минихъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, изъ котораго могъ быть выведенъ только благоразумною рѣшимостію. Узнавъ, что болотистый ручеекъ, на лѣвомъ флангѣ неприятеля, былъ не очень глубокъ и что черезъ него можно было перейти, фельдмаршалъ отрядилъ туда поручика Благово съ командою солдатъ, поручивъ имъ забросать ручеекъ хворостомъ и фашинами.

Благово исполнилъ возложенное на него порученіе подъ градомъ пуль и картечь.

Неприятель, на время обманутый фальшивыми атаками, произведшимися съ другой стороны, внезапно замѣтилъ намѣреніе Русскихъ и съ ожесточеніемъ устремился къ ручейку, — но уже было поздно: работа была кончена и Минихъ перешелъ уже со всюю арміею черезъ болото, приближаясь къ горѣ, на которой находился лагерь неприятеля.

Тогда Турки, видя, что имъ нѣтъ спасенія и въ окнахъ своихъ, въ страхѣ и безпорядкѣ обратились въ бѣгство. По занятіи неприятельскихъ высотъ, наши легкія войска бросились преслѣдовать бѣгущихъ.

Двое изъ русскихъ офицеровъ, Благово и генералъ высокаго роста, мужественной наружности, увлеченные пылкостью характера, перегнали своихъ и настigli Турокъ. Отрядъ послѣднихъ, замѣтивъ за собою двухъ только неустрашимыхъ преслѣдователей, остановился и напалъ на нихъ: узнавъ генерала по мундиру, Турки направились преимущественно на него. Замѣтивъ это, Благово, не разсуждая, бросился на помощь къ своему незнакомому товарищу.

Онъ погибъ бы оба неминуемо, еслибъ въ это время не подосѣла легкая конница. Турки опять обратились въ бѣгство, но одинъ изъ двухъ неустрашимыхъ преслѣдователей ихъ остался на мѣстѣ. То былъ Благово. Бросившись на помощь къ генералу, онъ отразилъ ударъ, назначившійся послѣднему, но отразилъ несчастливо для себя: неприятельская сабля нанесла ему глубокую рану въ плечо. Немедленно за тѣмъ онъ получилъ въ руку рану пулей.

Въ первую минуту, не ощущая еще боли, но уже съ омраченными зрѣніемъ, Благово выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ въ неприятеля, по почти на удачу. Потомъ въ ухахъ его за-

звѣло, зрѣніе совершенно омрачилось и, поблѣднѣвъ, какъ по-лотно, онъ упалъ съ лошади.

Генералъ бросился на помощь къ бѣдному поручику, котораго немедленно перенесли въ лагерь и поручили особенному попеченію лекарей.

Раны Благово были не смертельны, но чрезвычайно опасны, такъ что онъ не могъ уже принимать участія въ войнѣ, которая, впрочемъ, не долго и продолжалась. Въ томъ же году былъ заключенъ славный для Россіи миръ. На возвратномъ походѣ войскъ, Благово не могъ слѣдовать за своимъ полкомъ, и до выздоровленія былъ оставленъ въ Стародубской слободѣ, принадлежавшей къ Киевской губерніи.

Вотъ вся исторія Александра. Жизнь его текла мирно, безъ бурь, безъ борьбы, этой школы овытности; она текла тихо, чисто, какъ ручеекъ, спокойно пробѣгающій по песчаному ложу, нигдѣ не встрѣчая на своемъ пути преградъ и препятствій; если и случится камень, то ручеекъ оббѣгаетъ его и, послѣ маленькаго изгиба, также спокойно продолжаетъ свое теченіе. Первое великое событіе, встрѣтившееся въ жизни его, была полученная имъ рана, но и та какъ бы преградима ему путь къ дальнѣйшему повышенію, отнявъ у него возможность участвовать въ войнѣ, въ которой онъ по своему спокойному мужеству могъ отличиться.

Генералъ же, котораго Благово заслонилъ своею грудью, совершенно позабылъ о немъ.

Но въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ безмятежной жизни, въ сердцѣ Александра накопилось мало по-малу цѣлое сокровище чувства, не растрчиваемаго по мелочамъ. Рапо ли, поздно ли, природа должна взять свое; накопившееся въ немъ сокровище должно было наконецъ переполнить его и проявиться наружу....

Минута эта наступила для Александра.

— Пилюкъ, сказалъ онъ, послѣ краткаго молчанія: моя исторія похожа на исторію твоего Филлдора.

— Вотъ еще чтó выдумалъ! съ безпокойствомъ сказалъ шеголь.

— Теперь я почти увѣренъ, что ощущаемое мною — любовь.

— Да къ кому?

— Слушай: въ первый разъ, какъ ты пригласилъ меня ѣхать съ тобой въ монастырь, я увидалъ тамъ молодую дѣвушку и.... какъ ты сейчасъ говорилъ взгляды ея упали горячимъ углемъ на мое сердце,

— Ну чтó-жъ? ты бы ей, знаешь, и мигнулъ, сказалъ шеголь-волокинта, присвокупивъ примѣръ къ совѣту.

— Какъ можно!... На лицѣ ея написано столько благородной, дѣвической непорочности, что я почувствовалъ невольное уваженіе къ ней....

— Точно Филлдоръ!

— Не одна преступная или нечистая мысль не пришла мнѣ на умъ; а между тѣмъ я не могъ отвести отъ нее глазъ. Какъ она хороша! У ней много подругъ, такихъ же красавицъ, но у нихъ недостаетъ того благороднаго, гордаго выраженія, которымъ отличается каждый взглядъ, каждое движеніе ея.... Она рѣдко поднимаетъ глаза....

— Точно Армивія.

— Но за то, когда она ихъ подниметъ, сколько счастья, сколько восторга подарить тому, на кого взглянетъ! Я ни разу не говорилъ съ нею, даже не подходилъ къ ней близко.... меня удерживаетъ какое-то благоговѣнное почтеніе....

— Ты бы мнѣ сказалъ, я бъ васъ давно познакомилъ. У меня Наташка баба ловкая.... какъ разъ спроворить....

— Нѣтъ! отвѣчалъ молодой офицеръ, съ неудовольствіемъ покачавъ головою: я бы унился въ собственныхъ глазахъ, еслибъ вздумалъ прибѣгнуть къ этому средству.... Елена слишкомъ....

— Кто, кто?

— Елена.

— Елена, съ крайнимъ изумленіемъ повторилъ Пилюкъ: долговязая, сухопарая дѣвчина!

Тривіальное выраженіе Пилюка произвело чрезвычайно неприятное впечатлѣніе на Александра. Замѣтивъ это, донской шеголь продолжалъ:

— Впрочемъ о вкусахъ спорить нельзя.... притомъ же ты правду сказалъ, она такая скромница и разумница, какой во всемъ околѣдѣ другой не отыщешь.... Ну, да ладно! вотъ корчма.... Я такъ продрогъ съ утренняго-то холоду, что охот-

но выпью чарку горьлки, а потомъ поѣдемъ дальше, и потолкуемъ еще.

Всадники подъѣхали къ довольно опрятной корчмѣ.

За стеклами одного изъ оконъ выглядывало съ любопытствомъ широкое, красное лицо, внезапно скрывшееся, когда всадники, сойдя съ лошадей, вошли въ корчму.

ГЛАВА III.

ПЕРЕВОРОТНИ И НХЪ НАСТАВНИКЪ.

Плюокъ и Благово вошли въ корчму, первый, крайне изумленный тѣмъ, что сообщилъ ему Александръ; послѣдній, грустный и печальный при мысли о предстоящей разлкѣ.

Они вошли въ четырехугольную, низкую избу въ четыре окна, съ тремя дверьми и огромною закопченною русскою печью; вдоль стѣнъ тянулись скамьи, а передъ окнами стоялъ длинный столъ, также окруженный скамьями. Въ одномъ углу теплилась лампада передъ иконами безъ всякихъ украшеній, на которыхъ живопись совершенно почернѣла отъ времени.

На одной скамьѣ, спиною къ окну, сидѣлъ сутуловатый мужикъ; широкое, открытое лицо, окаймленное снизу черною бородою съ просѣдью, и красныя полныя щеки, придавали ему добродушный видъ; неумѣренно красная оконечность толстаго носа изобличала пристрастie его къ крѣпкимъ напиткамъ. Темнострѣнный кафтанъ его былъ застегнутъ спереди рядомъ круглыхъ мѣдныхъ пуговицъ и опоясанъ свѣтлозеленымъ кушакомъ, къ которому были прищиплены на веревкѣ треугольныя лѣстовки или четки съ красной каймой. Возлѣ него на скамьѣ лежалъ довольно туго набитый мѣшокъ, а передъ нимъ, на столѣ, измятая, пожелтѣлая отъ времени книга.

Противъ этого мужика, по другую сторону стола, сидѣли четыре человѣка въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; на одномъ изъ нихъ былъ военный мундиръ, отъ множества заплатокъ и переправокъ совершенно потерявшій первобытную свою форму; полы, вѣроятно, были употреблены на заплатки,

потому-что и слѣда ихъ не осталось на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ слѣдовало быть; на другомъ былъ полосатый халатъ, повязанный полными, общипанными кушакомъ; на другихъ двухъ оборванные кафтаны. Всѣ эти люди были безъ бородъ, но щетина, покрывавшая подбородки ихъ, свидѣтельствовала о томъ, что они давно не брились. Физиономія человѣка въ бывшемъ мундирѣ отличалась длинными усами.

За этими людьми, нѣсколько въ сторонѣ, стоялъ хозяинъ корчмы; скрестивъ руки на груди, опустивъ нѣсколько голову на правое плечо, и устремивъ глаза на болѣе опрятно одѣтаго мужика, сидѣвшаго за книгой, онъ, по видимому, съ глубокимъ благоговѣнiемъ внималъ чтенiю и толкованiямъ его.

При входѣ Плюока и молодого офицера, четыре молотца въ разнородныхъ костюмахъ сдѣлали невольное движенiе, какъ бы готовясь встать, но красноносый чтецъ такъ сурово посмотрѣлъ на нихъ, что они внезапно присмирѣли и опустили головы.

— Здорово, хозяинъ! сказалъ Плюокъ: что это у тебя сегодня за сборище? словно школа какая!

— Школа и есть, честной панъ, отвѣчалъ, поморщась, хозяинъ. Правдѣ учать.

— Больно велики школяры! сказалъ Плюокъ, со смѣхомъ указавъ на четырехъ молотцовъ.

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, отвѣчалъ хозяинъ.

— А тотъ красноносый, учитель что-ли? продолжалъ Плюокъ.

Хозяинъ съ негодованiемъ отвернулся; красноносый опустилъ голову, а усачь, облеченный въ развалины военного мундира, сталъ поглаживать усы, чтобы скрыть улыбку.

Благово подошелъ между тѣмъ къ окну и задумчиво глядѣлъ на дорогу.

— Ну, да що тутъ толковать, продолжалъ Плюокъ: неси-ка горьлки, хозяинъ!

— Какая теперь горьлка! сердито проговорилъ хозяинъ, не трогаясь съ мѣста.

— А такая, что мнѣ пить хочется, слышншь?

— Такъ пей воду!

— Воду пьютъ гуси, а не люди.

— Какой честный христианин будет пить водку перед обедней? съ сердцем поднявъ голову, вскричалъ хозяинъ.

— Э, братъ! Ты никакъ еще разговариваешь? сказалъ Пилюкъ, сдвинувъ шапку на бекрень: такъ я пойду просить горилки у твоей жинки, она поласковѣ...

И съ этими словами Пилюкъ пошелъ къ двери, находившейся возлѣ печи. Хозяинъ вздрогнулъ, опередилъ Пилюка, и преградивъ ему дорогу, вскричалъ:

— Не ходи! хозяйки моей дома нѣтъ! она пошла къ обѣднѣ.

— А вотъ посмотришь...

— Нечего смотрѣть! Я самъ принесу тебѣ горѣлки.

— Такъ ступай же живѣе, борода!

— Иду, иду, скоблёное рыло! проворчалъ хозяинъ и исчезъ.

Расправа Пилюка съ хозяиномъ, по видимому, очень понравилась усачу, потому-что онъ улыбадся во все время и дермгивался съ товарищами; но когда Пилюкъ вернулся къ столу, то лицо его внезапно приняло прежнее холодно-спокойное выраженіе.

Донской щеголь подошелъ къ столу, перешагнувъ чрезъ скамью, и усѣлся на нее, снявъ шапку, бросилъ ее на столъ и трихнувъ подстриженными въ кружокъ волосами, оперся обѣими руками на столъ.

— Ну, панъ мудрецъ, сказалъ онъ, обратившись къ красносому: читай, читай, и я послухаю твоихъ мудростей.

По выраженію лица чтеца можно было угадать, что требованіе Пилюка поставило его въ затруднительное положеніе; онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на своихъ четырехъ слушателей.

— Читай, читай, Агафонъ Карпычъ, сказалъ усачъ хладнокровно: панъ-то, кажись, бойкій, какъ разъ хватить, колъ заупрямишься; а ты самъ учишь насъ: аше во гнѣвѣ ударить христианинъ христианина, и учинится между ними драка, да сотворять по двѣ тысячи поклоновъ... Шутка! двѣ тысячи! У меня бы на первой спина переломилась.

Пилюкъ, захохотавъ и ударивъ усача по плечу, сказалъ:

— Ото люблю! Жаль мнѣ, братъ, что ты хочешь перевопотнѣе сдѣлаться!

Усачъ молча закрутилъ усы.

— Ты, видно, изъ бѣглыхъ? продолжалъ Пилюкъ.

Усачъ сердито посмотрѣлъ на вопрошавшаго и заворчалъ что-то сквозь зубы. Въ это же самое время вошелъ хозяинъ съ водкой.

Чтець сильно смутился, потому-что усачъ сталъ уже довольно явственно произносить нѣкоторыя слова; и какъ бы желая заставить его замолчать, красноносый принялся читать по складамъ громкими голосомъ:

— «Правило четыредесять первое: юношамъ рубахъ красныхъ и штановъ коломенковыхъ, а дѣвцамъ сапоговъ красныхъ и платковъ красныхъ и въ повязкахъ золотыхъ на молениі отнюдь не стоять, и поясами чтобъ не подпоясывался, и тѣмъ бы православныхъ не соблазняли; аше преслушны обратятся, да сотворять поклоновъ 300 до земли.»

— Хорошо, что я не вашей вѣры, сказалъ Пилюкъ, любяся своимъ разноцвѣтнымъ костюмомъ, а то пришлось бы мнѣ цѣлую недѣлю ломать спину.

— Агафонъ Карпычъ, сказалъ хозяинъ съ неудовольствіемъ, ставя на столъ водку: перестань читать; не давай на посмѣяніе нашихъ святыхъ правилъ.

— Ну, полно сердиться, хозяинъ, возразилъ Пилюкъ: я не надъ вашими правилами смѣюсь, а надъ самимъ собою. Выпей-ка лучше со мною горилки...

Хозяинъ отступилъ съ выраженіемъ отвращенія.

— Не хочешь? Ну, какъ знаешь, я приневоливать не стану. А шо, панъ поручикъ, тебя я просить не стану, продолжалъ щеголь, обращаясь къ своему молодому товарищу: ты не любишь нашей горилки, хотя я и твердилъ тебѣ безпрестанно, что коли станешь пить водку, скорѣе выздоровѣешь. А ты, приятель, выпьешь со мною? прибавилъ Пилюкъ, обратившись къ чтецу, носъ котораго какъ бы винушалъ Донцу надежду, что предложеніе его будетъ благосклонно принято.

Но чтець отрицательно покачалъ головой и, проглотивъ набѣжавшія во рту его слюнки, отвѣчалъ:

— Не хочу.

— А вы, братцы, тоже не хотите?

Четыре молодца молчали.

— Ну-ка ты, усатый, продолжалъ Пилюкъ, выпей хоть ты со мной!

Усачь крикнулъ, погладилъ усы и, искоса посмотрѣвъ на фляжку, отрицательно покачалъ головою.

Между тѣмъ хозяинъ корчмы, потихоньку отступая, дошелъ до пюкъ и, увидавъ, что никто на него не смотритъ, опустилъ на образа прикрѣпленное къ нимъ покрывало; потомъ, довольный тѣмъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ раскольникъ, онъ плюнулъ въ уголъ и медленно удалился изъ комнаты.

— Вы, я вижу, народъ чванный! продолжалъ Пилюкъ, и какъ бы рѣшившись ввести во искушение красноносаго и его слушателей, сталъ потихоньку наливать водку въ стаканъ; наполнивъ его до краевъ, онъ поднялъ его, и смотря сквозь жидкость на свѣтъ, сказалъ:—экъ блестятъ! точно бральянты!... Надо сказать правду, у Васьки-рябаго горилка отличная...

Красноносый чтецъ вздохнулъ, и не желая войти въ искушеніе, отвернулся къ окну.

— Погляди-ка, служба, на свѣтъ, продолжалъ Пилюкъ, поднося стаканъ къ самому носу усача, сидѣвшаго возлѣ него: погляди-ка, ни одной соринки нѣтъ; точно вода ключевая!

Усачь крикнулъ громче прежняго и схвативъ стаканъ, обратился къ чтецу:

— Агаонъ Карпычъ, спросилъ онъ его: сколько бѣшь поклоновъ за питіе вина?

— «Пиющихъ горѣлое вино и пиво отъ пивобрѣныхъ, на сивевыхъ налагать постъ двѣнадцать дней, и на кійждо день по сту поклоновъ,» отвѣчалъ Агаонъ Карпычъ не оглядываясь и продолжая смотрѣть въ окно.

— Двѣнадцать дней по сту поклоновъ? сколько же это будетъ всего? спросилъ усачь, одной рукой придерживая стаканъ, а другою почесывая затылокъ.

— Тысячу двѣсти! отвѣчалъ Агаонъ Карпычъ плачевнымъ голосомъ.

— Тысячу двѣсти, повторилъ усачь, подумавъ съ минуту, потомъ махнулъ рукою и, вскричавъ: эхъ куда ни шло! поднесъ было стаканъ ко рту, но восклицаніе красноносаго остановило его.

— Постой, постой! вскричалъ послѣдній: это еще не все!— «Сосуды христіанамъ свои особные имѣть, и съ пивобрѣными ни въ пищѣ, ни въ питіи не сообщаться и на единомъ столѣ

съ ними не ясти и не пити; аще ли преслушаютъ, да творять триста поклоновъ до земли.»

— И того полторы тысячи! произнесъ Пилюкъ, съ улыбкой смотря на поморщившаго усача.

Но послѣдній видно твердо рѣшился, потому-что опять махнулъ рукою и, сказавъ:

— Эхъ-ма! отъ тысячи двухъ сотъ до полторы тысячи не море перейди!... разомъ выхватилъ стаканъ изъ рукъ Пилюка и опорожнилъ его.—Кипятокъ! прибавилъ онъ, крикнувъ съ удовольствіемъ и облизывая кондезь языка капельки, представшія къ усамъ.

— Вотъ любно! сказалъ Пилюкъ, наполняя опять стаканъ: ну-ка, братцы, теперь можно и вамъ выпить!

— Разумѣется, мы отъ своего не отстанемъ, сказалъ одинъ изъ трехъ молодцовъ, къ которымъ обратился щеголь.

Послѣдній не успѣлъ еще отвѣдать горѣлки, какъ фляжка уже опустѣла.

— Эй, хозяинъ!... закричалъ онъ, стуча стаканомъ объ фляжку: эй, хозяинъ, живѣе!

Корчмарь показался въ дверяхъ.

— Что надо? спросилъ онъ угрюмо.

— Еще горилки! отвѣчалъ Пилюкъ.

— Еще? повторилъ хозяинъ, приблизившись къ столу. Увидавъ, что фляжка точно была пуста, онъ пожалъ плечами и шепнулъ усачу:—Экая бочка, это скобленое рыло!

— Бездонная! прибавилъ усачь съ важнымъ хладнокровіемъ.

Пока хозяинъ, ворча сквозь зубы, пошелъ за новой фляжкой, Благово поднялъ голову, какъ бы желая разогнать мрачныя мысли, овладѣвшія имъ и, подойдя къ своему приятелю, спросилъ:

— Не пора ли намъ ѣхать?

— А що, развѣ Михайло ужъ прошелъ? спросилъ Пилюкъ.

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ подождемъ еще маленько. Мнѣ хочется напоть раскольниковъ, прибавилъ онъ на ухо молодому офицеру.

Послѣдній слегка улыбнулся и воротился на прежнее мѣсто къ окну.

Корчмарь принесъ другую фляжку и, поставивъ ее на столъ, ушелъ.

— Теперь, братцы, сказалъ Пилюкъ: и я выпью за ваше здоровье, а тамъ коли кому угодно, такъ прошу пройтись и по второй.

— Агаонъ Карпычъ, спросилъ усачъ, въ правлахъ не сказано за сколько выпитой горѣлки налагается тысячу двѣсти поклоновъ?

— Не сказано; но подразумѣвать надлежитъ, что кто выпилъ хоть каплю отъ пновѣрнаго, тотъ подвергается сему наказанію.

— А кто выпьетъ больше капли?

— Все равно; не въ исполненіи, а въ помышленіи дѣло, отвѣчалъ Агаонъ Карпычъ.

— Ну, такъ можно пройтись и по второй! отвѣтъ одинъ! сказалъ усачъ.

Этого Агаонъ Карпычъ не могъ, по видимому, вывести хладнокровно, потому-что скоро обернулся и, обратившись къ человѣку, платье котораго сохранило еще слѣды военнаго мундира, вскричалъ:

— Знаешь ли ты, что я, по нашему закону долженъ донести на васъ, потому-что въ правлахъ сказано: «аще ли кто попускаетъ преступающимъ сии правила и не доноситъ о нихъ, сей да творитъ триста поклоновъ до земли!»

— Такъ донеси, сказалъ одинъ изъ переворотней.

— Не хочу! Я доносчикомъ не бываю; но такъ какъ тотъ, кто доноситъ на другихъ и вмѣстѣ на себя, есть не доносчикъ, а кающійся грѣшникъ, то вдамся и я съ вами въ грѣхъ!

Съ этими словами Агаонъ Карпычъ схватилъ стаканъ, только что наполненный Пилюкомъ, и опорожнилъ его разомъ.

— А такъ какъ вы намѣрены выпить по второй, продолжалъ восторженно Агаонъ Карпычъ, то и я, какъ вашъ наставникъ, не долженъ отставать отъ васъ. Еще стаканъ, честной панъ!

Со вторымъ стаканомъ краспватый раскольникъ поступилъ гораздо вѣжливѣе, нежели съ первымъ, опорожнивъ его съ разстановкой и въ три приема.

Едва поставилъ онъ стаканъ на столъ, какъ Благово, не отходившій отъ окна, сказалъ:

— Вотъ, кажется, идетъ Михайло.

Агаонъ Карпычъ вздрогнулъ, быстрымъ движеніемъ оттолкнулъ отъ себя стаканъ и скоро повернулся лицомъ къ окну, сдѣлавъ едва замѣтный знакъ головою своимъ четыремъ товарищамъ, которые, соскочивъ со своихъ мѣсть, бросились къ окнамъ.

По дорогѣ шла толпа народа. Впередѣ важно выступалъ мужчина огромнаго роста, съ широкими плечами, высокою, богатырской грудью и отвратительной физиономіей.

Черная шапочка, въ видѣ ермолки, опущенная мѣхомъ была накинута на низкій, плоскій лобъ этого человѣка, перерѣзанный черными, сросшимися и нависшими надъ глазами бровями, что придавало ему злобный видъ; изъ-подъ бровей тускло глядѣли темносѣрые глаза, оконечности которыхъ уклонялись отъ горизонтальной линіи, поднимаясь вверхъ, подобно глазамъ Китайцевъ; толстый, безобразный носъ походилъ на кусокъ сыраго мяса, раскрасившись до нельзя отъ неумѣреннаго образа жизни; въ толстыхъ, круглыхъ и выпучившихся впередъ губахъ, незакрытыхъ темнорусою бородою, выражалась животная чувственность.

Но всмотрѣвшись въ осанку, въ мощныя, геркулесовскія формы этого человѣка, можно было понять, почему онъ сдѣлался начальникомъ грубаго скопщика, охотѣе повинующагося силѣ физической, нежели нравственному могуществу, облеченному въ щедрыя формы.

Широкій кантырь, прикрѣпленный къ шапкѣ этого человѣка, едва прикрывалъ немощно широкія плечи его; мощнымъ, мускулистымъ и нѣсколько короткимъ рукамъ было тѣсно въ узкихъ рукавахъ чернаго сукошнаго кафтана съ бархатнымъ воротникомъ, ниспадавшимъ до половины спины и обшитымъ по краямъ красной тесьмою; къ желтому, парчевому кушаку были привязаны четки; въ рукахъ у него былъ длинный костыль.

Этотъ человѣкъ былъ непримиримый врагъ отца Лазаря: злѣбный Михайло.

Михайло былъ родомъ Калмыкъ. Ведя съ малолѣтства бродяжническую жизнь, онъ случайно попалъ келейникомъ къ монаху въ одно изъ кievскихъ монастырей. Но не долго правилась ему однообразная монастырская жизнь; буйныя страсти

заговорили въ дикомъ, необузданномъ сынѣ степей, и опять смель за благоразумнѣйшее бѣжать. За нимъ была послана погоня, но тщетно: Калмыкъ успѣлъ укрыться въ стародубовскихъ лѣсахъ. Онъ добрался наконецъ до Вѣтки, и въ самое счастливое для него время.

По заключеніи отца Лазаря въ темницу, вѣтковцы остались безъ руководителя, и разсылали уже въ разныя стороны къ своимъ единоверцамъ послать, прося о совѣтѣ и помощи.

Хотя Калмыкъ и не отличался особою пропидательностію, такъ какъ въ немъ вообще могущественное физическое развитіе подавляло духъ, однакожъ онъ съ разу понялъ, что могъ извлечь пользу изъ затруднительнаго положенія вѣтковцевъ.

Съ лицемернымъ смиреніемъ явился онъ къ старшимъ ихъ, и выдавая себя за священника, гонимаго и страдающаго за принятіе религиозныхъ мнѣній вѣтковцевъ, просилъ принять его въ ихъ общину.

Вѣтковцы обрадовались этому случаю, и поручили управленіе у себя Михайлѣ. Волная жизнь раскольниковъ чрезвычайно понравилась ему, и онъ рѣшился употребить все усиліе, чтобы заслужить довѣренность ихъ, въ чемъ и успѣлъ до такой степени, что даже прежній наставникъ вѣтковцевъ, отецъ Лазарь, не могъ свергнуть его. Будучи щедръ и расточителенъ отъ природы, Калмыкъ употреблялъ большую часть своихъ и общественныхъ доходовъ на украшеніе часовенъ вѣтковскаго согласія. Какъ дикарь, онъ сохранилъ пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ, и потому, сдѣлавъ опущеніе противъ первоначальныхъ строгихъ постановленій, дозволялъ вѣтковцамъ ходить въ разноцвѣтныхъ нарядахъ. Любя самъ удовольствія, онъ дозволялъ молодымъ парнямъ и дѣвушкамъ собираться въ праздничные дни въ хоробыды и проводить время въ лѣснахъ и играхъ.

Подобныя ослабленія первоначальной строгости постановленій не только не повредили Калмыку, но даже послужили ему въ пользу; тѣмъ болѣе, что онъ съ необыкновенною строгостію заботился о соблюденіи тѣхъ постановленій, которыя прямо касались обрядовъ и мнѣній вѣтковцевъ.

Особенно заботился онъ о распространеніи женскаго монастыря.

«Сей бѣглый Калмыкъ,—пишетъ очевидецъ,—каждую жену

или младую дѣвку, лишь только бы попросила постриженія, безъ всякаго замедленія и справокъ, постригаетъ властительски; между которыми много бываетъ и такихъ постриженницъ, которыя иногда, поправши все законы, постригаются; но и таковыхъ Калмыкъ завѣдомо постригаетъ веселою рукою».

Возвратимся къ нашему разсказу.

— Теперь поѣдемъ, сказалъ Пилюкъ, когда толпа, слѣдовавшая за Калмыкомъ, исчезла за деревьями; мнѣ нужно шепнуть слова два Наталкѣ, прибавилъ онъ, наклонившись къ уху молодого офицера и бросая деньги на столъ. Потомъ скоро надѣвъ шапку и кивнувъ головою Агаону Карпычу и его товарищамъ, онъ вышелъ изъ корчмы.

— Прощайте, ребята! сказала Благово, слѣдуя за нимъ.

Магически подѣйствовали два слова, произнесенныя поручикомъ, на четырехъ товарищѣхъ Агаона Карпыча. Какъ бы вопиуясь непобѣдимому побужденію привычки, они разомъ вытянулись, опустили руки по швамъ и гаркнули въ одинъ голосъ :

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

У Агаона Карпыча подкосились ноги. Невольно занеслась одна рука его на затылокъ.

Молодой офицеръ остановился и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на четырехъ переворотней. Но движеніе Агаона Карпыча заставило ихъ опомниться: вытяжка исчезла и, почесывая затылки, кланялись они удалявшемуся.

— Прощай, кормилецъ! произнесъ усачъ, какъ бы желая поправить прежнюю ошибку.

Благово удалился.

— Уф! произнесъ Агаонъ Карпычъ, протягивая руку къ флажкѣ, какъ бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не предупредилъ его: надѣлали же вы мнѣ страху!...

И съ наслаженіемъ выпилъ онъ еще стаканъ водки.

— Чего испугался? возразилъ усачъ, слѣдуя примѣру своего наставника и выливая изъ флажки остатокъ: это нашъ! Хотя бы и узналъ, такъ не выдалъ бы!

— Толкуй ты! сказала Агаонъ Карпычъ: хоть онъ и вашъ, а все-таки не мѣшаетъ быть поосторожнѣе и поскромнѣе; а то вы скорѣе похожи на сорванцовъ, нежели на людей, намѣреющихся вступитъ въ наше братство.

— Проклятое раскольникове гнѣздо! проворчалъ усачъ: по милости его я ужъ нѣсколько дней не брѣюсь.... подбородокъ мой словно щетка сапожная!

— А я въ этомъ оборванномъ кафтанѣ, словно Нѣмецъ въ дамашнемъ плафорѣ, сказалъ товарищъ усача: шагу ступить не лѣзя, такъ ноги и путаются!

— Правда, прибавилъ третій: то ли дѣло унформа! Такъ на тебѣ все гладко, плотно.

— Скоро ли будетъ этому конецъ? спросилъ четвертый.

— Скоро, скоро, братцы! отвѣчалъ Агаонъ Карпычъ: потерпите еще маленько. Ну что, видѣли его?

— Кого? спросилъ усачъ.

— Камыка.

— Это тотъ, что впереди шелъ?

— Именно.

— Дожии дѣтпа!

— А что? Нечто не справитесь? съ безпокойствомъ спросилъ Агаонъ Карпычъ.

— Въ четверомъ-то? возразилъ усачъ, презрительно усмѣхнувшись: хоть у него, какъ видно, силща дьявольская, однакожъ я и одинъ на него пойду, коли начальство велитъ.

— Смотрите жъ, сказалъ Агаонъ Карпычъ: ведите себя прилично; мы засядемъ въ лѣсу; харчи у насъ есть въ мѣшкахъ, такъ мы не соскучимся; когда всѣ улягутся спать, тогда я покажу вамъ дорогу, а тамъ....

— Знаемъ, знаемъ!

— Сперва ее, потомъ его.

— Ладно!

— Только чуръ съ нею обходиться хорошо; не обижать ее.

— Вотъ еще, учить вздумалъ! Мы, братъ, знаемъ не хуже тебя, какъ пужно обходиться съ красавицами, сказалъ усачъ, приглаживая усы.

— Его же, коли придетъ охота, можно поприжать, продолжалъ Агаонъ Карпычъ.

— Прижмемъ, коли заупрямится....

— Тсъ, тише, хозяинъ идетъ! сказалъ Агаонъ Карпычъ, принявъ прежній смрренный видъ.

Агаонъ Карпычъ? спросятъ читатели. Какимъ образомъ попалъ онъ сюда? Какимъ образомъ вырвался онъ изъ когтей инквизиціи Бирона?

Все объяснится въ свое время.

ГЛАВА IV.

ЛЮБОВЬ КАМЫКА.

Между комнатами описаннаго намъ женскаго монастыря находилась и комната старой Софьи.

Комната эта отличалась отъ прочихъ только тѣмъ что по одну сторону единственнаго продолговатаго окна находились въ углу нѣсколько полокъ, на которыхъ лежали книги, отличавшіяся ветхостью. Между ними особымъ почетомъ пользовались: *Потребникъ Филаретовскій*, напечатанный въ 1630 году, или по тогдашнему счисленію, въ лѣто 7138; *Соборникъ Иосифовскій*, напечатанный въ 1642 или 7150 году; книга *Іоанна Львятичича*—въ 1647 или 7155 году, *Апостолъ Иосифовскій*, въ лѣто 1649—7157; *Шестодневъ Иосифовскій*, въ лѣто 1651—7159 и нѣкоторыя другія, пережившія или доживавшія столѣтіе.

Передъ окномъ, завѣшеннымъ миткалевой занавѣской, стоялъ некрашенный чистый дубовый столъ, а по сторонамъ его двѣ скамьи со сплошными досчатыми спинками.

Вдоль стѣны, примыкавшей къ углу, въ которомъ находились книги, стояли двѣ низенькія кровати, каждая съ однимъ тюфякомъ, одной подушкой и грубымъ сѣрымъ шерстянымъ одеяломъ; надъ кроватями висѣли маленькіе образа.

Наконецъ въ глубинѣ комнаты, по одну сторону двери стоялъ шкафъ съ мелкой посудой, а по другую сундукъ, окованный желѣзомъ.

Кровать, стоявшая ближе къ окну, была занята. На ней лежала большая Софья. По искаженнымъ чертамъ лица ее можно было судить, что ей недолго оставалось жить; по

не болѣзнь сводила ее въ могилу, а старость. Буроватая, безсочная кожа лица ея, стянувшись въ тысячу морщинъ, обрисовывала скулы, образуя на щекахъ глубокая впадины, перерѣзанныя морщинами; глаза старухи были закрыты. Одна рука ея лежала поверхъ одѣяла; вышукло рисовались на этой рукѣ синія жилы, которыя, лишившись окружавшихъ ихъ мускуловъ, какъ бы сплывались прорвать сухую оболочку, покрывавшую ихъ подобно старому пергаменту.

Старуха походила на покойницу; только легкая дрожь, пробѣгавшая иногда по вѣкамъ ея, шевелившаяся безъ звуковъ по временамъ губы и судорожное движеніе пальцевъ свидѣтельствовали о томъ, что жизнь не совсемъ еще угадала въ ней.

Софья разставалась съ жизнью не въ слѣдствіе какого-либо переворота въ организмѣ ея, но какъ бы истративъ свою долю жизни; всѣ соки, казалось, изсякли въ ней, и мало-по-малу то дивное нѣчто, та божественная частица Высшаго Существа, которое даже въ безконечномъ раздробленіи своемъ сохраняетъ единство, отдѣлялась отъ плоти и уносилась.... Глубоко вкоренились въ душѣ Софьи первыя религіозныя понятія, внушенныя ей въ дѣтствѣ. Родители ея были изъ числа тѣхъ закоренѣлыхъ, грубыхъ фанатиковъ, которые такъ сильно возставали противъ исправленія старинныхъ церковныхъ книгъ, положеннаго на соборѣ, созванномъ при царѣ Алексѣй Михайловичѣ.

До введенія типографскаго искусства въ Россію, переписываніе церковныхъ книгъ было часто поручаемо людямъ, не имѣвшимъ никакого понятія о томъ, что имъ поручали переписывать, и заботившимся болѣе объ чистописаніи, нежели о правдо, или лучше сказать, здравописаніи; или же такимъ переписчикамъ, которые пускались въ разсужденія; эти были еще хуже, потому-что не разобравъ какого-либо слова въ рукописи, переведенной съ греческаго, они толковали его по своему. Въ первомъ случаѣ выходила безсмыслица, во второмъ же хоть и былъ смыслъ, но такой, отъ котораго не трудно было стать въ тупикъ.

Умнѣйшіе патріархи, наиболѣе заботившіеся объ очищеніи, такъ сказать, вѣры, обратили вниманіе на подобныя несообразности и искаженія, часто встрѣчавшіяся въ молитвенникахъ

того времени, и рѣшились исправить ихъ. Люди недоброжелательные, безпокойные умы, какъ бы созданные для того, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, воспользовались этимъ случаемъ и вооружили фанатиковъ противъ этихъ благоразумныхъ исправленій, называя ихъ нововведеніями.

Воспоследовавшіе за этимъ раздоры, имѣвшіе часто плачевныя послѣдствія, послужили къ основанію многихъ расколовъ. Суевѣрные приверженцы этихъ расколовъ были до того ослаблены фанатизмомъ, что не замѣчали даже, что, отставая отъ истины, православной церкви за минувшаго вѣрныя старинныя промахамъ. Господь благословилъ бракъ ихъ одною только дочерью; вскорѣ послѣ рожденія ея, мужъ Софьи умеръ.

Вдова употребляла всѣ усилія, чтобы внушить своей единственной дочери тѣ же вѣрованія или, лучше сказать, грубые предрасудки, которыми питали ее родители; но между тѣмъ многое въ Россіи измѣнилось: на престолѣ вступилъ великій юноша, инстинктивно понявшій, что въ просвѣщеніи заключается тайна народнаго величія.

Начался великій переворотъ: юный Петръ съ самого начала своего царствованія явился открытымъ гонителемъ суевѣрій, предрасудковъ и упрямаго, закоснѣлаго невѣжества. Пробудилась новая жизнь въ Россіи; Петръ съ самаго начала умѣлъ такъ практически, такъ осозательно выказать выгоды просвѣщенія и отреченія отъ варварскаго китаизма, что дѣйствія его имѣли благотѣльное вліяніе на всю Россію, но преимущественно на юное поколѣніе, не успѣвшее еще сжиться, свыкнуться съ предрасудками.

Этому вліянію невольно подчинилась и молодая, милая и кроткая дочь Софьи. Последняя, желая укрѣпить въ ней нелѣпыя предрасудки, въ которые она сама вѣрила по глубокому, хотя и безсознательному убѣжденію, выдала ее замужъ за молодого князя, родители котораго также остались вѣрны вѣрованіямъ своихъ предковъ.

Но увы! Она ошиблась: благородный, умный и пылкій князь

вѣстѣ съ прочими увлекся величіемъ своего Монарха. Тщетно увѣщевала его теща; тщетно уговаривала она дочь удержатъ князя на пути истинномъ.... Завѣса тьмы и невѣжества спала съ Россіи, и сыны ея прозрѣли!

Молодая княгиня умерла, оставивъ мужу залогъ своей ангельской преданности—очаровательную дочь. Князь, переселившійся между тѣмъ въ новый городъ Петра, извѣстилъ тещу о постигшемъ его несчастьи. Старуха, которую преобразования, совершавшіяся въ Россіи, ожесточили до безумнаго фанатизма, въ отвѣтъ къ князю, менѣ скорбѣла о потери дочери, нежели о томъ, что внука ея не познаетъ истинной вѣры. Князь, огорченный до глубины души этимъ отвѣтомъ, написалъ къ тещѣ письмо, въ которомъ упрекалъ ее въ жестокости и старался доказать ей немногими, но убѣдительными словами, что вѣрованія ея, основанныя на неразумномъ упрямствѣ, не могутъ быть истинными, почему онъ и не намѣренъ признавать ихъ таковыми.

Это письмо поразило старую раскольницу въ сердце; она не отвѣчала на него, но тайнѣ придумывала страшную месть....

По собственному ли побужденію или по наущенію другихъ раскольниковъ, она воспользовалась отсутствіемъ князя и похитила у него дочь.

Читатели, вѣроятно, уже догадались, что старая раскольница была теща князя Лигоцына.

Довольная своимъ мщеніемъ и будучи твердо убѣждена, что она совершила богоугодное дѣло, раскольница удаллась въ Вѣтку, гдѣи поселилась, перемѣнивъ имя.

Четырнадцать лѣтъ прожила она съ раскольниками.

Отдѣлившись совершенно отъ міра, Софья сосредоточила всю жизнь свою на обрядахъ, предписанныхъ ей ея вѣрованіями, и на любви къ внуку. Всѣмъ готова была онапожертвовать для счастья послѣдней, но такъ какъ съ лѣтами въ ней усилился и фанатизмъ, то она твердо убѣдилась въ томъ, что только въ уединенной, мирной, монашеской жизни можетъ внука ея обрѣсти счастье. Съ эгоистическимъ чувствомъ отвергала она ту мысль, что для бѣдной молодой дѣвушки существуетъ другое счастье—соединеніе съ отцомъ; она никогда не думала о томъ, что сердце могло заговорить въ Еленѣ, что это сердце будетъ просить болѣе пѣжныхъ

ощущеній, что и оно захочетъ заплатить дань общему закону природы....

Не чувство ли зависти заставляетъ стариковъ называть суетными тѣ чувствованія, которыхъ они не могутъ уже ощущать?... Счастливы тѣ старики, у которыхъ уцѣлѣла память сердца и которые наслаждаются своимъ прошедшимъ, любясь чужимъ настоящимъ.

Но, повторяемъ, наступила минута, когда Софья должна была разстаться съ жизнью.

Бѣдная Елена, несчастная жертва жестокаго фанатизма, не отходила отъ постели своей большой бабушки. Несмотря на то, что Михайло, принимавшій, повидимому, живѣйшее участіе въ молодой дѣвушкѣ, часто уговаривалъ ее перейти въ другую комнату и поручить попеченія о бабушкѣ другимъ, болѣе опытнымъ женщинамъ, Елена ни за что не хотѣла разстаться со старухой. Калмыкъ навѣщалъ послѣднюю почти каждый день, чѣмъ какъ будто отдавалъ долгъ почтенія ко вѣрни уважаемой престарѣлой Софѣ; но другая причина влекла его къ одру умирающей.... отъ этого одра не отходила внука ея, прелестное созданіе, произведшее сильное впечатлѣніе на Калмыка.

Онъ полюбилъ Елену всюю дикою, необузданною силою своихъ чувствъ. Дѣвственная грація молодой дѣвушки, врожденное въ ней величіе, сопровождавшее мажншія движенія, взгляды ея, благородство и чистота юныхъ формъ, представляли такой разительный контрастъ съ тѣмъ, что Калмыкъ привыкъ встрѣчать въ красавицахъ, что сердце впервые заговорило въ немъ.

До сихъ поръ онъ любилъ только чувствами; не зная страданій любви, но вотъ впервые онъ ощутилъ грусть, причину которой не могъ объяснить себѣ. Шумныя оргіи, которыми онъ безъ зазрѣнія совѣсти предавался съ нѣкоторыми приближенными ему раскольниками, потеряли для него всю прелесть свою.

Часто, въ уединеніи, сердце его сжималось такъ болѣзненно, что дикарь, проливавшій доселѣ только слезы ярости, готовъ былъ плакать отъ грусти. Чувство это раздражало его иногда до бѣшенства; онъ хотѣлъ насильно вырвать его изъ груди

своей, но чтобы истребить его, нужно было вырвать сердце!...

Только присутствіе Елены смягчало эту грусть и превращало ее въ восторженное блаженство. Сверкавшими внутреннимъ огнемъ глазами, слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ ея, любовался граціозными изгибами ея стройнаго стана. При ней грубый дикарь становился робокъ, какъ дитя.

Истинная любовь въ началѣ своемъ есть чувствованіе чисто духовное; ни одно чувственное желаніе не помрачаетъ чистоты ея, и Калмыку, впервые ощутившему вліяніе этой любви, ни разу не приходила на умъ преступная мысль. Онъ любилъ Елену за то, что она внушала ему ощущенія, которыя волновали, занимали его, и которыя своими противоположностями наполняли жизнь его.

Наконецъ любовь его достигла сильнѣйшаго развитія, и наступилъ второй періодъ ея, періодъ менѣе чистый, менѣе возвышенный, потому что во время его пробуждается эгонистическое чувство — сердце начинаетъ требовать взаимности.

Михайло сталъ мечтать о счастіи услышать слово *люблю* изъ устъ молодой дѣвушки. Чаше прежняго сталъ онъ навѣщать Елену; болѣзнь бабушки ея подала ему къ тому поводъ.

По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у кровати больной старухи, не спуская своихъ сѣрыхъ глазъ съ молодой дѣвушки, сидѣвшей у окна съ рукодѣльемъ. Тысячу разъ готовъ онъ былъ открыть послѣдней, какъ сильно, какъ пламенно любить ее; но каждый разъ имъ овладѣвала непреодолимая дрожь, языкъ не повиновался ему и, бросивъ на Елену печальный, умоляющій взглядъ, онъ удалялся.

Часто некалъ онъ случая прикоснуться къ рукѣ, къ платью ея, но молодая дѣвушка всякій разъ умѣла уклониться отъ него.

Несмотря на всѣ угожденія Калмыка, на его ласковое обращеніе, Елена питала къ нему непреодолимое отвращеніе. Инстинктивно угадывала она, что подъ бархатистой наружностью его скрывались когти тигра. Но чѣмъ болѣе удалялась она отъ него, тѣмъ сильнѣе разгоралась страсть Михайлы. Подарками надѣялся онъ прельстить молодую дѣвушку, но она отвергала ихъ. Вооружившись всѣмъ своимъ мужествомъ, со-

бравъ всю свою твердость, онъ рѣшился признаться ей въ любви; но съ холоднымъ благородствомъ остановила она его на первыхъ словахъ.

Тогда чувство гордаго самолюбія возмутилось въ немъ.

Мечтая о блаженствѣ, котораго лишило его глупое упрямство, какъ онъ говорилъ, Елены, онъ болѣе и болѣе привязывался къ этому блаженству, болѣе и болѣе жаждалъ его.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, встрѣчалъ онъ безпрерывно препятствія, которыхъ у него не доставало мужества преодолѣть, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ придавали болѣе и болѣе звѣрскій характеръ его страсти. Тщетно старался онъ потушить пожиравшее его пламя въ оргіяхъ, въ чувственныхъ наслажденіяхъ: онъ забывался на минуту, но опомнившись, ощущалъ отвращеніе къ достигнутому, и сильнѣйшую страсть къ тому, до чего достигнуть не могъ.

Вскорѣ новое мучительное чувство прибавилось къ страданіямъ Калмыка. Онъ сталъ ревновать. И повялся въ глубинѣ души своей, что Елена будетъ принадлежать ему.

ГЛАВА V.

СУНДУКЪ БАБУШКИ.

Мы уже сказали, что старая Софья лежала неподвижна на своей кровати.

У удешеннаго окна узкой, длинной комнаты сидѣла внучка ея, Елена.

Одинъ уголъ опущенной занавѣски былъ отогнутъ, и солнечный лучъ, какъ бы насильно проложивъ себѣ дорогу, пробѣгалъ по столу и ложился на мрачной досчатой стѣнѣ яркой, свѣтлой полосой.

Грустно глядѣла Елена въ окно, и двѣ слезинки медленно, медленно струились по щекамъ ея...

Рѣшительная минута, мысль о которой она часто старалась отклонить отъ себя, приближалась... Что станется съ нею по-

слѣ смерти бабушки?... Неужели она должна остаться въ этомъ убѣжищѣ раскатышковъ?

О нѣтъ, нѣтъ!.. Хотя Елена и выросла съ людьми, окружающими ее, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ она ощутила къ нимъ непреодолимое отвращеніе.

И такъ Елена съ ужасомъ отклоняла отъ себя мысль остаться въ этомъ сконпшѣ. Но куда ей идти? Къ кому прибѣгнуть? Кто скажится надъ несчастною сиротою?

Бабушка часто твердила Еленѣ, что родители ея умерли и что у нее не было родныхъ. Молодая дѣвушка вѣрила этимъ словамъ, а между тѣмъ въ минуты уединенія, въ минуты грустныхъ размышленій въ памяти ея неясно рисовались картины прошедшаго. Слезы павертывались на глазахъ ея, когда она вспоминала, какъ ее, малютку, подвели къ трупъ прекрасной женщины, которую она называла матерью... Далѣе вспоминала она ласки отца, къ которому еще болѣе привязалась съ тѣхъ поръ, какъ лишилась матери. Но этимъ ограничивались воспоминанія ея. Какъ ни напрягала она своей памяти, но никакъ не могла вспомнить, когда умеръ отецъ ея. Она помнила только, что нѣсколько времени спустя послѣ смерти матери, ее заключили въ душную повозку и что она долго, долго ѣхала въ ней.

Всѣ воспоминанія ея до этой поѣздки протекали прямо изъ сердца; но потомъ сердце замолчало... не любовь, а боязнь ощущала она сначала къ бабушкѣ; но въослѣдствіи привязалась къ ней, какъ къ единственному существу, отъ котораго зависѣла; но то была привязанность не сердца, а привычки.

Наконецъ и эта единственная опора и покровительница молодой дѣвушки готова была покинуть ее. Со смертію бабушки разрывались всѣ узы, удерживавшія ее въ монастырѣ. Елена становилась свободною... но что ей дѣлать съ этой свободой? Кому подчинить ее?

Быль одинъ человекъ въ мірѣ, которому Елена охотно бы вѣрила судьбу свою, но между ею и этимъ человекѣмъ не было ничего общаго, кромѣ тайнаго, необъясненнаго сочувствія сердцу.

Въ первый разъ, когда молодая дѣвушка случайно замѣтила Александра Благово; взоръ его, съ нѣмымъ изумленіемъ

покопѣишя на ней, произвелъ на нее необыкновенное впечатлѣніе. Опустивъ глаза предъ взоромъ молодого человека, она невольно задумалась, и потомъ такъ же невольно опять посмотрѣла на Александра. Его взоръ по прежнему былъ неподвижно устремленъ на нее, но теперь въ немъ выразилась нѣжная признательность за то, что молодая дѣвушка вторично взглянула на него.

Тщетно старалась Елена преодолѣть себя, тщетно старалась не думать о молодомъ незнакомцѣ... всѣ мысли ея сосредоточились на немъ, необходимая сила влекла взоръ ея къ нему. При томъ же чего ей страшиться? На блѣдномъ лицѣ незнакомца было написано столько благородства, столько душевной доброты и кротости!... и — Елена въ третій разъ посмотрѣла на него, но въ то же мгновеніе опять опустила глаза.

Невшная дѣвушка не знала еще, что глаза краспорѣчивѣе словъ. Для того, что молодой офицеръ высказалъ ей однимъ взглядомъ, не достаточно было краспорѣчивѣйшихъ словъ.

Елена была сильно взволнована, и воспоминаніе о незнакомцѣ не покидало ее.

Прошло нѣсколько дней, и она съ терпѣніемъ стала ожидать воскресенья. Оно наступило, и Елена опять увидала незнакомца. Лицо ея озарилось лучемъ сердечной радости, и бросивъ быстрый взглядъ на Александра, она скоро опустила глаза, страшась нескромности ихъ.

Съ тѣхъ поръ Елена каждое воскресенье видалась съ Александромъ, и сердце ея болѣе и болѣе привязывалось къ нему.

Послѣ разсказаннаго намъ, читатели поймутъ горестъ молодой дѣвушки, которую болѣзнь бабушки удерживала въ душевной комнатѣ, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея былъ тотъ, свиданіе съ которымъ было единственнымъ счастіемъ въ печальной жизни ея.

Нѣсколько разъ уже Елена утирала глаза, но слезы, источникъ которыхъ былъ въ сердцѣ, продолжали струиться по щекамъ ея.

Но вотъ она взглянула въ окно и увидѣла Александра. Онъ былъ задумчивъ и печаленъ.

На немъ остановился взоръ молодой дѣвушки. Она сама была такъ огорчена, что легко угадывала причину печали молодого человека. Какъ искренно, какъ пламенно желала она въ

эту минуту утѣшить его однимъ взглядомъ; по задумчиво опустивъ голову стоялъ онъ у забора, ожидая, вѣроятно, своего пріятеля.

Елена раскрыла, мало по малу, занавѣску и желая обратить на себя вниманіе молодого офицера, почти приложила лицо къ стеклу.

Александръ вздохнулъ, поднялъ голову и осмотрѣлся, какъ бы выйдя изъ глубокаго, грустнаго размышленія. Случайно взоръ его остановился на окнѣ молодой дѣвушки.... Сердце ея забилось сильнѣе... Онъ узналъ ее и скоро поднесъ руку къ шляпѣ...

Въ эту самую минуту кто-то коснулся плеча Елены... Она вздрогнула, вскрикнула и опустила занавѣску.

За нею стоялъ Калмыкъ. Ядовито-насмѣшливая улыбка вытупила и безъ того уже большой ротъ его чуть не до ушей.

— Здравствуй, дѣвица! произнесъ онъ хриплымъ, гнусловымъ голосомъ. Куда это ты такъ пристально засмотрѣлась, что даже забыла свою бабуку? Слышишь, какъ она стонетъ.

Елена скоро подошла къ постели старухи. Послѣдняя открыла тусклые, мутные глаза и, устремивъ ихъ на влупку съ устрашительною неподвижностью, пробормотала нѣсколько несвязныхъ словъ.

Михайло подошелъ къ больной вслѣдъ за Еленой.

— Каково тебѣ, матушка, спросилъ онъ старуху.

Послѣдняя продолжала шевелить губами.

— Приходила ли лекарка изъ Митьковки? спросилъ Калмыкъ, обратившись къ Еленѣ.

Молодая дѣвушка утвердительно кивнула головою.

— Чтѣ же она говоритъ? продолжалъ Калмыкъ.

Елена печально покачала головою.

— Чтѣ дѣлать, голубушка! Мы все подѣ Богомъ; притомъ же бабушка твоя пожила довольно... Не тужи, дитя мое, я тебя не оставляю...

При послѣднихъ словахъ молодая дѣвушка сдѣлала невольное движеніе отвращенія; какъ ни быстро было это движеніе, но Михайло замѣтилъ его, и горькая усмѣшка исказила лицо его.

— Я далъ клятвенное обѣщаніе твоей бабушкѣ, продолжалъ онъ: не покидать тебя и позаботиться о твоей судьбѣ, и сдер-

жу свою клятву... Послушай, Елена, прибавилъ онъ, приближившись къ молодой дѣвушкѣ и стараясь сколь возможно смягчить свой голосъ: — ты напрасно боишься меня; если тебѣ здѣшняя жизнь не нравится, то я не стану припеволивать тебя... Напротивъ, я употреблю все старанія, чтобы ты была счастлива... ты найдешь во мнѣ не строгаго опекуна, а нѣжнаго покровителя и защитника...

— Одинъ Богъ мой покровитель и защитникъ! отвѣчала Елена твердымъ, спокойнымъ голосомъ, отдалившись отъ приближавшагося къ ней Калмыка.

Послѣдній хотѣлъ что-то сказать, но зубы его невольно стиснулись. Нѣсколько секундъ простоялъ онъ молча, не будучи въ состояніи произнести слова.

— Не гордись! произнесъ онъ наконецъ: придетъ время, когда ты сама прибѣгнешь къ моей помощи.

— Никогда! отвѣчала съ твердостью молодая дѣвушка.

Сѣрые, суровые глаза Калмыка засверкали.

— Увидимъ, возразилъ онъ и, указавъ на окно, прибавилъ: не отъ того ли ждешь ты себѣ помощи?

Елена бросила на него взглядъ, исполненный негодованія.

Въ это самое время отворилась дверь и въ келью вошла Наталья. Лукавая насмѣшка выступила на лицѣ ея, когда она увидѣла Калмыка.

— Я думаю, что надобно будетъ послать за лекаркой, сказалъ послѣдній, внезапно взбѣнивъ тонъ и какъ бы продолжая разговоръ, прерванный приходомъ Натальи.

— Какая тутъ лекарка! сказала молодая женщина: никакая лекарка, никакой знахаръ отъ смерти не вылечатъ.

Елена печально опустила голову.

— Полно тужить, продолжала Наталья: бабушка твоя и такъ ужъ чужой вѣкъ захватила. Грустью ее не вылечишь, а скорѣе себя заморишь!

— Такъ намъ остается только молить Господа, чтобы онъ избавилъ ее отъ земныхъ страданій и принялъ душу ея въ царствіе небесное; прогнись Михайло съ лицемѣрнымъ смиреніемъ. До свиданія; коли чтѣ случится, пошлите за мной; я останусь здѣсь до вечера.

Съ этими словами Калмыкъ поклонился Еленѣ и Натальѣ, и вышелъ.

Наталья посмотрѣла ему вслѣдъ и пожала плечами, потомъ, обратившись къ Софьѣ, наклонилась къ ней и, взявъ ее за руку, спросила:

— Каково тебѣ бабушка?

Старуха вздрогнула и вытаращила на вопрошавшую глаза.

— Худо тебѣ? спросила опять Наталья.

Старуха продолжала безсмысленно смотрѣть на нее.

— Не слышишь?...

Большая скоро зашевелила губами, потомъ закрыла глаза и опять впала въ прежнюю безчувственность.

Наталья покачала головой, вздохнула и, поправивъ подушку старухи, обратилась къ Еленѣ.

— Ахъ ты моя сердешная, жаль мнѣ тебя! сказала она съ выраженіемъ искренняго участія.

Елена пожала руку молодой женщицѣ.

— Когда бабка твоя умретъ, куда ты дѣнешься? продолжала Наталья.

— Богъ милостивъ, отвѣчала Елена.

— Оно такъ, да вѣдъ пословица говоритъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Послушай, Елена, пойдемъ-ка сядемъ къ окну, да поговоримъ толкомъ... Мнѣ есть теперь время, такъ потолкуемъ же о тебѣ, пойдемъ.

Молодая дѣвушка молча послѣдовала за нею, и обѣ сѣли на скамьи, стоявшія у окна, по сторонамъ стола.

— Я знаю, Елена, сказала Наталья: что здѣшняя жизнь не по тебѣ; подъ крылышкомъ бабки ты могла еще маяться здѣсь кое-какъ; но когда ее не будетъ, ты умрешь съ тоски. Скажи мнѣ, неужели ты никогда не думала о томъ, что съ тобой будетъ, когда бабушка отправится на тотъ свѣтъ?

— Не думала.

— Ну, такъ теперь надобно подумать. Есть ли у тебя родные?

— Кромѣ бабушки никого нѣтъ.

— Почему ты это знаешь?

— Бабушка мнѣ всегда говорила, что родители мои умерли и что другихъ родныхъ у меня не было.

Наталья недоувѣрчиво покачала головой.

— Софья была старая раскольница, и мнѣ сдается, что она обманывала тебя...

Елена съ упрекомъ взглянула на Наталью и молча указала на умирающую.

— Ладно, ладно, отвѣчала Наталья: мы послѣ отъ этомъ потолкуемъ. Теперь же я пришла къ тебѣ съ предложеніемъ...

— Съ предложеніемъ? повторила молодая дѣвушка.

— Хоть оно и не совсѣмъ прилично при настоящихъ обстоятельствахъ, да время такое пришло, моя голубушка, что долго думать нечего. При томъ же, хоть я сама живу спустя рукава, да Богъ видитъ, что не виновата въ томъ... Обиды отъ отца роднаго не несусу, а за ласку готова въ огонь и воду; мужъ крѣпко обижалъ меня—я ушла отъ него. Да не въ томъ дѣло! прибавила она, грустно махнувъ рукою: я пришла къ тебѣ не за тѣмъ, чтобы рассказывать о себѣ. Послушай, Елена, замѣтила ли ты молодого офицера, который съ нѣкоторыхъ поръ ходитъ мимо нашихъ оконъ?

Молодая дѣвушка покраснѣла и опустила глаза.

— Я вижу, что ты замѣтила его. Скажи же мнѣ, правится ли онъ тебѣ?

— О, Наталья! какъ можешь ты спрашивать меня въ такое время...

— Въ такое время, когда надобно непременно на что-нибудь рѣшиться, перебила ее Наталья: не стыдись и не краснѣй. сердешная, прибавила она, съ сердечнымъ участіемъ взявъ руку молодой дѣвушки: хотя многія изъ нашихъ сестеръ-лицемерокъ порицаютъ Наталью за вольное поведеніе, но повѣрь, что она не такъ дурна, какъ кажется. Повѣрь мнѣ, что и я умѣю любить и цѣнить искреннее добро. Ты полюбила мнѣ, Елена, за свой добрый нравъ, за кротость и невинность. Послѣ смерти бабушки ты останешься круглою сиротою: позволю же мнѣ заступить тебѣ мѣсто матери... а слышавшее ли дѣло, чтобы мать захотѣла склонить свою дочь на недобрый, печальный поступокъ? И такъ, повторяю тебѣ, не стыдись, а будь со мною откровенна, какъ дочь съ матерью.

Съ этими словами Наталья встала, перешла на другую сторону стола, сѣла возлѣ молодой дѣвушки, взяла руку ея, и съ участіемъ смотря ей въ глаза, повторила прежній вопросъ:

— Скажи, правится ли онъ тебѣ?

Елена, тронутая простыми, но излившимися прямо изъ сердца

ца словами, опустила голову на грудь Натальи и тихо заплакала.

Чудный контраст представляли эти две женщины: одна могла служить идеалом дѣвственности, непорочности; въ другой проявлялась въ полномъ развитіи женственная чувственность. Несмотря на эту рѣзкую противоположность, они понимали одна другую въ эту минуту сердцемъ.

— Поплачь, поплачь, дитя мое, сказала Наталья, прослезившись сама: послѣ легче будетъ на сердцѣ. Что это? Ничего я сама съ тобой расплакалась? прибавила она, утеревъ рукавомъ слезы: экая я глупая! Пришла сватать, а своротила на слезы!

— Сватать? повторила Елена, скоро поднявъ голову и съ изумленіемъ смотря въ глаза молодой женщины.

— Ну, да, сватать! Чего же ты испужалась?

— О, перестань шутить, Наталья!

— Да я не шучу; я тебѣ истинную правду говорю.

— Ты не шутишь?

— Ни мало.

Елена продолжала съ изумленіемъ смотрѣть на Наталью.

— Что ты на меня смотришь? сказала послѣдняя, громко и весело смѣясь, между тѣмъ какъ слезы не успѣли еще высохнуть на глазахъ ея: печто я не похожа на сваху?

— Я тебя не понимаю.

— Дай высказать, такъ поймешь; я хочу сосватать тебя за добраго и красиваго молодца.

Слова эти произвели странное впечатлѣніе на Елену. Въ глубинѣ сердца ея зашевелилось нѣчто, подобное радости, которая хотѣла выказаться наружу, но — увы! эта радость была загнана въ самый отдаленный уголокъ сердца бѣдной дѣвушки и надъ нею накопилось, капля по каплѣ, столько горечи, столько страданій, что какъ-бы испугавшись ихъ, она робко, боязливо воротилась въ свой уголокъ... и умиліе выразилось на лицѣ Елены.

— Наталья, отвѣчала она: ты взялась за невозможное.

— Отчего невозможное?

— Кто захочетъ жениться на бѣдной сиротѣ?...

— Объ этомъ ты ужъ не заботься; это мое дѣло; а скажи

мнѣ лучше, захочетъ ли бѣдная сирота выдти за добраго молодца?

— Я никого не знаю...

— Ой ли?

— Никого; а незнакому чловѣку не могу отдать своей руки.

— Да ты знаешь того, о комъ я говорю.

Елена опустила глаза, потому что не умѣла притворяться. Сердце ея угадало, о комъ говорила Наталья.

— Э, плутовка! продолжала послѣдняя: зачѣмъ ты опустила глазки? Догадалась, видно.

— О, Наталья, не мучь меня! Да, я догадываюсь, о комъ ты говоришь...

— И сердечко твое бьется сильнѣе, перебила ее Наталья, приложивъ руку къ сердцу молодой дѣвушки.

— Да, продолжала послѣдняя: оно бьется сильнѣе, потому что... Наталья, ты добра, ты предлагаешь мнѣ свои услуги въ такое время, когда будущность представляется мнѣ въ самомъ черномъ видѣ; ты одна изъ всѣхъ окружающихъ меня поняла, что происходить въ моемъ сердцѣ, а потому я буду съ тобою откровенна.

— Давно бы такъ, мое дитятко! весело сказала Наталья: — ну, говори же, я буду слушать.

— Сердце мое бьется сильнѣе, потому-что я точно отличилась...

Елена замолчала.

— Молодаго ошцера, договорила Наталья: знаю; продолжай.

— Я отличилась его, потому-что на лицѣ его написано столько благородства, столько кротости, столько великодушія...

— Неужто все это написано на лицѣ его? спросила Наталья, лукаво улыбнувшись.

— Глаза его такъ краснорѣчиво говорили о томъ, что...

— Ну, о чемъ же? — договаривай.

— О томъ, что онъ сожалѣетъ обо мнѣ, отвѣчала Елена тихимъ голосомъ.

— Только-то? —

— Во взорѣ его я впервые встрѣтила то участіе, ту искрен-

нюю, сердечную привязанность, которой тщетно искала въ окружавшихъ меня...

— Правда, сказала Наталья, весело засмѣявшись: мы глазами не умѣемъ выражать нашу привязанность, намъ нужны слова.

— Нѣтъ, Наталья, съ чувствомъ возразила молодая дѣвушка: ты не словами, а дѣломъ доказываешь мнѣ свою привязанность.

— Ну, ладно, ладно, сказала молодая женщина, тронутая восклицаніемъ, вырвавшимся прямо изъ сердца Елены: мы сдѣлаемъ, что сможемъ. Но вернемся къ дѣлу. И такъ ты говоришь, что полюбила молодца?

— Полюбила? стыдливо повторила Елена: нѣтъ, я этого не говорила.

— Ну, полюбила или отличила, какъ ты говоришь, все равно!

— Ты думаешь? наввино спросила молодая дѣвушка.

— Вѣстимо! я отличаю только того, кого люблю, и на оборотъ люблю только того, кого отличаю.

— Можетъ быть, ты и правду говоришь, сказала Елена, печально опустивъ голову. Но тѣмъ хуже для меня.

— Хуже? Отчего? Комъ ты любишь его, такъ сватанье мое сладилось.

— О, Наталья! ты задумала невозможное.

— Не я задумала.

— А кто же?

— Онъ самъ.

— Кто, онъ?

— Фу, ты какая! Кто, онъ? Вѣстимо тотъ, о комъ мы говоримъ.

— Александръ!

— Ого, мать моя! Да ты ужъ знаешь, какъ его зовутъ.

— Я слышала, какъ пріятель, съ которымъ онъ всегда вмѣстѣ, звалъ его.

— Точно, точно. Его зовутъ Александромъ Степановичемъ Благово.

— И ты говоришь, что онъ задумалъ...?

— Посвататься на тебѣ.

— Да онъ меня не знаетъ!

— Онъ тебя столько же знаетъ, сколько ты его знаешь.

— О, нѣтъ, не можетъ быть! Ты смѣешься надо мною...

Наталья хотѣла отвѣчать, но въ это самое время старуха застонала.

Елена поспѣшно вскочила и подошла къ постелю.

— Пить... пить! пропзнесла старуха едва слышнымъ голосомъ.

Молодая дѣвушка подала ей кувшинъ съ водою. Старуха съ жадностію протянула къ нему сухія, поспившія губы, но едва проглотила нѣсколько капель, какъ отвернулась, отряпательно покачала головой, и опять внала въ прежнюю безчувственность.

— Она успокоилась, сказала Наталья: пойдешь, Елена.

— Нѣтъ, Наталья, нѣтъ, въ другой разъ... послѣ... послѣ; я упрекаю себя въ томъ, что забыла на время, что находилась возлѣ постели умирающей.

— Твое присутствіе не воротитъ ей жизни, точно такъ какъ нашъ разговоръ не сдѣлаетъ ей зла. Время дорого, Елена.

— Въ другой разъ, Наталья, умоляю тебя.

— Когда въ другой разъ? Онъ долженъ ѣхать на днѣхъ; быть можетъ, завтра... и я сегодня же должна дать ему отвѣтъ.

— О, скажась надо мною, Наталья! Могу ли я думать о себѣ въ такую минуту, когда смерть готовится отнять у меня мою единственную покровительницу?

— Въ эту-то минуту ты и должна думать о себѣ, потому что послѣ смерти твоей бабки ты останешься одна на свѣтѣ, одна!

— Богъ милостивъ, повторила Елена.

— Да, Богъ милостивъ, но люди злы!... Послушай, Елена, сказала Наталья серьезнымъ тономъ, и приблизившись къ молодой дѣвущкѣ: я сама слабая женщина, а потому не буду имѣть возможности защищать тебя отъ Калмыка!

Елена вздрогнула. Инстинктивно чувствовала она, откуда грозила ей величайшая опасность. Закрывъ лицо руками, она преклонила колѣни возлѣ кровати умирающей и стала молиться...

Увидала ли старуха движеніе внучки, или случайно костлявая рука ея поднялась и тихо опустилась на голову молодой дѣвушки.

Наталя съ умплениемъ глядѣла на эту сцену, но видя, что рука старухи, на минуту оживленная остаткомъ волн, отяжелѣла на головѣ ея, она сняла ее и, положивъ обратно на одеяло, коснулась плеча молодой дѣвушки.

— Теперь ты выслушаешь меня? спросила она.

Елена подняла голову; на лицѣ ея, подкрѣпленномъ молитвой, выражалось твердое спокойствіе.

— Да, сказала она: говори... да просвѣтитъ Господь мой разумъ и да внушитъ мнѣ, что дѣлать!

— Сяди же и слушай спокойно. По окончаніи службы, я по обыкновенію своему, пошла поздороваться съ Пилюкомъ... моимъ родственникомъ. Онъ разговаривалъ съ молодымъ офицеромъ, который былъ такъ грустенъ, такъ печаленъ, что мнѣ стало жаль его. Отведя Пилюка въ сторону, я спросила его о причинѣ печали его пріятеля.

«— Охъ, не спрашивай! отвѣчалъ Пилюкъ: мнѣ самому больно смотрѣть на него.

— Печто съ нимъ бѣда какая приключилась? спросила я.

«—Хуже бѣды, отвѣчалъ Пилюкъ: онъ влюбленъ.

— Влюбленъ? повторила я, засмѣявшись: такъ о чемъ же тутъ кручиниться?

Тогда Пилюкъ разсказалъ мнѣ, что онъ влюбленъ въ тебя... Не красивѣй, мое сердце; коли ты будешь красить за всѣхъ тѣхъ, которые влюбляются въ тебя, такъ у тебя румянца не хватить. — Я не приходила въ себя отъ удивленія. Пилюкъ разсказалъ мнѣ еще, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидалъ тебя, онъ, бѣдненькій, чахнетъ, тлѣетъ, какъ свѣчка. На вопросъ мой, кто онъ, что за человекъ, откуда, Пилюкъ отвѣчалъ, что Александръ Степановичъ Благово, поручикъ, ходилъ въ Турчину, за ранами остался здѣсь, и теперь, вымечившись, долженъ возвратиться въ свой полкъ...

— Онъ былъ рабень? съ участіемъ спросила Елена.

— Опасно, мать моя; едва едва остался живъ.

— Бѣдный!

— Такъ за чѣмъ же онъ не женится на ней? спросила я Пилюка.

«— Жениться? повторилъ Пилюкъ: да пригоже ли православному дворянину жениться на раскольницѣ?

— Извини, голубушка, но я разсказываю слово въ слово, какъ было дѣло.

— Какая она раскольница? отвѣчала я на слова Пилюка: развѣ она виновата въ томъ, что бабушка привезла ее сюда ребенкомъ и что она выросла здѣсь?

«Пилюкъ подумалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

«— А вотъ я пойду спрошу его, что онъ на это скажетъ.

Пилюкъ пошелъ къ молодому офицеру; я осталась въ сторонѣ и издали смотрѣла на нихъ. Послѣ первыхъ словъ Пилюка, яркій румянецъ разлился по щекамъ его; они поговорили еще съ минуту, потомъ подозвали меня.

Стыдливо и робко, какъ красная дѣвица, разсказалъ онъ мнѣ, что любить тебя всею душою, что ты для него красивѣе солнца яснаго, что онъ де чувствуетъ, что безъ тебя ему нѣтъ счастья на землѣ... чего! съ цѣлымъ коробъ наговорилъ, да такъ красно, что я и уши развѣсила, точно будто бы онъ мнѣ самой напѣвалъ свою соловьиною пѣсню. Наконецъ онъ кончилъ тѣмъ, что почтетъ себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, если и онъ не противенъ тебѣ, и что въ такомъ случаѣ онъ осмѣлится посвататься на тебѣ.

— Неужели онъ это сказалъ? спросила Елена, съ трепетнымъ вниманіемъ слѣдившая за каждымъ словомъ Натали.

— Разумѣется, сказалъ! Не пзъ своей же головы я это выдумала. Правда, онъ говорилъ гораздо красивѣе, да всего не упомянешь.

Когда онъ сказалъ, что готовъ жениться на тебѣ, я такъ обрадовалась, что чуть не бросилась къ нему на шею.»

— Добрая Наталя, сказала Елена съ признательностію.

— Его рѣчи развязали и мнѣ языкъ. Я пустилась разсказывать о тебѣ; сколько ты, бѣдненькая, горя перенесла и съ какими ангельскимъ терпѣніемъ. Я сказала ему, что ты тоже, вѣроятно, дочь знатныхъ и богатыхъ родителей, но что бабка привезла тебя въ Вѣтку ребенкомъ и живо похорошила здѣсь. Потомъ я сообщила ему, что бабка твоя при смерти и что, потерявъ ее, ты останешься круглою сиротою... Тогда, Елена, я въ первый разъ въ жизнь свою увидала слезы на глазахъ мужчпы и по этимъ слезамъ заключила, какъ крѣпко онъ любитъ тебя!...

И Елена, опустив голову на плечо доброй женщины, тихо плакала...

— Теперь я расскажу тебѣ въ двухъ словахъ, въ чемъ мы условились: впервыхъ я должна была узнать, любишь ли ты Александра Степановича. Если такъ, то тотчасъ, послѣ смерти твоей бабуи, я должна отвести тебя къ сестрѣ Пилока, доброй вдовѣ, которая приметъ тебя какъ родную. Тамъ ты увидишься съ Александромъ Степановичемъ, и сама скажешь ему то, чего я не сумѣю передать. Очастливленный твоимъ ласковымъ словомъ, онъ уѣдетъ въ Питербурхъ, устроитъ все дѣло, вернется сюда за тобою, а тамъ, съ Божіею помощію, веселымъ пиркомъ, да и за свадьбу!... Теперь тебѣ остается рѣшить, быть дѣву такъ или нѣтъ?

— О, Наталья! произнесла Елена едва слышнымъ голосомъ, скрывъ лицо на груди молодой женщины: — я боюсь счастья, болѣе и болѣе согрѣвающего мое сердце!

— Не бойся, дитятко, такое чистое счастье отъ Бога... Но говори, что должна я отвѣчать?...

Молодая дѣвушка хотѣла что-то сказать, но въ это самое время послышался хриплый голосъ старухи, показывавшей уже во время разсказа Натальи нѣкоторое безпокойство.

— Книжеская дочь! произнесла она, судорожно перебирая пальцами: суета!... Елена... Елена... не ходи!... Покни отца земнаго... ради Отца небснаго... Онъ плачетъ?... Не вѣрь... Что онъ тебѣ за отецъ?... Развѣ не я воспитала тебя?... Если я погрѣшила... отъ своего... неразумія... Господи, помилуй мя... помилуй мя, Боже... по величій милости Твоей...

И слова старухи становились все невзвѣннѣе и невзвѣннѣе; наконецъ, она совсѣмъ замолчала, только губы продолжали шевелиться.

Елена съ изумленіемъ глядѣла на Наталью, которая стояла неподвижно, какъ бы все еще вслушиваясь въ слова старухи. Но когда послѣдняя замолчала, Наталья крѣпко сжала руку молодой дѣвушки и сказала.

— Ты слышала?

— Это она уже не въ первый разъ говоритъ, отвѣчала Елена.

— Не въ первый? И все тѣже слова?

— Почти тѣ же.

— Елена, сказала Наталья серьезно: я была увѣрена, что бабука скрывала отъ тебя тайну.... Теперь она можетъ высказать ее.... Не отходи отъ постели больной, вслушивайся въ каждое слово ее....

— О, Наталья! вскричала молодая дѣвушка съ чувствомъ неудовольствія.

— Не для себя, Елена, не для себя, а для родителей, которые, можетъ быть, давно плачутъ о потерянной дочери!...

— Мать моя на небесахъ, сказала Елена.

— А отецъ?

Молодая дѣвушка вздохнула.

— Отецъ твой живъ! сказала Наталья съ убѣжденіемъ: повторяю, вслушивайся въ каждое слово бабуи и, кто знаетъ? Можетъ быть, Господь, въ награду за твою добродѣтель, готовитъ тебѣ не одно счастье!... Теперь отвѣчай: что должна я сказать Александру Степановичу?

Елена промолчала съ минуту, обративъ взоръ къ небу, какъ бы умоляя Всевышняго вразумить ее; потомъ бросилась къ Натальѣ на шею и почти на ухо шепнула ей:

— Я послѣдую за тобою, если лишусь своей единственной покровительницы!...

— Разумно, дитятко мое, сказала Наталья, утеревъ слезы, выкатившіяся изъ глазъ ея: грѣшно отталкивать отъ себя счастье, видимо ниспосылаемое самимъ Господомъ. Теперь прощай; я боюсь, чтобы твой Александръ не сгорѣлъ отъ нетерпѣнія.

И поцѣловавъ молодую дѣвушку въ лобъ, Наталья подошла къ кровати больной, посмотрѣла на нее, еще разъ кивнула головой Еленѣ и вышла.

Елена осталась одна. Послѣднія слова Натальи: *твой Александръ* глубоко отозвалось въ сердцѣ ея.

Крѣпко сжавъ голову обѣими руками, она старалась привести въ порядокъ мысли свои. Неужели это не сонъ, не мечта? Неужели она, за часъ считавшая себя всѣми покинутою сиротою, нашла себѣ покровителя по сердцу? Господь сжалился надъ нею и насталъ конецъ страданіямъ ея!...

Опустившись на скамью, молодая дѣвушка задумалась .. по мысли ея были не печальны, ибо отражались на прелестномъ

лицъ ея улыбкой, ясной, какъ день, чистой, какъ безоблачное небо....

Долго, долго длилась тишина.

Солнце давно уже скрылось за высокими соснами и елями, и синеватая тѣнь легла на все строеніе; только на вершинахъ самыхъ высокихъ деревь игралъ еще красноватый свѣтъ...

Толпы нетрезвыхъ раскольниковъ проходили по временамъ по двору, расходились въ разные стороны, и мало-по-малу гулъ говора ихъ затихалъ, и тяжелая, могильная тишина ложилась на окрестности.

И самый вѣтеръ, какъ бы уважая эту тишину, не колыхалъ вѣтвей деревь; а небо изъ свѣтло-голубаго становилось все болѣе и болѣе синимъ.

Въ единственное окно, закрытое занавѣской, проходило мало свѣту, и ярче, свѣтлѣе обозначался свѣтъ отъ лампы, горѣвшей въ комнатѣ Софьи.

Когда волненіе, въ которомъ молодая дѣвушка находилась съ утра, успокоилось, когда мысли ея пришли въ порядокъ, когда, наконецъ, она рѣшилась предать судьбу свою во власть Всевышняго; тогда Елена вспомнила, что ничего не ѣла съ утра.

Въ шкафу, на нижней полкѣ стоялъ обѣдъ, принесенный съ общей трапезы одною изъ прислужницъ. Но жирная похлебка простыла и покрылась слоемъ окрѣнувшего жира; оставалась жареная рыба и кисель.

Да простятъ намъ тѣ изъ нашихъ читателей, которые любятъ, чтобы герои романовъ питались однимъ воздухомъ и сантиментальностію. Онѣ отбросятъ, можетъ быть, съ презрѣніемъ книгу, если мы впадимся въ страшную прозу далеко невоздушнаго обѣда молодой дѣвушки; но что дѣлать! Хотя бы намъ пришлось возбудить сильнѣйшее негодованіе нашихъ прелестныхъ читателей, мы останемся вѣрны исторической жизни: отъ жареной рыбы остались одни косточки, а кисель исчезъ совершенно.

Къ болѣе досадѣ отвлеченно-поэтическихъ читателей, мы должны прибавить, что Елена не только не раскаялась въ томъ, что предалась грубому, прозаическому занятію, но что, напротивъ, послѣ него ей стало легче на-сердцѣ. Надежда еще болѣе утвердилась въ немъ, и съ ощущеніемъ, столь же гру-

стнымъ, какъ и прежде, но уже не тягостнымъ, подошла она къ кровати больной бабушки.

Послѣдняя уже нѣсколько минутъ была въ сильномъ лихорадочномъ волненіи. Казалось воздухъ, вдыхаемый ею, не проходилъ уже въ грудь ея, отчего дыханіе ея было скоро и часто. Въ тусклыхъ до этихъ поръ глазахъ ея былъ отблескъ внутренняго лихорадочнаго огня.

— Не надо ли тебѣ чего, бабушка? спросила Елена, наклонившись къ ней.

— Пить... отвѣчала старуха.

Молодая дѣвушка взяла кувшинъ и поднесла его къ губамъ больной, по послѣднія судорожнымъ движеніемъ руки оттолкнула его и устремила глаза впередъ.

— Не тронь... произнесла она дрожащимъ голосомъ: не тронь!... За чѣмъ ты.. роешься... въ моемъ сундукѣ?... Поди прочь!....

И старуха махнула рукой.

— Напейся, бабушка, тебѣ будетъ легче, сказала Елена.

— Нашла!... Подай... подай сюда!... Сожги ихъ... или иѣтъ... положи со мною... сюда, подъ подушку....

Больная промолчала нѣсколько секундъ, потомъ продолжала:

— Голубушка... дитятко мое... отдай мнѣ... эти бумаги.... Положи ихъ сюда.. когда я выздоровлю... тогда я покажу ихъ тебѣ... отдай мнѣ....

И она сдѣлала скорое движеніе рукою, повернулась на-бокъ и прижала голову къ подушкѣ; лицо ея искривилось и, хрипло засмѣявшись, она вскричала:

— Не дамъ!... не дамъ!... У тебя иѣтъ отца!... онъ умеръ... умеръ!... А тебѣ... грѣшнику... не видать дочки... не видать!...

Минуту спустя, прежняя тишина наступила въ комнатѣ.

Елена слушала и не довѣряла своему слуху. Сомнѣніе, заброшенное въ умъ ея Натальей, увеличивалось съ каждымъ словомъ старухи. Стоить только проложить надеждѣ путь къ сердцу и она скоро овладѣетъ имъ.

Молодая дѣвушка смотрѣла на лицо бабушки, принявшее прежнюю безжизненность, и каждая неподвижная черта этого лица напоминала бѣдной сиротѣ страдальческую жизнь ея....

Она вспомнила строгую привязанность старухи, ни разу не

согрѣвшей сердце ея, жаждавшее болѣе нѣжнаго участія... она вспомнила холодность, съ которою бабушка останавливала всѣ естественные порывы ея сердца, и сомнѣніе, вкраившееся въ умъ ея, усиливалось болѣе и болѣе...

— При томъ же, думала она, отчего уклонялась она всегда отъ разговоровъ о мнѣхъ родителяхъ, между тѣмъ, какъ всѣ другія старухи, по естественной потребности сердца, такъ любятъ говорить о дѣтяхъ, которыхъ онѣ пережили? Отчего слышала я отъ нея о моемъ отцѣ только то, что онъ умеръ?.. О, Боже мой, Боже мой! Неужели Наталья не ошибается?

И молодая дѣвушка бросила невольный взглядъ на сундукъ, окованный желѣзомъ, стоявшій возлѣ двери. Тяжелый замокъ служилъ надежнымъ хранителемъ тайны, объясненіе которой, заключалось, быть можетъ, въ этомъ сундукѣ.

Тогда Елена вспомнила еще, что бабушка никогда не позволяла ей открывать этого сундука, ключъ отъ котораго всегда носила при себѣ, и каждое изъ этихъ воспоминаній придавало болѣе вѣроятности сомнѣнію Натальи.

Сильно билось сердце молодой дѣвушки, и какъ бы машинально пошла она къ иконамъ. Тамъ, на полкѣ, лежалъ старый, заржавленный ключъ.

Медленно протянула она руку къ ключу, но страхъ остановилъ ее.

Тогда она подняла взоръ къ небу.

— Господи! произнесла она тихимъ голосомъ: отними у меня силу, если я дѣйствую противно Твоей святой волѣ!...

Послѣ этихъ словъ, она ободрилась и взяла ключъ.

Секунду спустя, старый замокъ рѣзко щелкнулъ.

Звукъ этотъ, находившійся въ столь тѣсной связи съ идеями, владѣвшими остаткомъ жизни старой Софьи, заставилъ ее вздрогнуть. Потомъ она тихо повернула голову и устремила глаза на внучку.

Но послѣдняя была такъ взволнована, что ничего не примѣчала. Съ трудомъ подняла она дрожащею рукою тяжелую крышку сундука. Изъ него пахнуло затхлымъ запахомъ.

Сундукъ былъ наполненъ старыми, ветхими нарядами прошлаго вѣка. Дрожащими отъ нетерпѣнія и боязненнаго ожи-

данія руками, стала Елена перебирать всѣ вещи, но ничего особеннаго въ нихъ не находила.

Осторожно складывая всѣ вещи на крышку, она добралась до дна сундука и не нашла ничего. Не теряя еще надежды, она стала обратно складывать, въ прежнемъ порядкѣ, всѣ вещи, ощупывая, отряхая каждую изъ нихъ — но тщетно... Оставалось уложить еще одинъ сарафанъ, а такъ какъ онъ лежалъ сверху, то молодая дѣвушка не надѣялась найти въ немъ ничего, и грустно опустила голову.

Но по благому, премудрому устройству человѣческой природы, надежда, этотъ неистощимый источникъ, изъ котораго страдалецъ до послѣдней минуты своей почерпаетъ новыя жизненные силы, — не скоро покидаетъ насъ. Подобно плосу, обвивающему дубъ и цѣпляющемуся за малѣйшіе сучокъ, обвиваетъ и надежда наше сердце.

Наступаетъ зима, холодный вѣтеръ срываетъ съ дуба широкія листья; онъ принимаетъ мрачный видъ; одинъ плоскъ, вѣчно зеленый, остается вѣрнѣе ему.

Человѣка поражаютъ горести; мучительныя страданія наполняютъ сердце его горечью; отчаяніе готово овладѣть имъ; но надежда, вѣчно оживотворяющая, поддерживаетъ его...

Елена схватила полнялый отъ времени сарафанъ, осмотрѣла его внимательно, ощупала подкладку его и — удѣдилась, что слова старухи были пустой бредъ горячки, или имѣли другое значеніе.

— Нѣтъ, подумала она: я напрасно надѣялась.... напрасно мечтала о блаженствѣ.... надежда моя была безразсудна.... Бѣдная бабушка! я подозрѣвала тебя!...

Съ этими словами Елена хотѣла уже опустить крышку, какъ вдругъ глаза ея случайно обратились на мѣдную досочку, находившуюся на внутренней сторонѣ крышки.

И внезапно лучъ надежды опять освѣтилъ душу молодой дѣвушки; сердце ея забилось сильнѣе; быстрымъ взглядомъ осмотрѣла она крышку: наружная выпуклость ея не соответствовала внутренней вогнутости... слѣдовательно, во внутренности ея былъ еще ящикъ!

Елена осмотрѣла мѣдную досочку; она была прибита однимъ винтомъ, приходившимся по серединѣ ея. Елена прижала впитъ, но онъ оставался неподвиженъ; тщетно осматривала

она всю крышку; ничего, кромѣ этой дощечки, не было на ней....

Со слезами досады хотѣла Елена сорвать дощечку, но только ссадила себѣ до крови палецъ; всѣ усилія ея открыть двойное дно крышки сундука оставались тщетными.

Во все это время глаза больной были неподвижны и съ выраженіемъ боязни устремлены на нее; казалось, жизнь пробудилась въ этихъ глазахъ, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдила старуха за каждымъ движеніемъ своей внучки.

Наконецъ, рѣшившись, во что бы то ни стало отворить двойное дно, Елена хотѣла встать, чтобы идти за пожемъ; но вставая она схватилась за желѣзную петлю, надѣвавшуюся на крючекъ, въ который вкладывался замокъ, притянула эту петлю нѣсколько внизъ и въ то же мгновеніе шепнула пружина....

Двойное дно крышки отворилось.

Молодая дѣвушка чуть не вскрикнула отъ радости и съ жадностію взглянула въ потайной ящикъ.

Въ тоже время старуха сдѣлала немовѣрное усиліе, чтобы подняться; она открыла ротъ, чтобы вскрикнуть; но ни силы, ни голоса не повиновались ей, и она въ изнеможеніи опустила голову обратно на подушки.

Въ потайномъ ящикѣ Елена нашла дѣтское платье, страннаго незнакомаго ей покрою, дѣтское бѣлье, сафьянные башмачки, маленькій образецъ на шелковой тесемкѣ, и нѣсколько бумагъ, пожелтѣлыхъ отъ времени и перевязанныхъ лентой.

Сильнѣе забилось сердце молодой дѣвушки; предчувствіе говорило ей, что въ найденныхъ ею бумагахъ заключается разгадка прошедшей и судьба будущей жизни ея... Какъ бы вступая уже во владѣніе своимъ достоинствомъ, она накиннула образецъ на шею, схватила пакетъ бумагъ и, поспѣшно вставъ, пошла къ лампадѣ.

Едва стала она распутывать узелъ ленты, которою была перевязаны бумаги, какъ услышала предсмертнѣй стонъ своей бабушки.

Сердце Елены скалось необъяснимою боязнію.... Она стала на колѣни у одра умирающей, спрятавъ пакетъ на груди. Черезъ нѣсколько минутъ Елена осталась круглою сиротою.

ГЛАВА VI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ АГАООНА КАРПЫЧА.

Въ частѣ лѣса, окружавшаго раскольничій монастырь и въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдняго, расположились на травѣ пять человѣкъ.

Трое изъ нихъ, положивъ подъ голову мѣшки, разгоняли птиць богатырскимъ храпѣніемъ; четвертый, по вѣдному, только что проснулся, потому-что потягивался, сидя на травѣ; пятый стоялъ, прислонившись къ дереву.

Эти люди были Агаонъ Карпычъ, храпѣвшій басовую партію въ громкомъ тріо, и мнимые переворотни.

Солнце скрылось. Мракъ болѣе и болѣе сгушался; поднявшійся вѣтерокъ нагонялъ тучи на синее небо и шумѣлъ въ частѣ лѣсной.

Человѣкъ, стоявшій у дерева, нетерпѣливо ударилъ огнивомъ о камень, и обильно сыпавшіяся искры, подобно молніи, освѣщали живописную группу и усила высквавшего огонь.

— Отсырѣлъ проклятый! произнесъ онъ съ досадою.

— Потри порохомъ, сказалъ ему проснувшійся товарищъ: скорѣе загорится.

— И въ правду; я не догадался.

Усачъ послѣдовалъ совѣту своего товарища; минуту спустя труть загорѣлся, и усачъ сталъ закуривать коротенькую деревянную трубку.

— Вотъ такъ, сказалъ онъ, пустивъ первую струю дыма: вотъ теперь и холодъ не такъ прохватываетъ. А что, Сидоровъ, долго мы еще будемъ ждать? Я чай, теперь уже близко къ полудню?

— Неужто?

— Да, пожалуй, что такъ.

— Надобно разбудить Агаона Карпыча. Пихни-ка его, Панковъ; тебѣ ближе.

Усачъ наклонился къ Агаону Карпычу и толкнулъ его. Рас-

колышникъ-эпикурецъ храпнулъ только громче, но не пошевелился.

Тщетно тормошилъ его Панковъ; Агаѳонъ Карпычъ подергивалъ только плечами, и переворачивался съ боку на бокъ.

— Постой, я же тебя разбуджу, сказалъ усачъ, и присѣвъ возлѣ Агаѳона Карпыча, сталъ пускать ему въ лицо густые клубы весьма неблаговоиного дыма махорки.

Это подѣйствовало. Расколышникъ сперва потеръ своимъ толстымъ и краснымъ указательнымъ пальцемъ носъ, потомъ чихнулъ и, наконецъ, закашлялся такъ шумно, что и два товарища его проснулись.

— Тыфу! сказалъ онъ, плюнувъ съ сердцемъ и протирая глаза: какъ здѣсь угарно!

Усачъ захохоталъ.

— Проспись хорошенько, сказалъ онъ: гдѣ тутъ быть угару? Ты вѣдь не въ избѣ.

— Не въ избѣ? машинально повторилъ Агаѳонъ Карпычъ, не раскрывая еще глаза, но начавъ почесываться, по національному русскому обычаю. Что не въ избѣ? повторилъ онъ такъ же бессознательно, какъ и въ первый разъ.

— Смотри-ка, Карпычъ, сказалъ усачъ: ужъ ночь на дворѣ, не пора ли намъ прийтись за дѣло.

— За какое дѣло? спросилъ Агаѳонъ Карпычъ, зѣвнувъ и съ наслажденіемъ почесываясь подъ мышкой.

— Да ну, проспись же, соня!

— Я проснулся; чтѣ ты присталъ ко мнѣ!

И потянувшись, Агаѳонъ Карпычъ хотѣлъ было опять опустить голову на мѣшокъ, но Панковъ удержалъ его.

— Послушай, сказалъ онъ: если ты не встанешь, такъ мы уйдемъ! Коли спать, такъ лучше на печи, нежели подъ деревомъ.

— Разуѣбется, лучше, хладнокровно отвѣчалъ Агаѳонъ Карпычъ, открывъ глаза и осматриваясь.

— Такъ зачѣмъ же ты привелъ насъ сюда?

— Зачѣмъ?... Постой, дай вспомнить....

— Долго ты будешь вспоминать? нетерпѣливо сказалъ усачъ. Бросьте его, братцы!...

— Ну, ну, не горячись, возразилъ совершенно проснувшійся Агаѳонъ Карпычъ: я встаю.... да не рано ли?

— Какой чортъ рано! Я чай, ужъ пѣтухи поютъ. Агаѳонъ Карпычъ лѣниво всталъ, отряхнулся, произнесъ выразительное брррр! и поднялъ свой мѣшокъ.

— Ну, вставайте, братцы! сказалъ онъ: и въ самомъ дѣлѣ, кажись, поздно. Повозка, можетъ быть, давно ждетъ насъ.

— А кто виноватъ? возразилъ усачъ.

— Никто не виноватъ, отвѣчалъ Агаѳонъ Карпычъ: будто безъ виноватаго не обойдется дѣло. Пойдемте; оружіе при васъ?

— При насъ, при насъ, отвѣчали товарищи его.

— Пистолеты при мнѣ, сказалъ усачъ: да только я ихъ въ руку не возьму.

— Отчего?

— Оттого, что я ни въ бабу, ни въ курицу никогда стрѣлять не буду.

— Ладно, ладно, возразилъ Агаѳонъ Карпычъ; ты еще не знаешь, что тамъ за бабы. Выйдемте на дорогу; теперь мы тамъ никого не встрѣтимъ; а то коли лѣсомъ идти, такъ въ этой темнотѣ какъ разъ глаза выколешь. За мной.

Нѣсколько минутъ шли они, спотыкаясь о кочки, цѣпляясь за сучья, и наконецъ, вышли на дорогу.

Тамъ не было ни души; только лѣсъ шумѣлъ, да пѣзъ набѣжавшихъ тучъ сталъ крапывать мелкій дождикъ.

— Вотъ тебѣ разъ! вскричалъ усачъ: этого не доставало.... насъ промочить....

— Тсъ! прервалъ слова его Агаѳонъ Карпычъ: теперь не разговаривать.... гуськомъ, братцы, гуськомъ.... держитесь опушки лѣса и чуть кого завидите, шмыгъ за кусты!...

Усачъ проворчалъ какое-то проклятiе, но послѣдовалъ распоряженію расколышника.

Около четверти часа пробирались они молча и безъ шума; вдругъ одинъ изъ товарищей Агаѳона Карпыча остановился.

— Тише! произнесъ онъ шопотомъ.

— Чтѣ такое? спросилъ Агаѳонъ Карпычъ боязливо.

— Мнѣ слышалось ржаніе лошади.

— Гдѣ?

— Въ той сторонѣ.

— Ага! сказалъ Агаѳонъ Карпычъ, успокоившись: это, вѣр-

но, паша повозка. Прибавимте шагу; только, чурь, не шумѣть.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ и на поворотѣ дороги глазамъ ихъ представилась черная масса монастырскаго строения. Мрачно высилась остроконечная кровля часовни, едва-едва отдѣляясь отъ темнаго неба.

Ворота были отворены настежь, и за ними видѣлся рядъ оконъ, слабо освѣщенныхъ лампадами, теплѣвшимися передъ иконами.

Все, казалось, покоилось крѣпкимъ сномъ, и только шумъ дождя, накрапывавшаго на листья деревь, прерывалъ почную тишину.

Агаоонъ Карпычъ остановился.

Въ тоже мгновение человекъ, стоявшій на краю дороги и, по видимому, поджидавшій кого-то, скрылся въ лѣсъ.

— Прежде, чѣмъ пойдемъ далѣе, сказалъ Агаоонъ Карпычъ: надобно удостовѣриться, прѣехала ли наша повозка. Пойдите здѣсь, я пойду посмотрю.

Кустарникъ, возлѣ котораго стоялъ Агаоонъ Карпычъ, зашумѣлъ, раздвинулся, и передъ раскольниковъ явился человекъ высокаго роста.

— Не-зачѣмъ, сказалъ онъ глухимъ голосомъ: повозка давно ждетъ васъ.

— Отче Лазарь! произнесъ Агаоонъ Карпычъ, отступивъ съ изумленіемъ.

— Я обошелъ все гнѣздо, продолжалъ Лазарь: вокругъ него теперь живою душою нѣтъ....

Потомъ, благословивъ Агаоона Карпыча и четырехъ товарищей его, онъ продолжалъ восторженнымъ голосомъ, указывая на монастырь.

— Градите убо, братіе; се печать антихристова, и подobaетъ сокрушити ее, и домъ сей, яко мерзость запустѣнія ищрипнути!...

Агаоонъ Карпычъ былъ не очень ревностный приверженецъ раскола, въ который попалъ, такъ сказать, нечаянно, и болѣе по слабости характера, нежели по убѣжденію; онъ, вѣроятно, давно бы возвратился къ православной вѣрѣ, еслибъ отче Лазарь не имѣлъ на него такого сильнаго вліянія. Агаоонъ Карпычъ боялся этого честолюбца-фанатика.

Молча поклонившись, онъ пошелъ къ монастырю. Товарищи послѣдовали за нимъ, стараясь однакожъ не подходить слишкомъ близко къ Лазарю. Усачъ, рассказывая вполнѣдствіи объ этой сценѣ, божился своимъ слушателямъ, что онъ видѣлъ, какъ глаза раскольника засверкали точно уголья, и какъ изо рту его пахнуло пламя.

Нѣсколько мнпуть спустя, они подошли къ монастырю.

Агаоонъ Карпычъ съ трепетнымъ сердцемъ вошелъ въ ворота и поворотилъ направо. Товарищи его слѣдовали за нимъ, притаивъ дыханіе.

Отче Лазарь остался у воротъ.

Теперь считаемъ нужнымъ объяснить читателямъ, какимъ образомъ отче Лазарь и Агаоонъ Карпычъ, которыхъ мы оставили въ Петербургѣ, очутились въ центрѣ Вѣтки.

Читатели помнятъ, что бѣдный Агаоонъ Карпычъ, попавшійся въ руки шпионовъ Бирона, подвергся мучительной пытке. Когда онъ лишился чувствъ, его вынесли и бросили въ сырое подземелье. Тамъ бѣднякъ, о которомъ забыли или отъ котораго не надѣялись узнать ничего важнаго, содержался нѣсколько недѣль, горько оплакивая свою неумѣренность и считая себя навсегда отлученнымъ отъ міра.

Между тѣмъ Лазарь продолжалъ навѣщать князя, поселившагося со своею молодою женою по близости дворца и не находившаго еще случая представить свою просьбу государынь. Наконецъ этотъ случай представился: Анна Иоанновна милостиво выслушала просьбу шута; но по обыкновенію своему, передала ее Бирону, изъявивъ желаніе, чтобы положеніе несчастнаго отца, столь долго оплакивавшаго дочь свою, было уважено.

Биронъ долго медлилъ: зная, что князь Лигонцъ принадлежалъ къ числу враговъ его, онъ хотѣлъ и въ этомъ обстоятельстве дать ему почувствовать свое могущество.

Старый камеръ-пажъ вторично обратился къ императрицѣ. Анна Иоанновна, полагавшая, что это дѣло давно уже кончено, отослала князя къ Бирону. Гордость перваго возмущилась, но на что никогда не рѣшился бы русскій дворянинъ, тому покорится отецъ.

Квасникъ былъ бы вполне счастливъ преданностью и ан-

гельским самоотверженіемъ своей молодой жены, если бы мысль о дочери не отравляла счастья его; а эта мысль болѣе прежняго овладѣла имъ съ тѣхъ поръ, какъ исповѣдь отче Лазаря внушила ему надежду.

И такъ князь обратился къ Бирону.

Съ прощескою усмѣшкою выслушалъ герцогъ просьбу несчастнаго отца, и отвѣчалъ, что кающемуся раскольнику будетъ даровано прощеніе, если князь согласится открыть всѣ намѣренія и замыслы заговорщиковъ.

Князь отвѣчалъ съ негодованіемъ, что онъ никакихъ заговорщиковъ не знаетъ.

Биронъ презрительно пожалъ плечами и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не намѣренъ оказывать услуги князю. Послѣдній сталъ умолять его со слезами на глазахъ, но герцогъ отвернулся и ушелъ отъ него.

Отчаяніе овладѣло княземъ; онъ рѣшился рассказать обо всемъ Лазарю, надѣясь, что тотъ скажется надъ нимъ. Но онъ ошибся: будучи слишкомъ хитеръ и коваренъ, чтобы прямо отказать Кваспику, Лазарь, напротивъ, подалъ ему еще большую надежду и, называя Бирона еретникомъ, антихристомъ, старался допросить князя и выпытать нѣкоторыя изъ тайнъ заговорщиковъ.

Онъ узналъ весьма немного, но и этого ему было достаточно. Обдумавъ хорошенько свой планъ, онъ однажды утромъ отправился къ Бирону.

Отъ купца, у котораго отче Лазарь остановился, онъ узналъ, что случилось съ Агаономъ Карпычемъ, и мало безпокоился о томъ. Но теперь онъ вспомнилъ объ немъ, потому-что могъ воспользоваться плечемъ бѣдняка, чтобы быть скорѣе впушеннымъ къ курляндскому герцогу,

Объявивъ, что онъ имѣетъ сообщить нѣчто весьма важное его свѣтлости касательно раскольника, взятаго за непочтительныя выраженія на празднествѣ, бывшемъ по случаю заключенія мирнаго договора съ Турціею, отче Лазарь былъ немедленно введенъ въ кабинетъ Бирона.

Долго длился разговоръ вельможи съ фанатикомъ.

Биронъ разгадалъ душу раскольника; онъ понималъ, какую пользу можетъ извлечь изъ склонности его ко злу, и два честолюбца, изъ которыхъ одного прихотливая судьба возвела

на вершину счастья, а другаго провела черезъ цѣлый рядъ несчастій и униженій, заключили между собою договоръ.

Оба были порочны, съ тою только разницею, что въ одномъ удовлетворенное честолюбіе развilo природныя дурныя качества, въ другомъ же постоянныя неудачи и униженія заглушили добрыя, быть можетъ, качества.

Договоръ, заключенный между ними, вполне соответствовалъ наклонностямъ ихъ: отче Лазарь обѣщался предать въ руки Бирона раскольниковъ, истребленіемъ которыхъ герцогъ желалъ сдѣлать себѣ новую заслугу въ глазахъ Императрицы; а ему въ настоящее время пужны были силы, чтобы нанести рѣшительный ударъ своимъ врагамъ; кромѣ того, Лазарь обѣщавъ отдать въ руки герцога дочь князя Лугоцына; повторемъ, Бирону пужны были всевозможныя орудія, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать противъ своихъ враговъ.

Лазарь же становился за это подъ могущественную защиту Бирона; о помилowanіи его опасно было объявить официально; раскольникъ удовлетворялся и тайнымъ, съ глазу на глазъ дарованнымъ помилowanіемъ.

Но Лазарю пуженъ былъ помощникъ, человекъ слѣпо преданный и готовый повиноваться ему не разсуждая. Онъ напомнилъ герцогу объ Агаононѣ Карпычѣ и просилъ сказать, что съ нимъ случилось.

Биронъ приказалъ позвать Рабе.

Рабе справился со своими списками и отвѣчалъ, что человекъ, взятый тогда-то и по такому-то случаю, былъ допрашиваемъ, пытанъ и найденъ ничтожнымъ, а потому заключенъ въ подземелье.

Къ крайнему изумленію Рабе, Биронъ приказалъ освободить этого человека; тогда Лазарь выпросилъ себѣ у Бирона еще слѣдующую милость: чтобы ему позволено было самому вывести изъ подземелья своего товарища.

Герцогъ курляндскій понялъ причины Лазаря и согласился на желаніе его.

Новые знакомцы разстались, весьма довольные другъ другомъ.

Бѣдный Агаѳонъ Карпычъ отчаявался уже увидѣть когда либо свѣтъ Божій, дохнуть когда-либо свѣжимъ воздухомъ. Болѣе мѣсяца мучился онъ въ сыромъ, душномъ подземельи, не видя никого, кромѣ глухаго сторожа, приносившаго ему двухдневную порцію воды и хлѣба. Но увы! этой двухдневной порціи было едва достаточно на одинъ обѣдъ несчастному Агаѳону Карпычу, котораго природа надѣлила добрымъ аппетитомъ, такъ что онъ былъ сначала только черезъ день и то не до-сыта. Но вскорѣ недостатокъ движенія, тоска, довела его до того, что онъ и въ два дня не могъ съѣдать того, чего прежде ему было мало на одинъ. Тогда бѣдный Агаѳонъ Карпычъ сталъ дѣлиться съ товарищами своего уединенія, добровольными узниками—крысами.

Однажды вечеромъ, когда онъ предавался этому пріятному препровожденію времени въ темнотѣ, потому-что экономическое тюремное управленіе не сочло нужнымъ снабдить узника даже лампадой; когда Агаѳонъ Карпычъ бросалъ по сторонамъ кусочки хлѣба, не видя своихъ гостей, но только слыша, какъ они рыскали по каменному полу или шумѣли въ соломѣ, ему послышалось, что кто-то подошелъ къ двери его темницы.

Сердце Агаѳона Карпыча сжалось боязнію: съ тѣхъ поръ, какъ его бросили въ подземелье, глухой стражъ ни разу не приходилъ въ такое позднее время. Онъ вспомнилъ о пыткѣ, о допросѣ, и холодный потъ выступилъ на вискахъ его.

Непривычная рука вложила ключъ въ замѣкъ... замѣкъ щелкнулъ...

Тяжело отворилась дверь и свѣтъ отъ фонаря упалъ въ мрачное подземелье... испуганныя крысы разбѣжались въ разные стороны.

Агаѳонъ Карпычъ перекрестился... какъ ни мучительно было заточеніе его, но пытка была еще мучительнѣе...

На порогѣ стоялъ отче Лазарь...

Агаѳонъ Карпычъ вскрикнулъ отъ изумленія и суетвѣрнаго страха, узнавъ его.

Лазарь насупилъ брови, приложилъ палецъ къ губамъ, и потомъ сдѣлалъ знакъ узнику, чтобы онъ послѣдовалъ за нимъ.

Агаѳонъ Карпычъ не зналъ, на что рѣшиться: слѣдовать ли ему за привидѣніемъ, или закрыть глаза и отвернуться. Наконецъ, вторичный, болѣе повелительный знакъ Лазаря заставилъ его вскочить. Читая про себя оглашенные молитвы и крестясь, послѣдовалъ бѣднякъ за манящимъ его за собою привидѣніемъ.

Дойдя до порога своей темницы, Агаѳонъ Карпычъ остановился въ нерѣшимости; ему казалось, что все это одно видѣніе, напущенное на него лукавымъ, что дверь заперта по прежнему и что если онъ полезетъ на нее, то непременно расшибетъ себѣ лобъ.

Между тѣмъ отче Лазарь продолжалъ медленно идти впередъ.

Агаѳонъ Карпычъ робко протянулъ ногу, будучи вполне убѣжденъ, что она встрѣтитъ препятствіе; но нѣтъ! дрожащая нога его перенеслась за порогъ, а потомъ и вся особа Агаѳона очутилась въ мрачномъ корридорѣ, освѣщенномъ только фонаремъ привидѣнія, продолжавшаго подвигаться впередъ.

Искра неожиданной надежды запала въ душу простака.

— Куда ни шло! произнесъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ, и, скрѣпя сердце, послѣдовалъ за мнимымъ привидѣніемъ.

Молча шли они по длинному проходу, поднялись на лѣстницу и повернули въ другой корридоръ. До сихъ поръ они не встрѣтили ни души, но вдругъ сердце Агаѳона Карпыча замерло... Ему послышались тяжелые шаги.

Секунду спустя, онъ увидалъ глухаго стража, шедшаго къ нимъ на встрѣчу. Агаѳонъ Карпычъ почувствовалъ, что у него подкосились ноги; онъ хотѣлъ бѣжать назадъ, но у него не достало силы.

Между тѣмъ сторожъ приближался... онъ поровнялся съ Лазаремъ... и, даже не поднявъ головы, прошелъ мимо него...

Агаонъ Карпычъ остановился. Теперь онъ вполне убѣдился, что передъ нимъ было только привидѣніе Лазаря; бѣднякъ чуть не сошелъ съ ума и, покорившись своей судьбѣ, ожидалъ приближенія сторожа.

Послѣдній, ворча что-то сквозь зубы, приближался... Глухо раздавался шумъ тяжелыхъ шаговъ его подъ сводами... не переводя дыханіе, стоялъ Агаонъ Карпычъ...

Сторожъ прошелъ мимо, какъ бы не подозрѣвая даже присутствія бѣдняка.

Тогда Агаонъ Карпычъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ... Выпучивъ глаза и разинувъ ротъ, осматривался онъ... Ощущалъ себя—точно, это онъ; ушпиунулъ—больно...

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! произнесъ онъ вполголоса и крестясь.

Потомъ закрылъ глаза и опять открылъ ихъ, будучи увѣренъ, что видѣнія исчезнутъ и что онъ опять очутится въ своемъ подземельи, на сырой соломѣ...

Но итѣтъ! впереди медленно подвигался отче Лазарь, сзади также медленно удалялся глухой сторожъ.

Во всемъ этомъ было столько непостижимаго, чудеснаго, что маленькій умъ Агаона сталъ въ тупикъ; но тѣмъ сильнѣе пробудился въ немъ инстинктъ самосохраненія и замѣнилъ волю, заставивъ его ускорить шаги, чтобы догнать отче Лазаря, отъ котораго онъ порядочно отсталъ.

Въ концѣ корридора была отворенная дверь. Оттуда пахло на Агаона Карпыча чистымъ, почнымъ воздухомъ... Это освѣжило, подкрѣпило его и разогнало суевѣрный страхъ... Свѣжій воздухъ произвелъ на раскольника такое дѣйствіе, какое на тигра производитъ видъ крови, и еслибъ въ эту минуту встрѣтились препятствія къ его освобожденію, то онъ проложилъ бы себѣ дорогу слюю.

Но ни одно препятствіе не встрѣтилось...

Отче Лазарь остановился на порогѣ растворенной двери, еще разъ сдѣлалъ знакъ рукою Агаону Карпычу и—исчезъ.

Послѣдній удвоилъ шаги... и вотъ онъ у двери... холодный воздухъ захватилъ духъ его... прижавъ руку къ сердцу, которое перестало биться, отъ сильнаго напора крови, онъ прислонился къ стѣнѣ и закрылъ глаза...

Мало-по-малу грудь его облегчилась... волненіе въ крови унялось и она приняла прежнее, правильное обращеніе...

Агаонъ Карпычъ глубоко вздохнулъ и открылъ глаза. Невыразимо сладостное чувство проникло въ душу его... Онъ былъ свободенъ!!...

Надъ нимъ широко разстпалось темно-синее небо, устѣнное звѣздами... Чистый воздухъ свободно проходилъ въ грудь его... Вдали высмались темныя массы городскихъ зданій... Все было тихо, но то была не страшная, могильная тишина подземелья, а тишина покоящейся природы, поэзія которой доступна даже наименѣе поэтическимъ душамъ.

Но вдругъ Агаонъ Карпычъ вспомнилъ о чемъ-то и осмотрѣлся съ изумленіемъ.

Отче Лазарь исчезъ.

Осмотрѣвшись еще разъ, Агаонъ Карпычъ произнесъ тихимъ голосомъ:

— Отче Лазарь!

Отвѣта не было.

— Отче Лазарь!! повторилъ онъ.

Тоже молчаніе.

Агаонъ Карпычъ ступилъ шагъ... два... три... никто не останавливалъ его. Онъ пошелъ скорѣе, боязливо оглядываясь

и как бы все еще опасаясь, что за нимъ будетъ погоня. Машинально ускоряя онъ шаги, подобно челоуѣку, спускающемуся съ горы, и наконецъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ...

Вдругъ онъ остановился...

Передъ нимъ растлилась бѣлая Нева. Агаонъ Карпычъ осмотрѣлся еще разъ: никого не было видно.

Тогда онъ изъ глубины души помоллся Всевышнему покровителю, и осмотрѣвъ мѣстность, спокойнымъ и твердымъ шагомъ направился къ Ямской, гдѣ жилъ пріятель, у котораго онъ остановился по прибытіи въ столицу.

Глубокая тишина господствовала вокругъ и въ домѣ купца-раскольника; только въ одномъ окнѣ свѣтился огонѣкъ.

Агаонъ Карпычъ постучался въ калитку. Онъ ждалъ не долго. За воротами послышались шаги, и не справляясь даже, кто стучится, вышедшій изъ дому отворилъ калитку.

Агаонъ Карпычъ вошелъ на дворъ, поспѣшно затворилъ за собою калитку и, обратившись къ отворившему ее, узналъ Лазаря.

— Здравствуй, сказалъ послѣдній, ни мало не изумившись и такъ спокойно, какъ будто за нѣсколько минутъ разстался съ своимъ товарищемъ.

— Это я, отче Лазарь, это я, Агаонъ Карповъ сынъ! вскричалъ освобожденный узникъ.

— Вижу, отвѣчалъ Лазарь.

— И ты не удивляешься? Ты не спрашиваешь, гдѣ я падалъ?

— Я знаю, гдѣ ты былъ.

— И тебѣ не любопытно знать, какъ я освободился?

— Я все знаю.

— Ты знаешь?... съ изумленіемъ вскричалъ Агаонъ Карпычъ: да кто тебѣ сказалъ?

— Душа моя.

— Твоя душа!

— Да.

Агаонъ Карпычъ остолбенѣлъ; имъ овладѣлъ такой суевѣрный страхъ, что онъ чуть не бросился въ ноги Лазарю.

— Но пойдешь, сказалъ послѣдній: помолися и потомъ ступай спать; тебѣ нуженъ покой.

Агаонъ Карпычъ молча послѣдовалъ за Лазаремъ.

Въ избѣ, передъ иконами, теплилась лампада, а на полу лежали лѣстовки * и подручникъ **.

— Помолися, сказалъ Лазарь, затворивъ за собою дверь.

Очень понятно, что послѣ этого чуда, произведшаго сильное впечатлѣніе на бѣднаго Агаона, онъ пуще прежняго покорился отче Лазарю, на котораго смотрѣлъ, какъ на челоуѣка необыкновеннаго.

Приказавъ Агаону Карпычу не выходить ни на шагъ изъ дому, Лазарь продолжалъ заниматься приведеніемъ въ исполненіе своего плана. Тайно ходилъ онъ отъ Квасника къ регенту, поддерживая надежды перваго и стараясь выпытывать отъ него всѣ тайны, касавшіяся до заговора, и передавая все второму.

* Монашескія четки.

** Кусокъ вѣлока, который во время поклоновъ кладутъ на землю, подъ руки.

Агафонъ Карпычъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты послушаться Лазаря. Какъ бы желая вознаградить себя за претерпѣнный голодъ и холодъ, онъ неумѣренно предавался тремъ наслажденіямъ, выше которыхъ ничего не зналъ: отъ сна на теплой печи онъ переходилъ къ жирной пищѣ; отъ жирной пищи къ крѣпкому питію, отъ крѣпкаго питія къ сладкому сну.

Наконецъ, въ началѣ марта мѣсяца, Лазарь воротился домой съ торжествующимъ видомъ.

Онъ достигъ цѣли своихъ желаній. Биронъ далъ ему бумагу къ полковникамъ трехъ полковъ: казацкаго, стародубовскаго и черниговскаго: въ этихъ бумагахъ заключалось приказаніе повиноваться распоряженіямъ вручителя бумагъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно доносить въ секретную канцелярію герцога о всѣхъ распоряженіяхъ его.

Вотъ какой планъ составилъ себѣ раскольникъ, фанатизмъ котораго былъ заглушаемъ честолюбіемъ:

Во время своего управленія Вѣткою, онъ своимъ фанатическимъ, суровымъ краснорѣчіемъ заставлялъ старуху Софью признаться, кто она и чей былъ ребенокъ, привезенный ею съ собою. Мы уже знаемъ, какую пользу надѣялся онъ извлечь изъ этого открытія, а потому цѣлю его было прежде всего похитить безъ шума и огласки Елену и немедленно отправить ее въ Петербургъ, къ Бирону.

Лазарь зналъ, какимъ уваженіемъ пользовалась Софья, а потому, внушивъ ей коварнымъ образомъ, что Михайло похитилъ внучку ея, онъ надѣялся, что она поможетъ ему вооружить вѣтковцевъ противъ Калмыка и заставить ихъ предать его въ руки правосудія. Честолюбецъ-раскольникъ, уполномоченный регентомъ, имѣлъ полную возможность завладѣть насильственнымъ образомъ своимъ противникомъ; но это не согласовалось съ видами его; вооруживъ же противъ него самихъ вѣтковцевъ, Лазарь достигалъ двойной цѣли: униженія ненавистнаго противника и возможности заступитъ мѣсто его съ торжествомъ, которое дозволитъ ему предпринять переворотъ.

Переворотъ этотъ былъ основанъ на лицемѣрїи: подъ наруганнымъ повновеніемъ властямъ и законамъ, Лазарь надѣялся властвовать надъ вѣтковцами, тайно развивая въ нихъ фанатизмъ и употребляя всѣ средства для умноженія ихъ секты...

Еслижъ ему не удастся, то... подъ подмадкой его кафтана были скрыты приказанія Бирона къ тремъ полковникамъ.

И въ одно ясное мартовское утро отче Лазарь и Агафонъ Карпычъ, съ душевнымъ сожалѣніемъ покидавшій свою Капуу, вышли изъ Петербурга.

ГЛАВА VII.

ОТЪЕЗДЪ ЕЛЕНЫ.

Лишь только товарищи Лазаря вошли въ жилище раскольниковъ, тамъ произошла ужасная тревога.

Въ одномъ изъ боковыхъ строеній вспыхнуло пламя; посланные Лазаремъ, опасаясь быть открытыми при свѣтѣ пламени, удалились безъ Елены. Между тѣмъ, зарево привлекло къ мѣсту пожара сосѣднихъ козаковъ, въ числѣ которыхъ явился и молодой Благово. Ему удалось отыскать Елену въ толпѣ суетившихся женщинъ.

— Елена, говорилъ Благово молодой дѣвушкѣ: повтори еще разъ, что ты вѣрнешь мнѣ свою судьбу....

Елена молча опустила голову на плечо его.

— Клянусь тебѣ, Елена, продолжалъ Александръ, что ты будешь счастлива!

Въ этихъ немногихъ словахъ высказалась вся любовь молодого человека. Краснорѣчивымъ взглядомъ, исполненнымъ душевной признательности, отвѣчала ему Елена.

Въ воротахъ они встрѣтили Лазаря.

— Гдѣ молодая дѣвушка, внучка Софьи? спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчала Елена.

— Благово остановился.

— Чтò тебѣ надо отъ нея? спросилъ онъ.

— А тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ Лазарь.

— Елена находится подъ моимъ покровительствомъ.

— Неужто? насмѣшливо возразилъ Лазарь.

— И я никому не уступлю права защищать ее! вскричалъ молодой человѣкъ, раздраженный холодной проніей незнакомаго.

— Вотъ какъ?... А кто ты?...

— Я не обязанъ отдавать отчета. Скажи мнѣ сперва, кто ты самъ?

— Я тотъ, кому дана власть распоряжаться здѣсь.

— А кто далъ тебѣ такую власть?

— Кто?... Первое лицо послѣ Государыни.

— Биронъ! вскричалъ Благово, съ изумленіемъ взглянувъ на Лазаря.

— Биронъ, отвѣчалъ тотъ спокойно. Теперь, я надѣюсь, ты скажешь мнѣ, кто ты?

— Поручикъ Александръ Благово.

Лазарь вздрогнулъ. Онъ хотѣлъ повторить имя молодого офицера, но голосъ измѣнилъ ему. Онъ поблѣднѣлъ отъ усилія скрыть свое смущеніе.

Но отче Лазарь имѣлъ надъ собою необыкновенную власть. Такъ точно, какъ вся страсти Калмыка проявлялись наружу въ дикихъ порывахъ, такъ все ощущенія Лазаря сосредоточивались въ немъ самомъ....

— Благово? повторилъ онъ, наконецъ, тихимъ, но спокойнымъ голосомъ. А.... по.... отчеству?

— Степановичъ, отвѣчалъ Александръ.

Лазарь поблѣднѣлъ пуще прежняго.... стиснулъ зубы, пальцы его судорожно искривились....

— Теперь ты знаешь, кто я, а потому можешь быть спокоенъ на счетъ Елены....

— Чтò же хотѣлъ ты сдѣлать для нея? спросилъ отче Лазарь помолчавъ минуту.

— Я хотѣлъ отвезти ее къ одной своей родственницѣ; у ней нѣтъ теперь пріюта, и она согласилась слѣдовать за мною; а сейчасъ явлюсь сюда съ лошадьми.

— Пойдемъ же, Александръ Степановичъ, сказалъ пріѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ Пилюкъ и до сихъ поръ распоряжавшійся тушеніемъ пожара съ своими козаками, намъ надобно еще добыть лошадей.

— Иду, иду, отвѣчалъ Благово и, не обращая болѣе вниманія на Лазаря, онъ скоро ушелъ.

Раскольникъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и наконецъ произнесъ шопотомъ.

— Благово!... Александръ Степановичъ Благово!... Такъ.... такъ.... это его черты.... Александръ Степановичъ, за твоимъ отцомъ, капитаномъ-исправникомъ есть должокъ.... росписка осталась на моей спицѣ.... Какъ странно судьба играетъ нами!...

И смѣхъ, подобный шипѣнію змѣи, вырвался изъ груди его.

Потомъ Лазарь, рѣшившись не терять ни минуты, обратился къ Еленѣ.

— Елена, сказалъ онъ: ты должна послѣдовать за мною.

— За тобою? повторила молодая дѣвушка со страхомъ: а кто ты?

— Елена, продолжалъ Лазарь, понизивъ голосъ: у тебя есть отецъ!

— Отецъ! вскричала молодая дѣвушка и вспомнила о бумагахъ, найденныхъ въ сундукъ бабушки. Съ боязнію поднесла она руку къ сердцу, бумаги были цѣлы.

— Онъ прислалъ меня за тобою, продолжалъ Лазарь.

— О! какое счастье! вскричала молодая дѣвушка: Господь благословить тебя, добрый человекъ!... Но скажи мнѣ, гдѣ мой отецъ, гдѣ... прибавила она, схвативъ руку раскольника.

— Далеко отсюда.... въ Петербургъ....

— О! такъ я поѣду къ нему вмѣстѣ съ Александромъ!

— Нѣтъ.... Александръ Степанычъ не долженъ ничего знать до поры до времени.

— Отчего?...

— Я послѣ объясню тебѣ все.... теперь пойдѣмъ, пойдѣмъ скорѣе!...

И Лазарь хотѣлъ увлечь молодую дѣвушку за собою, но она отскочила отъ него съ боязнію.

— Нѣтъ! вскричала она: ты обманываешь меня.... я не иду отсюда безъ Александра.

— Какъ хочешь! отвѣчалъ Лазарь дрожащимъ отъ нетерпѣнія и боязни голосомъ: по повторяю тебѣ, что ты навѣки лишишься отца, если не последуешь теперь за мною.... между тѣмъ какъ последовавъ за мною, ты разлучаешься съ Александромъ Степанычемъ только на короткое время.... Выбери!

— О Боже, Боже! что мнѣ дѣлать! вскричала молодая дѣвушка, ломая съ отчаяніемъ руки.

— Рѣшайся, сказалъ Лазарь.

— Позволь мнѣ хоть проститься съ Александромъ!...

— Нельзя.... Тайна эта такъ важна, что я не могъ вытребовать тебя отсюда законнымъ порядкомъ, а долженъ былъ раззорить это раскольниковъ гнѣздо, чтобы достигнуть до тебя....

— О, Боже, кто рѣшить мое сомнѣніе!... вскричала Елена, поднимая руки къ небу.

— Елена, каждая минута дорога!... Пойдемъ, пойдѣмъ....

— Нѣтъ, я не поиду!

— Не пойдешь? возразилъ Лазарь, стараясь сохранить спокойствіе, между тѣмъ какъ сердце его сильно билось: онъ

страшился возвращенія Благово. Не пойдешь!... А что прикажешь мнѣ отвѣчать твоему бѣдному отцу, пятнадцать лѣтъ оплакивавшему свою единственную дочь?... Несчастному отцу, который такъ сильно любитъ тебя, что языкъ его не повернется, чтобы произнести надъ тобою проклятіе, когда я скажу ему: «Михайло Дмитріевичъ! дочь твоя отреклась отъ отца и последовала за любовникомъ!»

— О, ужасъ! произнесла съ отчаяніемъ Елена.

— Прощай, Елена, сказалъ Лазарь, видя, что послѣдніе слова его произвели сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку.

— Пстой, вскричала она внезапно: постой!

И выхвативъ бумаги спрятанныя на груди ея, она скоро развернула одну изъ нихъ и при свѣтѣ пожара быстро пробежала строки, написанныя на этой бумагѣ.

То было послѣднее письмо отца ея къ старой тещѣ; письмо, которое такъ сильно раздражило раскольницу. Въ немъ князь часто упоминалъ о своей дочери, милой Еленѣ....

Елена, прочитала подпись и скоро сложивъ письмо, обратилась къ Лазарю:

— Скажи, какъ зовутъ моего отца?

— Твой отецъ древній русскій дворянинъ: князь Михайло Дмитріевичъ Лигоцынъ.

— Такъ, такъ.... произнесла молодая дѣвушка.

— У тебя былъ образецъ.... не знаю, оставила ли его при тебѣ бабушка....

— Вотъ онъ! невольно вскрикнула молодая дѣвушка, вынувъ образецъ, который она накинула себѣ на шею, когда разбирала вещи въ сундукъ бабушки.

— Спинка этого образца открывается, и въ немъ спрятаны волосы твоей матери.... продолжалъ Лазарь.

Елена прижала край образа; онъ открылся.... въ немъ были волосы.

— О, мать моя! вскричала Елена, съ жаромъ прижавъ волосы къ губамъ.

— Вѣришь ли ты мнѣ теперь? спросилъ Лазарь.

Елена не отвѣчала, но опустившись на колѣны и прижавъ образокъ и письмо отца къ груди, стала молиться.

Потомъ она встала.

— Я послѣдую за тобою, сказала она съ рѣшимостью.

— Пойдемъ же, пойдемъ скорѣе!...

Слезы градомъ катились по щекамъ молодой дѣвушки, но она пошла за Лазаремъ.

Не подалеку отъ нихъ послышался скрипъ колесъ тяжелой тельги, заранее, приготовленной товарищемъ Лазаря.

— Пойдемъ, Елена! произнесъ Лазарь дрожащимъ отъ сильнаго внутренняго волненія голосомъ, и скоро увлекать ее къ тельгѣ, но она остановилась....

Вся душа ея рвалась къ Александру, она зажала ротъ рукою, чтобы заглушить рыданія....

— Мой Александръ! произнесла она шопотомъ, но съ невыразимой, безконечною любовью.... Отецъ мой! прими эту жертву, какъ слабую дань дочерней любви!...

И злобно торжествуя, увлекъ отче Лазарь блѣдную дѣвушку....

Нѣсколько минутъ спустя Благово, съ глубокою грустію въ сердцѣ, мчался на лихомъ козацкомъ конѣ, надѣясь догнать похитителя.

(Третья часть въ слѣдующей книжкѣ.)

И. Фурманнъ.

ПУТЕВЫЙ РОМАНЪ.

Странная торопливость нашихъ путешественниковъ! Переплывъ Балтику, можно бы, кажется, отдохнуть въ первомъ заморскомъ городѣ, когда онъ древнѣйшій столпный городъ Ганзы, Любекъ, гдѣ Новгородъ пмѣлъ свою контору и куда еще въ XII вѣкѣ посылали корабли! Кажется, можно бы посвятить хоть денекъ воспоминаніямъ о могущественной Ганзѣ—смирительницѣ общаго, въ то время, разбоя на сушѣ и на моряхъ—матери торговой политики, о которой дотогдѣ ни одинъ европейскій властитель еще не имѣлъ понятія. Самые интересные моменты въ исторіи тѣ, когда, посреди общей неурядицы, зачинается на одномъ пунктѣ порядокъ, который быстро, и все шире и шире развивается кругъ своей благотельной власти.

Черезъ два часа по прибытіи нашемъ, «гостиница Стъвера» уже опустѣла: вся наша пароходная публика отправилась въ Гамбургъ, даже не взглянувъ на Любекъ. Намъ осталось только двое: Шевыревъ и я! Послѣ многолѣтней разлуки, судьба свела насъ на пароходѣ. Мы равно интересовались прежними сношеніями Ганзейскаго союза съ Россіею. Мы видѣли домъ, гдѣ была Новгородская контора—«коллегіумъ»,—какъ гласитъ золотая надпись. Передъ этимъ домомъ, въ чужомъ краю, русскій невольничко воспоминаетъ дворъ Ярославовъ и значительную часть своей отечественной исторіи, отъ гражданскаго самочувствія «души новгородской» до пятнадцатаго яв-

варя 1478 года, когда рушилось древнее вѣче. Здѣсь купечествовали эти мужи вольные, незнавшіе ига Батьева; здѣсь былъ источникъ богатствъ, постепенно развратившихъ Новгородъ, котораго, за долго до послѣдняго вѣча, уже не узналъ бы посадникъ Твердиславъ!...

Мы познакомились съ докторомъ Винклеромъ, секретаремъ ратуши, который съ любезною услужливостію показывалъ намъ архивъ. Изъ древностей, относящихся къ Россіи, въ особенності занималъ насъ два письма, на старомъ нѣмецкомъ діалектѣ (Plattdeutsch), писанныя тремя Русскими, воспитывавшимися въ Любекѣ, по повелѣнію царя Бориса. Кромѣ того имѣется въ архивѣ, еще понышѣ нераспечатанное письмо на имя русскаго царя—не извѣстно котораго, ибо надпись, если не ошибаюсь, именуется *Михаила Алексеевича* (Михаилъ Теодоровичъ или Алексѣй Михайловичъ?). Также не извѣстно, по какой причинѣ ганзейское посольство не вручило письма: по ошибкѣ ли въ адресѣ, или по какому либо условію въ посольственномъ наказѣ? Мы поворачивали въ рукахъ это письмо, смотрѣли съ досадою на непереложенную печать и спросили Винклера: нельзя ли добраться до этой вѣковой тайны? Онъ отвѣчалъ, что письмо можетъ быть распечатано не иначе, какъ съ дозволенія городского совѣта. Намъ некогда было спросить такое дозволеніе.

Изъ ратуши въ Маріинскую церковь. Тамъ есть механическая диковина, со всею готическою затѣйливостію среднихъ вѣковъ—*астрономическіе часы* въ три яруса, съ колоннами, латинскими надписями, съ позолоченными солнцами и знаками зодіака и—подвигитесь! съ календаремъ на 122 года—отъ 1753 до 1875 года! Эти часы произведены неизвѣстнымъ мастеромъ въ 1405 году, и впоследствии возобновлялись четыре раза. Нижний и средній ярусы имѣютъ по диску, испещренному кругами, буквами, лунными и солнечными затмѣніями и разными вычурами; верхній же ярусъ оканчивается колокольнею съ колоколами, играющими ежечасно. Фигура, представляющая время, ударяетъ въ часовой колоколь, а другая фигура, на противоположной сторонѣ,—образъ скоротечности, при каждомъ ударѣ отворачиваетъ лице. Подъ колокольнею изображенъ Спаситель; передъ нимъ, въ 12 часовъ по полудни, изъ одной двери полукругомъ проходятъ нѣмецкіи импера-

торъ и семь курфирстовъ — и поклоняются; Спаситель благословляетъ сіе шествіе, и два ангела трубятъ въ тромбоны, между тѣмъ какъ у двухъ маленькихъ дверей являются по одному любекскому дворовому служителю, въ костюмѣ своемъ, и кланяются высокимъ шествующимъ особамъ. Странное сочетаніе священнаго съ мірскимъ! Чистосердечная религіозность, примѣняемая къ житейскимъ мелочамъ! Младенческая наивность съ притязаніемъ на замысловатость: таковъ былъ духъ времени среднихъ вѣковъ! Посмотришь — и подумаешь словами Гете: *Halb Kinderspiel, halb Gott im Herzen!*

Если эти средніе вѣка часто придавали высокою важность мелочамъ, то они же, наоборотъ, и важнѣйшія въ жизни идеи обращали въ маскарадную шутку. Вотъ тому одно доказательство: въ придѣлѣ той же Маріинской церкви видится *пляска смерти* (Todtentanz), длинный рядъ фигуръ, которыя представляютъ, въ разныхъ позиціяхъ, остовъ смерти, танцующій съ особами всѣхъ чиновъ, возрастовъ и сословіи. Долго были того мнѣнія, что гениальный Гольбейнъ — изобрѣтатель этой поразительной аллегоріи; но доказано, что «*пляска смерти*», на стѣнѣ кладбища въ Ивановскомъ предмѣстѣи, въ Базелѣ, существовала за полвѣка и болѣе до рожденія Гольбейна. Какъ бы то ни было, — все таки — это изобрѣтеніе германское, отозвавшееся и въ Англии и во Франціи. Въ этомъ случаѣ, неповоротливый гений нѣмцевъ перешеголялъ расторопное замысловатость французскаго духа и сдѣлалъ значительное похищеніе въ области сего послѣдняго: *Французамъ*, по врожденной вѣтрености, по свойственному имъ легкомыслію, было бы приличнѣе: *изобрѣсть* la danse Macabre! Но за то гений Французовъ можетъ похвалиться находкою, именно французскою — сатурналіями, извѣстными подъ названіемъ «дурацкаго праздника.» Мысль объ этомъ праздникѣ дѣлаетъ хотя сносною «*пляску смерти*.» Разсмотримъ ее. Корифеемъ длиннаго ряда лицъ является остовъ смерти, играющій на флейтѣ: онъ радуется тому, что будутъ плясать по его дудкѣ. За нимъ, въ первой парѣ, другой остовъ съ папою; въ каждой парѣ по одному остову съ жертвою, отъ первыхъ до послѣднихъ земли. Какая пестрая цѣпь! Тамъ видите кардинала, аббата, рыцаря, картезіанца, бургомистра, каноника, дворянина, доктора, лиховица, каплана—Кто ихъ сочтетъ! Замыкающая

жертва—колебельный младенец! Важность идеи, может быть, преодолѣла бы наконецъ шутовское исполненіе, но эти сатириподобные остовы не допускаютъ ни одной важной мысли, ни малѣйшаго эстетическаго сочувствія къ предмету. Это вѣнецъ безвкусіа повѣйшаго искусства!

Я отвелъ душу передъ прекрасною, въ той же церкви находящеюся картиною Овербека: «вшествіе Спасителя въ Иерусалимъ.» Свѣжесть колорита и благородство фигуръ съ перваго взгляда останавливаютъ вниманіе: сколько тамъ разнообразія, поэзіи и возвышенной значительности. Болѣе двухъ сотъ фигуръ тѣнятся около Спасителя... сколько тутъ различныхъ ощущений, отъ толпы съ вербами, восклицавшей: Осанна! до встревоженнаго сомнѣнія книжниковъ и фарисеевъ! отъ крѣпкой вѣры недужнаго страдальца до священнаго умилена Богоматери, благоговѣнно простирающей руки на встрѣчу Сына! Но чтобы выразить *трагическій* характеръ сего торжества, недостаточно было сомнѣнія и невѣрія, въ лицѣ фарисеевъ и въ подозрительномъ видѣ и въ *жесткой* одеждѣ Иуды. Вотъ моментъ, въ который потребовалось отъ автора—геніальности художника, — и геніальность проявилась въ поразительнѣйшемъ видѣ своемъ—въ *простотѣ*: надъ вратами Иерусалима, полными народа, художникъ повѣсилъ—черную тучу! Какъ просто, какъ удачно и выразительно! Въ этой тучѣ живо мечтаютъ зрители грядущія страсти Господни и горькая судьба Иерусалима! Трагическая символика овладѣла свѣтлымъ торжествомъ—и трагическое въ немъ преобладаетъ. Авторъ трудился надъ этою картиною пятнадцать лѣтъ: это, предварительно, свидѣтельствовало о необыкновенномъ талантѣ молодого художника и, что гораздо рѣже, объ *умѣ* таланта. Овербекъ нынѣ одинъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ Германіи.

На другое утро мы наняли извозчика до Гамбурга. Передъ отъѣздомъ изъ Любека, я еще воспоминалъ о *Густавѣ Вазѣ*, въ крестьянскомъ платьѣ пришедшемъ сюда съ прасолами, спасаясь отъ скандинавскаго тирана, и о Блюхерѣ, который, въ 1806 году, вслѣдствіе несчастной кампаніи, находился здѣсь въ горькихъ обстоятельствахъ, но своимъ геройскимъ противоборствомъ заслужилъ уваженіе французскихъ маршаловъ и самого Наполеона.

Мы ѣхали черезъ Ольдеслоз. Дорога ужасная! На девять

миль употребили мы двѣнадцать часовъ. Видъ Гамбурга съ этой стороны истинно плѣнительнъ. Мы остановились въ Лондонской гостинницѣ, на такъ называемой «Двѣнчей тропинкѣ» (Jungfernstieg) обсаженной высокими деревьями. Изъ оконъ прекрасный видъ на Binnen-Alster и Aussen-Alster, раздѣляемые мостомъ; по обѣимъ сторонамъ моста — аллея итальянскихъ тополей. Гостинница была наполнена нашею пароходною публикою.

Гамбургъ выдалъ мнѣ двухъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей прошедшаго вѣка. Бойкій *Лессингъ* написалъ здѣсь свою доселѣ единственную *драматургію*, веселясь съ актрисами! Шумный, меркантильный, банковыми марками дышавшій Гамбургъ выдалъ мнѣ и тихаго, духовнаго, отвлеченнаго *Клопштока*: здѣсь написана и *Мессіада*, за исключеніемъ первыхъ пѣсней!

Въ Королевской улицѣ, довольно тѣсной и бѣдной, есть домъ съ золотою на мраморной доскѣ надписью: «Безсмертіе—мысль великая! Клопштокъ. Въ этомъ домѣ жилъ онъ *тридцать лѣтъ*.» Мнѣ показывали три небольшихъ, невеселыхъ комнаты, гдѣ помѣщался пѣвецъ Мессіи. Обои еще остались тѣ же. Темнъ кабинетъ, гдѣ дѣйствовалъ этотъ мистическій поэтъ; окна на дворъ, или—лучше сказать—на высокую соседнюю стѣну. Жилище христіанскаго пѣвца дышитъ первобытною простотою христіанства. Въ тѣхъ покояхъ живетъ теперь докторъ Симоъ; домъ принадлежитъ Нельсену. Я началъ свое поклоненіе Клопштоку съ вѣчныхъ сѣней пѣвца: съ *могилы* его поѣхалъ я смотрѣть временное жилище. Этотъ обратный порядокъ оказался мнѣ лучшимъ въ такомъ мірскомъ, торговомъ городѣ, каковъ Гамбургъ, и въ отношеніи къ такому уму, каковъ былъ Клопштокъ.

За Альтоною, въ мѣстечкѣ, или въ селеніи Оттензенъ, въ церковной оградѣ, широкая огромнѣйшая липа осеняетъ три мраморныя—стоймя поставленныя доски, обведенныя рѣшеткою; это монументы Клопштока и двухъ супруговъ его, Меты (Маргариты) и Юанны. Надпись перваго гласитъ: «Подлѣ Меты своей и подлѣ младенца своего почиваетъ Фридрихъ Готтлибъ Клопштокъ; родился 2 іюля 1724; скончался 14 марта 1803.» Слѣдуетъ обращеніе къ Нѣмцамъ: съ любовью и благоговѣніемъ приближаться къ смертнымъ останкамъ своего *величайшаго*

поэта! Потомъ обращеніе къ христіанамъ: съ приличными чувствами привѣтствовать могилу священнаго пѣвца. Въ заключеніе сказано, что сей камень поставленъ второю, любящею и любимю супругою его, Иоанною Елисаветою етс. На второмъ памятникѣ, Мета восклицаетъ: «Здѣсь, изъ сей могилы, мы возстанемъ вмѣстѣ: ты, мой Клопштокъ, и я, и сынъ нашъ, котораго я не могла родить тебѣ! Третій монументъ именуется второю супругу Клопштока утѣшительницею его на послѣднемъ пути, любимцею Меты, ей пободною качествами сердца. Различныя чувства сказывались мнѣ у этой могильной ограды. Первое непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ могильный одръ *трехспальный*: для чего тамъ *два* жены? Авторъ Мессіады—не Турокъ! Въ жизни, совершенно благо-разумно и естественно, что овдовѣвшіе вступаютъ во второй бракъ, ибо эти супружества не существуютъ въ *одно время*. Но тамъ, гдѣ нѣтъ уже времени, гдѣ все, что *было*, остановилось въ вѣчности, гдѣ только есть одинъ моментъ—*настоящее*, безъ прошедшаго и безъ грядущаго—тамъ все существуетъ *современно*, и потому двѣ жены, похороненныя подлѣ одного мужа, невольно напоминаютъ непріличную для христіанъ пошлѣнію.—Второе непріятное впечатлѣніе сдѣлалъ титулъ Клопштока: *величайшій* поэтъ Германцевъ! Для чего *ложь* на могилѣ пѣвца истины и вѣры? Клопштокъ слишкомъ однообразенъ, чтобъ заслужить *такой* титулъ! Конечно, есть эпоха въ жизни человѣка, когда Клопштокъ можетъ нравиться псключительно: но атмосфера лирической поэзіи Клопштока вообще душна и не радостна. Онъ одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, къ которымъ болѣе благоговѣшь, нежели *любишь* ихъ, въ эстетическомъ отношеніи. Но *жизнь* Клопштока великолѣпная поэма! Она утвердила за нимъ титулъ священнаго пѣвца; она относится къ намъ живѣйшимъ сочувствіемъ. Тѣмъ болѣе трогаешь насъ умилительная надгробная надпись Метѣ! Лишиться страстно-любимой жены въ ту минуту, когда надъ родильнымъ одромъ мелькала уже заря первой родительской радости: какой ужасный ударъ для мужа и отпа! Послѣ этого, *вторая* жена должна была показаться мнѣ еще болѣе лишнею въ той оградѣ; но когда я еще разъ прочиталъ надгробную Клопштоку, Иоанна сдѣлалась *первымъ* лицомъ этой могильной драмы! Вы удивляетесь? Слушайте!

Женщина, плачущая вдова, возвращаетъ мужа своего первой его женѣ сими прекрасными словами: «Подлѣ Меты *своей* почитѣтъ Клопштокъ!» Какое высокое самоотверженіе, и тѣмъ высшее, чѣмъ болѣе стоитъ оно сердцу женщины! Еслибъ это сдѣлалъ *мужчина* т. е. еслибъ возвратилъ умершую жену первому мужу ея, оно далеко не было бы той цѣны! На этой точкѣ, различіе половъ столь велико, что можно бы согласиться съ тѣмъ, кто утверждалъ: «Нѣтъ *людей*, въ настоящемъ смыслѣ слова: есть только *мужчины* и *женщины*!» Любимая за-гробная надежда жены, лишившейся мужа, есть воображаемое соединеніе съ нимъ и въ вѣчности: хочу, чтобы тамъ, гдѣ онъ, и я была съ нимъ! Благородное отреченіе Иоанны высказано такъ просто, что съ перваго взгляда не познаешь, сколько тутъ величія и святости души! Въ тѣхъ немногихъ словахъ заключается поэзія, едва ли не лучшая Клопштоковой! Что, можетъ быть ближе къ божественному Мессіи, нежели высшее самоотверженіе.

У воротъ кладбища, по правую сторону, есть ящикъ, для подаванія бѣднымъ. Клопштокъ говоритъ посѣтителю своему: «Я осушала слезы! осушай и ты!» Сіа просьба сопровождается цитатою изъ Священнаго Писанія: «доброхотнаго дателя любить Богъ.» Мнѣ говорили, что въ этомъ ящикѣ бывають значительные сборы. Блаженъ Клопштокъ: онъ, и по смерти, благотворитель бѣдныхъ!

Я прожилъ въ Гамбургѣ четыре веселыхъ дня. Англичане праздновали коронацію своей королевы, порываясь привести въ движеніе тяжелую кровь альбионскую. Театръ сыпался плѣнять талантами; гражданская гвардія ежедневно дѣлала опыты въ маршировкѣ и въ строеніяхъ; непатріотическіе портные и сапожники, вмѣсто того, чтобы стать въ своихъ рядахъ во фронтъ, перебывали другъ у друга работу на русскихъ гостей—и намъ же ставили въ счетъ опредѣленный закономъ штрафъ за небытность ихъ на ученьи. Вездѣ успіе, порывы, замысловатость, соревнованіе—четыре дня можно было прожить въ этомъ человѣческомъ ульѣ промышленности.

Уже въ Гамбургѣ замѣтилъ я, что въ Германіи путешественникъ можетъ обойтись безъ знакомства въ частныхъ домахъ, ибо за общимъ столомъ, въ каждой порядочной гостини-

ницѣ, бываетъ хорошее общество обоого пола. Какое счастье: можно быть иногда въ людяхъ, безъ малѣйшаго ущерба страннической независимости, да и люди всего милѣе — за столоть.

Въ Гамбургѣ ждало меня порученіе по службѣ, перемѣнившее планъ моего путешествія: я долженъ былъ отыскать въ Богеміи заболѣвшаго сослуживца, молодого графа В. Мнѣ было жаль расстаться съ веселыми и любезными товарищами по пароходу: въ совокупности, мы составляли какой-то отрывокъ Россіи, и русская рѣчь сдружила насъ между собою на чужбинѣ. Да и *чужбины* мы еще не чувствовали вполне: уваженіе и даже любовь къ Русскимъ, посредствомъ Бальтійскаго пароходства и другихъ торговыхъ выгодъ, и то обстоятельство, что русское серебро и золото въ Гамбургѣ такая же ходячая монета, какъ и въ Петербургѣ—все это наводило пріятный обманъ, будто бы мы еще въ предѣлахъ Россіи, въ одномъ изъ городовъ нашихъ Остзейскихъ провинцій. Я записался на пароходъ: Фридрихъ Вильгельмъ III, и рѣкою Эльбою поплыть въ Магдебургъ.

Послѣ 9-ти часовъ вечера, я отправился къ пароходу. У городскихъ воротъ остановился извозчикъ и объявилъ мнѣ, что нельзя ѣхать далѣе, не помню уже, по какой причинѣ. «Зачѣмъ же ты рядился до самой пристани?» Онъ молчалъ. «Упрекъ ты нѣмецкой честности и вольному городу Гамбургу!» приволвилъ я и кинулъ ему деньги сполна. Онъ вѣжливо просилъ сдѣлать вычетъ, но не считая его недостойнымъ имени Нѣмца и гамбургскаго гражданина. Квирить время старшаго Катона не могъ бы въ болѣе степени гордиться своимъ римскимъ гражданствомъ: *Sum civis Romanus!* Уже въ поѣзду отъ Любека въ Гамбургъ замѣтилъ я, что нѣмецкій лонкучеръ, не взирая на врожденную склонность къ грубости, удерживается отъ всякихъ противорѣчій, если справедливо нанесенная ему брань отзывается выгоднымъ мнѣніемъ о націи, или родинѣ его. И то хорошо! — Я долженъ былъ идти пѣшкомъ около версты; вещи мои несъ работникъ *бюгомъ!* Нова для меня была эта стратегема носильщиковъ, при большой тяжести, на значительномъ пространствѣ. Сдѣлалось совершенно темно. У пристани еще не было лодки; просилъ подождать въ маленькомъ трактирѣ, на самомъ берегу Эльбы. Ночь

была тихая и теплая. Я сидѣлъ у раствореннаго окна. Вдругъ раздалось на рѣкѣ духовное пѣніе; мнѣ сказали, что ѣдутъ выходцы изъ Германіи, отпускаемые, по желанію ихъ, въ Новую Голландію. Отдѣлившись отъ общей церкви какою-то странною сектою, они рѣшились пожертвовать своему фанатизму—отечествомъ. Духовное пѣніе, въ тишинѣ ночной, на гулкой рѣкѣ, имѣло что-то торжественное; я сожалѣлъ о фанатикахъ; мысленно провожалъ ихъ въ Новую Голландію.... въ эту минуту вошла въ комнату дама, спутница мнѣ—дѣвушка лѣтъ 18-ти, и хорошенькая! Она чего-то спросила по-нѣмецки: не трудно было узнать Англичанку. Пароходъ, уже вышедшій изъ города, дожидаясь только насъ двоихъ. Явилась за нами лодка; мы сѣли и поплыли, миссъ Шарлота М. и я. Она, по какимъ-то обстоятельствамъ (кажется, тетка ея заболѣла въ Гамбургѣ) должна была ѣхать одна въ Галле. Она казалась очень несмѣлою: видно было, что она въ первый разъ путешествуетъ одна. Чтобы не запугать ея, я съ нею не вступалъ въ разговоръ, но балагурилъ съ кормчимъ. Онъ меня спросилъ, откуда я родомъ. Я назвалъ Россію. Шарлота встрепенулась, посмотрѣла на меня и будто испугалась, что сидитъ подлѣ козака, башкирца, вандаля. Такой дебютъ не обѣщалъ мнѣ путевого съ нею романа, я и далекъ былъ отъ всякихъ романтическихъ мыслей; но только надѣялся имѣть случай, внушить ей другое мнѣніе о Русскихъ. Вы скажете: «Есть о чемъ хлопотать? Не все ли равно, какого обѣ насъ мнѣнія англійская странница!» Признаюсь, мнѣ все равно, что бы ни говорили о насъ иностранныхъ журналы и газеты, знакомые съ нами гораздо менѣе, чѣмъ мы съ Китаемъ; но какъ-то неприятно. Можда *хорошенькая* иностранка считаетъ насъ варварами! Можно мстить ей—хоть великодушіемъ! Мы прибыли къ пароходу; я помогъ своей спутницѣ взойти на бортъ и пожелалъ ей покойной ночи. Она отблагодарила безмолвнымъ поклономъ и скрылась въ дамскую каюту.

Мы до разсвѣта снялись съ якоря; но вдругъ сдѣлался такой густой туманъ, что мы должны были остановиться, и опять поплыли не прежде шести часовъ утра. Погода прекраснѣйшая. Берега Эльбы населены и покрыты зеленью, но довольно однообразны. Вода совершенно желтая; мнѣ пришелъ на память *fluvius Tiberis*. Въ числѣ пассажировъ былъ графъ

Г.—австрийскій посланникъ въ Ганноверѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, завязавъ со мною разговоръ и свелъ знакомство. Онъ путешествовалъ, чтобы разсѣять свою жену: онъ имѣлъ несчастіе лишиться двухъ единственныхъ дѣтей, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что сама королева ганноверская приняла живѣйшее въ нихъ участіе и прѣзжала утѣшать его жену. Онъ меня представилъ графинѣ, стройной, прекрасной женщицѣ, но блѣдной и печальной; трогательнымъ образомъ выражалось на лицѣ ея глубокое сиротство материнскаго сердца. Мы спѣли на палубѣ. Явилась Шарлота и отвѣчала съ граціею на мое утреннее привѣтствіе. Было съ десятокъ молодыхъ пассажировъ, юношей въ первомъ цвѣтѣ жизни, не видѣвшихъ моей сопутницы на капуцѣ. Всѣ они посмотрѣли на нее пламенными взглдами; но она, не замѣчая никого, сѣла читать. Присѣла къ ней дородная Нѣмка и принялась вязать чулокъ. Молодежь наша кружилась около этой группы, — употребимъ нѣмецкую поговорку — какъ кошка около горячей каши. Дородная Нѣмка уронила вязальную иглу. Кинулись ее поднимать. Завязался разговоръ съ Нѣмкою; тутъ же обложили блокадою и Шарлоту; мало по малу завязалась словесная и очная перестрѣлка. «Отправилась ты въ путь одна одишвицка, да еще въ темную ночь» — подумалъ я — «и вотъ, уже окружена ревностными слугами и поставлена въ повелительницы, и ободрилась, какъ повелительница!» — Но графиня, казалась, не раздѣляла этого мнѣнія: она познакомилась съ Шарлотою и будто взяла ее подъ свою защиту. Это обстоятельство ее и ко мнѣ приблизило. Англичанка, умная и образованная, не скучала въ нашемъ кругу, скоро привыкла къ Вандалу и предложила ему шахматное сраженіе. Мы сошли въ каюту, всѣ другіе остались на палубѣ. Играли ли вы когда нибудь въ шахматы съ молодою хорошенькою дѣвушкою? Какъ-то странно, когда углубляется въ тактическія размышленія умъ дѣвичій, созданный для одной романтики жизни! Между тѣмъ, какъ она, обозрѣвая диспозиціи своего войска, противъ вась злоумышляетъ съ потупленными глазами, вы свободно и спокойно всматриваетесь въ милое личико, невольно развѣдываете и весь затѣйливый умъ и напередъ знаете всѣ его замыслы. Что, если бы мы въ такомъ же спокойномъ и зоркомъ расположеніи духа могли бы играть съ дамами и въ шахматы любви: мы не

сдѣлали бы ни одной глупости, ни одной ошибки. Я доказалъ Шарлотѣ первую партію, что умѣю побѣждать; а вторую партію доказалъ себѣ самому, что умѣю и проигрывать дѣло такъ ловко, что и женская проищательность не замѣтитъ доброхотства въ противникѣхъ. Дайте дамамъ выиграть последнюю партію: въ житейскомъ быту, онѣ обыкновенно ее проигрываютъ. Шарлота опять очутилась въ кругу ревностныхъ поклонниковъ, которые косились на меня за счастье моей продолжительной дуодрамы съ нею, за шахматами. Отъ женщинъ я всегда охотно перехожу къ природѣ, хотя та природа и не могла сравниться съ Шарлотою; я окпнулъ взоромъ мѣста, по которымъ мы прѣзжали. Около Артленберга, берега становятся нѣсколько разнообразнѣе; правый берегъ довольно высокъ и покрытъ лѣсомъ; лѣвый, принадлежащій Ганноверу, есть почти непрерывный рядъ сельскихъ жилищъ.

Мы остановились въ Виттенбергѣ, въ Ватканѣ Лутеровомъ, гдѣ прусская таможня. Для нея, наконецъ, спали каменный уголь, дотолѣ, къ нашей досадѣ, лежавшій на палубѣ. Таможня не такъ строга, какъ мнѣ сказывали въ Гамбургѣ. Смотритель, челоувѣкъ молодой, отставной поручикъ, выместилъ всю строгость должности своей на графѣ, который, ожидая спсходительности къ дипломатическому сану, ничего не изготовилъ для осмотра. Отставной поручикъ безжалостно рылся въ чемоданахъ посланника, не взирая на предостереженіе, что изъ Магдебурга будетъ отправлена жалоба на него въ Берлинъ. Дошла очередь до сундука съ гарберобомъ графини. Графъ уже не говорилъ ни слова. Я не утерпѣлъ. Между тѣмъ, какъ открывался сундукъ, я подошелъ къ поручику и сказалъ ему тихо: «Источите всю строгость вашего долга на нашихъ эффектахъ (вещахъ); но тутъ будьте поспсходительнѣе». Уже смущенный угрозою графа, онъ освѣдомился вѣжливо: кто я такой? Я сказалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня. Служанка графини спросила, прикажетъ ли онъ вынимать платя? — Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ платяевъ графини: такъ не надобно! — Съ безмольною покорностью къ таможенному промыслу наши открытые чемоданы были выстроены въ два ряда. Поручикъ былъ необыкновенно милостивъ или, просто, потерялся: не было никакого рытья; было только легкое рукоприкладство. Это *вашъ* чемоданъ? — спросилъ онъ меня: «Мой!» и я примолвилъ тихо: «Поройтесь

хоть у меня! Графъ смотритъ на васъ: вы слишкомъ милости-вы къ намъ!» Онъ даже не взглянулъ на мои вещи. Далѣе — опять только рукоприкладство — и этимъ кончился таможенный осмотръ. Поручикъ удался. Графъ былъ очень взволнованъ. Мнѣ стало жаль поручика и я хотѣлъ смягчить графа: «Онъ началъ упрямо, какъ *Лютеръ*, прахъ котораго покоится здѣсь, въ соборѣ крѣпости; но не имѣлъ стойкости Лютеровою,—и до того потерялся, что не исполнилъ своего долга, касательно всѣхъ прочихъ пассажировъ!» Графъ засмѣялся. Полагаю, что Мартынъ Лютеръ спасъ своего единовѣрца.

Въ четырехъ миляхъ отъ Магдебурга, около Бурга, встрѣтилъ насъ первый виноградникъ; я этого не ожидалъ въ сѣверной Германіи. Еще неожиданнѣе для меня было другое зрѣлище: пастухъ и собака корифеями *впереди*, а за ними, въ стройномъ порядкѣ, стадо овецъ! Подумаешь, что Германія ушла и въ овцахъ своихъ!

Мы приближались къ Магдебургу. Я предоставилъ Шарлоту молодымъ ея поклонникамъ и уже не замѣчалъ ее вовсе! Во время таможенного осмотра, какой-то франтикъ возмелъ съ ея чемоданомъ и два раза взглянулъ на меня самодовольно. А мнѣ какое дѣло? Я уже взялъ свое: Шарлота знаетъ, что я не вандалъ. Вдругъ она подходитъ ко мнѣ и освѣдомляется, куда я ѣду. Я называю Лейпцигъ.

— Вамъ не будетъ кругу черезъ Галле?

— Никакого!

— Угодно ли вамъ нанять со мною лонкучера до Галле?

Это очаровательное предложеніе было сопровождено премилымъ комплиментомъ: исполненная довѣрности ко мнѣ, она отдается подъ мое покровительство! Я поблагодарилъ за эту довѣрность, и высказалъ свое согласіе простодушно, безъ всякаго восторга. Франтикъ и другіе мои соперники встрепенулись; я имъ улыбнулся, какъ побѣдитель. Лишь только отворулась Шарлота, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ. «Какое вамъ счастье! быть единственнымъ спутникомъ этой милочки! а вы, кажется, менѣе насъ всѣхъ домогались этого преимущества.»—Потому-то она и избрала меня! отвѣчалъ я: женщину тянетъ къ равнодушному; поклонникомъ же своимъ она пренебрегаетъ!

Какъ бы то ни было — дѣло сжато: Шарлота — мол, до Галле!

На третій день, по отправленіи изъ Гамбурга, въ 11 часовъ утра, прибыли мы къ Магдебургу. Шагахъ во стѣ отъ пристани вышла къ намъ на встрѣчу лодка съ тремя гребцами. Пароходъ, продолжая путь, съ трескомъ раздробилъ лодку: куски поплыли. Я испугался, а съ берега раздался злорадный хохотъ.—Что это значитъ? спросилъ я.—«Они радуются, что наказаны тѣ, кто изъ любостыжанія бросается впередъ не во-время».—Тутъ увидѣлъ я, что несчастные пловцы живы и на полу-лодкѣ спасаются къ берегу. Пассажировъ высадили и они разсѣялись. Шарлота и я остановились въ гостиницѣ: Лондонъ. Мы заняли по комнатѣ рядомъ.

Мнѣ, привыкшему къ одинокой жизни, чрезвычайно странно было являться въ свѣтъ съ молодою дамою объ руку, и казаться либо мужемъ, либо жепкомъ ея. Она—живая, веселая на пароходѣ, сдѣлалась опять робка и задумчива, какъ была въ первый вечеръ моей встрѣчи съ нею. Не знаю, встревожилась ли она близостью своихъ спонсеровъ съ незнакомцемъ? Поколебалась ли довѣрность ея къ образованному вандалу? Желая успокоить ее на этотъ счетъ, я хотѣлъ удалиться отъ фамилярной смежности нашихъ покоевъ, не имѣвшихъ, прочемъ, сообщенія между собою: я сказалъ Шарлотѣ, что моя комната мнѣ не нравится, что займу другую, подальше.—«Займите мою»,—сказала она,—«и дайте мнѣ вашу: мнѣ все равно!» После этого я остался, гдѣ былъ. Съ довѣрчивою улыбкою она мнѣ призналась, что ей, впервые одинокой между чужими людьми, кажется, будто она въ Американской саваннѣ: «по-этому мнѣ приятно, что вы не далеко отъ меня! Вы были первый человѣкъ, съ которымъ я встрѣтилась, по разлученіи съ теткою въ Гамбургѣ! Мимо тѣхъ, кто, на пароходѣ, вызывался сопровождать меня до Галле, я обратилась къ тому, кто мнѣ не предлагалъ своего покровительства, и если только я васъ не обезпокою, то увѣрена, что достигну незаслуженное счастье, присужденное тебѣ только влеченіемъ разума: веди себя хорошо! Умно и деликатно перенесла она дѣло романтическое передъ высшее судилище нравственнаго чувства.

Я повелъ ее къ общему столу, сѣдѣлъ подлѣ нея и всячески

ей услуживая; ходилъ съ нею, куда ей было угодно, и когда она легла отдохнуть отъ путевой усталости, я отправился смотрѣть соборъ (Dom).

Надобно было отыскать жилище кнстера въ какихъ-то мрачныхъ подвалахъ, называемыхъ Kreuzweg. По обѣимъ сторонамъ торчатъ могильные камни, составлявшіе прежде помость церковный. Пахло тлѣніемъ въ этихъ страшныхъ переходахъ. Наконецъ я дошелъ кнстера, и онъ повелъ меня въ величественное зданіе. Оно въ древне-готическомъ стилѣ, еще чудомъ всякихъ классическихъ идей; эти исполнскіе своды дышатъ только суровою, вѣчною силою, неумѣряемою изяществомъ; о кротости и любви Евангельской ничто не напоминаетъ въ тѣ часы, когда не бываетъ церковной службы. Простой мраморъ безъ надписи означаетъ могилу Императора Оттона Великаго. Сколько бурной исторіи рисуется на этомъ убогомъ камнѣ: междоусобныя распри; произвольная раздача царствъ; возобновленіе германской власти въ Италіи; спасительная для имперіи побѣда надъ дикими Венграми и, наконецъ — копье, воткнутое въ море (между Данією и Норвегією), въ ознаменованіе того, что только вѣчная стихія могла остановить неотразимый ходъ побѣдителя. — Простота Императорской гробницы обвѣнчаетъ въ излишнемъ тщеславіи тумбу епископа Эрнста, принца Саксонскаго — монументъ замѣчательный по великолѣпію и изящной отдѣлкѣ. Миѣ показывали шлемъ графа Тилли, да командорскій жезлъ и желѣзныя перчатки его. Почему именно въ Магдебургѣ хранятся эти вещи, въ Магдебургѣ, котораго палачемъ былъ свирѣпый Тилли? Завѣтный даръ отъ друга рѣже дѣлается родою реликвією, нежели знакъ памяти о злѣйшемъ врагѣ и губителѣ! Кровавый ужасъ кажется людямъ достойнѣе безсмертія, чѣмъ подвигъ любви или благодущія!

Сшедши съ площадки собора уже выходя, я встрѣтился съ Шарлотою: она пришла поклониться памяти своей единокемки, первой жены Императора Оттона, тутъ же погребенной — Эдита была Англичанка. Сопутница моя преклонила колѣна и стала молиться на могилѣ своей сестры, по отечеству. Это меня тронуло... во всемъ соборѣ не было никого, кромѣ кнстера... я тихо опустился на колѣна, рядомъ съ Шарлотою. Она была нѣсколько изумлена, и взоръ ея устремился на меня съ павнымъ любопытствомъ о значеніи моего нежданнаго дѣйствія. «Я во-

схищаюсь — сказалъ я ей — что вы чувствуете Эдиту свою сестрою по отечеству, что единокемное родство не пресѣкается ни тысячелѣтіемъ, ни вѣчною! Утѣшительно замѣчать *непрежодящее* въ суетной толпѣ мимолетныхъ явленій... по крайней мѣрѣ, есть что любить въ этомъ мірѣ! Безъ сомнѣнія, Эдита, въ чужомъ отечествѣ, не разъ тосковала по родицѣ — какъ и вы теперь, можете статься, тоскуете по родимой Англіи! Да утѣшитъ васъ духъ Эдиты и да будетъ вашимъ охранительнымъ гениемъ на чужбинѣ!»...

Глаза ея наполнились слезами. Она поняла, что я не только оцѣнилъ ея чувства къ соотечественницѣ десятаго вѣка, но и даю ей, косвеннымъ образомъ, торжественный обѣтъ въ томъ, что она въ безопасности, подъ моимъ покровительствомъ.

Вечеръ мы провели вмѣстѣ, въ комнатѣ Шарлоты; она была очень развязна и довѣрлива: древній готическій соборъ и совмѣстное колѣнопреклоненіе, у могилы Эдиты, будто освятили наше знакомство религиознымъ обрядомъ дружбы. Бесѣда наша касалась только чистѣйшихъ въ жизни предметовъ — и первая ночь нашего путевого союза подошла къ намъ тихо и спокойно, какъ добродушная няня, съ советомъ: «Пора спать: разоидитесь!» Мы и разошлись. Если бы Шарлота не протянула ко мнѣ руки, съ желаніемъ покойной ночи, то я ушелъ бы и безъ *этого* знака полупрѣизни.

Съ вечера, мы наняли лонкучера, съ тѣмъ, чтобы у него, кромѣ насъ двоихъ, не было другихъ пассажировъ. Мы положили: выѣхать въ пять часовъ утра.

Въ назначенное время, кельнеръ пришелъ меня разбудить; вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и кофе для меня и Шарлоты. Я постучалъ въ ея двери и сказалъ: Пора! «Сейчасъ!» былъ отвѣтъ. Черезъ четверть часа она и явилась ко мнѣ, свѣжа, какъ роза. Мы напились кофе и отправились. Была половина шестаго часа. Лонкучеръ ѣхалъ еще очень тихо. Я сказалъ Шарлотѣ: «Будемъ безъ церемоній! еще такъ рано; она мы не совсемъ выспались; тихая ѣзда такъ и усыпляетъ: поспимъ часть, или два!» Она согласилась, опустила головку на подушку, въ углу коляски. Я также прижался къ своему углу... мы уснули и выспались. — Послѣ этого, Шарлота была мила и весела, какъ майское утро въ Германіи, да и я былъ вполне расположенъ чувствовать милую близость такой прекрасной дѣвушки.

Мы разговорились дружески. Беседа наша не умолкала ни на минуту; вся прекрасная душа моей сопутницы вышла наружу; я имѣлъ случай удивляться образованности и чистому вкусу ея. Мы породились и интеллектуально. Пышное время года съяснымъ небомъ; одиокая съ красавицею побѣдка, при занимательныхъ разговорахъ; одиокой же съ нею идиллическій обѣдъ, въ Бернбургѣ, въ бесѣдкѣ отлагога сада, съ восхитительнымъ видомъ на окрестности... Если бы это случилось со мною десять лѣтъ прежде... милая Шарлота была бы помѣщена у меня въ картинной галлерей сердечной памяти о женщинахъ, которыхъ я любилъ, т. е. я сильно пристрастился бы и къ ней! Но развѣ теперь, при отсутствіи страсти любовной, менѣе чувства, жизни и поэзіи? Развѣ умственное, художественное наслажденіе такимъ милымъ созданіемъ Божиимъ не чище, не богаче всякаго эротическаго чувства? Добродѣтель выше чистѣйшей страсти! Кто изъ насъ не служилъ подъ знаменемъ богини любви, кто не можетъ воскликнуть съ Горациемъ, въ одѣ его къ Венерѣ: *Vixi puellis super idoneus, et militavi non sine gloria!* Но онъ, язычникъ, не могъ возвыситься до чувства, до котораго возвышается насъ—чистая нравственность нашей религіи. Шарлота, отдавшись подъ мое покровительство, сдѣлалась для меня существомъ, высшимъ всякаго искаательства. Она мнѣ рассказывала занимательные анекдоты о Бейроуѣ и между тѣмъ непремѣнно хотѣла, чтобъ и я былъ поэтъ. — Мы теперь говоримъ о *Бейроуѣ* — отвѣчалъ я: кто же, при *этомъ имени*, осмѣлится вообразить, что онъ поэтъ! Впрочемъ—сказать правду—я *теперь* чувствую себя какъ бы тождественнымъ Бейроу, даже имѣю передъ нимъ нѣкоторое преимущество, путешествуя съ мною, молодою Англичанкою, какъ и онъ, въ своей первой юности... «*La compagne de mon voyage était Mary Shaworth...*» Преимущество же мое состоитъ въ томъ, что вы, Шарлота, несравненно любезнѣе, нежели была Мери Чауртъ! — Сопутница моя покраснѣлась.

— Миссъ Шарлота! сказала я ей серьезно: если вы будете красить отъ моихъ словъ, то буду съ вами отнынѣ, по русской поговоркѣ, безгласенъ, какъ рыба! Стало быть, вы меня считаете за вандала, или скіопа, неумѣющаго вести порядочной бесѣды съ дамою!

«Охъ, нѣтъ!» отвѣчала она, и доврчиво улыбулась и ко мнѣ наклонилась.

Въ восемь часовъ вечера пріѣхали мы въ Галле и остановились опять рядомъ, въ гостиницѣ: Цюрихъ. Шарлота у дѣла своего путешествія; экипажъ изъ деревни дождался ея; но было поздно; она еще осталась до утра. Въ этотъ послѣдній вечеръ она еще являлась мнѣ во всемъ блескѣ своей любезности; и я самъ былъ болѣе веселъ, нежели слѣдовало бы быть наканунѣ разставанія съ такою сопутницею, какой мнѣ, вѣроятно, уже не найду во все мое предполагаемое путешествіе по Германіи, Швейцаріи и Италиі. Повторяю, она меня интересовала, какъ милое созданіе Божіе, не какъ женщина, въ особенномъ смыслѣ слова. На этотъ разъ уже я, при вечернемъ прощаніи, взялъ руку ея и даже пожалъ слегка. Она мнѣ улыбулась очаровательно. Комнаты наши имѣли сообщеніе посредствомъ двери, которая была затворена, но не заперта: служанка, постлавъ постелю Шарлоты, черезъ эту дверь прошла въ мою комнату. Я хотѣлъ пройтись домой черезъ корридоръ. «Вамъ ближе здѣсь!» сказала Шарлота — и я шагнулъ черезъ роковой порогъ. Случайно, ключъ двери былъ по ту сторону, что замѣтилъ я съ удовольствіемъ, уже раздѣваясь. А будь онъ у меня, я этилъ затруднился бы не мало: какимъ образомъ перешелъ бы я ключъ на другую сторону? Теперь же не моя забота! Я такъ скоро уснулъ, что и не слышалъ, когда замкнулась дверь, если дѣйствительно замкнулась, т. е. если Шарлота, уже вполне доврѣявшая мнѣ, не побоялась оскорбить меня такимъ дѣйствіемъ излншней осторожности, которое могло бы коснуться моего слуха: замѣкъ не такъ тихо запирается.

Я проснулся около шести часовъ утра. Въ комнатѣ Шарлоты была тишина. Сонъ мой, во время бури, въ Балтикѣ — и этотъ богатырскій сонъ, въ двухъ шагахъ отъ красавицы, опаснѣйшей, нежели буря — вотъ *два сна*, которые внушаютъ мнѣ болѣе самодовольствія, чѣмъ труднѣйшія жертвы, сердцемъ моимъ принесенныя понятію о долгѣ! Въ то время, когда другіе учились на Марсовомъ полѣ, Лепидъ, тутъ же ваяясь въ травѣ, сказалъ о своей лѣни: «Я бы желалъ, чтобъ *это* (т. е. *лѣниться*) значило *работать* (Vellem, hoc esset laborare!)» Я осуществилъ и даже превзошелъ желаніе Лепида: самый без-

дѣйственный отдыхъ — сонъ — сталъ дѣломъ, дѣйствиємъ, отправленіемъ службы добродѣтели; службы труднѣйшей, чѣмъ военная! При такихъ размышленіяхъ я тихо одѣлся и вышелъ записаться на Эйльпость (длинжанскъ). Возвратясь, послѣ утренней прогулки, я услышалъ, что сопутница моя встала, и вошелъ къ ней. Я зауялся нежданной съ нею перемиѣй: она сидѣла на диванѣ, задумчивая, блѣдная, разстроенная.

— Что съ вами, Шарлота? вы нездоровы?

«Я не могла спать во всю ночь отъ лихорадочнаго волненія крови; мнѣ было такъ жарко и душно! А вы — вы спали такъ сладко, такъ крѣпко!»

— Такъ крѣпко, что я, можетъ быть, хранилъ и мѣшалъ вамъ уснуть. Меня всегда увѣряли, что я не хранию во снѣ; ужели, на этотъ разъ, грѣхъ попуталъ?

«Нѣтъ! вы спали тихо, какъ младенецъ!»

— Этимъ я обязанъ былъ вашей близости! вашъ Бейронъ правъ: есть что то успокоительное въ присутствіи женщины!

«Могло ли это успокоительное быть отъ меня, въ такое время, когда я сама была волнуема, мучима бессонницею?»

— Очень могло быть: физическій недугъ не помѣщаетъ моральному паружу вліянію милого существа! Что же касается до бессонницы, то и я частенько ею страдаю: какъ она томительна, какъ неспосна! Я тогда никакъ не могу остаться въ постелѣ: я всегда встаю.

«И я встала; зажгла свѣчку, принялась читать; но книга показалась мнѣ скучною....»

— Шарлота! въ такомъ случаѣ надо бы было постучать въ эту дверь! я бы тотчасъ услышала; одѣлся бы въ мигъ — чему научила меня военная служба — спросилъ бы у двери: Peut-on entrer? И если бы вы сказали: Entrez! я-бъ вошелъ, и мы побесѣдовали часъ или два, какъ вчера въ коляскѣ, какъ въ садовой бесѣдкѣ, въ Берибургѣ — Эти два часа я бы чистехонько выигралъ у судьбы, отмѣрившей мнѣ съ строгою точностью столь короткій срокъ совместнаго съ вами странствія по дорогѣ жизни — и послѣ того, вы бы непременно почувствовали потребность сна — и уснули бы крѣпко; и меня усыпила бы пріятное чувство, что я преодолѣлъ вашу бессонницу, въ такое время, когда человѣкъ, обыкновенно, бездѣйствуетъ. —

«Мнѣ было жаль разбудить васъ! я вамъ повторю: вы спали тихо и крѣпко, какъ младенецъ!»

— Если я и спалъ, какъ младенецъ, то все-таки не былъ младенецъ, и можно бы было меня со сна поднять! Когда это всегда дѣлалъ мой сержантъ-мажоръ (вахмистръ), то подавно могла дѣлать соотечественница Лорда Бейрона! —

Она улыбулась.

— Признайтесь, Шарлота: вамъ было не жаль меня разбудить; по вы, не взирая на то, что я съ вами породнился духовнымъ братствомъ въ магдебургскомъ соборѣ, на могилѣ Эдиты; что я во все время нашего путешествія обходился съ вами, какъ съ милою, прекрасною сестрою — вы не возымѣли полного довѣрія къ вашему русскому брату! Въ Гамбургѣ, въ лодкѣ, когда вы услышали, что я Русскій, вы встрепенулись — и этого перваго невыгоднаго впечатлѣнія я уже ничѣмъ не могъ изгладить! —

Она поклялась, что нѣтъ! Впрочемъ, все, что она говорила при этомъ случаѣ, относилось только ко мнѣ, не къ моимъ читателямъ!

Между тѣмъ мы вѣстѣ завтракали. Часы напоминали мнѣ, что остается только полчаса, что мой путевый романъ съ Шарлотою — кончается! Я освѣдомился о послѣднихъ ея приказаніяхъ; она не ожидала столь быстрой развязки, думая пробить со мною еще часа два.

«Я вамъ еще должна!» Вездѣ, на дорогѣ, я и за нее платилъ, сказавъ ей, что сочтемся при прощаніи. Вездѣ она, съ чрезвычайною точностью, освѣдомляясь, сколько приходится на ея счетъ, и это записывала безъ моего вѣдома — и подавала мнѣ счетъ — Фридрихсдоръ да нѣсколько серебряной монеты. Я все это положилъ на столъ, продолжалъ бесѣдовать и наконецъ всталъ со словами: прощайте, миссъ Шарлота!

Обѣими руками взявъ меня за руки и въ послѣдній разъ осыпая меня голубымъ блескомъ своихъ мечтательныхъ очей, она что-то лепетала о благодарности, и такъ мило, что я могъ бы поцѣловать ее въ эту минуту, безъ малѣйшей боязни негодованія ея. Я удался по корридору. Шарлота вышла и воротила меня. «Вы забыли свои деньги!» Я опять вошелъ въ ея комнату. — Шарлота — сказала я — если ты, отдавшисъ подъ мое покровительство, не захотѣла быть и моею гостею,

такъ отдай эти деньги трактирной служанкѣ: Русскіе глушаются мелкими счетами! «Homme in concevable! прошептала она, и я братски обнялъ ее и подцѣловалъ — и посадилъ ее на диванъ — и удалился.

— Дилжансъ отправился. Не долго фантазія могла лелѣять меня милою мечтою о Шарлотѣ; я быстро перенесся къ воспоминаніямъ другаго рода: мы въѣхали въ классическую область военной исторіи — въ окрестности Лейпцига! Въ Мекерифъ, гдѣ мужествовалъ Блюхеръ, въ первый день Лейпцигской битвы, подлѣ самой дороги, покоится статуя падшаго воина. Никто не могъ мнѣ сказать, чья эта статуя?—«Это, можетъ быть, вашъ соотечественникъ!» замѣтилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ. «Миръ храброму, кто бъ ни былъ онъ!» отвѣчалъ я: «впрочемъ, здѣсь не было ни чьихъ соотечественниковъ: здѣсь было только союзное человечество, во всемірной борьбѣ за права свои; единоземство не согласуется съ идеєю Лейпцигской битвы!» Тотъ падшій воинъ, вѣроятно, Прусакъ, корпуса генерала Юрка, который, въ тотъ день, два разъ взялъ съ бою и два раза проигралъ и наконецъ удержалъ за собою Мекерифъ, разбивъ Французовъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ той эпохи былъ старикъ Блюхеръ, олицетворяя собою грубую силу природную, которая иногда — въ бурныя времена — со стремительностью почти слѣпою и съ демониическимъ счастьемъ—одолѣваетъ гений и умъ величайшаго полководца. Всего же рѣзче — и даже страшно — выразился этотъ геркулесовскій демонизмъ Блюхера—при Ватерло! Воспоминательная мысль моя обращалась около Шарлоты и Блюхера — около женской граціи и мужскаго героизма, этихъ двухъ прототиповъ взяшаго, составляющихъ прекраснѣйшее супружество интеллектуальное, олимпійскій союзъ Геркулеса и Геты!

Баронъ Розень.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

ВОСПИТАНИЦА ИГРОКА.

РАЗСКАЗЪ АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ ВІЛЬЯМА ГИЛЬМОРЪ СІМСА.

То, что я хочу разсказать здѣсь моимъ читателямъ составляетъ чудное приключеніе изъ жизни одного пограничнаго поселенца, — случай, до такой степени кажущійся невѣроятнымъ, что много труда и много искусства надобно разсказчику, дабы убѣдить въ истинѣ его своего слушателя. Матеріалы для этой предстоящей мнѣ задачи собралъ я еще восьмидцатилѣтнимъ юношею, во время странствованія моего по печальнымъ и небезопаснымъ пустыннымъ берегамъ Миссиссипи.

Величественное, хотя дикое и пустынное, зрѣлище представляла эта страна, неизмѣримыхъ лѣсовъ которой въ то время такъ мало еще коснулся топоръ поселенцевъ. Я проѣзжалъ черезъ обширную степь Ядоо, не вдалекѣ отъ жилищъ воинственныхъ Чоктавовъ. По обыкновенію, я ѣхалъ одинъ одинохопекъ. Изрѣдка встрѣчалъ я какого-нибудь путешественника съ востока, бредущаго по одной со мною дорогѣ; но чаще единственнымъ спутникомъ моимъ бывалъ мрачный Чоктавъ, или какой либо другой дикарь, внезапно появившійся откуда нибудь со стороны и невольно заставлявшій меня придумать, чѣмъ начнетъ онъ свое знакомство со мною—поклономъ или томагавкомъ.

Въ то время, бѣлыхъ поселенцевъ въ этой сторонѣ было еще очень мало, такъ что я часто проѣзжалъ миль по сорока и по пятидесяти, не встрѣчая ни одного изъ ихъ жилищъ, и мнѣ по неволѣ приходилось искать ночлега въ хижинѣ дикаря. Но однажды вечеромъ встрѣтилось мнѣ исключеніе, и объ этомъ то вечерѣ я хочу разсказать своимъ читателямъ.

Я достигъ наконецъ до границы туземцовъ, и въ не дальнемъ разстояніи отсюда шумная Миссисипи вливалась въ заливъ. Жилища бѣлыхъ поселенцевъ встрѣчались чаще и чаще, признаки приближающейся цивилизаціи становились замѣтнѣе. Наступалъ вечеръ; солнце мало-по-малу исчезало за горизонтомъ, и душа моя наполнялась тѣмъ невыразимо пріятнымъ чувствомъ уединенія, которое не рѣдко овладѣваетъ при подобномъ солнечномъ закатѣ молодымъ странникомъ. Потомъ заняла меня мысль, гдѣ я отыщу себѣ ночлегъ на предстоящую ночь. Последнюю ночь я ночевалъ у одного чрезвычайно негостеприимнаго бѣлаго поселенца, который дѣйствительно ли не зналъ, или только не хотѣлъ, но рѣшительно не могъ мнѣ ничего сказать о томъ, гдѣ бы мнѣ сыскалъ себѣ ночлегъ въ слѣдующую ночь.

Въ такомъ сомнительномъ и въ нѣкоторомъ отношеніи не весьма пріятномъ расположеніи духа, я сталъ почаще прищипывать лошадь, поглядывая съ сожалѣніемъ на послѣдніе лучи солнца, постепенно исчезающіе за вершинами деревъ, и по временамъ бросалъ заботливые взгляды по сторонамъ, сомнѣваясь въ безопасности уединеннаго пути моего.

Мучимый этимъ безпокойствомъ на счетъ ночлега, я вдругъ замѣтилъ съ правой стороны дорожку, углубляющуюся въ лѣсъ. Она напомнила мнѣ о тѣхъ полузаросшихъ тропинкахъ дорогѣй моей Каролины, которая всегда и вездѣ обѣщаютъ утомленному страннику гостеприимный пріютъ и добрый сытный ужинъ.

Ободренный этимъ открытіемъ я, ни мало не раздумывая, прищипывая лошадь и пустился по сказанной дорогѣ въ лѣсъ.

Веселый звукъ рожка и глухой стукъ топора вскорѣ подтвердили мою надежду, а послышавшееся вслѣдъ за тѣмъ мычанье коровы и показавшійся изъ-за деревьевъ дымокъ окончательно убѣдили меня, что я дѣйствительно достигъ столь желанной цѣли. Черезъ двѣ минуты, я очутился у небольшого красявенкаго домика.

Это было одно изъ тѣхъ, такъ сказать деревянныхъ укрѣпленій, которыя такъ обыкновенны въ этой сторонѣ; оно отличалось отъ подобныхъ себѣ только своею чистотою и красивою архитектурою. Площадка передъ домикомъ была чисто на чисто выметена, окружающія его деревья подчищены и подрѣзаны, и общій взглядъ на это красивое жилище какъ-то невольно радовалъ сердце странника. Внутренность домика вполне отвѣчала наружности; все въ немъ очаровывало вступившаго странника неизяснимою чистотою и удобствомъ, и все, казалось, дружески приглашало его отдохнуть и успокоиться.

Бѣлыя какъ снѣгъ занавѣски на окнахъ, полъ, усыпанный пескомъ, каминъ, чисто обмазанный красною глиною, столы и стулья хотя изъ простаго дерева и неискусной работы, но такіе опрятные и удобные, словомъ, во всемъ такой порядокъ и чистота, что взоръ вашъ невольно останавливался съ удовольствіемъ на каждомъ предметѣ. Не было даже недостатка и въ нѣкоторыхъ мелкихъ удобствахъ, какихъ не встрѣтишь нигдѣ въ другихъ подобныхъ жилищахъ. Въ одномъ углу находилась вѣшалка для шляпъ, въ другомъ для платья. Надъ каминомъ висѣло большое ружье, а подъ нимъ, какъ будто единственный предметъ, достойный занять такое почетное мѣсто, обыкновенная колода картъ. Впрочемъ колода эта была не повѣшена, а крѣпко прибита къ стѣнѣ. Огромный гвоздь проходилъ сквозь всю колоду, и черная шляпка его красовалась на проткнутомъ червономъ тузѣ. Эти то карты и играютъ главную роль въ моемъ разсказѣ, но до времени пока дозволю сказать, что я только послѣ ужина обратилъ вниманіе на это замѣчательное украшеніе камина.

У дверей домика сидѣлъ почтенный старичокъ, лѣтъ семидесяти или восьмидесяти. Бѣлая какъ снѣгъ, но, такъ сказать, ни одного волоска не потерявшая голова старца, изобличала силу и здоровье. На лицѣ его очень мало было морщинъ, а свѣтлые голубые глаза блестѣли веселостію и спокойствіемъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ людей, зима которыхъ хотя и

холодна, но сносна и даже приятна. Семейство его состояло из трех лиц: во-первых единственный сын, мужчина лѣтъ 38-ми или 40-ка, для описанія котораго довольно будетъ сказать, что отецъ его въ молодости непремѣнно походилъ на сына; потомъ жена его и сынъ, здоровенкій мальчикъ лѣтъ десяти, но отнюдь не походившій ни на отца, ни на дѣдушку. Въмѣсто свѣтлыхъ, веселыхъ, голубыхъ глазъ отцовскихъ, у него были черные меланхолическіе глаза матери; щеки его были скорѣе худыя, чѣмъ полныя, и скорѣе блѣдныя, чѣмъ розовыя; волосы длинные и черные, какъ смоль. Нѣсколькихъ словъ объ матери достаточно будетъ, чтобы заинтересовать ея читателя.

Старикъ ласково привѣтствовалъ меня, а сынъ повелъ въ комнаты, куда я и приготовился войти со смѣлостію и такъ сказать съ самосознаніемъ своей личности, столь свойственнымъ молодымъ людямъ моего возраста; но вдругъ суетность моя если не совсѣмъ пропала, то, по крайней мѣрѣ, много уменьшилась при видѣ хозяйки. Она сидѣла у камина и такъ не походила на то, что я ожидалъ встрѣтить въ хозяйкѣ подобнаго жилища, что я почти сконфузился передъ нею. Въмѣсто простой, добродушной, краснощочкой поселанки, штопающей бѣлье или вяжущей чулокъ, я очутился передъ дамою благородной, гордой наружности. Темный цвѣтъ лица и пламенные черные глаза какъ будто бы изобличали восточное происхождение. Красота ея, потому что она была дѣйствительно прекрасна, состояла не въ правильныхъ чертахъ лица, а въ провнццательныхъ и пламенныхъ черныхъ глазахъ и въ неизъяснимой пріятности маленькаго, превосходно образованнаго ротика, способнаго очаровать человѣка самаго хладнокровнаго.

Впрочемъ я отнюдь не хочу сказать, чтобы выраженіе лица этого было легкомысленно; напротивъ, при всей прелести, красотѣ и живости его, на немъ отражалась какая то возвышенная меланхолія, и женщина эта походила скорѣе на прекраснаго гениа, тоскующаго о своемъ небесномъ жилищѣ.

Словомъ, дама эта была одарена необыкновенною красотою, и во всѣхъ ея пріемахъ являлось что-то такое, чего никакъ нельзя было ожидать встрѣтить въ хижинѣ поселенца. Хотя нельзя было не замѣтить слѣдовъ печали на прекрасномъ лицѣ; но это самое тѣмъ болѣе доказывало силу высокой души ея, которая хотя и страдаетъ, но сознаться въ этихъ страданіяхъ почитаетъ недостойнымъ себя.

Мужъ представилъ меня ей, назвавъ ее г-жою Райнерт. По-

слѣ я узналъ, что имя ея Рашель, и это подтвердило мое предположеніе о ея еврейскомъ происхожденіи. Впрочемъ сама она была христіанка, что доказало мнѣ ея благочестивое и непри- нужденное участіе въ нашей вечерней молитвѣ. Говорила она мало, но съ участіемъ слушала бесѣду мою съ ея мужемъ и его отцомъ; когда же вмѣшивалась въ разговоръ, то выборъ словъ и образъ выраженія удостовѣрили меня, что она получила превосходное воспитаніе. Мужъ слушалъ ее съ какою то особенною почитательностію, и я нѣсколько разъ замѣтилъ, что онъ всячески старался въ отвѣтахъ своихъ измѣнять суровыя выраженія простаго жителя лѣсовъ на болѣе тонкія и благозвучныя.

Прелестно и трогательно было видѣть кроткаго, спокойнаго ребенка, который, сидя у ногъ матери, прилежно занимался чтеніемъ какой-то дѣтской книжки, только по временамъ бросая робкіе взгляды на мать и печальною улыбкою отвѣчая на строгій взоръ ея. А мать играла шелковыми кудрями сына и, казалось, забывала весь міръ въ созерцаніи этого единственнаго предмета.

Мнѣ нечего говорить, что это семейство такъ отличалось отъ всего, что я до тѣхъ поръ встрѣчалъ въ лѣсной жизни на югозападѣ, и что, слѣдовательно, любопытство мое возростало болѣе и болѣе. Я былъ вполне убѣжденъ, что у нихъ есть что поразсказать о себѣ, и что этотъ разсказъ не безинтересенъ будетъ для слушателя.

Старикъ и сынъ его принадлежали къ числу тѣхъ благородныхъ, откровенныхъ и свободныхъ пограничныхъ обитателей, которыхъ такъ часто впрочемъ смѣшиваютъ съ дикими побродягами, которые прежде посѣщали эту страну, но не оставили въ ней ни малѣйшаго слѣда своего трудолюбія. — Одинъ взглядъ на сына могъ достаточно убѣдить каждаго, что другъ можетъ на него положиться, а врагъ долженъ его опасаться.

За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ него, и между нами завязался такой искренній свободный разговоръ, какъ будто бы между старыми друзьями, свидѣвшимися въ первый разъ послѣ долгой разлуки.

Я не буду приводить бесѣды нашей за ужиномъ, потому что хотя она и была вполне интересна, въ особенности для меня, но описаніе ея слишкомъ отвлекло бы меня отъ главной цѣли моего разсказа. Послѣ ужина мы собрались всѣ въ камину, который хотя и дотога горѣлъ уже довольно свѣтло,

но теперь запылала таким сильным пламенем, что я невольно поднял глаза къверху и при этомъ случаѣ замѣтить упомянутую выше колоду картъ. Полагая, что это искусственное подражаніе натурѣ, я всталъ и дотронулся до нея пальцемъ; но оказалось, что это настоящая колода картъ, довольно подержанныхъ, прибитая къ стѣнѣ большимъ гвоздемъ. Судя по загнутымъ и почернѣвшимъ угламъ ея видно было, что она уже довольно давно находится на этомъ мѣстѣ.

— Вотъ пресамѣтельное украшеніе для камина, г-нъ Райнеръ, сказалъ я хозяину, стараясь подъ улыбкою скрыть выраженіе любопытства въ этихъ словахъ. Но улыбка моя не сообщила никому изъ моихъ собесѣдниковъ; напротивъ всѣ они сдѣлались вдругъ печально важными, и госпожа Райнеръ въ ту же минуту вышла изъ комнаты. Когда она ушла, мужъ ея сказалъ мнѣ:

— Ваша правда, это украшеніе слишкомъ необыкновенно, но основаніемъ его послужила причина очень важная, и послѣ вечерней молитвы я объясню вамъ ее.

Между тѣмъ г-жа Райнеръ воротилась, и принесла домашнюю библію, которую и положила на столъ возлѣ старика; всѣ пріемы ея при этомъ доказывали, что она исполняла подобную обязанность ежелевно. Старикъ раскрылъ книгу, взялъ въ ней очки, вѣроятно, оставленные на той самой страницѣ, которую онъ читалъ вчера, и прочелъ одну главу священнаго писанія, послѣ чего всѣ преклонили колѣна, и старикъ произнесъ молитву. Когда встали съ колѣнъ, въ комнатѣ водворилось на нѣсколько минутъ глубокое молчаніе; потомъ г-жа Райнеръ взяла за руку сына и, пожелавъ намъ спокойной ночи, удалилась въ свою комнату. Всѣ ея движенія были полны граціи и величія, но когда я взглянулъ ей въ глаза, то мнѣ показалось, что она какъ будто бы недавно плакала. — Вскорѣ ушелъ и старикъ, и я остался наединѣ съ г-мъ Райнеромъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ самъ завелъ разговоръ о заинтересовавшей меня колодѣ картъ.

II.

«Чужеземецъ, началъ онъ: съ этими картами связана исторія, которую я хотѣлъ бы разсказать каждому молодому человеку, только что вступающему въ свѣтъ. Но такъ какъ разсказъ мой будетъ довольно долготъ, то надобно прежде подложить яровъ въ каминъ.

Сдѣлавши это, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее происшествіе:

«Теперь почти двѣнадцать лѣтъ тому, сказалъ онъ, какъ эти карты сдѣлались для меня важнымъ предметомъ въ моей жизни, и потому я долженъ поговорить вамъ о томъ времени. Наружность моя была тогда почти такая же, какъ и теперь; я съ тѣхъ поръ очень мало перемѣнился. Вѣроятно, я былъ немножко поживѣе, потому что у всѣхъ знавшихъ меня въ то время слылъ за весельчака и шутника, и никогда не бывалъ въ дурномъ расположеніи духа. Отецъ мой тоже походилъ на меня. Мы жили здѣсь же, гдѣ и теперь, только что побѣдѣе и не такъ удобно; впрочемъ все-таки не терпѣли недостатка.

Мы съ отцомъ жили одни, и только держали при себѣ работника съ женою и двумя дѣтьми. Мы были трудолюбивы; правда, добывали мы не много, но тратили все таки меньше, и хотя за столомъ у насъ не было вкусныхъ блюдъ, за то не было и расходовъ на докторовъ и на аптеки. Словомъ сказать, мы благодарили Бога и не жаловались на судьбу.

И такъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ одинъ жаркій день въ августѣ, я поѣхалъ верхомъ къ рѣкѣ, посмотрѣть, нѣтъ ли на берегу чего годнаго для насъ, потому-что ночью мы слышали выстрѣлы съ парохода, въ то время обыкновенные извѣстительные знаки въ подобныхъ случаяхъ. И дѣйствительно, я нашелъ нѣсколько предметовъ для насъ и для другихъ, какъ то мѣшокъ кофе, боченокъ сахара, три мѣшка съ солью и щипцы съ разными разностями.

Но экипажъ парохода, который между тѣмъ отправился уже дальѣе, разбросалъ все это какъ попало, такъ что соль оцупилась въ лужѣ и подмокла. Я перескакалъ все на сухое мѣсто. Впрочемъ все подмоченное принадлежало нашимъ сосѣдямъ, и пропало бы совершенно, еслибы я не поспѣлъ во-время. Работа моя продолжалась съ часъ. Потѣскавши одинъ одиношественъ тяжелые мѣшки, я наконецъ усталъ, сѣлъ отдохнуть въ тѣни густаго дерева и чуть было не заснулъ, какъ вдругъ не вдалекѣ раздался отчаянный крикъ. Я живо вскочилъ на лошадь и пустился на этотъ крикъ, по той же дорогѣ, по которой пріѣхалъ.

Проѣхавъ шаговъ съ триста и поверотивъ за уголъ, я увидалъ незнакомца, который призывалъ на помощь. Лошадь его валялась на землѣ и жалобно стонала, а онъ стоялъ возлѣ нея на колѣнахъ и теръ ей рукою ногу. Немного въ сторонѣ лежала огромная убитая змѣя—и это объяснило мнѣ, въ чемъ дѣло.

Я соскочил съ лошади и поспѣшилъ къ незнакомцу, чтобы подать, если возможно, какую нибудь помощь его лошади. Однакъ ноги у ней сильно уже оцухли; не смотря на то, я вырѣзалъ рану, потомъ събѣдрилъ за солью и началъ натирать ею ужаленное мѣсто. Но все было тщетно: черезъ нѣсколько минутъ лошадь незнакомца околѣла.

Тутъ только взглянулъ я на него попристальнѣе. Это былъ невысокій, пожилой мужчина съ продолговатымъ лицомъ и черными волосами, но съ такими пламенными глазами, что они какъ будто бы насквозь провидали меня. Лицо у него было блѣдное и покрытое морщинами, но не смотря на свои, какъ я упоминалъ уже, довольно пожилыя лѣта, одѣтъ онъ былъ щеголевато, въ новомъ бархатномъ жилетѣ, тонкомъ сюртукѣ, съ золотыми часами на золотой же цѣпочкѣ со множествомъ печатей. По временамъ онъ шохалъ табакъ изъ рожка, съ обихихъ концовъ обдѣланнаго въ золото.

Казалось, онъ не очень огорчался потерей лошади, и когда я сталъ жалѣть объ ней, онъ отвѣчалъ мнѣ.

— Ничего. У васъ лошадь тоже хоть куда, и вы, какъ добрый мальшій, уступите мнѣ ее.

Я, разумеется, не мало удивился такому предложенію. Лошадь у меня была въ самомъ дѣлѣ славная; она ходила у насъ и въ запряжкѣ, и подъ сѣломъ, и въ плугѣ, и потому я ни мало не чувствовала охоты уступить ее незнакомцу, тѣмъ болѣе, что мнѣ вовсе не нравилась манера, съ какою онъ ее у меня потребовалъ.

Я, конечно, не опасался, что онъ отниметъ ее у меня силою, но все-таки какое-то боязливое чувство овладѣло мною. Быть можетъ, подумалъ я, это одинъ изъ волшебниковъ, про которыхъ такъ много писано въ книгахъ и много рассказываютъ старыя, опытные люди; а можетъ быть, и самъ дьяволъ.

Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего ждать отъ него хорошаго. Однакъ незнакомецъ, вѣрно, замѣтивъ мое безпокойство, скоро вывелъ меня изъ него.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ: ваша лошадь славное животное; хотите-ли продать ее мнѣ? Я заплачу, чего она стѣитъ; назначте сами цѣну.

Вотъ это было уже другое дѣло; видано-ли, чтобы западный фермеръ не былъ готовъ барышничать лошадыми?

Притомъ хотя лошадь моя и точно была хороша, но у насъ много было такихъ же другихъ, и большой нужды въ ней мы не имѣли. Конечно мнѣ жаль было съ нею разстаться, потому что я самъ выкормилъ ее и очень любилъ, но все таки разо или поздно пришлось бы продавать ее, потому что она была у насъ лишняя. Вспомнилъ я также, что намъ нужна новая телѣга и кое что другое, и потому не почелъ за нужное отказаться отъ предложенія незнакомца, и отвѣчалъ ему:

— Да, моя лошадь отличное животное.

— Не спорю, сказалъ незнакомецъ: еще ни одна лошадь мнѣ такъ не нравилась, за то я дамъ вамъ за нее и отличную цѣну.

— Сколько же вы дадите? спросилъ я.

— Говорите сами—я не ребенокъ—да и вы въ такихъ уже лѣтахъ, что съумѣете оцѣнить лошадь.

— Я цѣню ее въ 170 долларовъ, сказалъ я.

— Она стѣитъ больше, но вы согласны отдать ее мнѣ за эту цѣну?

— Извольте.

— Хорошо я плачу вамъ 170 долларовъ, да въ придачу еще кожу моей лошади. Она была тоже славное животное, и достойна того, чтобы сдѣлать изъ нея чучелу и поставить въ вашу конюшню, на образецъ вашимъ лошадымъ.

Говоря это, онъ отсчиталъ мнѣ деньги, все чистымъ золотомъ. Я почти усомнился, настоящее ли это золото, обнюхалъ его—запаху мѣди не было слышно, и мнѣ стало стыдно, что я не умѣлъ изъ взглядъ отличить настоящаго золота отъ поддѣльнаго. Кроме того, въ незнакомцѣ было что-то такое привлекательное и важное, что я не могъ не вѣриться ему; да и по одеждѣ онъ не похожъ былъ на обманщика.

— Вотъ, дружище, сказалъ онъ подавая мнѣ деньги. У васъ, вѣрно, во всю жизнь не бывало вдругъ столько денегъ въ рукахъ.

— Правда, отвѣчалъ я: хотя я видалъ таки золото, но вдругъ у меня никогда его столько не бывало.

— Ну такъ вотъ вамъ и есть, чѣмъ порадоваться. Вы, какъ мнѣ кажется, добрый мальшій. Чтѣ, ваша лошадь здорова?

— За это ужъ я поручусь. Но вотъ чтѣ—мнѣ кажется, я не совсѣмъ честно поступилъ, взявши съ васъ за нее 170 долларовъ; съ другихъ я больше ста пятидесяти не просилъ.

— И теперь вас мучит за это совесть! Да, вы в самомъ дѣлѣ честный малый. Но не беспокойтесь, я сейчасъ же научу васъ, какъ успокоить ее.

При этихъ словахъ, онъ вытащилъ изъ кармана колоду картъ, вотъ эту самую, которую вы видите надъ каминномъ.

— Сыграемъ на эти лишніе двадцать долларовъ,—сказалъ онъ, бросивъ двѣ золотыя монеты на околовъшую лошадь, и сталъ мѣшать карты. Я послѣдовалъ его примѣру и тоже положилъ двѣ монеты по 10 долларовъ.—Я чувствовалъ, что поступаю дурно, но никакъ не въ силахъ былъ противиться странному незнакомцу; такую власть приобрѣлъ онъ надо мною.

— Въ какую игру хотите играть? спросилъ онъ и назвалъ мнѣ игоръ около двадцати; но я не зналъ ни одной изъ нихъ. Это немного смутило его.

— Такъ вы, вѣрно, не знаете никакой игры?

— Знаю немножко—въ четыре карты. *

— Прекрасно; это тоже пзвѣстная игра, и странно, какъ я не вспомнилъ про нее.

Смѣшавъ карты, онъ положилъ ихъ и досталъ изъ кармана маленькую серебряную коробочку, въ родѣ табакерки. Въ коробочкѣ этой были какіе-то маленькіе черненькіе шарики; незнакомецъ взялъ одинъ шарикъ, проглотилъ его, и тогда глаза его заблестали такимъ чуднымъ огнемъ, что почти ослѣпили меня.

Околовъшая лошадь была нашимъ игорнымъ столомъ. Незнакомецъ сѣлъ на одну ногу ея; я сталъ противъ него на колѣни. Славая карты, онъ разспрашивалъ меня, сколько мнѣ лѣтъ, какъ меня зовутъ, гдѣ я живу, куда ѣздивъ, и т. п., и все это такъ быстро, что я едва успѣвалъ отвѣчать ему. Потомъ онъ сказалъ:

— Вы честный малый, берите свои карты, и посмотримъ, такъ ли же вы счастливы, какъ честны.

* Игра весьма употребительная въ Западной Америкѣ и называется также Seven up, High Low Sack and the gemme all four etc.

Я игралъ очень мѣшкатно, потому что такъ привыкъ, играя почти каждый вечеръ съ отцомъ.—Старики любятъ эту игру, что, впрочемъ и не худо: это отвлекаетъ ихъ отъ лишняго сна, а пожалуй, даже и отъ пьянства. Мы сыграли одну игру и я выигралъ, однакожъ это меня не обрадовало, и я не трогалъ денегъ.

— Ставию вдвое, сказалъ незнакомецъ, и прежде чѣмъ я начиналъ, что онъ хочетъ этимъ сказать, онъ досталъ и положилъ на лошадь еще четыре золотыя монеты, въ 40 долларовъ, и сталъ снова мѣшать карты. На сердцѣ у меня сдѣлалось еще тяжелѣе, но вовсе не потому, чтобы я боялся проигрыша; я желалъ бы лучше вовсе не брать денегъ отъ незнакомца; а онъ былъ такъ спокоенъ и равнодушенъ, что мнѣ невольно пришло опять въ голову, что я играю не съ человѣкомъ, а съ какимъ-нибудь сверхъестественнымъ существомъ.

Я опять выигралъ. Незнакомецъ снова досталъ кошелекъ и снова удовоилъ ставку. Я почти со страхомъ глядѣлъ на эту кучу золота. Передо мной лежали 80 долларовъ, и я покраснѣлъ замѣтивъ, что незнакомецъ пристально смотритъ на меня. Мною овладѣлъ родъ какого-то отчаянія; я игралъ какъ ослѣпелый, а онъ смѣялся, тогда какъ у меня почти застывала въ жилахъ кровь. Но ни искусство и хладнокровіе незнакомца, ни мое волненіе, не могли перемѣнить счастья. Я опять выигралъ, и дрожалъ, какъ преступникъ, когда незнакомецъ досталъ опять кошелекъ и вынулъ оттуда почти послѣдній денгъ.

— Послушайте, сказалъ я наконецъ: я не хочу больше играть; возьмите свои деньги и отпустите меня.

— Почему такъ? возразилъ незнакомецъ. Вы славный малый и притомъ большой счастливецъ. Отчего жъ бы вамъ и не быть моимъ наследникомъ? Пусть лучше вы, чѣмъ кто нибудь другой, выиграете мои деньги. Это золото порадууетъ ваши глаза.

— Но не сердце, отвѣчалъ я.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ, сказалъ онъ. Золото такъ же даръ Божій, какъ и все другое. Богачъ можетъ дѣлать много добра, чего бѣднякъ только можетъ желать. Старайтесь выиграть деньги и употребить ихъ на хорошее, въ такомъ случаѣ вы, вѣрно, поступите съ ними умнѣе, чѣмъ я.

Сказавши это, онъ проглотилъ еще одинъ шарикъ изъ серебряной коробочки и началъ опять сдавать карты. Я немножко

поуспокоился: незнакомец упомянул имя Божіе, слѣдовательно, это не дьяволъ. Впрочемъ мнѣ все-таки было тяжело, и я охотно бросилъ бы игру, но не въ силахъ былъ противиться волѣ страннаго моего соперника. Я какъ бы въ безпамятствѣ бралъ карты, не считалъ ихъ, не помнилъ во что и какъ я играю, и наконецъ услышалъ только, что незнакомецъ говорилъ мнѣ.

— Деньги вашъ—а! да счастливецъ.

И съ этими словами, онъ придвинулъ ко мнѣ кучу золота и бросилъ на нее свой пустой кошелекъ.

— Вотъ вамъ и кошелекъ, куда припрятать выигрышъ.

— Нѣтъ! вскричалъ я: нѣтъ я не возьму этихъ денегъ!

— Почему же?

— Это не честная добыча; я не заработалъ ихъ.

— Не заработалъ! Право, еслибы всѣ думали по вашему, то многіе теперешніе богачи ложились бы спать съ голоднымъ желудкомъ.—Полноте, берите деньги.

Однако я взялъ только свой двадцать долларовъ и хотѣлъ было идти.

— Пойдите, сказалъ незнакомецъ.—Вы доброй малый. Садитесь, садитесь.

Я сѣлъ.

— Я не могу взять этихъ денегъ назадъ, продолжалъ онъ: онѣ по всѣмъ правамъ принадлежатъ вамъ; но есть еще средство воротить ихъ, если только мнѣ повезетъ счастье;—я ставлю противъ нихъ вашу лошадь.

III.

Сердце мое забилось еще сильнѣе, когда незнакомецъ указалъ мнѣ на проданную мною ему лошадь. Не потому, чтобы я желалъ ее выиграть, нѣтъ я взялъ бы ее только въ такомъ случаѣ, если бы онъ взялъ назадъ свои деньги; но я рѣшительно не могъ ни въ чемъ отказать ему. Мнѣ сдѣлалось жаль его и я сталъ считать его сумасшедшимъ богачомъ. И такъ я согласился играть. Незнакомецъ проглотилъ еще одинъ шарикъ и началъ сдавать карты.

— Вы большой счастливецъ, сказалъ онъ, и какъ кажется честный человекъ, и я не вижу никакой причины, почему бы вамъ не быть моимъ наследникомъ. Вы женаты?

— Нѣтъ! отвѣчалъ я.

— Но у васъ, вѣрно, есть любезная? У молодыхъ людей вашихъ лѣтъ, обыкновенно, не обходится безъ этого.

— Исключая одного меня. Въ нашей сторонѣ мало мужчинъ, а женщинъ еще меньше, и я не встрѣтилъ еще ни одной, которую хотѣлъ бы имѣть женою.

— Вы, быть можетъ, гордитесь собою и не хотите жениться на бѣдной!

— Ничуть не бывало; но мнѣ кажется, надобно прежде любить ту, на которой хочешь жениться, а я не встрѣтилъ еще такой женщины.

— Такъ, видно, вы очень разборчивы; Впрочемъ это и не худо: жениться легко, да что-то будетъ послѣ. Однакожъ есть дѣвушка...

Онъ замолчалъ. Я ожидалъ, что онъ скажетъ далѣе; но онъ сдалъ карты, и игра началась.

— Есть дѣвушка, повторилъ онъ еще разъ, какъ будто говоря съ самамъ собою; ипотомъ снова замолчалъ и черезъ минуту, пристально устремивъ на меня свои блестящіе глаза, сказалъ дружески:

— Ну, Райнеръ, у меня чудесныя карты, берегитесь и играйте хорошенъко; быть можетъ, вамъ и удастся опять выиграть свою лошадь.

У меня тоже были хорошія карты.

— Ходите же, сказалъ незнакомецъ, и я открылъ вотъ этого червоннаго туза, котораго вы видите сверху колоды.

— Вы, просто, счастливѣйшій человекъ, Райнеръ, вскричалъ онъ, открывая ваята, потому что другихъ картъ этой масти у него больше не было. Игра была кончена, и лошадь и деньги были мои. Я вскочилъ съ мѣста.

— Незнакомецъ, вскричалъ я: не подумайте, что я хочу васъ ограбить. Я право не постигаю, для чего я такъ долго игралъ съ вами; это рѣшительно было только для вашего удовольствія.

Возьмите ваши деньги и отдайте мнѣ назадъ лошадь, или если вамъ непременно нужна лошадь, такъ дайте мнѣ полтора-роста долларовъ, больше я не возьму ни шиллинга.

— Вы прекрасный человекъ, Райнеръ, а все-таки другой, по-моложе и погорячѣ меня, отвѣчалъ бы вамъ на эти слова, быть можетъ, пулюю. Да, будь я еще такимъ же ребенкомъ, какъ былъ прежде, вамъ опасно бы было говорить такимъ образомомъ со мною. Честъ обязываетъ заплатить то, что проиграно, и игрокъ не смѣетъ отказываться отъ выигрыша. Вотъ ваши деньги, и лошадь опять ваша. Но мы еще не кончили. Я сказалъ уже, что вы славный и притомъ счастливый малый. Вы мнѣ понравились, хотя правила ваши и не совсѣмъ тверды; какъ бы то ни было, вамъ предстонтъ большая надежда сдѣлаться моимъ наследникомъ; но все-таки это должны прежде рѣшить карты. Я надѣюсь, что вы не откажетесь дать мнѣ средство выиграть назадъ деньги и лошадь.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Не думаете ли вы, сказалъ онъ, что мнѣ больше не на что играть? Ошибаетесь; у меня есть брилліантовое кольцо и булава. Двѣ эти вещи стоить побольше того, что вы выиграли, и я ставлю ихъ противъ вашего выигрыша.

— Нѣтъ, послѣшно отвѣчалъ я: я хочу проиграть только деньги, а не лошадь, ни и деньги и лошадь за вычетомъ полтора-роста долларовъ.

— Какъ хотите; но послушайте, молодой другъ мой, со мною нѣтъ ни кольца, ни булавы, и хотя конечно слѣбно играть на то, чего противникъ не видитъ и въ существованіи чего даже онъ не убѣжденъ; но мнѣ не остается другого средства попытать еще счастья. Впрочемъ, я даю вамъ честное слово, что если вы выиграете, то немедленно получите и кольцо и булаву.

Мнѣ рѣшительно было все равно, я хотѣлъ проиграть, а не выиграть, и потому охотно согласился бы играть даже на зубочистку незнакомца; я боялся только одного, какъ бы опять не выиграть. До сихъ поръ я никогда еще не игралъ на деньги, и выигранное мною золото казалось мнѣ просто украденнымъ.

Незнакомецъ досталъ карандашъ въ золотомъ футлярѣ и написалъ на клочкѣ бумаги: «обязуюсь вручить два брилліанта,

обдѣланные одинъ въ кольцо, а другой въ булаву въ формѣ креста, и стоящіе 700 долларовъ.» Внизу подписалъ онъ двѣ заглавныя буквы своего имени и фамиліи. Записка эта и теперь хранится у меня. Когда онъ показалъ ее мнѣ и заставилъ прочесть, я рѣшительно принялъ его за помѣшаннаго, и эту мысль еще больше подтверждали слѣдующія слова незнакомца:

— Еще одно условіе, Райнеръ.

— А именно?

Мнѣ было впрочемъ все равно, что бы онъ ни сказалъ, потому что я вовсе не вѣрилъ въ эти брилліанты.

— Если вы выиграете мои брилліанты, то выиграете вмѣстѣ съ ними и жену.

Я захохоталъ.

— Не смѣйтесь, я говорю не шутя. Вѣдь вы не женаты; развѣ вы не хотѣли-бы имѣть жену?

— Почему же нѣтъ, если она будетъ хорошая, честная дѣвушка и мнѣ понравится.

— Вы славный малый, Райнеръ, и заслуживаете доброй жены; но и та, которую я предлагаю вамъ, стоить вась.

— Но понравится ли она мнѣ?

— Надѣюсь, даже почти увѣренъ. Она одарена всѣмъ, что можетъ и должно нравиться благородному молодому человеку. Она добра, чувствительна, разсудительна и хорошо воспитана. Она поетъ, какъ ангель, и играетъ на фортепіано и на гитарѣ.

— На фортепіано и на гитарѣ, сказалъ я, вовсе не понимая однако, что такое фортепіано и гитара, и эти слова еще болѣе убѣдили меня, что незнакомецъ помѣшанный, быть можетъ даже убѣжавшій изъ дома сумасшедшихъ. Но въ такомъ случаѣ, подумалъ я: откуда онъ взялъ эти деньги и другія дорогія вещи.

— Да, на фортепіано и на гитарѣ, и кромѣ того она отлично рисуетъ и можетъ вамъ, хотя бы вотъ это дерево, изобразить на холстѣ какъ настоящее. Словомъ, на воспитаніе Рашели не шадилъ денегъ.

— Ее зовутъ Рашелью? спросилъ я,

— Да.

— А фамлія ея?

— Это вы узнаете, когда выиграете брилліанты.

— Но сколько ей лѣтъ? Какова она собою? Молода ли и хороша ли? Дурной собою жены я не хотѣлъ бы, еслибъ она даже и хорошо была воспитана; а я часто слышалъ, что ученыя женщины обыкновенно нехороши собою.

— Ошибаетесь, Райнеръ, Рашель молода и прекрасна. Ей семнадцать лѣтъ; а вамъ такую и надобно; по моему мнѣнію, жена всегда должна быть десятию, двѣнадцатю годами моложе мужа. Я любилъ васъ, Райнеръ, и потому рѣшаюсь играть на Рашель. Програю я, вы будете мой наслѣдникъ.

— Премного благодаренъ, отвѣчалъ я, слѣвавшись посмѣлке, потому что рѣшительно считалъ незнакомца за помѣшаннаго. Если Рашель дѣйствительно такова, какъ вы описываете, то я, пожалуй, не прочь. Но позвольте спросить, она дочь ваша?

Лицо незнакомца помрачилось и онъ серьезно отвѣчалъ мнѣ.

— Моя дочь? Развѣ я похожъ на человѣка, котораго небо благословило дѣтьми, благословило такую дочерью, какова Рашель?

— Ну вотъ, подумалъ я: теперь то его сумасшествіе окажется вполнѣ, и посматривалъ по сторонамъ, какъ бы, въ случаѣ чего нибудь худаго, уйти отъ моего собесѣдника.

— Нѣтъ, Райнеръ, продолжалъ онъ: она не дочь моя, но дочь честныхъ родителей, и это я могу доказать вамъ. Довольны ли вы теперь?

— Доволенъ.

— Хотите ли женится на Рашели? Разумѣется, если вы выиграете ее. Общаете ли вы мнѣ это?

Я нерѣшительно посмотрѣлъ на него, и не зная, смѣяться мнѣ или бѣжать отъ страннаго чудака. Онъ такъ пристально устремилъ на меня блестящіе глаза, что я невольно опустилъ свои. Но сообразивъ опять, что у него не въ порядкѣ голова, я счелъ за лучшее не противорѣчить ему, и потому отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ: Согласенъ. Онъ дружески пожалъ мнѣ

руку, проглотилъ опять нѣсколько черныхъ шариковъ, и мы начали игру.

Чудное счастье не покидало меня: я выигралъ брилліанты и Рашель.

— Прекрасно, Райнеръ, сказалъ незнакомецъ: я нашелъ въ васъ человѣка, какого давно искалъ. Теперь все ваше. Сеудите же меня вашу лошадей, чтобы съѣздить за вашей женою.

— Лошадь къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ я: а также и половина денегъ. Я сказалъ вамъ, что не хочу грабить васъ. Это золото легко бы у меня на совѣсти.

— Вы, просто, глупецъ, сказалъ онъ, спрятавъ карты. Я беру у васъ въ займы только лошадь и двѣ золотыя монеты.

— Возьмите и это, возразилъ я, отсчитавъ и спрятавъ пятнадцать золотыхъ, а остальные оставивъ, какъ они были, на околѣвшей лошади.

— Вы мой наслѣдникъ, Райнеръ, отвѣчалъ незнакомецъ: такъ къ чему же такія церемоніи на счетъ денегъ между двумя близкими, почти родными людьми.

Сказавши это, онъ подошелъ къ деньгамъ. Я нарочно отвернулся, чтобы онъ не подумалъ, что я наблюдаю за нимъ. Ты ужь, вѣрно, не оставишь мнѣ больше полутороста доллеровъ, улыбаясь сказалъ я самъ себѣ.

Черезъ секунду незнакомецъ проскакалъ мимо меня на моей лошади и скрылся изъ виду. Тогда я обернулся къ околѣвшей лошади: все золото лежало на мѣстѣ; незнакомецъ взялъ только двѣ монеты.

Это удивило меня и еще болѣе увѣрило, что незнакомецъ дѣйствительно сумасшедшій. Однако я собралъ деньги и тихонько пошелъ домой, размышляя объ этомъ происшествіи.

Все случившееся казалось мнѣ сномъ. Точно ли былъ здѣсь человѣкъ? Дѣйствительно ли я игралъ съ нимъ въ карты? Я, право, усомнился бы во всемъ этомъ, если бы мертвая лошадь и карманы, полные денегъ, не были неоспоримыми доказательствами въ истинѣ этого происшествія. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль. Что если это не золото, а мѣдъ? Въ такомъ случаѣ, я съ плохимъ барышемъ. Я перепугался, и вмѣсто сумасшедшаго сталъ считать старика ловкимъ обманщикомъ, а себя его игрушкою. Что тутъ дѣлать? поправить бѣду не возможно: незнакомецъ исчезъ уже. Но подумавъ, что онъ взялъ же двѣ монеты, я опять немного поуспокоился.

Прійдя домой, я разказалъ батюшкѣ, что продалъ лошадь, но о томъ, какъ я игралъ и сколько выигралъ, не упомянулъ ни слова, потому что хотя онъ и самъ выучилъ меня играть въ карты, но терпѣть не могъ игру на деньги. Я показавъ ему только полтораста долларовъ, которые взялъ за лошадь, а всѣ другія деньги припряталъ, рѣшившись мало по мау употребить ихъ для нашего хозяйства, безъ его вѣдома. Я побавлялся только, какъ бы не явился къ намъ вдругъ мой незнакомецъ, хотя и не ожидалъ этого.

Я слыхалъ о богачахъ, которые бросаютъ страннымъ образомъ свои деньги, или вдругъ ни съ того ни съ сего отдають ихъ бѣднякамъ, и это успокоивало меня на счетъ незнакомца; но вспоминая странное хладнокровіе его во время игры и какую-то необыкновенную важность въ его лицѣ и въ рѣчахъ, я невольно чувствовалъ страхъ.

Прилѣжная работа лучше лекарство для тѣла и для души; я принялся за это лекарство, и дѣйствительно, дня въ три оно помогло мнѣ, и я совершенно успокоился. Я работалъ, стараясь не думать о прошломъ, и сдѣлалъ поѣздку миль за 18-ть, къ тележнику, у котораго купилъ новую телегу, заплативъ за нее 95 долларовъ, что и поменьшило порядочно выигранныя мои деньги. Такъ прошла недѣля; наступило и прошло воскресенье, а въ понедѣльникъ я опять принялся за работу. Вечеромъ, измученный отъ жару и отъ работы, я положилъ топоръ, подошелъ къ отцу, сидѣвшему на крылечкѣ нашей хижины, и присѣлъ къ его ногамъ, разстегнувши куртку и заворотивъ рукава рубашки. Потъ, какъ говорится, лилъ съ меня градомъ.

Только что я присѣлъ, какъ вдругъ что, вы думаете, представилось глазамъ моимъ! Знакомый мой незнакомецъ ѣхалъ верхомъ прямо къ нашей хижинѣ! Я съ разу узналъ его, и сердце мое забилось еще сильнѣе, когда я замѣтилъ, что сзади его ѣхалъ еще кто-то на небольшой каравоной лошади, и не смотря на наступавшую темноту, рассмотрѣлъ, что это была женщина. Я взглянулъ на отца; тотъ замѣтилъ мой испугъ, но не успѣлъ спросить объ немъ, потому что оба ѣздока были уже близко.

Не смотря на мое волненіе, я съ любопытствомъ разсматривалъ даму. Что фигура ея прекрасна, и что она сидитъ на лошади какъ царица, это я замѣтилъ, но лица не могъ видѣть, потому что оно завѣшено было вуалемъ; и когда незнакомецъ

помогалъ ей сойти съ лошади, она наклонилась къ нему съ такими величіемъ, какъ наклоняется кедръ, качаемый бурей.

Я въ жизнь свою не бывалъ никогда въ подобномъ затрудненіи. Довольно было страха и при видѣ одного незнакомца; но онъ привезъ еще и даму, которую я выигралъ у него... и они застали меня въ такомъ непріятномъ костюмѣ. Я, просто, растерялся. Вскочивъ съ мѣста, я поспѣшилъ на встрѣчу незнакомцу и началъ было извиняться на счетъ своего костюма, но онъ перебилъ меня.

— Тутъ ровно не въ чемъ извиняться, любезный Райнеръ, работа не безчестье, и когда у работника есть сердце, то онъ ничѣмъ не хуже дворянина. Ну, какъ вы поживаете? А—это, вѣрно, вашъ батюшка!

Я представилъ его отцу, сказавъ, что это тотъ самый господинъ, которому я продалъ лошадь, и мы всѣ пошли въ комнаты.

— Вотъ моя воспитанница, господинъ Райнеръ, сказалъ незнакомецъ, войдя въ комнаты: молодая дѣвица, о которой я вамъ говорилъ.

При этихъ словахъ, незнакомка откинула вуаль, и я, въ полномъ смыслѣ слова, задрожалъ при взглядѣ на нее. Я не буду говорить вамъ о ея красотѣ, но двумъ причинамъ, во-первыхъ потому, что никакихъ словъ не достанетъ выразить то, что я чувствовалъ и думалъ тогда, и чувствую и думаю еще и теперь; во вторыхъ, потому, — ну да довольно и одной первой причины.

Незнакомецъ взглянулъ вопросительно сначала на меня, потомъ на моего отца. На лицѣ его показались было сомнѣніе и забота, но потомъ исчезли, когда онъ попристаннѣе взглянулъ въ моего старика. Да и дѣйствительно, лицо моего отца выражало столько доброты и дружескаго расположенія, что ему охотно ввѣрился бы всякій. Незнакомецъ, стараясь, кажется, проникнуть также и въ мое сердце. Впрочемъ теперь рѣчи его были не такъ коротки и прерывисты, какъ при первомъ нашемъ свиданіи, и когда онъ говорилъ съ своею воспитанницею, голосъ его дѣлался мягкимъ и пріятнымъ.

— Господинъ Райнеръ, сказалъ онъ, обратившись къ моему отцу: вы, вѣрно, не откажете отвести на эту ночь комнату моей воспитанницѣ. Ваше гостепрійство такъ извѣстно.

— Жилище наше очень просто, почти бѣдно, отвѣчалъ мой старикъ: но во всякомъ случаѣ все, что у насъ есть, къ вашему услугамъ.

— Благодарю васъ, сказалъ незнакомецъ: вы человекъ по мнѣ. Мое имя Экгартъ. Воспитанница моя дочь одного изъ близкихъ друзей моихъ, имя ея Рашель Гердеръ. — Этого, кажется, довольно для перваго знакомства. Впрочемъ Рашель, вѣрно, будетъ вамъ очень благодарна, если вы покажете ей комнату, гдѣ бы она могла привести въ порядокъ свой туалетъ.

Разумѣется, мы посѣщали исполнить это желаніе, и отвели незнакомкѣ лучшую изъ нашихъ комнатъ. Господинъ Экгартъ снялъ потомъ съ лошадей чемоданы, отнесъ ихъ къ своей воспитанницѣ, и подѣвши къ моему отцу завелъ съ нимъ бесѣду, откуда я разсѣдывалъ лошадей и отводилъ ихъ въ конюшню. Когда я воротился, старики бесѣдовали уже такъ дружески, какъ будто старые знакомцы.

IV.

Вы можете представить себѣ мое замѣшательство отъ всего этого. Я былъ какъ будто ошарашенный, голова у меня кружилась, и не зналъ, что дѣлать, что думать, и безпрестанно сомнѣвался, не во свѣ ли я все это вижу. Но моя лошадь была тутъ, и еслибъ я даже не хотѣлъ узнать ее, такъ она сама какъ бы старалась убѣдить меня въ этомъ, радостно заржавши и наостривъ уши, когда я повелъ ее въ конюшню. Я въ радости обнялъ ее и готовъ былъ расцѣловать. Но при мысли о господинѣ Экгартѣ и обо всемъ этомъ происшествіи, нѣжность моя пропала и мною снова овладѣли испугъ и безпокойство. Съ одной стороны, дѣло на счетъ брилліантовъ и жены казалось мнѣ такъ невѣроятнымъ; съ другой, мнѣ приходила въ голову мысль, что незнакомецъ хотѣлъ только пошутить надо мною, и это очень оскорбляло мою гордость.

— Пускай я и простой, необразованный поселенецъ, говорилъ я самъ себѣ: но все-таки у меня есть сердце, а какъ бы мужчина ни былъ бѣденъ и необразованъ, но если въ немъ есть сердце и честь, такъ онъ стоить всякой жены, хотя бы она и была одѣта въ шелкъ и въ бархатъ.

При этомъ вспомнилъ я, что и мнѣ надобно переменить свой костюмъ. Мнѣ стало опять стыдно, что меня застали въ немъ; но я надѣялся поправить дѣло, умывшись и принарядившись въ лучшее мое платье.

Но какъ это сдѣлать? Незнакомкѣ отвели именно ту самую комнату, въ которой, за дверью, висѣлъ мой новый кафтанъ и панталоны, и лежало въ старомъ комодѣ, подъ зеркаломъ, чистое бѣлье. Мнѣ не оставалось другаго средства, какъ послать за всѣмъ этимъ старую нашу негрятянку.

Такъ я и сдѣлалъ. Потомъ пошелъ къ ручью, вымылъ лицо и руки, переодѣлся за кустомъ, спрятавъ смятое платье въ дуло, расчесалъ волосы, и поглядѣвшись, вмѣсто зеркала, въ тотъ-же ручей, увѣрился, что теперь мнѣ нечего стыдиться своего костюма.

Теперь я, конечно, могу, не краснѣя, сказать, что въ ту пору я былъ бравый мальчикъ, и мнѣ очень хотѣлось показаться такимъ и въ глазахъ Рашели.

Когда я воротился къ старикамъ, мнѣ показалось, что г-нъ Экгартъ смотритъ на меня довольно благосклонно. Къ ужину явилась опять и Рашель. Она показалась мнѣ еще вдесятеро прекраснѣе. Всего одинъ разъ замѣтилъ я, что она взглянула на меня, но и то, когда глаза наши встрѣтились, отвернулась безъ всякаго смущенія, и потомъ не обращала во весь вечеръ на меня вниманія, что, признаюсь, очень огорчало меня. Мнѣ казалось это яснымъ доказательствомъ совершеннаго ея равнодушія ко мнѣ, и я полагаю, что, вѣроятно, г-нъ Экгартъ ни слова еще не говорилъ ей о происшедшемъ между нами. Естественно я снова сталъ думать, что онъ только шутилъ надо мною. Съ другой стороны, когда онъ заговаривалъ со мною, въ словахъ его и во всемъ лицѣ было столько серьезнаго, что я невольно отвергалъ эту мысль и съ волненіемъ сердечнымъ ожидалъ, чѣмъ все это кончится.

Ужинъ нашъ, по обыкновенію, былъ самый простой: хлѣбъ, яйца, ветчина и молоко. Молодая дама кушала мало, а я еще меньше. Съ какой стороны я не разсматривала свое положеніе, оно все-таки сильно безпокоило и пугало меня. Если старикъ не шутилъ, то меня тяготила мысль, что я долженъ буду жениться на женщинѣ, которую принуждаютъ къ этому браку, которую я прежде никогда не видалъ, и о которой я вовсе ничего не знаю. — Если же все это шутка, то мысль потерять такое

драгоценное существо, на которое смотришь уже какъ на свое собственное, была не менѣе мучительна. Словомъ, въ головѣ моей все шло кругомъ, и мной овладѣвали мысли одна другой мучительнѣе.

Послѣ ужина, г-нъ Эккардтъ предложилъ мнѣ прогуляться, а Рашель осталась съ моимъ старикомъ, который успѣлъ уже полюбить ее. Мы пошли въ лѣсъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, г-нъ Эккардтъ началъ:

— Ну, Райнеръ, теперь вы видѣли ту, на которой я предложилъ вамъ жениться; вправдѣ-ли она вамъ?

— Отвѣчать на это, господинъ Эккардтъ, не такъ легко. Она, конечно, прекраснѣйшая женщина, какую я когда либо видѣлъ до сихъ поръ; но для доброй жены не достаточно, одной красоты, а узнать ее въ другомъ отношеніи, согласитесь, мнѣ еще было некогда.

— Сколько же вамъ нужно на это времени? спросилъ онъ отрывисто.

— Этого я не могу сказать.

— Достаточно-ли будетъ недѣли или десяти дней?

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, сказалъ я: иного человѣка — вотъ хотя бы на-примѣръ меня, узнаешь въ часъ, какъ будто бы цѣлый вѣкъ прожилъ съ нимъ, а другаго и въ годъ не разгадаешь.

— Въ этомъ виноватъ самъ же тотъ, кто не видитъ глазами и не слышитъ ушами. Впрочемъ, положеніе ваше вовсе не затруднительно: Рашель разгадать очень легко. Я оставляю ее у васъ на недѣлю, и этого будетъ довольно, чтобы вамъ ознакомиться другъ съ другомъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, не шутите? спросилъ я.

— Нисколько. Впрочемъ вопросъ вашъ очень натураленъ. Вамъ очень страннымъ кажется мое поведеніе, и судя по обыкновенному, оно дѣйствительно таково. Но съ моей стороны, поступокъ мой былъ обдуманъ и разсчитанъ, какъ нельзя лучше. Эта дѣвушка моя воспитанница, вѣрнная мнѣ однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ. Я поклялся, что замѣню ей отца, и потому хотѣлъ бы найти ей честнаго, добраго мужа и защитника. Я старъ, проживу, можетъ быть, недолго; притомъ же, какъ человѣкъ, я не всегда способенъ выбрать лучшее. Въ васъ,

мнѣ показалось, я нашелъ такого человѣка, какого мнѣ надо. Вы сами говорите, что васъ разгадать легко, и потому я съ разу увидѣлъ ваши хорошія стороны и выбралъ васъ въ мужья для моей Рашели. Впрочемъ она объ этомъ ничего еще не знаетъ; да и вы, какъ кажется, ничего еще не говорили своему батюшкѣ. Быть можетъ, вы и умно поступили въ этомъ случаѣ, хотя я и не люблю тайнъ между такими близкими родными. — Итакъ Рашель останется у васъ на недѣлю; вы скоро познакомитесь, поправитесь другъ другу, въ этомъ я почти увѣренъ, и дѣло уладится.

Послѣ этого мы пошли обратно къ дому. Я замѣтилъ еще г-ну Эккардту, что мнѣ странно, почему онъ не искалъ для такой образованной дѣвушки, какъ его Рашель, мужа въ большихъ городахъ; городской житель, по образу жизни и по воспитанію своему, былъ бы для нея гораздо приличнѣе, чѣмъ простой поселянинъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это такъ быстро и такимъ увѣреннымъ тономъ, что еслибы я и не совсѣмъ удовольствовался его отвѣтомъ, то все-таки долженъ былъ бы замолчать.

— Ваше замѣчаніе исполнѣе справедливо. Многие предпочли бы для такой дѣвушки образованнаго горожанина. Но я знаю ее душу и ее сердце. Я ищу ей мужа, честнаго, добраго человѣка, а не эгоиста, не торгаша, для котораго жена не что иное, какъ товаръ.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только Рашель ушла въ свою комнату, г-нъ Эккардтъ сталъ просить у моего отца, чтобы онъ позволилъ воспитанницѣ его погостить у насъ нѣсколько дней, куда онъ самъ съѣздитъ на другой берегъ къ одному своему должнику за деньгами. Ему, говорилъ онъ, не хотѣлось бы брать съ собою молодую дѣвушку въ побѣздкѣ по этой негостеприимной странѣ; словомъ, онъ представилъ моему старику такіе натуральные резоны, что тотъ съ удовольствіемъ согласился на просьбу, и только послѣ того, какъ г-нъ Эккардтъ на другой же день на разсвѣтѣ уѣхалъ, сказалъ мнѣ: Теперь, какъ я пораздумалъ, Вилліамъ, мнѣ странно кажется, какъ это г-нъ Эккардтъ оставилъ свою воспитанницу у насъ, гдѣ во всемъ домѣ нѣтъ ни одной женщины.

— Но вѣдь ей здѣсь такъ же безопасно, какъ бы и у родныхъ, батюшка.

— Конечно, конечно, сынъ мой. А какая она чудесная дѣвушка.

Въ этомъ я былъ вполне согласенъ съ батюшкой, однакожь не сказалъ ни слова и пошелъ съ нимъ въ домъ. Но сердце мое билось сильно, щеки горѣли, душа была отъ какого-то боязливаго ожиданія. Теперь судьба моя была, такъ сказать, въ моихъ собственныхъ рукахъ, и я предчувствовалъ, что мнѣ предстоитъ преодолѣть безконечныя затрудненія. Я едва могъ собраться съ духомъ, чтобы взглянуть на Рашель, когда она сошла къ завтраку. Бабушка сказала ей объ отъѣздѣ г-на Эгардта. Сначала она какъ будто изумилась, но вскорѣ успокоилась и, казалось, нисколько не огорчалась тѣмъ, что онъ оставилъ ее у насъ. Вообще, она была такое кроткое и покорное существо, какого я въ жизнь свою не встрѣчалъ еще. Могу еще и теперь утвердительно сказать, что въ терпѣннн и покорности при всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданіяхъ никто никогда не превосходилъ и не превзойдетъ ее.

Если вы хотя немного знаете человѣческое сердце, то поймете, что какъ ни былъ я сначала робокъ и связанъ передъ этимъ милымъ созданіемъ, но скоро робость эта должна была исчезнуть, и дѣйствительно исчезла. Человѣка съ живыми чувствами, конечно, легко въ первую минуту привести въ замѣшательство, но дайте ему время обдумать, разсудить, тогда хладнокровіе его воротится, онъ будетъ судить о предметѣ вѣрнѣе, правнльнѣе, чѣмъ кто другой; и уже не придетъ второй разъ въ замѣшательство.

Въ тотъ же день, къ вечеру, я могъ уже говорить съ Рашелью, слушать ее, смотрѣть на нее, безъ малѣйшаго замѣшательства. Дружеское обращеніе ея придадо мнѣ, такъ-сказать, духа, и когда я дошелъ до того, что могъ откровенно говорить съ нею, то мнѣ казалось, что мнѣ многое надобно пересказать ей, что она охотно и съ участіемъ слушаетъ меня, что мы какъ-будто старые, сердечные друзья. Она была такъ добра, такъ кротка, казалось во всемъ брала такое участіе, что я показывалъ ей каждую малость, нашихъ коровъ, молочню, новую телѣгу и даже мансовыя и картофельныя поля наши. Я водилъ ее гулять по лучшимъ холмамъ и долинамъ; мы ходили даже къ берегу рѣки, и всегда намъ надобно было такъ многое видѣть, такъ много переговарить, что у насъ, просто, не доставало времени.

Прогулки наши обыкновенно бывали или рано утромъ, или вечеромъ. Иногда провожалъ насъ и батюшка; но ему не подь

силу было много ходить, и потому мы гуляли большею частію одни. Такимъ образомъ, все время проходило у меня или въ разговорахъ съ Рашелью, или въ думахъ объ ней, когда ее не было со мною, и во всю эту недѣлю я былъ очень плохой работникъ.

Нечего и говорить, что я уже нисколько не раскаивался въ томъ, что игралъ съ незнакомцемъ, и вполне соглашался съ правиломъ его, что проигравшій долженъ заплатить, а выигравшій долженъ взять, потому что теперь я готовъ былъ скорѣе отдать жизнь, чѣмъ мой выигрышъ. Разумѣется, я говорю не о брилліантахъ, которыхъ я еще и не видалъ да о которыхъ и не заботился, а о придачѣ къ нимъ; эта-то придача была для меня дороже всего золота и всѣхъ брилліантовъ въ мнрѣ.

V.

Теперь я такъ же нетерпѣливо ждалъ возвращенія г-на Эгардта, какъ прежде боялся его появленія; но онъ воротился не ранѣе, какъ почти черезъ двѣ недѣли. По пріѣздѣ, онъ съ-разу угадалъ, что происходило у меня въ душѣ, и первое слово его, когда мы остались наединѣ, было: Ну, Райнеръ, какъ я вижу, дѣло наше идетъ хорошо. Вы нашли въ Рашели все, что я вамъ о ней говорилъ, и теперь остается узнать, что-то думаетъ она объ васъ. Часто ли вы бывали вмѣстѣ?

— О, да! по крайней мѣрѣ, я ни о чемъ другомъ, кромѣ ея, не думалъ и не могъ думать.

— Какъ? сказалъ онъ, улыбаясь: вы забыли про свое хозяйство, про своихъ коровъ, про лошадей?

— Про все на свѣтѣ.

— Э, э, это худой признакъ для хозяина, но за то очень хорошій для любовника. Ну, да послѣ свадьбы все поправится.

— Ахъ, сказалъ я, вздыхая: Богъ знаетъ, скоро ли это будетъ; я боюсь, что Рашель не почувствуетъ такъ скоро склонности ко мнѣ, какъ я къ ней.

На эти слова онъ не далъ обыкновеннаго скорого отвѣта, а напротивъ, долго и пристально смотрѣлъ на меня, и это многозна-

чущее молчаніе стѣснило мнѣ грудь; я чувствовалъ, какъ билось мое сердце. Наконецъ онъ сказалъ:

— Рашель всегда слушалась моихъ совѣтовъ, потому что она знаетъ, какъ я люблю ее, и вѣрить словамъ моимъ. Въ васъ есть все, что необходимо для внушенія склонности женщинъ. Вы хорошо сложены, мужественны и смѣлы, добры, одарены отъ природы вѣжными чувствами—все это, да и многое другое еще, говорить за васъ и, вѣрно, также скоро доставить вамъ склонность Рашели, какъ скоро доставило мою. Конечно я не стану утверждать, что вы овладѣли уже и глазами и сердцемъ Рашели. Впрочемъ первое—то еще легче, но сердце пріобрѣтается потрудибѣ, и часто не прежде, какъ послѣ свадьбы. Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что мое вліяніе и ваши прекрасныя качества приведутъ меня къ желанной цѣли, отъ которой я ожидаю счастливыхъ послѣдствій для Рашели.

Я въ эту минуту слишкомъ занятъ былъ собственными надеждами и мечтами о Рашели, и потому не обратилъ надлежащаго вниманія на эти послѣднія слова г-на Эккардта. Но все-таки, когда онъ говорилъ со мною и потомъ сошелся съ Рашелью, я замѣтилъ въ голосѣ и во всѣхъ пріемахъ его какую-то особенную важность, похожую на тайную грусть, чего прежде въ немъ не было. Взоры его какъ будто безъ цѣли бродили кругомъ, хотя глаза и блестяли по прежнему, рѣчь его часто дѣлалась прерывистою, и притомъ онъ чаще обыкновеннаго глоталъ свои шарики. Но за то только этотъ важный и печальный видъ заставлялъ меня отвергать безпрерывно овладѣвавшую мною мысль, что онъ, просто, забавляется надо мною.

Рашель вышла къ нему на встрѣчу и подала руку, а онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, но ни тотъ, ни другая не сказали ни одного слова. Долго потомъ держалъ онъ ее за руку и разговаривалъ съ батюшкою. Мною овладѣла невыразимая грусть, такъ, что я принужденъ былъ отвернуться и вышелъ изъ комнаты. Мнѣ казалось, что старикъ задумалъ что-нибудь мрачное и что Рашель предчувствуетъ это. Вскорѣ вышелъ ко мнѣ батюшка и сказалъ:

— Вильямъ, это престранные люди, а кажется такіе добрые, въ особенности дѣвушка настоящій ангелъ, но у нихъ на душѣ, должно быть, лежитъ что-нибудь очень печальное.

Я не могъ отвѣчать; сердце мое было слишкомъ полно, и я молча шелъ возлѣ батюшки.

— Страннѣе всего то, продолжалъ батюшка, что онъ такъ долго оставлялъ ее у насъ одну. Конечно, ей нигдѣ не было бы безопасно, чѣмъ у насъ, но все-таки другіе не могутъ знать

нашихъ чувствъ и мыслей, и не всякій отецъ рѣшится оставить дочь въ дѣсу, у незнакомыхъ ему людей.

— Но она не дочь его, сказалъ я.

— Все равно, онъ любить ее, какъ дочь, и она, какъ кажется, никогда не знала другаго отца. Бѣдная дѣвушка, мнѣ, право, хотѣлось-бы, чтобы онъ вовсе оставилъ ее у насъ.

Эти слова развязали мнѣ языкъ, и я рассказалъ батюшкѣ все, что произошло у меня съ г-мъ Эккардтомъ; я не скрылъ отъ него ни про игру, ни про золото и брилліанты, ни предложенія, сдѣланнаго мнѣ г-мъ Эккардтомъ, жениться на Рашели; сказалъ ему, что мнѣ еще тяжеле будетъ разстаться съ нею, и прибавилъ, что говорилъ г-нъ Эккардтъ, воротясь изъ своей поѣздки, о моихъ надеждахъ и объ его желаніяхъ.

Старикъ покачалъ головою; игра моя съ г-мъ Эккардтомъ ему не понравилась и онъ очень рассердился на меня, но мнѣніе его о Рашели несколько не переизмѣнилось; онъ только жалѣлъ, что судьба связала ее съ игрокомъ.

Въ эту минуту вышелъ къ намъ г-нъ Эккардтъ, и это было очень кстати, потому что, не смотря на свои странности, онъ какъ-то умѣлъ всему дать хорошій оборотъ.

— Подите, Райнеръ, къ Рашели, она ждетъ васъ, а я покаместъ поговорю съ вашимъ батюшкою; если вы и все уже открыли ему, мнѣ надобно будетъ однако кое-что прибавить и отъ себя.

Я полетѣлъ къ дому, но на порогѣ вдругъ остановился. Мнѣ какъ будто бы послышался тяжелый вздохъ, и сердце мое сильно забилось. Мысль о томъ, какъ жестоко было-бы принудить бѣдную дѣвушку, выйти за того, кто ей, можетъ быть, вовсе не правится, смутила и разстроила меня. Однако я скоро оправился, сказавши самъ себѣ: если я не правлюсь ей, то пускай она узнаетъ, по крайней мѣрѣ, что я не такъ низокъ, чтобы воспользоваться ея положеніемъ.

Укрѣпившись этою мыслию, я смѣло вошелъ въ комнату, подошелъ къ Рашели и взялъ ее за руку. Но что я говорилъ ей, право, не знаю. Сердце мое было слишкомъ полно, и слова текли рѣкою. Помню только, что Рашель, глаза которой сначала были полны слезъ, начала улыбаться, не отняла у меня руки, и наконецъ сказала, что согласна на все, что угодно г-ну Эккардту, который всегда желаетъ ей добра.

Скоро пришелъ и г-нъ Эккардтъ, и, казалось, вполне довольный переговоромъ своимъ съ моимъ отцомъ. Но сколько онъ ни старался казаться веселымъ, какая-то тайная печаль и важность

проявлялись въ немъ и поражали меня. Глаза его, во время этого короткаго отсутствія, какъ будто впади, морщины сдѣлались гораздо глубже; онъ трясся, какъ дряхлый старикъ, и, какъ я замѣтилъ, чаще и чаще глоталъ шарики изъ своей серебряной коробочки. Впрочемъ пораздумать объ этомъ мнѣ было некогда, потому что, поговоривши немного объ нашемъ дѣлѣ, онъ сказалъ мнѣ:

— Любезный Райнеръ, мнѣ-бы очень пріятно было, если-бы вы сейчасъ-же отправились за пасторомъ, который, по словамъ вашего батюшки, живетъ не очень далеко отсюда. Если вы потеропитесь, такъ, вѣрно, вернетесь до солнечнаго заката, и мы сегодня-же вечеромъ обвѣщаемъ васъ. Мнѣ необходимо завтра-же рано утромъ оставить васъ.

Нечего говорить, что я не бѣжалъ, а летѣлъ за пасторомъ. Въ тотъ-же вечеръ мы были обвѣчаны.

VI.

На другое утро, послѣ завтрака, г-нъ Экгардтъ сталъ прощаться съ нами.

— Рашель, дитя мое, сказалъ онъ: теперь я покидаю тебя, и, можетъ быть, мы долго не увидимся. Да, при моихъ лѣтахъ, нельзя не подумать и о вѣчной разлукѣ. Но я, слава Богу, исполнилъ обѣщаніе, данное мною твоему отцу. Ты теперь жена добраго, благородно-мыслящаго человѣка. Вѣрю и надѣюсь, что онъ будетъ для тебя хорошимъ мужемъ, а что ты будешь для него доброю женою — это я знаю. Поцѣлуй-же меня, дитя мое, быть можетъ въ послѣдній разъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, отецъ мой! вскричала она, обнимая его.

Мы съ батюшкой хотѣли было утѣшать ихъ, но не находили словъ, да и слезы мѣшали намъ. Но когда моя Рашель, вскрикнувъ, лишилась чувствъ на рукахъ г-на Экгардта, онъ отнесъ ее на постель и сказалъ мнѣ:

— Она скоро придетъ въ себя, между тѣмъ я потихоньку уйду, а вы послѣ приходите за мною.

Онъ сказалъ мнѣ, гдѣ найти его, и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы играли въ карты на околѣвшей лошади; за тѣмъ нагнулся къ Рашели, поцѣловалъ ее въ лобъ, долго смотрѣвъ

на нее и шевелилъ губами, вѣроятно, шепча благословенія, и потомъ быстро отвернулся; онъ хотѣлъ скрыть отъ меня слезы. Онъ удалился, прежде чѣмъ Рашель пришла въ себя, и я, оставшись одинъ, не зналъ въ испугѣ, что мнѣ дѣлать, къ кому обратиться за помощью. По счастью, Рашель скоро пришла въ чувства. Когда она поусокоилась, я оставилъ ее и отправился отыскивать г-на Экгардта.

Придя къ нему, я замѣтилъ, что съ нимъ не было ни лошади, ни чемодана, словомъ, ничего, что бы показывало чловека, собравшагося въ дорогу. Изумившись этому, я спросилъ у него: Да гдѣ-же ваша лошадь?

— Мнѣ не нужно лошади, отвѣчалъ онъ: да впрочемъ у меня и нѣтъ никакой. Развѣ вы забыли, что я проигралъ вамъ свою лошадь!

— Неужели вы думаете, господинъ....

Но онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою и сказалъ: ни слова больше объ этомъ, любезный Райнеръ. Лошадь ваша, считайте ее какъ хотите, выигрышемъ или подаркомъ отъ меня. Развѣ я не сказалъ вамъ, что вы будете моимъ наследникомъ!

Я не зналъ, что отвѣчать, и стоялъ какъ ошалѣвшій.

— Такъ, стало быть, вы не уѣзжаете отъ насъ? спросилъ я наконецъ.

— Непремѣнно.

— Но на чемъ же? Раздѣ водою?

— Быть можетъ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь. Потомъ, помолчавъ нѣсколько, продолжалъ: трудно опредѣлить, какимъ образомъ человѣкъ отправится на тотъ свѣтъ, а я именно собрался въ такое путешествіе. Жизнь самая невѣрная и непостоянная вещь, а все-таки большей части людей кажется слишкомъ коротка. Я, напротивъ, думаю иначе; мнѣ она кажется черезъ-чуръ длинна, и такъ какъ ни я для нея, ни она для меня, больше не годимся, то я и хочу оставить ее. Дѣла свои я всѣ устроилъ и привелъ въ порядокъ, и вы, какъ я обѣщалъ, будете моимъ наследникомъ.

Я хотѣлъ было прервать его и отвести отъ такихъ мрачныхъ мыслей, но онъ не далъ мнѣ говорить и продолжалъ:

— Не перерывайте меня, Райнеръ; мнѣ и такъ немного времени остается на удовольствіе поговорить. Когда меня не будетъ, говорите что хотите. Или вы не поняли меня?

— Великій Боже! неужели вы хотите лишить себя жизни? сказалъ я.

— Да, Райнеръ. Но вы сдѣлали такую гримасу, какъ будто бы жизнь эта была ваша, прибавлялъ онъ, улыбаясь.

— Миѣ сдѣлалось страшно, и я умолялъ его сказать миѣ, какъ ему пришли въ голову такіа ужасныя мысли.

— Это предлинная исторія, Райнеръ, но вы также хорошо поймете ее изъ десяти словъ, какъ бы и изъ десяти тысячь. Можеть статься, довольно бы сказать вамъ, что миѣ наскучило жить. Каждый прожитой мною мигъ унижаетъ меня. Я ве одинъ разъ владѣлъ царскимъ богатствомъ, а теперь миѣ едва осталось стоцько, чтобы окончить мое послѣднее путешествіе. У меня были и таланты и здравый разумокъ, но не было стоцько воли и силы, чтобы вырваться изъ общества низкихъ душъ и не сдѣлаться ихъ жертвою.

И будь я только одинъ ихъ жертвою, Райнеръ, я перенесъ бы это. Но это бѣдное дитя, ваша жена, Райнеръ, дочь любимаго моего родственника, который на смертномъ одрѣ ввѣрилъ ее моей любви и моему попеченію,—она тоже пострадала чрезъ меня. Не пугайтесь моихъ словъ; Рашель чиста, какъ ангель. Я говорю только объ ея имѣніи, которое я промоталъ вмѣстѣ съ моимъ. Конечно я не вовсе еще сдѣлалъ ее ницею, но жилъ въ безпрерывномъ страхѣ, что это когда-нибудь и скоро случится. Теперь она ваша, и миѣ нечего больше бояться; она спасена; я знаю, что вы оба будете счастливы.

Не думайте впрочемъ, добрый мой Райнеръ, что миѣ трудно было найти ей мужа. Напротивъ, много богатыхъ и знатныхъ жениховъ искали ея руки, искали люди, которымъ многія матери за счастье почли бы отдать дочерей своихъ. Но я твердо держался мысли, что если я и промоталъ имѣніе моей Рашели, то, по крайней мѣрѣ, самое ее не отдамъ на жертву развратнаго или грубаго мужа, какъ бы не завидно было положеніе его въ свѣтѣ. Я зналъ сердце Рашели, и зналъ, что можеть сдѣлать ее счастливою. Въ васъ я нашелъ, что миѣ надобно, и поприще мое кончено. Но вотъ что миѣ должно еще передать вамъ.

Съ этими словами онъ досталъ футляръ, въ которомъ были вложены его карты.

— Видите эти карты. Онѣ то и погубили меня. Впрочемъ вѣтъ, глупо винить въ томъ карты, въ чемъ виновата собственная моя слабость. Карты были только орудіемъ въ моей рукѣ, и столько же невинны, какъ ножъ или пистолеть въ рукѣ убійцы. Впрочемъ, все-таки это опасная игрушка, и миѣ хотѣлось бы предостеречь васъ отъ нея, Райнеръ. Возьмите и сохраните ихъ, не для того, чтобы играть, но, такъ сказать, для живаго урока вамъ и дѣтямъ вашимъ. Расскажите имъ, когда придетъ время, все слышанное вами отъ меня, и такимъ

образомъ познакомьте ихъ съ опасностью. Теперь оставьте меня, прощайте. Вы видите, что и моя коробка пуста уже.

Съ этими словами, онъ подаль миѣ карты и серебряную коробочку, изъ которой вынулъ и проглотилъ послѣдній шарикъ. Я не хотѣлъ взять коробки. Онъ печально улыбнулся и сказалъ. Почему вы не хотите? Вѣдь вамъ не пережить уже моего намѣренія.

Я продолжалъ отказываться; тогда онъ повернулся и пошелъ къ рѣкѣ. Я пошелъ за нимъ и старался уговорить его; но онъ почти сердито прервалъ меня, и я замѣтилъ, что глаза его за-сверкали какимъ-то особенно дикимъ огнемъ. Я видѣлъ, что послѣдній проглоченный имъ шарикъ былъ гораздо больше прежнихъ, и вспомнилъ также, что наканунѣ еще, когда онъ открывалъ при миѣ свою коробочку, въ ней много было такихъ шариковъ.

Мы подошли къ берегу, онъ оборотился ко миѣ и почти прошепталъ:

— Теперь вы должны оставить меня, Райнеръ. Подите къ вашей женѣ; она передастъ вамъ и брилліанты.

— Нѣтъ я не могу оставить васъ въ такую минуту! вскричалъ я.

Онъ быстро подскочилъ къ рѣкѣ. Увѣренный, что онъ хочетъ броситься въ воду, я подбѣжалъ и хотѣлъ удержать его, но онъ вдругъ выхватилъ пистолеть. Я въ испугѣ отшатнулся назадъ. Тогда онъ бросилъ миѣ пистолеть, вскричалъ: Райнеръ, вы добрый малый, но вамъ не удержать меня отъ моего намѣренія, прощайте! и кинулся съ высокаго берега въ рѣку. Съ полминуты я стоялъ какъ обезнамятѣвшій, потомъ, опомнившись, немедленно бросился за нимъ въ воду.

Плаваю и ныряю я, какъ рыба; но напрасно искалъ несчастнаго подъ водою. Всѣ мои усилія были тщетны; быстрымъ теченіемъ его, вѣрно, унесло уже далеко. Выйдя опять на берегъ, я увидалъ только шляпу его, плававшую около берега, въ кустарникѣ.

Вы видѣли моего маленькаго сына; онъ очень похожъ на покойнаго, и, какъ кажется, не однимъ лицомъ, а и душою. Однакожъ г. Эггардъ не ошибся, сказавши миѣ, что Рашель будетъ со мною счастлива. По крайней мѣрѣ, она сама говоритъ такъ, и я доволенъ своею участію.

Она груститъ только, когда смотритъ на эти карты или когда заговариваетъ объ нихъ; но для того, чтобы частымъ напоминаніемъ объ нихъ и объ участи несчастнаго воспитателя своего подать урокъ сыну, рѣшилась видѣть ихъ почти каждую

минутой. Впрочемъ, чего не сдѣлаетъ мать для своего дѣтища.

Я многое бы могъ поразсказать еще вамъ, чужеземецъ, но, какъ кажется, вамъ пріятнѣе будетъ теперь сонъ, чѣмъ мои разсказы.

У меня, напротивъ, пропасть отъ этого разсказа весь сонъ. Несчастный самоубійца живо представлялся мнѣ, и я почти не могъ отвести глазъ отъ пагубной колоды картъ, причинившей его погибель. Но вспомнивъ наконецъ, что пора дать хозяину покой, я всталъ и отправился спать.

Утромъ, когда я дружески распростился съ гостеприимнымъ фермеромъ, жена его еще не выходила изъ своей комнаты. Мало-по-малу, тягостное ощущеніе, произведенное во мнѣ этимъ разсказомъ, разсѣялось; но воспоминаніе о судьбѣ несчастнаго самоубійцы никогда не покидаетъ меня, и съ тѣхъ поръ я не беру болѣе въ руки картъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЩИХЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ ПРУССІИ.

Основанія вѣшняго государственнаго единства. Фридрихъ I; дѣйствія Фридриха Вильгельма I; General-Deerectorium; вѣкъ и современники Фридриха II; первые опыты преобразованія; дѣло о мельницѣ близъ Сан-Суен; Концесій и его предначертанія; дѣло мельника Арнольда, опредѣленіе 11 декабря 1779 г.; Кармеръ; предначертаніе преобразованія законодательства; состояніе правосудія и общія его положенія; jus, ratio, consuetudo;—сотрудники Кармера; общее уложеніе, его изданіе, содержаніе, достоинства и недостатки. Перевороты на западѣ и вліяніе ихъ на Пруссію; Тильзитскій договоръ. Учредительное пространство времени управленія Штейна и Горденберга; первый министръ; основанія учреждений. Несоотвѣтствіе облаго уложенія современному порядку; упадокъ мѣстныхъ законовъ. Начало пересмотра законовъ; учрежденіе областныхъ собраний и успѣхи пересмотра и работы раздѣльныхъ министерствъ г. Каммца и г. Мюлера. Вліяніе науки. Г. Савиньи.

Ранѣе другихъ государствъ, младшее въ ряду ихъ, прусское королевство еще въ началѣ прошлаго столѣтія признавало необходимымъ установитъ единство законовъ, которыхъ бы общая обя-

К. IX. — Отд. V. 1

зательность и опредѣлительность ограждали частное и государственное право и удостовѣряли ихъ дѣйствіе и дальнѣйшее развитіе. Зависимость отъ императора и важныя права сословій прелятствовали утвержденію верховной власти (souveraineté) и единству права. Великій курфирстъ положилъ сему единству первое основаніе, а принятіе королевскаго достоинства (1701 г.) освобожденіе отъ имперской подсудности—privilegium de non appellando (16 декабря 1702) и учрежденіе высшаго суда — камергерихта (въ маѣ 1709 г.) при Фридрихѣ I, приготовили самодержавіе его преемниковъ, дѣйствовавшихъ во всей полнотѣ верховнаго обладанія. Фридрихъ Вильгельмъ I (1714—1740 г.) запретилъ, подъ опасеніемъ наказанія, переносить дѣла въ чужіе (имперскіе) суды; не стѣнялся обрядами, онъ судилъ и рѣшилъ самъ⁽¹⁾. Положительный строгій, богобоязливый и бережливый, Фридрихъ Вильгельмъ ненавидѣлъ мудрствованій, роскоши и словозвѣтія правовѣдовъ, которымъ онъ далъ смѣшную покрой платя (адвокатамъ) и запретилъ жить въ деревняхъ, чтобы не сдѣлать крестьянъ спорщиками⁽²⁾. Онъ строго наблюдалъ за правосудіемъ, и призывая знаменитаго правовѣда Кокцея, думалъ установить единство права, предполагая (1721 г.) мѣстному прусскому праву (Jus provinciale ducatus Borussiae) дать обязательную силу для всего королевства. Но состояніе вѣка, незрѣлость ученій правовѣдннн и законодательства въ современныхъ дѣятеляхъ и недавнее соединеніе частей новаго государства, указывали на укрѣпленіе силъ частей силами, болѣе вещественными. Здѣсь еще не могло быть связи нравственной, основанной на единствѣ и соотношеніи частей къ цѣлому и между собою: ибо не было ни единства закона, ни единства языка и науки, ни даже единства историческихъ событій, и соотношенія преграждались своеземною отдѣлностью каждой части. Недавно образованное королевство состояло изъ разноплеменныхъ областей, въ разное время прибрѣтённыхъ и бывшихъ подъ различными вліяніями. Верховная власть еще боролась съ правами мѣстными; правленіе хотя уже начинало сосредоточиваться, но прерывисто и неувѣренно, ибо лишено было историческихъ основаній, и въ своихъ орудіяхъ или учрежденіяхъ едва различало вѣдомства мѣстныя отъ главныхъ, распорядительныя отъ правительственныхъ и судебныхъ. Управленіе раздѣлялось на высшее или общее (General-Directorium), и областное (камеры), завѣдывавя двумя главными и единственными частями: военною и хозяйственною. Подраздѣленіе было основано на числѣ областей, имѣвшихъ каждая особаго начальника (министра). Наборъ (вербовка) войска и извлеченіе доходовъ всякими путями были главною цѣлію правительства.

Фридрихъ Вильгельмъ отказалъ своему наслѣднику образцовое и многочисленное войско, значительныя запасныя суммы, начатки сосредоточеннаго управленія и личную силу королевской власти.

Наслѣдникомъ его былъ Фридрихъ II Великій. Ему обязана Пруссія своимъ могуществомъ.

Вступивъ на престолъ послѣ тяжкихъ испытаній и самостоятельной дѣятельности, Фридрихъ Великій открываетъ собою то блестящее въ исторіи законодательное пространство времени, которое ознаменовано установленіемъ опредѣленныхъ началъ государственнаго союза. Самая степень развитія вѣка этому способствовала. Это было время окончательнаго выраженія того порядка вещей, въ которомъ удостовѣреніе замѣнялось убѣжденіемъ, обрядность или законность соблюдалась въ видахъ только очевидной пользы.

Общее вѣдѣніе, уже опредѣленное Лейбницемъ, выразилось въ близкомъ къ жизни ученіи Вольфа; правовѣдннн, обработываемое Петтеблаттомъ и Поттеромъ, вошло въ сію жизнь просвѣтлнннми отношеніями ея сочиненіями двухъ Мозеровъ, Мовтескье и законодательными трудами Кокцея, Крейтмайера, и Кармера; самая судная часть, утопающая въ мелочахъ случайности, подъ вліяніемъ науки, достигла нѣкоторой опредѣленности. Вліяніе французскихъ писателей, въ высшихъ сословіяхъ, было общее и господствующее. Дѣйствіе науки и вообще письменности на жизнь распространилось не только въ предписаніяхъ правоучителей, устремлявшихся къ стихіямъ челоуѣческой природы, и правовѣдовъ обработывавшихъ римское въ туземныя права, но и въ ученіи о хозяйствѣ, возбужденномъ нуждами и расточительностію. Родившаяся общественность произвела столкновенія, и высшіе умомъ и властію хотѣли все опредѣлить, всему дать свое мѣсто, свое право, свой законъ. Ученые, каковы: Лейбницъ, Ньютонъ, оба Вольфы, оба Мозеры, Руссо, еще боролись съ бѣдностію и бѣдствіями, но вліяніе ученій, вліяніе науки было уже господствующее. Не смотря однако на вліяніе науки, въ сей блестящій вѣкъ могущественныхъ личностей, значеніе ея, какъ силы, еще не утвердилось, и просвѣщеніе и обрѣтеніе права и закона представляются въ неопредѣленномъ, сплошномъ видѣ. Созданіе общественнаго устройства, начавшееся обозначеніемъ и союзомъ стихій онаго: власти и закона, указало только на необходимость лучшаго опредѣленія сихъ стихій. Призванная для вспомошествованія въ семь дѣлъ сила знанія или науки, оказавъ пользу, оказала и вредъ своимъ произвольными и зыбкими ученіями. Вѣрили и удостовѣрились

на опытѣ, что связь общества, основанная на необходимости и выгодахъ, требуетъ огражденія силою власти и закона. Оставалось удостовѣриться, что огражденіе основано на необходимости истины, выраженной въ положительныхъ правилахъ, неподрываемыхъ выбками ученіями науки, и доступныхъ всѣмъ и каждому по своей ясности и опредѣлительности.

Отсюда проистекаетъ мысль о общихъ туземныхъ законоположеніяхъ, съ которою осуществляется понятіе о государствѣ въ настоящемъ смыслѣ сего слова. Конечно мысль сія уже существовала и прежде, но она не обнимала всего состава общественного устройства, или представлялась въ мечтательныхъ построеніяхъ мыслителей, повторявшихъ Платона и Августина. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія являются предначертанія полныхъ и цѣлыхъ уложеній, частныхъ и правительственныхъ, между которыми *Уложение прусское*, доселѣ дѣйствующее въ королевствѣ, справедливо занимаетъ первое мѣсто.

Мысль о предначертаніи сего уложенія принадлежитъ Фридриху Великому. Независимо отъ частныхъ мѣръ и особыхъ постановленій, улучшенія личнаго состава чиновниковъ (*) и непосредственнаго, вездѣ посѣщающаго участія въ дѣлахъ вѣнскихъ и мѣстныхъ учреждений, Фридрихъ II, какъ скоро дѣла военные позволили ему обратить вниманіе на законы внутренняго управленія, не могъ не замѣтить, съ одной стороны, медленности и сложности обрядовъ управленія и правосудія, отягощеннаго множествомъ и въ значительномъ числѣ несовершенныхъ дѣлъ, а съ другой, — запутанности и неопредѣленности самаго права, принадлежавшаго, и по языку и по недоступности источниковъ закона, какъ бы особому сословію правовѣдовъ, ученыхъ и судебныхъ ходатаевъ, къ которымъ отвращеніе великаго короля выражалось открыто и постоянно.

Недостатки сіи требовали неукоснительнаго исправленія.

Еще въ 1747 году, можетъ быть, по поводу дѣла о мельницѣ близъ загороднаго дворца Сан-Суси **, Фридрихъ II обратилъ

* О дѣлѣ семь извѣстно болѣе изъ преданій. При постройкѣ Сан-Суси (около 1746 г.), дворцовое управленіе хотѣло купить мельницу, которая препятствовала сдѣлать прямую дорогу къ главному подѣзду; но мельникъ, дорожа отцовскимъ наследіемъ, не согласился продать оной ни за какую цѣну, и когда сказали ему, что возьмутъ мельницу за должное вознагражденіе, владѣлецъ отвѣчалъ: «Да, если бы въ Берлинѣ не было верховнаго суда». Отвѣтъ сей, показывающій упрямство подданаго въ правосудіи, понравился Фридриху, и онъ оставилъ свое предпріятіе.

особенное вниманіе на правосудіе, и принялъ мѣры, относившіяся къ очищенію судовъ отъ дѣлъ — путешествіемъ министра для обозрѣнія судовъ и личнымъ его рѣшеніемъ сихъ дѣлъ, и къ прекращенію ученыхъ рѣшеній — запрещеніемъ столь обыкновенной до позднѣйшихъ временъ посылки дѣлъ на разсмотрѣніе высшихъ училищъ. Кромѣ сихъ временныхъ мѣръ, принята королемъ и постоянная: надобно было дать правосудію и управленію прочное основаніе. Ознакомившись съ запутаннымъ положеніемъ дѣйствующихъ правъ, и удостовѣривъ въ произвольномъ вліяніи неопредѣленныхъ обрядностей и толкованій ученыхъ, ходатаевъ и самыхъ судовъ, по неимѣнію точнаго закона, король предположилъ составить и издать общее туземное уложеніе (Landrecht), основанное на началахъ «разума и государственнаго устройства», и установить порядокъ правосудія и управленія сколь возможно не замедлительный, опредѣленный и для всѣхъ общій. Трудъ сей порученъ былъ опытному правовѣду, Самуилу фонъ-Кокцею, бывшему тогда министромъ правосудія и свѣдущему въ законахъ общихъ и въ дѣловомъ судебномъ производствѣ. Самуилъ Кокцей былъ сынъ знаменитаго судебного ходатая Генриха Кокцея, возведеннаго, за ученость и судебного достоинства дѣлъ при дворахъ, въ баронъ-усѣбное окончаніе тяжбныхъ дѣлъ при дворахъ, въ баронское достоинство имперіи. Въ 1738 году, Самуилъ назначенъ первымъ начальникомъ (chef) правосудія всѣхъ прусскихъ земель, а въ 1746 г. великимъ канцлеромъ королевства. Обѣздалъ министромъ судовъ и скорое рѣшеніе имъ множества дѣлъ, болѣею частью мировыми, сдѣлалъ Кокцей достойнымъ сего важнаго порученія.

Въ 1747 г. по повелѣнію короля издано предначертанное Кокцеемъ: Corpus juris Fridericiani. d. i. S. K. Maj in Preussen in der Fernunft und Landes—Verfassung gegründete Land-Recht, woder der Römische Recht in eine vernünftige Ordnung und richtiges Sistema nach den dreyn objectis juris gebracht, die general-principia, welche in der Vernunft gegründet sind, bei einem jedem Objecte festgesetzt und die nöthigen conclusions als so viele Gesetze daraus deducirt, alle Subtilitäten und Fictions, nicht weniger was auf der Teutschen Statum nicht applicabile ist, ausgelassen: alle zweifelhafte Jura, welche in den Römischen Gesetzen vor-

По многимъ основаніямъ, можно сомнѣваться въ справедливости сего преданія.

Извѣстно, что мельница дѣйствительно стоитъ близъ сада дворца Сан-Суси.

kommen oder von denen Doctoribus gemacht worden, decidirt und solchergestalt Ein Jus certum und universale in allen Dero Provinzen statuirt wird.

Заглавное сіе изложене, подлинникомъ здѣсь представляемое, показываетъ предметъ и дѣль законодателя, и въ смѣшенномъ и испещренномъ своемъ нарѣчїи выражаетъ состояніе тогдашняго языка суда и закона.

Кокцей составилъ два предначертанія: Codex Fridericianus (1747—1750) о устройствѣ и производствѣ суда, и Corpus juris Fridericianum (1749—1752), обнимавшїи собою, по образцу уложенія Юстинианова, — personae, res, albigationes et actiones. — По незрѣлости, неполнотѣ и ученому изложению, предначертанія сіи не соотвѣтствовали мысли короля и задуманному имъ преобразованію.

Самуилъ Кокцей умеръ въ 1755 г. Вниманіе короля было отвлечено войнами и вѣшними сношеніями; въ теченіе 25 лѣтъ, предположеніе о введеніи общаго законоположенія оставалось безъ исполненія, а между тѣмъ неудовлетворительное состояніе права и дробность мѣстныхъ законовъ продолжалась, и съ прїобрѣтеніемъ новыхъ областей увеличилась еще болѣе.

Мысль о составленіи точнаго и единообразнаго уложенія и объ улучшеніи управленія, пробудившаяся въ королѣ по окончаніи войнъ, ожила снова и съ болѣею выразительностію въ 1779 г., по поводу частнаго дѣла, получившаго впоследствии значеніе государственнаго: это тяжба мельника Іоанна Арнольда съ помѣщикомъ фонъ-Герсдорфомъ.

Дѣло состояло въ томъ, что Арнольдъ, нанймавшїи мельницу за извѣстную плату, отказался платить наемную сумму, когда Герсдорфъ вырылъ прудъ выше мельницы и тѣмъ лишилъ ее воды, необходимой для дѣйствія. Кюстринское правленіе рѣшило споръ въ пользу помѣщика, и рѣшеніе это утверждено было высшимъ судомъ въ Берлинѣ.

Доведенный до крайности, Арнольдъ рѣшился просить короля, которому былъ лично извѣстенъ, находясь при его особѣ провозникомъ и разсыльнымъ во время битвы при Царндорфѣ. Уже съ перваго взгляда невозможно было сомнѣваться въ несправильности рѣшенія, а между тѣмъ комиссія, назначенная для разсмотрѣнія дѣла, основываясь на подробныхъ доводахъ, не нашла пристрастія со стороны судебныхъ мѣстъ и оставила рѣшеніе въ своей силѣ. Король принялъ живое участіе въ положеніи Арнольда, и разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ жалобу его основательною, а рѣшеніе судовъ явно пристрастнымъ. Не довѣря

себѣ, Фридрихъ потребовалъ ближайшее удостовѣреніе отъ мѣстнаго пастора, лично ему извѣстнаго, и поручилъ изслѣдовать все дѣло полковнику фонъ-Гайкингу.

Донесенія сихъ лицъ оправдали требованія Арнольда, и дѣло приняло другой оборотъ. Разгнѣванный король прибылъ въ Берлинъ, и въ пылу негодованія, призвавъ великаго канцлера фонъ-Фюрста и совѣтниковъ главнаго суда, выразилъ имъ свое неудовольствіе въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Въ присутствіи ихъ разобралъ дѣло, и въ заключеніе приказалъ постановить и обнародовать опредѣленіе (протоколь), которое окончилось слѣдующими словами, самимъ королемъ сказанными:

«Суды (юстицъ-коллегіи) должны во всѣхъ дѣлахъ поступать по справедливости, не разбирая лицъ. Посему судиаша во всѣхъ областяхъ имѣютъ давать судъ и расправу, а если не будутъ исполнять сего, какъ требуетъ прямой долгъ, не разбирая лицъ и званія, и уклоняться отъ справедливости (natürliche Billigkeit) то, за тѣмъ, они будутъ имѣть дѣло уже съ его величествомъ. Судъ, который дозволяетъ себѣ несправедливости, опасіе и хуже шайки воровъ: отъ шайки воровъ еще можно укрыться, а отъ шельмъ (Schelm), прикрытыхъ одеждою служителей правосудія, никакой человекъ укрываться не можетъ; они вредяе самыхъ безсовѣстныхъ мошенниковъ, какіе только есть въ свѣтѣ, и за-служиваютъ двойное наказаніе.»

Великій канцлеръ былъ уволенъ отъ службы, совѣтники высшего суда посажены въ городскую тюрьму; предсѣдатель правленія, фонъ-Финкенштейнъ, удаленъ отъ должности, а совѣтники правленія заключены въ крѣпость. Надъ виновными назначенъ судъ, они и Герсдорфъ должны были удовлетворить Арнольда. Дѣло получило необыкновенную гласность *.

* По прибытіи короля въ Берлинъ, назначенная комиссія состояла изъ членовъ уголовного отдѣленія высшего суда, подъ предсѣдательствомъ министра фонъ-Педлица. Комиссія не признала виновными судебныхъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе строгія мѣры противъ нихъ были приведены въ исполненіе. По впоследствии они освобождены изъ подл ареста ранѣе срока, и самое вознагражденіе Арнольду выдано, въ видѣ вспомошествованія, изъ королевскихъ денегъ. Въ царствованіе Фридриха Вильгельма II, по повелѣнію изслѣдованіи и разсмотрѣніи дѣла, чиновники были совершенно оправданы и за все время получили вознагражденіе. Дальнѣйшіи изысканія открыли даже, что требованія Арнольда въ основаніяхъ своихъ были несправедливы, что онъ обязанъ былъ платить за наемъ мельницы не Герсдорфу, а графу Шметцу, и что слѣдователь Гайкингъ слѣдуетъ королю не-

Все это происходило въ концѣ (11 декабря) 1779 года, и съ сего времени начинается непрерывный рядъ законодательныхъ работъ по составленію общаго уложенія.

Можетъ быть, негодование пылаго и сильнаго сердца увлекло даже требованій правосудія; по случай сей ближе ознакомиль короля съ порядкомъ судопроизводства и съ вывѣстію основаній дѣйствующихъ законовъ, и утвердилъ его въ мысли о преобразованіи правосудія и уложенія законовъ. Принявъ твердое намѣреніе дать Пруссіи общіе, туземные законы, и установить судъ и расправу на основаніяхъ точныхъ, несложныхъ и понятныхъ всѣмъ и каждому, Фридрихъ поручилъ дѣло сіе министру правосудія и главному предсѣдателю силезскихъ судовъ, который еще прежде оправдалъ вниманіе и выборъ короля отличными предначертаніями и распоряженіями по судебной части, и въ особенности положеніемъ 1774 г. о сокращеніи тяжбъ между поселянами и владѣльцами. Кармеру суждено было исполнить это дѣло, и оставить имя свое, возлѣ имени короля, на страницахъ общаго прусскаго уложенія.

Обширное по объему дѣло уложенія казалось удобоисполнимымъ: требовалось токъ опредѣлить составъ и содержаніе уложенія и назначить свѣдущихъ помощниковъ для извлеченій и обработки.

Еще въ 1775 г., Кармеръ прибылъ въ Берлинъ и имѣлъ частыя совѣщанія съ канцлеромъ Фюрстомъ и самимъ королемъ о порядкѣ работъ и ихъ повѣркѣ и утвержденіи. Между тѣмъ собирались свѣдѣнія изъ дѣлъ и отъ дѣловыхъ правовѣдовъ. Собранія и совѣщанія сіи продолжались бы долѣе, еслибы дѣло Арнольда не ускорило ихъ развязки. Съ назначеніемъ Кармера

правильное донесеніе, довѣря, по неопытности своей, находившемуся при свѣдѣствіи военному производителю (аудитору). Сколь ни достовѣрны могли быть свѣдѣнія, чрезъ 10 дѣтъ собранныя, къ оправданію чиновниковъ, здѣсь нельзя не сдѣлать общаго замѣчанія, что при пересмотрѣ дѣла, спустя продолжительное время послѣ перваго приговора, событія дѣла и особенно послѣдствія приговора, всегда представляются въ иномъ видѣ, а что махѣешее нарушеніе обрядовъ при осужденіи дѣлаетъ неправильнымъ самое осужденіе, и понесеніе виновными наказаніе возбуждаетъ въ новыхъ судьяхъ участіе, и ведеть, можетъ быть, не рѣдко, къ новымъ уклоненіямъ отъ прямаго пути истины, столь зависимой отъ временныхъ условій.

Если дѣло Арнольда и Герисдорфа рѣшено судами правильно, то во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что состояніе правъ было запутано и требовало улучшенія (*).

главнымъ блюстителемъ (великимъ канцлеромъ), открывается новое пространство времени законодательства Пруссіи королевскою грамотою 14 апрѣля 1780 г. Король остановился на извѣстномъ предначертаніи, и приступлено было къ работамъ.

Важныя затрудненія представило это дѣло въ самомъ началѣ: законодательство, подлежащее уложенію, имѣло всѣ свойства сложной, хитросплетенной, отвѣченной науки, а ее слѣдовало ввести въ положительныя правила жизни. Множество, разнообразіе и неопредѣленность постановленій, разновѣренныхъ, перемѣшанныхъ и спорныхъ, требовали необыкновенныхъ и продолжительныхъ усилій даже для приведенія ихъ въ извѣстность. Каждая область, пользуясь правомъ общимъ (римскимъ саксонскимъ, имперскимъ), имѣла свои права и законы мѣстные, общія и временныя постановленія своихъ собраній, преимуществъ и принадлежности, основанныя на обычаяхъ, обряды и дѣйствія, издавна введенныя и усвоенныя. Сплетеніе общаго, мѣстнаго, писаннаго и обычнаго правъ съ различными ихъ подраздѣленіями и пространствомъ дѣйствія, отсутствіе общепонятной терминологіи, многочисленныя толкованія (glossa) и спорныя объясненія на сіа самыя толкованія, утрата, поврежденіе и недостовѣрность подлинниковъ закона и необработанность самаго языка—представляли какое-то разнородное смѣшеніе предписаній и отъѣвъ, при которыхъ почти всякій вопросъ могъ быть спорнымъ, и представлялся, можно сказать, произволу судей, ученыхъ и судебныхъ ходатаевъ, и развѣ одна германская добросовѣстность служила какимъ-нибудь ручательствомъ за правосудіе. Неустройство это увеличивалось отъ недостатка сосредоточенности судебного вѣдомства, при которомъ обрядность и обычность (практика) могли бы имѣть нѣкоторое единообразіе, и усилилось еще болѣе отъ столкновенія новаго управленія съ областными и отъ постепеннаго измѣненія ученой права, несогласныхъ съ прежними.

Составителямъ предлежало опредѣлить: какіе законы дѣйствуютъ и имѣть ли ихъ дѣйствіе положительное основаніе?

Дѣйствующими законами были: общее право, мѣстныя постановленія, основанныя на письменныхъ подлинникахъ (документахъ), права и правила, основанныя на преданіи и судебной обычности.

За симъ слѣдовало опредѣлить: что такое *общее право*?

Въ учрежденіи государственнаго народнаго суда имперіи, 1654 г. въ 15 § I главы, дѣйствующее общее право опредѣлено въ слѣдующихъ словахъ: *Zuvoerdest Unsere Kaiserliche Wahl-Capitulationen, Reichsabschied (1594, 1600, 1654), Religion—und profan*

Frieden und den jungsten Muenster Osnabruggischen Friedensschluss nach Anweisung des 17 artic. § 1 und 2, wie auch jeder Stands-Lands, — Orts — und Gerichts, sonderlich die gebuerliche allegirte und probirte Privilegia, gute Ordnungen und Gewohnheiten und in Mangel derselben die kaiserliche Rechten und rechtmassige Observations und Gebraeuche.

Но какая именно часть и въ какомъ объемѣ сихъ правъ римскаго, саксонскаго и имперскаго, имѣетъ дѣйствіе? Нить послѣдовательности терзаясь въ обычаяхъ, забвеніи и произволѣ. Безъ сомнѣнія, существовавшее право было римское въ обширномъ объемѣ Уложенія Юстиніана. Оно имѣло силу только въ тѣхъ положеніяхъ, которыя признаны и истолкованы учеными (glossatores, doctores): quid quid non agnoscit glossa, non agnoscitur in foro. Если буквальныи смыслъ (текстъ) закона не ясенъ, должно обращаться къ его разуму: ratio legis spectanda; а при недостаткѣ самаго закона объяснять его толкователями: quod textibus non possumus, id testibus. При разногласіи мнѣній слѣдуетъ избирать лучшее или общее (communis doctorum opinio), а общія мнѣнія считать то, которое въ разныя времена, разными учеными, независимо однимъ отъ другаго, въ разныхъ мѣстахъ достигнуто: communes opiniones plerumque efficiuntur per adhaesionem complurium doctorum, qui diversis temporibus, non communicato invicem consilio, diligentia aliqua veritatis invagatione adhibita, hanc vel illam opinionem amplectuntur (Corasius). При стеченіи обычая и общей правды, имѣетъ силу послѣдняя—quia consuetudinem ratio et veritas semper excludit—и обычай, во всякомъ случаѣ, на подобные случаи, кромѣ частнаго, не распространяется— in aliis similibus non obtinet.

Вообще, jus, lex, ratio, consuetudo въ обширномъ значеніи этихъ словъ, въ взаимномъ сплетеніи ихъ, представляютъ какую-то игру заключеній.

Опредѣленіе достовѣрности и пространства мѣстныхъ правъ было еще затруднительнѣе: ибо здѣсь, во многихъ случаяхъ, недоставало письменныхъ подлинниковъ, и большая часть правъ и принадлежностей основывалась на сомнительныхъ подлинникахъ, на обычаяхъ и на преданіи, перемѣшанныхъ съ предписаніями общаго права и съ постановленіями весьма обширнаго въ прежнее время права своезаконія (autonomia).

Самый языкъ письменныхъ подлинниковъ отъ времени сдѣлался непонятнымъ и требовалъ изъясненія людей, свѣдущихъ въ древностяхъ.

Вообще трудность права самаго по себѣ, трудность отыскать въ толкованіяхъ его общее мнѣніе, и наконецъ трудное познаніе

старыхъ мѣстныхъ законовъ, дѣлали изъ законовѣднѣи принадлежность особаго званія людей, посвятившихъ себя изученію сихъ таинственныхъ знанѣи.

Таковы были положеніе права и задача, предлежавшая Кармеру. Изъ всего этого множества надобно было извлечь дѣйствующее, и изложить его въ порядкѣ, опредѣлительно.

Для уложенія представлялись два пути: опредѣлить, сколько было возможно, общее право и согласить съ нимъ права мѣстныхъ, подчинивъ сія послѣднія основнымъ началамъ современнаго государственнаго права и образовавъ изъ всего одно цѣлое (уложеніе историческое); — или мѣрами рѣшительными, при содѣйствіи опытныхъ и ясныхъ умовъ, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, коль скоро есть призваніе къ великому дѣлу, постановить новый законъ, который бы заключалъ въ себѣ всѣ известныя законы дѣйствующіе, съ дополненіемъ, при недостаткѣ ихъ, постановленій новыхъ, однимъ словомъ: установить новый порядокъ правъ и отмѣнить иноземныя и мѣстныя права *сочиненіемъ* общаго закона (уложеніе умозрительное).

По несоотвѣтствію сего послѣдняго, выборъ могъ бы остановиться на первомъ; но сплотивъ разнородныя части, извлечь общее мнѣніе, согласно строгому историческому началу в государственной усмотрительности, не было никакой возможности. Въ силу требованія историческаго начала надобно бы было отказаться отъ уложенія.

Кармеръ избралъ средній путь, и предначертаніе его, по тогдашнему времени, дѣйствительно могло быть признано удивительнымъ (admirable Idee), какъ назвалъ его самъ преобразователь.

Желаніе великаго короля было: составить издать право определенное (jus certum), взаимно общаго и мѣстныхъ, законоположеніе ясное, всѣмъ доступно и понятное, и столь подробное, чтобы суды находили въ немъ готовыя, отдѣльныя на всякій случай правила, не прибѣгая ни къ толкованіямъ ученыхъ, ни къ произвольнымъ изъясненіямъ.

Опредѣлительность, подробность и общепонятность изложенія должны были быть отличительными чертами сего уложенія и постоянною цѣлію составителей. Отдѣленіе положительнаго права отъ науки было главнымъ началомъ законодателя.

Если я достигну этой цѣли, сказано въ грамотѣ 1780 г., то, конечно, съ упрощеніемъ законовъ много правовѣды утратятъ ихъ таинственное значеніе, протѣяся со всѣми ихъ мелочны-

ми припрками крочкотворства (Subtilitäten-Kram), и весь полкъ судебныхъ ходатаевъ (адвокатовъ) будетъ бесполезенъ*.

Предначертаніе Кармера заключалось въ слѣдующемъ:

1) Собрать, обработать и издать для каждой области особую книгу мѣстныхъ законовъ.

2) Составить точное и подробное уложеніе общихъ законовъ.

3) Общее уложеніе должно служить вспомоgetельнымъ источникомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не разрѣшаются законами мѣстными.

4) Оно должно быть общепонятно и сколько возможно подробно. За смѣть всякое толкованіе или небуквальное приложеніе закона не имѣть мѣста. Отлѣненіе толкованій закона было прямое приказаніе короля. Учреждая комиссію законовъ повелѣніемъ 28 апрѣля 1780 г., король изъяснилъ, что онъ не допустить, чтобы какой-нибудь судъ или управляющій (minister) осмѣлился толковать, ограничивать или распространять смыслъ закона. О всякомъ сомнѣніи или недостаткѣ закона, встрѣченныхъ въ дѣлѣ, судъ представляетъ министру, который требуетъ заключенія комиссіи.

Мысли сіи, какъ мы увидимъ ниже, получили существенное измѣненіе въ уложеніи

Комиссіи законовъ, съ учрежденіемъ государственнаго совѣта, 27 октября 1810 г., перешла въ вѣдѣніе онаго, а впоследствии, въ 1817 г., соединилась съ учрежденіемъ пересмотра законовъ.

5) Общее уложеніе должно быть основано на римскомъ правѣ, согласенномъ съ основными началами прусскаго правленія и съ исключеніемъ изъ Уложенія Юстиніана всего того, что введено въ него изъ стоическаго ученія, или по особымъ мѣстнымъ уваженіямъ римскаго государства, или мелочными тонкостями правовѣдовъ (subtilitäten und fictions).

Предначертаніе мѣстныхъ законовъ не могло исполняться. Мы увидимъ ниже, сколь важны были послѣдствія, отъ сего происшедшія, и какъ, можетъ быть, неозвратно миновало время для исполненія сего предположенія.

* Мы смягчили нѣсколько выраженія въ отношеніи правовѣдовъ. Негодованіе и пренебреженіе къ этому званію, начавшіяся со введеніемъ ученаго римскаго, для общества недоступнаго законодательства, были общи и, можетъ быть, частію заслужены ими прерратностію толкованій и продажностію убѣжденій.

Предстояшіе Кармеру труды ограничивались уложеніемъ общимъ.

Сотрудниками и исполнителями работъ назначены были ученые и дѣловые правовѣды, извѣстные своими трудами и служебною дѣятельностію: совѣтники главнаго суда, Баумгартенъ, Суарезъ, Кирхейзенъ и Госслеръ, главный бюиститель казны Пахалій, присутствующій совѣтникъ Клейнъ и ученый правовѣдъ Фолькмаръ, изъ которыхъ впоследствии нѣкоторые занимали высшія государственныя должности.

Между сими сотрудниками Кармера, самое дѣятельное участіе принимали Суарезъ и Фолькмаръ. Объемъ, располженіе и содержаніе общей книги законовъ начертаны и обработаны Суарезомъ; исполненіе сего предначертанія предложено было извѣстному въ то время ученому правовѣду Шлоссеру, издавшему еще въ 1777 г. «Опытъ уложенія нѣмецкаго гражданскаго права», и за отказомъ Шлоссера, совершено преимущественно Фолькмаромъ.

Основаніемъ начатаго уложенія принято было подробное извлеченіе изъ римскаго права, съ означеніемъ передъ каждою статью: откуда она заимствована, или почему не вводится въ предначертаніе уложенія. Трудъ обширный, долженствовавшій имѣть существенное вліяніе на содержаніе книги законовъ! Благоудѣлныя заслуги Кармера и его сподвижниковъ достойны глубокой признательности.

Предначертаніе уложенія совершено и подвергнуто окончательному разсмотрѣнію въ то время, когда главнаго виновника сего дѣла, великаго короля, уже не было, и можетъ быть, сему обстоятельству должно приписать то, что первоначальныя предположенія о содержаніи и изложеніи книги законовъ получили впоследствии важныя измѣненія. Дѣловое (практическое) и общедоступное изложеніе болѣе и болѣе уступали мѣсто ученой изысканности.

Въ 1784—1788 составленная книга общихъ законовъ, въ VI отдѣленіяхъ, въ видѣ предварительнаго начертанія, издана во всеобщее свѣдѣніе и предложена на разсмотрѣніе и обсужденіе ученыхъ и дѣловыхъ людей, съ назначеніемъ награды за лучшія замѣчанія.

Предположеніе Фридриха и изданіе сего предначертанія книги законовъ приняты были въ Германіи и въ чужихъ краяхъ съ общимъ участіемъ. Ученые преподаватели: фонъ-Эггерсъ, въ Копенгагенѣ, Гиппель, въ Кенигсбергѣ, и Глюбихъ, въ Дрездлѣ, представили весьма основательныя работы. Ученый Шлоссеръ издалъ (противъ общаго предначертанія и его исполненія) «письмъ о законодательствѣ вообще и о предначертанной

прусской книгъ законовъ въ особенности.» Исслѣдованія и разборъ общихъ началъ уложенія (свѣдѣнія и кодификаціи), развитія Шлоссеромъ, сдѣлалась общими предметами разсужденій правовѣдовъ (Зейденштокеръ и Кампцъ), и образовали тѣ два противоположныя воззрѣнія: о призваніи или неготовности настоящаго времени къ уложенію законовъ въ видѣ общихъ сборниковъ, которыя выразились окончательно въ сочиненіяхъ Тибо и Савинья.

Неоднократно переработанная составителями, разсмотрѣнная въ комиссіи законовъ, въ областныхъ правленіяхъ, въ мѣстныхъ собраніяхъ (депутатовъ), подвергнутая суду ученыхъ и дѣловыхъ людей, *Общая прусская книга законовъ*, въ 1791 г. была окончена и утверждена верховною властію; самая общародователная грамота о введеніи оной въ дѣйствіе была подписана, но повелѣніемъ 18 апрѣля 1792 г. дѣйствіе оной приостановлено на неопредѣленное время. Наступившіе годы дѣлали виновными всякое опасеніе. Причиной остановки было представленіе силезскимъ министромъ правосудія, фонъ-Данкельманомъ, нѣкоторыхъ замѣчаній (преимущественно о государственномъ правѣ), по поводу которыхъ книга законовъ снова подвергнута пересмотру, и наконецъ, грамотою 5 февраля 1794 г., исправленная и измѣненная, подъ названіемъ: *Общая туземная права для прусскихъ государствъ*, введена въ дѣйствіе съ 1 июня 1794 г. Это донинѣ дѣйствующій общій законъ прусскаго королевства, который, вмѣстѣ съ судебными производствами 1781 г., учрежденіемъ 6 июня 1793 г. уголовнымъ судопроизводствомъ 1804—1805 г., составляетъ все прусское общее законодательство.

При всей важности предначертанія и исполненія сего великаго дѣла, должно, къ сожалѣнію замѣтить, что до сихъ поръ нѣтъ сочиненія, которое бы могло служить руководствомъ къ историческому и существенному изученію сей книги законовъ. Изъ двухъ уложеній: французскаго и прусскаго, любознательному изученію представляются, о первомъ разсужденія при разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ, столь долго продолжавшіяся: нѣтъ въ виду означенія и содержанія источниковъ, вошедшихъ въ составъ его, и самаго порядка составленія, въ 4 мѣсяца оконченнаго. О прусскомъ, — имѣются свѣдѣнія о содержаніи источниковъ и составленіи уложенія (Самсонъ и Меллеръ), но нѣтъ въ виду уваженій и соображеній, на основаніи которыхъ книга законовъ перерабатывалась, измѣнялась и получила настоящій видъ и содержаніе (*).

Прусское туземное право или *Общее прусское уложеніе* состоитъ изъ началъ или общихъ правилъ, изложенныхъ во вве-

деніи, и правилъ особенныхъ и частныхъ, расположенныхъ въ 2 частяхъ, 4 книгахъ и 43 раздѣлахъ.

Введеніе содержитъ въ себѣ понятіе или изъясненія о законахъ вообще (1—70), ихъ совершеніи, примѣненіи, обязательности, поясненіи и отысканіи, и общія начала права, относительно государства къ его гражданамъ, источниковъ дѣйствія, столкновенія, сообщенія и потери правъ (73—108). Часть 1, раздѣленная на двѣ книги, содержитъ въ себѣ: о правахъ вообще: лицъ, вещей и дѣйствій (раздѣлы 1, 2, и 3), изъясненіе воли (4), о договорахъ (5), о правахъ и обязанностяхъ, проистекающихъ изъ незаконныхъ дѣйствій (6), о храненіи, о владѣніи (7), о собственности (8), о приобрѣтеніи собственности: непосредственнымъ и посредствомъ (9 и 10), о приобрѣтеніи по договорамъ (11), чрезъ посмертныя распоряженія (12), чрезъ третье лицо (13), о сохраненіи собственности и правъ (14), о преслѣдованіи собственности (15), о прекращеніи правъ и обязательствъ (16), объ общемъ и раздѣльномъ владѣніи (17 и 18), о правахъ на чужую собственность (19, 20 и 21), о взаимныхъ отношеніяхъ и принадлежностяхъ недвижимыхъ имуществъ (22), объ исключительныхъ принадлежностяхъ (23 раздѣлъ).

Вторая часть, тоже раздѣленная на двѣ книги, заключаетъ въ себѣ постановленія: о бракѣ (разд. 1), о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ родителей, дѣтей и прочихъ членовъ семейства (2, 3 и 4), о правахъ и обязанностяхъ господъ и служителей (5), о обществахъ, сословіяхъ и общинахъ (6), о сословіяхъ: поселянъ, гражданъ и дворянъ (7, 8 и 9), о чиновникахъ (10), о церквяхъ и духовныхъ обществахъ (11), объ училищахъ (12), о правахъ и обязанностяхъ государства вообще (13), о государственныхъ доходахъ и правахъ казны (14), о дорогахъ, рѣкахъ, пристаняхъ и заливахъ (15), о правахъ государства на имущество, несостоящая во владѣніи (16), о защитѣ подданныхъ (17), объ опекахъ и попечительствѣ (18), о богоугодныхъ заведеніяхъ (19), о преступленіяхъ и наказаніяхъ (20).

Такимъ образомъ, общее уложеніе заключаетъ въ себѣ: внутреннее государственное право (Введеніе; часть II разд. XIII—XX); законы гражданскіе (ч. I и ч. II разд. I—VI); законы о состояніяхъ (ч. II разд. IV—XII), и въ числѣ всѣхъ сихъ постановленій многіе предметы управленія и благотворенія.

Общее уложеніе, какъ законъ вспомогательный, замѣняетъ собою римское, саксонское и другія иностранныя права и законы, и соединяетъ въ себѣ всѣ постановленія общія, заданныя для всѣхъ областей королевства, не отысканія впрочемъ силы законовъ и уложеній мѣстныхъ. Сія послѣднія должны быть, въ

теченіе трехъ лѣтъ, собраны, предписаннымъ порядкомъ пересмотрѣны, и изданы отдѣльно, со включеніемъ въ оныя правъ обычныхъ и обрядныхъ. Мѣстные законы сохраняютъ свою силу и въ тѣхъ постановленіяхъ, вошедшихъ въ общее уложеніе, которыя несогласны съ прежними.

Общее уложеніе не распространяется на дѣла, возникшія до 1 іюня 1794 г.; но неясности примѣняемыхъ при семъ законовъ должны быть разрѣшаемы уже по правиламъ сего уложенія. Оно не распространяется на дѣла текуція и послѣдующія, если они возникли изъ случаевъ при дѣйствіи старыхъ законовъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, если въ новомъ законѣ назначается меньшее наказаніе (*).

Такимъ образомъ совершенно и исполнено предначертаніе Фридриха Великаго.

Надобно представить себѣ прежнее состояніе дѣйствующаго права и судопроизводства, чтобы оцѣнить пользу и важность послѣдствій новаго общаго уложенія.

Оно важно, какъ собраніе законовъ, изложенныхъ въ порядкѣ, на туземномъ языкѣ и по существеннымъ предметамъ. Колебаніе и произвольность толкованій устранены, и дано право общее, опредѣленное.

Оно важно по опредѣленію пространства и обязанностей внутренняго государственнаго права въ то время, когда о семъ не было точныхъ опредѣленій и высшее право сіе смѣшивалось съ понятіемъ о начальствѣ, даже полицейскомъ и мѣстномъ, и съ понятіемъ о казнѣ, о казначействѣ. Внесеніе сихъ постановленій было причиною огорченій канцлера Кармера и предметомъ жаркихъ преній въ 1792 году, при окончательномъ пересмотрѣ уже утвержденного уложенія. Внесеніе сихъ постановленій оуждается и многими современными государственными правовѣдами (Савиньи, Кампцъ). Но съ точки зрѣнія виновника составленія уложенія, предметы сіи должны были войти въ составъ дѣйствующаго закона, предначертаннаго для общаго руководства. Не стѣсняя власти, постановленія сіи опредѣляютъ преимущества, обязанности и взаимныя отношенія государства и подданныхъ. Они устанавливаютъ единство государства, въ которомъ власть въ нѣкоторыхъ областяхъ была ограничена, въ другихъ свободна, и вообще, по смыслу своему, содержатъ въ себѣ не законы, но мысли, исполненныя благонамѣренности и терпимости. Выраженныя опредѣленно и открыто на страницахъ книги дѣйствующихъ законовъ, мысли сіи, для тогдашняго времени, имѣли высокое значеніе.

Важнѣйшее достоинство общаго уложенія есть, безъ всякаго

сомнѣнія, дѣловое (практическое) его направленіе. Законодатель стремился изъявить волю свою въ постановленіяхъ точныхъ, до возможности подробныхъ и, такъ сказать, готовыхъ примѣниться ко всякому данному случаю. Фридрихъ Великій желалъ довести эту подробность до того, чтобы не было нужды ни въ соображеніи, ни тѣмъ еще менѣе толкованіи или изъясненіи законовъ судами и учеными. Мысль короля въ семъ отношеніи не могла быть приведена въ исполненіе, какъ по естественной невозможности предусмотрѣть и опредѣлить въ законѣ всѣ случаи, такъ и по ученому направленію, подъ влияніемъ котораго, въ послѣднее время, составлялось уложеніе.

Зная на опытъ вредъ изъясненій закона, зависящихъ отъ ученія права, личнаго воззрѣнія и пристрастія, великій король предполагалъ рѣшительно воспретить всякое изъясненіе, предписавъ судамъ входить о семъ съ представленіями въ комиссію законовъ.

Уложеніе (Введен. § 46) разрѣшаетъ понимать законъ «буквально или по совокупности, или по ближайшему несомнѣнному основанію закона», предоставляя суду «въ сомнительныхъ случаяхъ требовать разрѣшенія отъ комиссіи законовъ.»

Въ послѣдствіи (Улож. издан. 1803 года прибав. 2) измѣненъ и этотъ порядокъ. Дозволено «изъяснять смыслъ закона по общимъ правиламъ изъясненія» — и «о мнимои или встрѣченной темотѣ закона доносить министру правосудія, для дальнѣйшихъ соображеній при законодательныхъ работахъ.»

Немаловажное достоинство уложенія и составителей оного заключается въ образованіи и отдѣлкѣ языка закона и нѣкоторыхъ обрядныхъ изъясненій, исцѣренныхъ до того времени рѣченіямы латинскими, произвольными и мѣстными. Но часть сія еще требуетъ существенныхъ усовершенствованій: сложность, условность и иноземность рѣченій и названій, обличающія ученую обработку права, весьма много препятствуютъ общенаятности оного и въ настоящее время.

Но говоря о достоинствахъ уложенія, мы не можемъ не обратить вниманія на недостатки сего важнаго законоположенія, которые должно отнести съ одной стороны къ составителямъ и принятому ими порядку, а съ другой — ко времени, въ которое составлялось и издано уложеніе, времени, уже готовившемъ коренныя измѣненія въ составѣ общественаго устройства и въ понятіяхъ.

Главнѣйшимъ изъ сихъ недостатковъ представляется намъ

отдельность общаго уложенія отъ областныхъ, которыя ни въ то время, ни послѣ, ни до сихъ поръ не изданы.

Уложеніе есть законъ вспомогательный, второстепенный: главное, первое мѣсто, при рѣшеніи дѣлъ, принадлежитъ закону мѣстному. Очевидно, что безъ послѣдняго, первый или общій законъ не могъ имѣть и дѣйствительно не имѣлъ полнаго и должнаго дѣйствія, и неопредѣленное состояніе права, хотя въ меньшей противъ прежняго степени, продолжалось и до нынѣ продолжается.

Составленное на началахъ разума и современныхъ основаніяхъ правительства, уложеніе, въ послѣдующей обработкѣ, конечно приняло въ себя стихіи историческія (римское и саксонское право), но произвольно, иногда не въ настоящемъ значеніи и часто съ примѣсью уношеній, и потому въ строгомъ смыслѣ оно лишено историческаго основанія. Оно отвело (хотя не вполне) отъ господства чужеземныхъ правъ (римскаго, саксонскаго и другихъ), но не привело къ туземнымъ. Для сего необходимо было собрать, обработать и издать законы мѣстные. Это сообщило бы уложенію болѣе историческаго и дѣловаго достоинства, и могло быть исполнено *только* въ тогдашнее время. Изданіе мѣстныхъ законовъ одобрено великимъ королемъ, и мысль о семъ Кармера названа удивительною. Предположеннаго изданія не послѣдовало по встрѣченнымъ затрудненіямъ въ обрѣтеніи, соглашеніи и обработкѣ мѣстныхъ источниковъ. Причины сіи уважительны и справедливы: но каковы должны быть упомянутыя препятствія въ настоящее время, когда прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, когда обрѣтеніе источниковъ сдѣлалось болѣе затруднительнымъ, и отъ потерц, и отъ забвенія, и отъ отысканія сихъ источниковъ?

Каковы должны быть затрудненія въ соглашеніи и обработкѣ мѣстныхъ законовъ послѣ обширныхъ, весьма частыхъ и коренныхъ общихъ и мѣстныхъ преобразованій, совершившихся съ 1785 года? Препятствія прежнія въ настоящее время сдѣлались неопредолимыми. При множествѣ источниковъ, при невозможности удостовѣриться въ дѣйствительности даже тѣхъ изъ нихъ, которые написаны или напечатаны, за неизмѣнимъ подлинниковъ, безпрестанно представляются вопросы: измѣнено ли отыѣнено разсматриваемое законоположеніе? На какомъ пространствѣ земли имѣло оно силу и должно имѣть оную нынѣ, по новому раздѣленію земель и областей? Съ котораго времени оно началось или оставлено въ судебныхъ обычаяхъ? Источники затерялись; обычаи забылись; перемерли самые люди, отъ которыхъ можно было бы получить о семъ свѣдѣнія; самый

языкъ древнихъ подлинниковъ сдѣлался предметомъ спорныхъ ученыхъ изысканій.

Въ семъ положеніи неопредѣленное дѣйствіе мѣстныхъ законовъ, по необходимости, болѣе и болѣе уступало мѣсто закону общему, и въ позднѣйшее время дошло до того, что возникло даже между дѣловыми правовѣдами мнѣніе о послѣдовавшей отыѣнѣ оныхъ чрезъ обычное дѣйствіе общаго уложенія, и наконецъ привело даже къ тому правилу, уже гласно выраженному, что «доказывающій право свое на основаніи какого-либо мѣстнаго закона, долженъ прежде доказать дѣйствительность сего закона.» (?)

Трудъ Кармера по составленіи областныхъ уложеній, какъ бы несовершенъ онъ ни былъ, предупредилъ бы такой упадокъ мѣстныхъ законоположеній и далъ бы общему уложенію подобающее ему значеніе, устранить чрезъ сіе и неопредѣленность права и запутанность правосудія. Тогда только дѣйствующее право, утвержденное на точныхъ основаніяхъ, отыѣлилось бы отъ ученаго и обыкновеннаго правъ, и осуществились бы мысль и желаніе Фридриха Великаго.

Другіе, менѣе важныя недостатки общаго уложенія 1792 г. относятся къ недостатку послѣдовательности въ общемъ составѣ и содержаніи онаго, къ смѣшенію предметовъ постоянныхъ и малозмѣняемыхъ съ временными и часто измѣняющимися, и къ отсутствію или неточному изложенію тѣхъ общихъ положеній, которыя, по невозможности постановить на всякій случай особаго правила, могли бы служить руководствомъ суду и основаніемъ примѣненія закона къ дѣлу.

Сіи недостатки относятся собственно къ порядку уложенія (codificatio) законовъ, и могли быть, по крайней мѣрѣ два первыя, весьма легко исправлены впоследствии. Но прямая обязанность предначертателей, исполнявшихъ волю государя, состояла въ томъ, чтобы уложеніе было полно и ясно, обнимая собою сколько возможно болѣе предметовъ, требовавшихъ означенія и опредѣленія. Введеніе общихъ правилъ было бы не согласно съ мыслію и цѣлію короля, желавшаго отыѣнить общія мѣста, какъ поводы къ произвольнымъ измѣненіямъ.

Недостатки сіи обнаружилась неукоснительно, и были причиною недолговременнаго дѣйствія весьма многихъ раздѣловъ уложенія, потребовавшего, вскорѣ по изданіи своемъ, многихъ дополненій и существенныхъ измѣненій. Опредѣляя современный порядокъ дѣлъ и вещей, уложеніе, какъ постоянный законъ, выражало собою порядокъ общества, готовившагося къ важнымъ преобразованіямъ, съ наступленіемъ и совершеніемъ которыхъ

текущее законодательство по частямъ и по годамъ измѣнило и даже совсѣмъ отмѣнило постановленія закона прежняго.

Развитіе человѣческихъ обществъ продолжается непрерывно, и законодательство, его ведущее и опредѣляющее, должно также непрерывно измѣняться. Таковъ естественный и обыкновенный порядокъ вещей, по закону совершенствованія челоуѣчества. Обыкновенный порядокъ сей, въ концѣ прошлаго и въ первые годы настоящаго столѣтія, вышелъ изъ предѣловъ, какіе могла бы предусмотрѣть проницательность всякаго законодательства. Такимъ образомъ уложеніе, вскорѣ послѣ появленія своего, уже не соответствовало наступившему времени преобразованій, которыя, съ быстротою дневныхъ событій мелкой жизни, являлись во множествѣ, исчезали и возникали снова, и установили новый порядокъ, требовавшій новыхъ законовъ.

Преобразованія сіи составляютъ переходъ отъ уложенія Фридриха II къ уложенію новому, предпринятому немедленно по окончаніи ихъ, и представляютъ то пространство времени прусскаго законодательства, которое, по общію учрежденіямъ установленныхъ, можетъ быть названо *учредительнымъ*.

Устройство учреждений впрочемъ было естественнымъ послѣдствіемъ изданія общаго уложенія: они не вошли въ составъ его, а между тѣмъ опредѣленность дѣйствій сихъ орудій правительства представлялась столь же необходимою, какъ и улучшение сихъ орудій. Въ уложеніи окончательно выразилось право вещественное (матеріальное); оставалось выразить право обрядное (вѣдѣнное), посредствомъ котораго первое проявляется въ жизни. Уложеніе права вещественнаго еще болѣе удостовѣрило въ недостаткѣ правительственныхъ орудій. Распредѣляя права по предметамъ, оно указало на необходимость такового распредѣленія вѣдомствъ по учреждениямъ. Отсутствие правильной сосредоточенности обнаружилось очевидное прежняго.

Устройство учреждений, безъ сомнѣнія, совершилось бы въ духѣ уложенія, историческимъ путемъ постепенности и послѣдовательности, еслибы новыя событія не дали другаго направленія и не уничтожили даже тѣхъ остатковъ основаній, которыя уцѣлѣли въ общемъ уложеніи.

Событія сіи явились собственно во Франціи, но разлились потомъ во всѣхъ государствахъ западной и средней Европы, и изъ послѣднихъ болѣе нежели въ другихъ, въ королевствѣ прусскомъ.

Пристановленныя на время преобразованія учреждений начались нѣсколько позднѣе, но тѣмъ порывистѣе и быстрѣе.

Введеніе въ дѣйствіе общаго уложенія происходило въ то время (1792—5), когда волненія и перемѣны во Франціи и вообще въ западной Европѣ поглощали все вниманіе правительства, и начинавшіяся улучшения и устройства, въ измѣненіи учреждений, были остановлены необходимостію оплота и защиты отъ разрушительныхъ вторженій вѣнскихъ и отъ стремленій къ уновленію внутреннихъ. Близость Пруссіи къ главному поприщу сихъ событій, недоконченное устройство сосредоточеннаго ея правленія и разнородность самыхъ составныхъ частей королевства дѣлали это положеніе въ высочайшей степени затруднительнымъ, и государство, при всей осторожности правителей, не могло обойтись безъ тяжкихъ жертвованій и чувствительнаго внутренняго разстройства.

Первые годы этого времени ознаменованы составленіемъ и изданіемъ пужнѣйшаго по обстоятельству устава уголовного устройства и производства судовъ (1804—1805) и тѣми частными отдѣльными преобразованіями, которыя требовались крайнею необходимостію.

Не ранѣе, какъ съ заключеніемъ мира, столь дорого стоившаго Пруссіи (1807), когда владѣнія ея ограничились французскимъ и подвластными ему государствами, можно было думать о продолженіи начатаго преобразованія учреждений. Оно началось въ сей самый годъ, и съ того времени уже не останавливалось.

Выше было замѣчено, что начала сосредоточеннаго управленія, какъ общаго, такъ и мѣстнаго, положены Фридрихомъ Вильгельмомъ I-мъ, и что распредѣленіе вѣдомствъ и учреждений сего управленія дѣлалось не по предметамъ, а по числу областей. Такимъ образомъ не было министра правосудія, но были четыре министра, завѣдывавшія дѣлами суда въ разныхъ областяхъ. Порядокъ сей удержался до позднѣйшихъ временъ, и Фридрихъ Великій никогда не соглашался помѣнить его, находя болѣе удобнымъ таковыя разграниченія вѣдомствъ и обязанности. Въ существѣ это было управленіе совмѣстное (коллегіальное), и король нѣрѣдко возлагалъ отвѣтственность на одного министра за всѣхъ и на всѣхъ за одного. Въ 1786 году было четыре министра: 1) Великій канцлеръ Кармеръ пѣмблъ въ своемъ завѣдываніи: Восточную и Западную Пруссію, Курмаркъ, Лауенбургъ и Бютовъ; 2) баронъ фонъ-Целлицъ-Вестфальскія области; 3) баронъ фонъ-Дернбергъ — особая дѣла, и 4) баронъ фонъ-Рекъ-Алтъ и Неймаркъ, Силезію, Померанію, Магдебургъ и Гальберштадтъ.

Совмѣстность всѣхъ учреждений сосредоточивалась въ Общемъ

Управленія (General-Directorium), установленномъ еще въ 1724 г. Но порядокъ сей со временемъ получилъ непримѣтное измѣненіе: переходъ отъ совѣстнаго къ личному управленію чрезъ возвышеніе одного изъ министровъ на степень великаго канцлера и начальника юстиціи (Chef), каковыми были: Коккей, Фюрстъ, Кармеръ, Гольдбекъ и Беймъ, и раздѣленіе вѣдомства не по одному числу провинцій, но и по роду дѣлъ, какъ это уже видно въ распределеніи занятій между четырьмя министрами по высочайшему наставленію (инструкціи) 5 января 1787 года, предложавшемуся до 1806 года.

Такое же направленіе отъ областного къ предметному и отъ совѣстнаго къ личному замѣчается и въ общемъ управленіи королевствомъ. Фридрихъ Вильгельмъ II предоставилъ каждому вѣдомству отдѣльное управленіе. Совѣстность общаго вѣдомства (General-Directorium) исчезла, и каждый членъ онаго не рѣдко дѣйствовалъ независимо одинъ отъ другаго.

Еще въ 1798 году учреждено министерство государственнаго учета (General-Controle der Finanzen), начальникъ котораго (графъ Шулембургъ) имѣлъ общій по всемъ вѣдомствамъ надзоръ за расходами, и такимъ образомъ сосредоточивалъ въ себѣ вліяніе на существенныя части всѣхъ управленій. Можетъ быть, при образованіи сего министерства было въ виду положеніе и значеніе, которыя имѣлъ во Франціи Неккеръ; но разность обстоятельствъ и личностей не представляли ничего общаго между министерствомъ французскимъ и новымъ прусскимъ.

«Учрежденіе сіе, и по свойству своему, не зависимо отъ личныхъ качествъ министра, могло имѣть только ограниченное и одностороннее вліяніе. Учесть расходы, способствуя, чрезъ правильное ихъ назначеніе и употребленіе, огражденію и сокращенію государственной росписи, можетъ имѣть особенную важность только въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда совершенное истощеніе казны государства вынуждаетъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, и исполненіе ихъ возлагается на того-жъ министра. Учрежденіе государственнаго учета является влослѣдствіи снова (3 ноября 1817 года), но въ другомъ видѣ и сопровождаемое другими личностями и другими обстоятельствами.

«Однѣнь учетъ расходовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать значенія перваго министра. Для достиженія и удержанія сего высокаго значенія необходимы другія, высшія условія.

«Различныя условія сіи подчиняются первому и главному: требованію особенныхъ обстоятельствъ. Въ жизни государства не рѣдко бываетъ порядокъ временъ исключительный: смѣшеніе началъ и сопряженіе обстоятельствъ, требующія силы ума и

воли, которыя бы разобрали сіе сопряженіе, или разсѣкли узлы ихъ сплетенія, хотя бы съ необходимымъ ардемоу, если вредъ сей менѣе чувствителенъ, нежели послѣдствія запутаннаго и стѣсненнаго положенія. Сіи обстоятельства въ 1790 годахъ уже начинались для Пруссіи, но не достигли настоятельности и не относились къ вѣдомству государственнаго учета. Вторженіе новыхъ началъ только еще приготавливало требованіе, и смѣшеніе оныхъ было едва замѣтно.

«Второе условіе перваго министра есть личныя способности, соответствующія высокому положенію, безъ котораго ни блестящее положеніе на дѣйствицѣ государственнаго чина, ни застѣнное расположеніе и довѣріе, не могутъ даровать сего значенія. Можно быть предсѣдателемъ, первымъ министромъ по праву, и не первымъ на самомъ дѣлѣ.

«И наконецъ, третье условіе, существенно необходимое для удержанія сего значенія, есть добродѣтель сердца, или чистота душевная, возвышающая помыслы дѣйствителя нахъ мелкими расчѣтами личности своей и надъ кратковременными обстоятельствами времени и мѣста. — Безъ сего качества, безъ сей безкорыстной любви къ ближнему и человѣчеству, высокой качества личныя могутъ токмо возвесты, но не удержатъ на степени перваго служителя государства. Хитрость, даже невинная, необходимо отвлекаетъ отъ прямого пути и замедляетъ прямое достиженіе; жестокосердіе, и подъ личиною необходимой строгости, препятствуетъ готовности къ принятію и усвоенію мѣръ, глубоко и на общее благо придуманныхъ.

«Непродолжительно господство холоднаго человѣческаго ума, если оно неодоушевлено живымъ желаніемъ добра и христіанскою терпимостію и любовію! Къ симъ тремъ условіямъ присоединяются: происхожденіе, связи семейственныя и состояніе, съ которыми на ряду должно поставить неукоризненное поведеніе и общежительность» (Гагерихъ).

Первые годы настоящаго столѣтія ознаменованы утвержденіемъ новыхъ началъ на западѣ, въ видѣ постоянныхъ учрежденій, и разлитіемъ сихъ началъ въ пограничныхъ государствахъ, или поглоченныхъ въ его потокѣ, или подчинившихся его направленію.

Явленіе и вліяніе сихъ обстоятельствъ въ Пруссіи сдѣлались особенно ощутительны, когда съ трехъ сторонъ королевства явились, въ земляхъ нѣмецкихъ, учрежденія французскія. Не обыкновенныя обстоятельства, внутреннія и вишія, требовали соответственныхъ дѣателей: дѣателями сими являются два государственные мужа, министры: баронъ Штейнъ и князь Гар-

денбергъ. Управление ихъ продолжалось почти непрерывно въ теченіе 20 лѣтъ и оставя неизгладимыя слѣды ихъ личнаго участія, приготовило многія изъ явленій, намъ современныхъ и въ настоящее время развивающихся.

Безпрерывныя измѣненія и безпрестанныя оживленія сихъ измѣненій въ составѣ государствъ, участь которыхъ зависѣла отъ счастья оружія; смѣшеніе, въ предѣлахъ одного и того же государства, вторгнувшихся новыхъ началъ, получившихъ опредѣленное значеніе (въ видѣ кодекса Наполеона) съ началами туземными, уступавшими мѣсто первымъ, и стремленіе правительства согласить сія начала, естественно должны были отразиться и на всѣхъ современныхъ постановленіяхъ внутренняго управленія. И дѣйствительно, колебаніе началъ и измѣнчивость учрежденій, составляющая отличительную черту сего пространства времени, продолжалась до 1820 года, когда основныя начала, послѣ сеймовъ захенскаго и карлсбадскаго, установлены съ нѣкоторою опредѣлительностію, и правительство, освобожденное отъ необходимости и заботъ защиты, могло приступить, съ болѣею свободою къ устройству мѣстнаго и общаго управленія.

Никогда не было издаваемо такъ много и такъ часто законовъ, какъ въ первые годы настоящаго столѣтія (*). Преобразование слѣдовало за преобразованиемъ, возстановленіе и обновленіе за отминою, положенія улучшенныя за предварительными: и на каждомъ изъ нихъ отдѣльно и на всѣхъ въ совокупности видѣнъ отпечатокъ преходящихъ обстоятельствъ времени и личности дѣятелей, а въ основаніяхъ вліяніе иноземныхъ началъ, по возможности соединенныхъ съ туземными.

Въ числѣ сихъ постановленій должно отличить въ особенності два, содержащія въ себѣ коренныя измѣненія, и до настоящаго времени дѣйствующія. — Постановленія сія, дарованныя Фридрихомъ Вильгельмомъ III, предначертаны и приведены въ дѣйствіе во время управленія Штейна, и относятся къ многочисленнымъ сословіямъ земства и городовъ: это учрежденіе званія землевладѣльцовъ, посредствомъ дѣлимости поземельной собственности и искинутости поземельныхъ обязанностей закономъ 9 октября 1807 г., и городовое положеніе 19 ноября 1808 г., установившее начала общинъ (*).

Мы не будемъ разбирать сихъ важныхъ установленій, измѣнившихъ внутренній составъ общества и низведшихъ уновленія въ многочисленныя сословія народа. Установленія сія въ то время были только первые начатки; окончательное развитіе ихъ от-

носитя къ другимъ позднѣйшимъ временамъ, и совершилось въ иномъ смыслѣ.

Круговымъ предписаніемъ 24 ноября 1808 года, съ изъясненіемъ видовъ правительства и основныхъ началъ управленія, и изданіемъ областныхъ учрежденій (явившихся уже 26 декабря 1808 г.) оканчивается министерское поприще Штейна.

Развитіе и исполненіе предначертаній въ семь смыслѣ продолжалось въ управленіе государственнаго блюстителя (канцлера) князя Гарденберга, какъ въ постановленіяхъ внутреннихъ, такъ въ сношеніяхъ и слѣдкахъ внѣшнихъ. Устройство сословій, опредѣленіе ихъ отношеній къ государству и между собою, уравнивательность налоговъ (27 октября 1810 г.), уничтоженіе монастырей и другихъ подобныхъ установленій (6 іюля 1811 г.), поощреніе всѣхъ видовъ дѣятельности (11 ноября 1810 г.) и образованіе учреждений мѣстнаго (13 іюля 1813) и высшаго (22 мая 1815 и 30 марта 1817 г.) управленія, были главнѣйшими предметами дѣйствій внутреннихъ. На сеймѣ въсѣмко Гарденбергъ и Гумбольдтъ предъявляли сія начала для учрежденія союза государствъ германскихъ. Частныя распоряженія военнаго времени (3 и 9 февраля и 17 марта 1813 года) о свободныхъ стрѣльцахъ, о общей обязанности военной службы, о земскомъ войскѣ (Landwehr) и земскомъ ополченіи (Landsturm), послужили основаніемъ общаго военнаго учрежденія (Шарнгорстъ) въ законѣ 3 сентября 1814 г. (10).

Сія общія постановленія (1795, 1807—1817) составляютъ законодательство того пространства времени, которое мы назвали учредительнымъ, и въ которомъ временныя обстоятельства и иноземныя начала оставили глубокия слѣды своего вліянія.

Вотъ въ чемъ существенно состояли отличительныя черты вновь изданныхъ учрежденій: совершенно отдѣльное отъ судебной части и раздѣленное на высшее, областное и мѣстное — управленіе начиналось *личнымъ* учрежденіемъ мѣстнаго избирательнаго начальника (Landrath), и соединяясь въ *совѣстномъ, рѣшительномъ* учрежденіи областного правленія, состоявшаго изъ членовъ выбранныхъ и правительственныхъ, подъ наблюденіемъ главныхъ начальниковъ (Oberpresidenten), сосредоточивалось, чрезъ *отдѣльныхъ* министровъ, въ *совѣстныхъ совѣтательныхъ* учрежденіяхъ министерства (Staats-Ministerium) и совѣта, подъ высшимъ надзоромъ государственнаго блюстителя, подчиненнаго единственно верховной власти.

Независимо отъ началъ личности (мѣстнаго начальника и министровъ) и совѣстности (областныхъ и государственныхъ учреждений), въ основаніе учреждений *рѣшительныхъ*, т. е. обла-

стныхъ правленій и министровъ, принято правило непосредственнаго надзора и связи: во-первыхъ, чрезъ главныхъ начальниковъ и выбранныхъ членовъ, во вторыхъ, чрезъ государственнаго бюстителя. Выбранные члены соединяли мѣстность съ областію, главныя начальники — область съ минастрами, государственнѣй бюститель служилъ посредникомъ между минастрами и верховною властію, не имѣя лично никакой исполнительной и рѣшительной власти.

Занятіе дѣлами управления не должно было оставаться исключительною принадлежностію или правомъ извѣстнаго сословія (чиновниковъ), а временною обязанностію, и въ среду постоянныхъ служителей назначены члены по выборамъ.

«Выбранные члены, засѣдая въ областныхъ правленіяхъ, должны соединять управление съ народными сословіями, замѣчать недостатки оного, представлять мѣры къ улучшенію и, знакомясь съ дѣломъ управления, убѣжденія свои въ правильности и порядкѣ оного сообщать сословіямъ, и тѣмъ утверждать силу и довѣріе къ мѣстному и общему управленію».

Въ семъ же повелѣніи строго подтверждается правительственнымъ чиновникамъ, что «не смотря на данныя имъ мѣста, власть и служебныя преимущества, они должны помнить, что они такіе же граждане, какъ и прочіе подданные».

Устройство совмѣстныхъ (коллегіальныхъ) учреждений основано такимъ образомъ, «чтобы ручательство въ правильности и зрѣлости сужденій, заключающееся въ совмѣстной отвѣтственности и общемъ участіи всѣхъ членовъ, внушало уваженіе и довѣріе къ правительству и устанавливало единообразіе въ производствѣ дѣлъ, не препятствуя пользоваться всѣми преимуществами личныхъ способностей», и «чтобы обрядность производства не замедляла движенія тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ она менѣе необходима или совершенно излишня». Бюстительная власть главныхъ областныхъ начальниковъ развилась въ исполненіи.

Власть государственнаго бюстителя, въ лицѣ князя Гарденберга, представляется высшимъ надзоромъ надъ минастрами, и независимо отъ государственнаго учета расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, соединена съ весьма важными преимуществами. Первый совѣтникъ короля, предсѣдатель совѣта и минастерства, онъ имѣлъ вліяніе на всѣ дѣла общія, и чрезъ срочныя вѣдомости получалъ свѣдѣнія о дѣлахъ даже по строевой военной части.

Таковъ былъ общій составъ и связь правительственныхъ учреждений въ пространствѣ времени съ 1808 по 1820 годъ⁽¹⁾.

Вліяніе новыхъ началъ на предначертанія сихъ установленій было столь очевидно и сильно, а приведеніе ихъ въ исполненіе совершалось съ такою выразительностію и породило столь общее стремленіе къ уновленіямъ, что самыя безкорыстныя и полезныя мѣры главныхъ двигателей представлялись односторонними и должны были вызвать, и дѣйствительно вызвали, противодѣйствіе. Переворота сего естественно было ожидать по минаваніи смутнаго времени и опасностей, которыми были всѣ умы предзанаты, и окончаніе которыхъ, возврата спокойствіе созерцанію, возвратило и убѣжденіе въ пользѣ и необходимости введенія усовершенствованій и уновленій путемъ постепенности и осторожности.

Когда государственнѣй бюститель, князь Гарденбергъ, возвратился въ Берлинъ, по окончаніи внѣшнихъ сеймовъ, онъ нашелъ уже другое расположеніе умовъ и другое сопряженіе обстоятельствъ, для которыхъ нужны были уже другіе дѣятели. Нѣкоторые изъ изданныхъ постановленій и вновь предложенныхъ учреждений не вступили въ дѣйствіе, а повелѣніемъ 17 февраля 1817 г. приостановлено дѣйствіе остальныхъ учреждений, которыя уже получили окончательное образованіе. Перемена обстоятельствъ измѣнила и требованія и пути удовлетворенія и достиженія. Время уновленій уступило мѣсто усовершенствованію развитіемъ началъ внутреннихъ, вызванныхъ къ жизни сими уновленіями.

Князь Гарденбергъ умеръ въ 1822 г., не дождавшись закона (5 іюня 1823 г.) о собраніяхъ областныхъ сословій, которому въ повелѣніяхъ 27 октября 1810, 7 сентября 1811, 22 мая 1815 г., 30 марта 1817 и 17 января 1820 г., придавалось столь обширное значеніе * Штейнъ, удалившись отъ дѣятельной службы въ 1815 г., еще со славою принималъ участіе въ сихъ собраніяхъ въ Вестфаліи, и умеръ въ іюль 1831 года.

Новое положеніе дѣлъ открывается съ 1820 года, съ окончаніемъ минастерскаго поприща сихъ государственныхъ людей, оставившихъ незабвенную память въ дѣлописяхъ прусскаго законодательства. Каковъ бы ни былъ судъ потомства о предначертаніяхъ ихъ, современное поколѣніе не можетъ не при-

* Сообр. вообще грамоты о возсоединеніи отдѣленныхъ областей: Познани, Данцига, Кульма, 13 мая 1815 г., области Нижнерейнской, Юлиха, Бери и Клеве—5 апрѣля 1815 г., и друг., въ собраніи законовъ, 1815 г., стр. 21, 47, 48, 103.

знать заслугъ, оказанныхъ ими королевству, и не согласиться, что принятія ими мѣры уповеніи соотвѣтствовали обстоятельствомъ времени.

Новое пространство времени знаменуется развитіемъ учрежденія областныхъ собраний и усовершенствованіемъ уложенія 1792 года.

Развитіе областныхъ собраний (Provincialständer) не входитъ въ предметы настоящаго обозрѣнія. Предположенное въ смутные годы бѣдствій и напряженныхъ усилій, и окруженное при явленіи своемъ ожиданіями требовательнаго времени, учрежденіе сіе выработалось токмо въ текущее десятилѣтіе, и для обозрѣнія его не достаетъ существеннаго условія,—исторія (12).

Усовершенствованіе уложенія назначеніемъ пересмотра дѣйствующихъ законовъ существуетъ уже 30 лѣтъ.

Мы означимъ вкратцѣ существо, ходъ и послѣдствія сего пересмотра.

Выше было изложено, что по одобренному Фридрихомъ Великимъ предначертанію Кармера, Общее Уложеніе должно служить вспомогательнымъ закономъ для уложеній мѣстныхъ, которыя, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, слѣдовало собрать и издать въ видѣ особыхъ книгъ, для каждой области или для извѣстныхъ уѣздовъ и мѣстъ, пользовавшихся одинаковыми законами. Предположеніе это, съ 1780 года, не могло быть исполнено по причинамъ, выше объясненнымъ и въ настоящее время еще болѣе дѣйствительнымъ. Между тѣмъ и самое Общее Уложеніе 1792 г. во многихъ и притомъ существенныхъ частяхъ перестало быть дѣйствующимъ закономъ. Постановленіями 1807—1817 годовъ измѣнены или отмѣнены главы и цѣлыя раздѣлы, какъ, напримѣръ, о сословіяхъ, объ исключительныхъ принадлежностяхъ и др. Возникли новыя установленія, новыя учрежденія. Образованіе судебныхъ мѣстъ, раздѣленіе вѣдомствъ и самыя виды отношеній и обязательствъ, и даже свойство преступленій и наказаній перемѣнились, такъ что дополненія и поясненія Уложенія многочисленныя и подробныя, нежели само Уложеніе. Измѣнилось раздѣленіе областей и округовъ. Въ самой многолюдной рейнской области, составляющей третью всего королевства, введены и сохранились права и учрежденія французскія. Они имѣли силу и въ другихъ областяхъ, оставя слѣды своего господства. Измѣнились понятія о самыхъ началахъ права и закона.

Такимъ образомъ, выгнѣсивъ устарѣвшія и неопредѣленные права мѣстныхъ, Общее Уложеніе въ свою очередь слѣдалось недостаточнымъ и несогласнымъ съ дѣйствительностію.

Можетъ быть, причинъ сего несогласія, кромѣ вышеозначенныхъ измѣненій, должно искать частію и въ самомъ составѣ (системѣ) уложеній вообще, весьма неудобно измѣняемомъ при изданіи частныхъ новыхъ постановленій, которыя не рѣдко отпосылаются къ существу цѣлаго отдѣла, главы, ко многимъ статьямъ, особенно если въ составъ уложенія введены, какъ напримѣръ въ прусскомъ, такіе предметы, которые измѣняются весьма часто, какъ-то: предметы управленія и благоустройства.

Въ нѣкоторыхъ раздѣлахъ Общее Уложеніе въ открытомъ противорѣчій съ дѣйствительностію. Сіе противорѣчіе, недавніе мѣстныхъ законовъ и измѣнявшіяся понятія наукою права, представляли основанія правосудія почти въ томъ же смѣшенномъ и несоотвѣтственномъ положеніи, какое предшествовало изданію уложенія 1792 г. Смѣшеніе основаній дошло до того, что самыя судебныя мѣста, по однороднымъ дѣламъ принимали начала разнообразныя, часто прямо одно другому противорѣчащія и, какъ упомянуто нами выше, возникло мнѣніе и нашло защитниковъ даже въ числѣ правовѣдцевъ, о томъ, что по силѣ продолжительной судебной обычности, областныя законы не имѣютъ уже дѣйствія и настоящій дѣйствующій законъ есть (изданное, какъ вспомогательное) Общее Уложеніе. Несоотвѣтствіе права въ настоящее время, сравнительно съ прошедшими (1780—90) еще ослупительнѣе по причинѣ усовершенствованія правобѣдствія и требованія болѣе точности въ основаніяхъ рѣшеній. Распространившаяся ученость оуждала дѣловое уложеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Съ возстановленіемъ мира, Его Величество Вильгельмъ III обратилъ на сіи обстоятельства особенное вниманіе и повелѣніемъ 8-го ноября 1817 года, признавая, что Общее Уложеніе и Уставъ о судопроизводствѣ требуютъ пересмотра (Revision), дабы согласить (anzupassen) оныя съ тѣми перемѣнами, которыя произошли со времени ихъ изданія, принялъ намѣреніе усовершить общее законодательство, и возложилъ это дѣло, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ и изслѣдованіемъ иноземныхъ законовъ рейнскихъ областей, на министра Бейма, на обязанность котораго отнесено также и управленіе правосудіемъ въ рейнскихъ областяхъ, въ Новой-Помераніи и въ Вестфалии; съ увольненіемъ Бейма, въ 1819 г., распредѣленіе занятій по пересмотру законовъ поручено особому собранію, подъ руководствомъ государственнаго бюстителя, князя Гарденберга, а по смерти его, въ январѣ 1823 г., управленіе сими дѣлами передано бывшему въ числѣ совѣтниковъ Кармера, министру юстиціи Кирхейзену, умершему въ 1825 г. Въ семь году назначенъ министромъ графъ Данельманъ, кото-

рый возражалъ противъ уложенія, предназначаемаго Кармеромъ въ 1792 г., и при которомъ начались и окончены нѣкоторыя предварительныя работы. Данкельманъ умеръ въ 1830 г., и до начала 1832 г. пересмотръ законовъ не имѣлъ настоящаго распорядителя. Повелѣніемъ 9 го февраля 1832 г., по обширности и сложности занятій по пересмотру законовъ, вмѣсто умершаго министра юстиціи, назначены два министра, изъ которыхъ одному поручено продолженіе пересмотра законовъ, во всѣхъ ихъ частяхъ, со включеніемъ и областныхъ законовъ, и высшее управленіе судебною частию въ областяхъ рейнскихъ, а другому высшее управленіе правосудіемъ въ прочихъ областяхъ и дѣла ленныя. Последнимъ назначенъ вице-президентъ Миулеръ. Пересмотръ законовъ возложенъ на дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Кампца, который съ самаго появленія предназначаемаго Кармера, 1790 г., постоянно занимался ученымъ и дѣловымъ правовѣдѣніемъ и принималъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ, въ качествѣ директора и отдѣльнаго распорядителя при Данкельманѣ, и наконецъ, какъ министръ, съ 1832 по 1842 г.

Съ назначеніемъ двухъ министровъ, законодательство раздѣлилось на постоянное и текущее.

Для единства вѣдомства при семь опредѣлено, чтобы представленія о назначеніи чиновниковъ, утверждаемыхъ или непосредственно назначаеваемыхъ королемъ, или членовъ высшихъ судовъ, исходили отъ обоихъ министровъ; равнымъ образомъ переводъ съ одного мѣста на другое требовалъ взаимнаго ихъ согласія. Назначеніе членовъ испытательной комиссіи и надзоръ за оною принадлежитъ также обоимъ министрамъ; послужные списки изъ подвѣдомственныхъ мѣстъ представлялись, для обоихъ министровъ; предположенія объ изданіи какого-либо частнаго закона, относится ли онъ къ вещественному опредѣленію правъ, или къ судебнымъ обрядамъ, должны обрабатываться и восходить на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ совокупности отъ обоихъ министровъ.

Неудобства сего раздѣленія и совокупнаго управленія были чувствительны во многихъ случаяхъ. Еще въ 1838 году фонъ-Кампцъ, съ соизволенія короля, отказался отъ высшаго управленія судебною частию и отъ совѣстности назначенія чиновниковъ, удержавъ при себѣ пересмотръ законовъ и участіе въ составленіи новыхъ частныхъ законовъ и всѣхъ судебныхъ учреждений.

Управленіе министровъ Кампца и Миулера продолжались: первого до 1842 года, втораго до 1844 года. На мѣсто ихъ назначены: министромъ пересмотра законовъ извѣстный правовѣдъ, съ

давняго времени принимавшій участіе въ управленіи и въ занятіяхъ по пересмотру законовъ, Савиньи; министерство юстиціи получилъ совѣтникъ кабинета Удентъ.

Такимъ образомъ учрежденіе для пересмотра и составленія законовъ, продолжающееся со времени Фридриха Великаго, по предназначенію канцлера Кармера, въ новомъ своемъ видѣ, какъ отдѣльное главное управленіе, существуетъ 30 лѣтъ. Г. фонъ-Кампцъ издалъ въ 1842 году «Историческое обозрѣніе работъ по пересмотру прусскихъ законовъ», съ нѣкоторыми объясненіями о встрѣченныя препятствіяхъ и оправданіями противъ упрековъ, какіе могли бы быть сдѣланы министерству пересмотра въ безуспѣшности занятій онаго.

Во всякомъ случаѣ установленіе отдѣльнаго учрежденія для пересмотра законовъ, совокупность его въ дѣлѣ пересмотра, въ наблюденіи и управленіи правосудіемъ, и въ особенности основная мысль о самомъ пересмотрѣ, представляютъ явленіе, въ высочайшей степени замѣчательное.

Отсель начинается новое пространство времени прусскихъ законоположеній, которое можно назвать раздѣльнымъ: законоположенія общія, подвергающіяся пересмотру, и законоположенія частныя, возникающія изъ настоятельныхъ требованій дѣятельности. Законодательство постоянное и законодательство текущее.

При одинаковости поводовъ (запутанности общаго права), цѣль пересмотра измѣнялась.

По первоначальному предположенію (1817 г.) слѣдовало пересмотрѣть и изслѣдовать законы туземные и иноземные, и составить уложеніе, сообразное съ новымъ порядкомъ вещей и успѣхами правовѣдѣнія.

«Воля моя есть—сказано въ королевскомъ повелѣніи 24 іюля 1826 г.—составить не новое уложеніе, вмѣсто нынѣ дѣйствующаго; напротивъ я желаю, чтобы существующіе законы были сохранены и служили основаніемъ, но съ тѣмъ, чтобы въ общее уложеніе и въ общій судебный порядокъ не только были введены всѣ новыя и измѣненныя постановленія, но изданіи сихъ законоположеній состоявшіяся, но вмѣстѣ собраны были замѣчанія, почерпнутыя изъ долговременнаго опыта правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, какъ о томъ, что въ исполненіи и примѣненіи дѣйствующихъ законовъ признано неправильнымъ, недостаточнымъ или неопредѣленнымъ, такъ и о томъ, что признается въ нихъ несоответственнымъ требованію настоящихъ отношеній; за тѣмъ подвергнуть сіи замѣчанія вѣдному соображенію, и на

семь оснований исправить, дополнить, развить и усовершенить общее уложение и судебный порядок.»

Если къ симъ начекамъ:

Соглашенія общаго уложения съ изданными послѣ 1792 г. постановленіями;

Дополненія сего уложения по удостовѣреніямъ опыта, и

Усовершенія онаго по требованіямъ современныхъ отношеній,

Присоединить:

Собраніе и обработку законовъ мѣстныхъ, по удостовѣренію г. Кампа, для 104 мѣстностей;

Соображеніе и испытаніе законовъ иноземныхъ, особенно французскихъ;

Современные успѣхи правовѣденія общаго и римскаго, непрерывающееся развитіе общества и возникновеніе новыхъ требованій по законодательству текущему:

То нельзя безъ глубокаго изумленія представить себѣ величіе и объемъ труда, возложеннаго на министерство пересмотра законовъ.

Восходя до высшихъ началъ права и законодательства и нисходя до подробнѣйшихъ изслѣдованій нѣмецкихъ древностей въ раскрытіи и обработкѣ мѣстныхъ законовъ, предложенный пересмотръ обнималъ необозримое пространство, то скрывающееся въ мелкихъ преданіяхъ мѣстности, то измѣняющееся въ возникающихъ современныхъ требованіяхъ, то удаляющееся въ успѣхахъ отвлеченной науки: и съ самаго начала министерство встрѣтило необыкновенныя препятствія, увеличившія еще болѣе осторожнымъ, продолжительнымъ и многостороннимъ порядкомъ работъ, ихъ повѣрки и утвержденія.

При канцлерѣ Беймѣ (1817—1826) порядокъ сей еще не опредѣлился, и потому, а равно по отсутствію Бейма изъ Берлина, по разнообразнымъ его ученымъ занятіямъ и по другимъ причинамъ, не лзя было ожидать успѣха въ работахъ пересмотра.

При графѣ Данкельманѣ (1826—1830) установлены нѣкоторыя правила о порядкѣ работъ и уже приступлено къ изготавленію предначертаній (проектвъ) по отдѣльнымъ частямъ законодательства. Но затрудненіе въ исполненіи было таково, что въ средѣ самаго министерства возникали безирестаннныя разномыслія: составитель (ревизоръ) предначертанія понималъ составъ и содержаніе онаго такъ, а совѣщательное собраніе (депутатія) иначе, — и возвращало работу для передѣлки. Министръ не соглашался ни съ составителемъ, ни съ собраніемъ; министер-

ство и совѣтъ были еще другаго мнѣнія. Особенно затрудняло соображеніе французскаго права, требовавшаго соглашенія съ нѣмецкимъ.

По части мѣстныхъ законовъ, не приступлено даже къ приведенію въ извѣстность и собранію ихъ источниковъ.

Самое продолжительное и дѣятельное время пересмотра было въ министерство г. Кампа, съ 1832 по 1842 годъ.

Нельзя съ точностію опредѣлять, какія изъ вышеозначенныхъ началъ и какимъ образомъ приняты при пересмотрѣ. Съ перемѣною лицъ и съ удостовѣреніемъ опыта перемѣнялись и руководительныя основанія. Съ 1832 г. соображеніе и испытаніе законодательствъ иностранныхъ были оставлены, и господствующимъ началомъ, по видимому, осталось: соглашеніе Общаго Уложения съ изданными послѣ 1792 г. постановленіями, и дополненіе по указаніямъ опыта.

Общее Уложение должно сохранить вспомогательное свое свойство, служа дополненіемъ законамъ мѣстнымъ.

Въ составъ его не входятъ ни внутреннее государственное право, ни постановленія о предметахъ управленія.

Книга г. Кампа: *Actenmässige Darstellung der Preussischen Gesetz-Revision*, Berlin, 1842 принадлежитъ общему свѣдѣнію. Изъ предначертаній министерства пересмотра еще ни одно не получило окончательнаго утвержденія.

Мы заимствуемъ изъ сочиненія бывшаго министра заключеніе (*resumé*, стр. 293), дабы дать понятіе о дѣятельности министерства и успѣхахъ работъ онаго.

Обозрѣніе работъ по пересмотру законовъ въ министерствѣ показывается:

I. Что общее гражданское право:

1) Во всемъ его пространствѣ пересмотрѣно, и новая книга гражданскихъ законовъ въ начальномъ предначертаніи составлена, и

2) За исключеніемъ правъ: личнаго, семейственнаго, наследственнаго и торговаго, и законовъ о нѣкоторыхъ договорахъ, книга сія составлена и въ окончательномъ предначертаніи.

II. Что областные законы:

1) Всѣ пересмотрѣны;

2) Всѣ книги областныхъ законовъ (за исключеніемъ познанскихъ) въ первыхъ и вторыхъ предначертаніяхъ составлены;

3) Всѣ книги областныхъ законовъ (за исключеніемъ Новой Помераніи, верхней Лузаціи и Эрфурта) составлены и, въ окон-

чательныхъ предначертанійхъ, представлены на дальнѣйшее разсмотрѣніе и сообщены областнымъ собраніямъ,

4) И что сіи собранія могли бы приступить къ разсмотрѣнію сихъ предначертаній, еслибы по кратковременности засѣданій и по множеству работъ для сего не требовались болѣе продолжительные сроки;

5) Что часть составленныхъ книгъ областныхъ законовъ разсмотрѣна собраніями и предложитъ дальнѣйшему соображенію;

6) Что всѣ прочія книги областныхъ законовъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ 3-мъ пунктѣ, подлежатъ разсмотрѣнію собраній.

III. Что уставъ гражданского судопроизводства пересмотрѣнъ и въ общемъ его объемѣ, въ видѣ перваго предначертанія, а въ значительной части и въ видѣ предначертанія окончательнаго, пересмотрѣнъ и обработанъ, и наконецъ,

IV. Уголовные законы и уголовное судопроизводство пересмотрѣны, и окончательно обработанныя предначертанія оныхъ подлежатъ дальнѣйшему разсмотрѣнію.

Въ семь заключаются окончательныя послѣдствія пересмотра въ управленіе г. Кампаца. Предположенный еще во время не установившихся началъ (въ 1817 г.) пересмотръ искалъ разрѣшенія своего назначенія въ возможности сплавить, при помощи науки, разнородныя положительныя законодательства, и убѣжденный безуспѣшностію (въ 1832 г.), остановился на ближайшихъ указаніяхъ мѣстнаго опыта, предостава времени опредѣлить, въ какой мѣрѣ начало сіе соединимо съ увовленіями науки и общаго мнѣнія⁽¹³⁾.

Въ дальнѣйшемъ успѣхѣ работъ по пересмотру законовъ ручается извѣстность пытливаго министра, стоящаго въ главѣ послѣдователей историческаго изученія и обработки законовъ. Осмотрительность, ясность и удаленіе отъ увовленій были всегда отличительными чертами сего ученія и ученыхъ и дѣловыхъ работъ представителя его⁽¹⁴⁾. Высокія качества историческаго начала едвали однако совмѣстительны при обработкѣ общаго вспомогательнаго права, и притомъ въ одно время всѣхъ частей оного: измѣненія по текущему законодательству, требованія членовъ разсматривательныхъ собраній, и наконецъ, требованія самаго назначенія пересмотра всегда будутъ производить нарушенія въ строгой послѣдовательности историческихъ основаній. Нарушенія сія такого рода, что едвали могутъ быть устранены и распоряженіемъ объ отдѣльной обработкѣ частей уложенія, а тѣмъ еще менѣе сляніемъ мѣстныхъ и общихъ законовъ въ составъ одной книги дѣйствующихъ законовъ.

Между тѣмъ, какъ особое министерство занималось пересмотромъ книгъ дѣйствующихъ законовъ, развитіе общества, удостоверенія опыта и успѣхи правотѣднія продолжались, и пѣкаторыя измѣненія въ сихъ законахъ представлялись существенно необходимыми.

Сія частныя измѣненія, вызванныя необходимостію обстоятельствъ, конечно могли бы нарушить уложеніе законодательства постояннаго, ибо потребовали бы новаго пересмотра и пердѣлки составленныхъ книгъ, включенія въ составъ ихъ сихъ измѣненій и соглашенія частныхъ съ общими, еслибы противъ сего не были приняты мѣры, назначенныя для устранения сего видимаго противорѣчія. Мѣры сіи заключались въ томъ: 1) что министерство юстиціи и пересмотра дѣйствуютъ совокупно, какъ упомянуто выше о раздѣленіи обязанностей двухъ министерствъ, и 2) что въ составленіи и пзданіи новыхъ постановленій по текущему законодательству, ограничились токмо частными, по объему и предмету, измѣненіями, и изъ нихъ собственно тѣми, въ которыхъ ощущалась настоятельная необходимость. Менѣе настоятельныя и всякія нововведенія обращались, какъ предложено, къ пересмотру, или отлагались до окончанія оного.

Управленіе правосудіемъ г. Мюлера при такихъ ограниченіяхъ ознаменовано изданіемъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Законы о простѣйшихъ обрядахъ судопроизводства, 1 іюня 1833 и 4 марта 1834, по дѣламъ гражданскимъ, распространенныя отчасти (объ извѣстности) и на дѣла уголовныя,—повелѣніемъ 24 марта 1841 г.

Сюда же должно причислить и законъ объ отзывкахъ и жалобахъ, 14 декабря 1833 г.

2) Законъ о взысканіяхъ съ чиновниковъ и объ увольненіи ихъ на заслуженное содержаніе, 29 марта 1844 г.

3) Наставленіе о дѣлопроизводствѣ, 3 августа 1841 года.

Сія постановленія, какъ въ Пруссіи, такъ вообще въ Германіи, встрѣчены невыгодными отзывками, руководившимися, можетъ быть, безпристрастными мнѣніями и духомъ оужденія. Нельзя при семъ однако не замѣтить, что отзывы сіи не должны быть относимы къ лицу г. Мюлера, ибо участіе его въ постановленіи сихъ законовъ было или второстепенное (законъ о судопроизводствѣ) или совмѣстное (о чиновникахъ), и что порицаніе основывается собственно на требованіи увовленій, которыя не подлежатъ управленію правосудіемъ и вообще законодательству текущему.

Существо сихъ постановленій заключается въ слѣдующемъ:

Необходимость въ исправленіи недостатковъ гражданского су-

допроизводства, особенно медленности и сложности обрядовъ, была давно ощущаема; но такъ какъ преобразование сей части вполне не могло быть предположено, въ ожиданіи пересмотрѣннаго уложенія, то оставалось ограничиться исправленіями частными. На этомъ основаніи, пзмѣнено судопроизводство дѣлъ, весьма многочисленныхъ, не столь важныхъ и не требующихъ особыхъ огражденій, закономъ 1 июля 1833 года о исполнительномъ и сокращенномъ судопроизводствѣ.

Исполнительное производство назначается для дѣлъ, возникающихъ изъ одностороннихъ обязательствъ, основанныхъ на присутственномъ (официальномъ) удостовѣреніи, и состоитъ въ подачѣ жалобы и судебномъ приказаніи о требуемой уплатѣ. Отвѣтчикъ долженъ уплатить или въ извѣстные сроки представить объясненія. Тогда начинается:

Сокращенное судопроизводство, назначенное собственно для дѣлъ, возникающихъ изъ двустороннихъ обязательствъ, и вообще для маловажныхъ споровъ и жалобъ объ обидахъ. Отличіе его отъ обыкновеннаго заключается въ сокращеніи обрядовъ и письменности и въ участіи тяжущихся или ихъ повѣренныхъ въ самомъ разборѣ дѣла. Судъ начинается жалобой и потомъ истребованіемъ объясненій, въ которыхъ должны содержаться все свѣдѣнія, и производится за тѣмъ болѣею частью словесно (§ 70). При докладѣ, тоже словесномъ, могутъ находиться судебные чиновники и присутствуютъ стороны или ихъ повѣренные, объясняя обстоятельства дѣла, но не вводя новыхъ (§§ 14 и 27). Рѣшеніе объявляется въ тоже время (§ 27). Отказы и переносъ дѣла остаются на общемъ основаніи. Дѣла менѣе 50 талеровъ могутъ быть производимы во всякихъ судахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ и изъ одного, но съ тѣмъ, что въ вызывѣ отвѣтчика излагается и предполагаемое рѣшеніе дѣла, въ случаѣ его неявки, которое, если оны дѣйствительно не явится, вступаютъ въ законную силу (§ 66 и слѣд.) По особому свойству и сложности дѣла, судъ во всякомъ случаѣ можетъ подвергнуть дѣло разсмотрѣнію на общемъ основаніи. По изясненіи министерскаго предложенія отъ 10 января 1836 года, сокращеннымъ порядкомъ могутъ быть производимы все дѣла, если о томъ просятъ обѣ стороны.

Относительно порядка пересмотра въ 3 ст. суда (законъ 14 декабря 1833 г.) замѣчательно то, что право сіе принадлежитъ исключительно высшему суду въ Берлинѣ, которому приносятся жалобы на нарушеніе обрядовъ. Но уничтожая рѣшеніе (cassation), судъ постановляетъ выѣсть и свое, по существу, рѣше-

ніе, какъ было въ вестфальскомъ королевствѣ при дѣйствіи французскихъ законовъ.

Нельзя не видѣть въ новыхъ постановленіяхъ вліянія началъ французскихъ учрежденій на Рейнѣ. Начало *разбирательства* въ производствѣ и *отсылки* при нарушеніи обрядовъ, изустность и въ некоторомъ рода гласность видны здѣсь, какъ уновенія полезныя, которыя, безъ сомнѣнія, получили бы болѣе развитіе, если бы законы сіи были изданы до 1832 г., т. е. до того времени, когда французское право исключено изъ соображеній пересмотра законовъ. Какъ полумѣры, положенія сіи, конечно, соединены съ разными неудобствами, не вполне устраивая замѣчательныя недостатки и не вполне достигая своего назначенія, но постановленія сіи не окончательны, и должны подвергнуться точнѣйшему соображенію и развитію въ общемъ судебномъ уставѣ (15).

Законъ 29 марта 1844 года содержитъ въ себѣ постановленія о судебныхъ и начальственныхъ взысканіяхъ и наказаніяхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, по преступленію служебныхъ обязанностей, и опредѣляетъ: предметы судебного производства—все преступленія и проступки, влекущіе исключеніе изъ службы, и всякое лихоимство (§ 2, 3, 4, 9, 10, 11), и порядокъ назначенія изслѣдованія (§ 5, 7, 12 и 13).

Начальственные взысканія раздѣляются на распорядительныя и удаленія отъ мѣста. Первые суть: подтвержденіе, выговоръ, денежное взысканіе и арестъ (§ 15 и 16). Удаленіе отъ мѣста можетъ быть: а) съ совершеннымъ увольненіемъ отъ службы; б) пониженіемъ на высшую должность и с) перемѣщеніемъ хотя на равное мѣсто, но съ потерей части содержанія, соединеннаго съ прежнею должностію, или безъ выдачи путевыхъ издержекъ (§ 17 и 20).

Виды проступковъ не означены. Большая или меньшая неисправность по службѣ, потеря уваженія къ своему долгу и поведеніе въ частной жизни могутъ, по усмотрѣнію начальства, подвергнуть сими взысканіямъ (§ 21).

Порядокъ производства дѣлъ и наложеніе взысканій зависятъ отъ вида сихъ послѣднихъ. Съ болѣею обрядностію соединено удаленіе отъ должности (25), требующее утвержденія главнаго начальника (28—33) и государственнаго министерства, съ различными подраздѣленіями чиновниковъ по вѣдомствамъ (39—53).

Дальнѣйшія опредѣленія закона относятся къ назначенію слѣдствія, съ удаленіемъ отъ должности (54—56), къ порядку возвращенія содержанія въ случаѣ оправданія (57), къ чиновникамъ, опредѣляемымъ на время (58) или избираемымъ на извѣстные

сроки (59). Особеннаго замѣчанія въ семь законѣ заслуживаетъ отличный отъ общепринятаго * порядокъ (правственныхъ) доказательствъ (§ 28), распространенный и на судебное разсмотрѣніе дѣлъ (42).

Увольненіе чиновниковъ на заслуженное содержаніе (пенсію) можетъ быть по распоряженію начальства. Недовольный можетъ жаловаться какъ на увольненіе, такъ и на количество содержанія, главному своему начальству (§ 2 и 3) и государственному министерству (3 и 4).

Развитіе званія и значенія чиновниковъ въ Пруссіи слѣдуетъ вмѣстѣ съ развитіемъ государственнаго права. Званіе сіе въ пространство времени учредительнаго законодательства, можно сказать, перестало быть сословіемъ и стихіи его перешли въ другія сословія.

Законъ 29 марта, въ сущестѣ, заключаетъ въ себѣ правила существованія на самомъ дѣлѣ, введенныя обычаемъ, кромѣ впрочемъ судебной части: извѣстно, что большая часть областныхъ собраній просила объ исключеніи чиновниковъ судебного вѣдомства изъ дѣйствія закона 29 марта 1844 г. (16). *Положеніе о дѣлопроизводствѣ* судебныхъ мѣстъ издано 3-го августа 1841 г. Оно содержитъ подробное наставленіе и обряды вступленія, веденія, содержанія и учета дѣлъ и бумажекъ, и предложено властію министра, какъ мѣра распорядительная. Основнымъ правиломъ оного принято: взаимная повѣрка однакъ чиновниковъ другими, по отдѣльнымъ книгамъ.

Съ самаго начала, введеніе сего положенія встрѣтило затрудненія и жалобы на умноженіе письменности, на подлежащая подробности о занятіяхъ и сложность учета, противодействующія, замедленіемъ дѣлъ чрезъ сію обрядность сокращенному и усѣшному судопроизводству, введенному закономъ 1-го іюня 1833 года.

* Общепринятый порядокъ (опредѣленныхъ) доказательствъ, при извѣстномъ составѣ судовъ и назначеніи судей, есть ручательство правосудія и вмѣстѣ огражденіе личности. Въ последнее время порядокъ сей очевидно болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто другому — доказательству нравственнымъ, убѣжденіямъ личнымъ. Поводомъ къ сему обыкновенно приводятъ неудовлетворительность опредѣленныхъ доказательствъ и за тѣмъ — частую безказанность. По мнѣнію нашему, едвали это справедливо. При дѣйствіи правственныхъ доказательствъ безказанность, иногда разительная, встрѣчается не рѣже, и судъ, по неопредѣленности условій доказанности, не подлежитъ отвѣственности. Общій порядокъ по вѣдомству дѣлъ можетъ быть значительно распространенъ и улучшенъ.

Нельзя не замѣтить при семъ, что введеніе отчасти началъ изустности и гласности должно усилить письменность и обрядность въ приготовленіи и учетѣ дѣлъ.

Сколько извѣстно, председатели высшихъ судовъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ представили непосредственно его величеству королю замѣчанія свои о неудобствахъ новаго порядка. Вслѣдствіе сихъ замѣчаній, переданныхъ министру, требовались свѣдѣнія отъ всѣхъ судовъ, въ которыхъ введено новое положеніе, и всѣ сіи свѣдѣнія внесены на высочайшее усмотрѣніе. Нынѣшній министръ правосудія, г. Уденъ, круговымъ предложеніемъ, требовалъ новыхъ заключеній отъ всѣхъ судовъ, о пользѣ и неудобствахъ положенія на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подробная отчетность и учетъ дѣлъ и бумагъ весьма много способствуютъ порядку производства и веденія дѣлъ, но при семъ не легко избѣгнуть которой-либо изъ трехъ крайностей: или подробность эта умалитъ и охладитъ вниманіе къ существу дѣла, или обрядность увеличитъ безъ пользы записку и переписку, или превратитъ бумаги въ цифры, давъ съ одной стороны поводъ къ изворотамъ, а съ другой — къ ложной отчетности, никогда невыразимой числами.

Кромѣ этихъ постановленій, оба министерства издали множество частныхъ постановленій и распорядительныхъ правилъ. Они числены въ книгѣ г. Кампца, стр. 85 и 86 * Распространеніе начала гласности законами 17-го и 21-го іюля 1846 г. относится уже къ позднѣйшему времени (17).

Вообще должно замѣтить, что съ раздѣленіемъ законодательныхъ учрежденій, текуція постановленія, въ ожиданіи общихъ пересмотрѣнныхъ, представляются нововведеніями, въ видѣ опыта.

Въ семьъ заключаются, по общимъ предметамъ, дѣйствія раздѣленныхъ министерствъ правосудія и пересмотра законовъ и главнѣйшія работы законодательства, называемаго нѣмецкими писателями, переходнымъ (transitorich) **. Предположенія перва-

* Въ предметы настоящаго обозрѣнія не входятъ предначертанія другихъ государственныхъ людей: Массена — таможенномъ союзѣ, Эйхгорна — о туземномъ просвѣщеніи, церкви и печатаніи, и Наглера — по почтовому вѣдомству. Равно сюда не входятъ и общія мѣры о чиновникахъ, о собраніяхъ избирательныхъ, мѣстныхъ и общихъ, о сборищахъ, о государственномъ догдѣ.

** По мнѣнію нашему, весьма трудно и едва ли возможно указать пространству времени, которое бы не было *переходнымъ*, по той естественной причинѣ, что время и всѣ явленія не имѣютъ и не могутъ имѣть вѣчнаго и даже

го, возникающія изъ дѣловаго опыта, совершаются подъ вліяніемъ началъ пересмотра, въ видѣ временныхъ мѣръ, а занятія и предначертанія министерства законоположительнаго, отдѣленнаго отъ дѣловаго правосудія нѣмецкаго и соединеннаго съ вѣдомствомъ французскихъ учрежденій на Рейнѣ, для сближенія и соглашенія двухъ началъ, должны совершаться подъ вліяніемъ высшихъ началъ права и предусмотрительности (политики), и естественно подчиняются наукѣ и столь тѣсно связанному съ нею, въ настоящее время, общественному мнѣнію. Последнее, по закону преемственности, занимаетъ мѣсто прежняго *communis doctorum opinio*.

Два новыя могущества, наука и общественное мнѣніе, оказываютъ несомнѣнное вліяніе на составъ и содержаніе новыхъ мѣръ и положеній. Последнее ихъ вызываетъ, а первая — обрабатываетъ. Наука, водворенная въ Пруссіи Фридрихомъ Великимъ, оказала сему государству незабвенныя услуги, указавъ и установивъ, при единствѣ вѣншемъ, единство внутреннее, единство мысли и права.

Но пойдя далѣе, наука незамѣтно перешла должныя границы, и введя жизнь въ свои отвлеченныя правила, болѣе и болѣе теряетъ дѣловое свое приложеніе. Призванная къ содѣйствію власти въ дни угнетенія Пруссіи (1807—1813), наука исполнила свое дѣло, но разъ призванная она и по окончаніи своего призванія желала занять прежнее мѣсто и соединилась съ общественнымъ мнѣніемъ, возникшимъ и развившимся около этого же времени.

Общественное мнѣніе, пробужденное общою опасностію, весьма справедливо можетъ быть сравнено съ потушеніемъ пожара

продолжительнаго постоянства. Обыкновенно, говоря о руководительныхъ началахъ жизни или науки, напр. народности, законности, испытательности (реформациі) силъ природы, гласности, безусловной отвлеченности, устрашенія, покаянія и т. п., различаютъ возникновеніе и полное ихъ развитіе, называя первое переходнымъ, а второе постояннымъ. Это самообольщеніе. Возникновеніе есть продолженіе отжившаго, а развитіе есть начало возникающаго, столь же переходное, какъ и первое. Чтò можетъ быть переходомъ ученій и мнѣній XVIII ст., а между тѣмъ, вѣкъ этотъ считаютъ постояннымъ. Справедливо впрочемъ и то, что условное времячисленіе (календарь) не совпадаетъ съ явленіями, знаменующими ходъ времени въ общественномъ и нравственномъ мірѣ. Переходность, зависящая отъ воли, есть или малая надежда, или опасная вершительность. Постоянство или полное развитіе, но мнѣнію нашему, есть непрѣмное знаменованіе перехода, и чѣмъ обширнѣе эта полнота, тѣмъ обширнѣе и переходъ.

наводненіемъ, отъ котораго можно избавиться только возвышеніемъ надъ уровнемъ водъ, все болѣе и болѣе прибывающихъ.

До времени медленное и молчаливое, мнѣніе общественное дѣлается потокомъ, когда пріобрѣтаетъ опредѣленные истоки, опредѣленные орудія своего выраженія; и здѣсь начало его вліянія и искаженія. Дневные листы и возгласы собраній, движимые общими побужденіями — самолюбіемъ, соревнованіемъ и всѣми мелкими страстями, въ противорѣчащихъ свѣдѣніяхъ, требованіяхъ и изъявленіяхъ, поглощая самихъ себя, колеблютъ убѣжденіе, предоставляя успѣхъ случайному счастливцу, и оскорбляютъ истину, выводя ее, облеченную покровомъ скромности, на площадь и въ толпу празднолюбія. При такой непрочности основаній, мнѣніе бросается на все, повидимому, блестящее, и въ странѣ менѣе развитой, нежели другія, — на все, что видится у другихъ, прикрывая заимствованіе, нравственный заемъ, подражаніемъ, или, по ложной гордости, ложною необходимостію. Соединенная съ нимъ наука принимаетъ на себя подкрѣпить это заимствованіе и эту ложь учеными доводами, и не рѣдко, по нетвердости мнѣнія, преуспѣваетъ въ этомъ до самообольщенія.

При разноустройствѣ нѣмецкихъ государствъ, значеніе науки и общественнаго мнѣнія имѣетъ особенную важность, и огражденіе правильности или приспособленія ихъ дѣйствія къ нуждамъ и состоянію тѣсно связано съ единоплемённостію сихъ государствъ и сосредѣльностію ихъ на одномъ пространствѣ.

Вліяніе науки и ученаго министра-правовѣда оцутительно въ предначертаніяхъ закона о разводѣ. Исполненіе совершающагося пересмотра законовъ, по главнымъ раздѣламъ законодательства, представитъ тому еще болѣе поводовъ. Если справедливо требовать сближенія науки съ жизнью, то, конечно, видѣть это требованіе не имѣетъ столь прямого основанія, какъ въ дѣлѣ права и законодательства, и особенно въ судѣ и расправѣ, руководящихъ и ограждающихъ жизнь. Но для сего необходимо, чтобы наука отвлеклась отъ умозрѣній и не потакала возрожденію ихъ въ дѣловыхъ требованіяхъ. Мысль великаго короля при самомъ началѣ уложенія общихъ законовъ, мысль ума въ высочайшей степени дѣловаго — о обработкѣ книги законовъ такъ, чтобы они были доступны и понятны всякому — уже принесла плоды обобщеніемъ закона общаго, болѣе и болѣе вытѣсняющаго законы мѣстные. Настоящее время такъ удалено отъ туземныхъ основаній прошедшаго, что строгое историческое начало, если оно возможно, не должно искать связи его въ однихъ указаніяхъ глубокомысленныхъ ученыхъ изслѣдованій. Начало туземности явилось съ пробужденіемъ сознанія послѣ

угнетеній и униженій Германія, и въ этомъ смыслѣ, какъ всякое явленіе времени, представляется переходнымъ и, при современныхъ сближеніяхъ и сообщеніяхъ, уже прешедшимъ. Указанія прежней исторіи запутаны событіями, не вызванными, но вторгнувшимися (1807 г.), безъ всякой послѣдовательности. Указаніе достовѣрнаго опыта другихъ имѣетъ здѣсь большую важность уже и потому, что современная исторія есть общій опытъ. Отставать отъ другихъ въ учрежденіяхъ полезнаго значить ослаблять свои учрежденія и усиливать вліяніе чужеземное.

Вліяніе общественнаго мнѣнія ощутительно въ принятіи, хотя неполномъ, началъ гласности, изустности и новомъ порядкѣ доказательствъ. Оно ощутительно въ предъявленіи и другихъ требованій и въ стремленіи къ уновленіямъ, возбужденномъ еще во времена прошедшихъ событій. Въ какой мѣрѣ принятія начала оправдаютъ ожиданія, покажетъ опытъ: при участіи науки, стихіи германскаго народа, требованія сія могли возникнуть только подъ вліяніемъ подражанія; наука очевидно уступила шагъ общественному мнѣнію. Опытъ же докажетъ и справедливость предостереженія, завѣщаннаго покойнымъ королемъ, прешедшимъ тернистое поприще жизни съ 1797 по 1840 годъ*.

Enthaltung von der so allgemein um sich greifenden Neuerungssucht, Bewahrung vor unpractischen Theorien, deren so unzaelige jezt im Umschwunge sind; zugleich auch Bewahrung vor einer fast eben so schaedlichen, zu weit getriebenen Vorliebe fuer das alte, denn nur dann, wenn man diese beiden Klippen zu vermeiden versteht, nur dann sind wahrhaft nuetzliche Verbesserungen gerathen.

(*) Воздержаніе отъ столь сильно распространенной страсти къ нововведеніямъ; предохраненіе отъ непрактическихъ теорій, безчисленное множество которыхъ теперь въ такомъ ходу; но вмѣстѣ съ тѣмъ предохраненіе отъ столь же почти вреднаго излишняго пристрастія къ старинѣ, ибо тогда только, когда сумѣютъ избѣгать обоихъ этихъ подводныхъ камней, тогда только удаются истинно полезныя улучшенія (10).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1). Исторія Пруссіи бреславльскаго профессора Штенцеля, часть III. Исторія Фридриха II. — Прейссена, часть I. Историческое обозрѣніе государственныхъ отношеній въ Пруссіи—г. Люберса.

(2). Повелѣніемъ 15 ноября 1739 г. ходагаевъ, стряпчихъ и составителей (обыкновенно прибѣгавшихъ къ покровительству и посредству солдатъ) за непосредственное представленіе королю, черезъ солдатъ, бумага, въшатъ вмѣстѣ съ собакою, безъ всякой пощады и прощенія: ohne alle Gnade und Pardon aufhaengen und neben ihn einen Hund haengen lassen.

(3) Исслѣдованіе и улучшеніе сословія чиновниковъ въ Пруссіи были предпринимаемы почти въ каждое царствованіе. При покойномъ королѣ жалобы и доносы на нихъ были поводомъ грамоты 20 февр. 1804 г., въ которой между прочимъ сказано: Sollte nun auch eine anstaendige Publicitaet darueber (о прамыхъ доносахъ) unterdrueckt werden, so wuerde ja keine Mittel uebrig bleiben, hinter die Pflichtwidrigkeiten der Behoerden zu kommen, die dadurch eine sehr bedenkliche Eigenmacht erhalten wuerden.—In dieser Hinsicht ist eine anstaendige Publicitaet der Regierung und den Unterthanen die sicherste Buergschaft gegen die Nachlaessigkeit oder den boesen Willen и проч.

Замѣчательно обвиненіе чиновниковъ барона Фрауендорфа: Lettres à Sa Majesté, le Roi de Prusse, 1831 г. По этимъ письмамъ назначено было строгое исслѣдованіе, разсмотрѣнное потомъ въ государственномъ совѣтѣ. Оно обнаружило неосновательность обвиненій. Въ послѣднее время весьма много было подобныхъ обвиненій, частныхъ и общихъ, изъ которыхъ извѣстнѣе другихъ: Woher und Wohin, напечатанное въ Стразбургѣ въ 1842. Это сочиненіе министра, оберъ-президента фонъ Шюна. Пренія и пререканія заключаются во первыхъ въ томъ, что чиновники не знаютъ мѣстныхъ требованій, а мѣстные жители слишкомъ пристрастны къ нимъ, и во вторыхъ въ томъ что злоупотребленія чиновниковъ умаляютъ довѣріе къ правительству, а доносы и обвиненія на чиновниковъ, представителей правительства, умаляютъ его достоинство.

Наукѣ и учрежденію постепенныхъ дѣловыхъ испытаній, чрезъ особія собранія, Пруссія обязана сословіемъ своихъ отличныхъ чиновниковъ.

(4). О дѣлѣ Арнольда сообраз. сочиненіе современника, *Dohm: Denkwuerdigkeiten meiner Zeit od. Beitrage z. Gech. 1778—1806, Lemgo; 1814—1819, часть 1-я, и Historisch-rechtliche Wuerdigung der Einmisch. Fridrichs d. Gr. in die Rechtssache des Muellers Arnold. Altona, 1829 г.*

(5) Для подробнѣйшаго изученія прусскаго Уложенія представляются слѣдующія сочиненія:

Suarez—Amtliche Vortraege bei der Schluss-revision des allg. L. R. вь повременныхъ изданіяхъ Камппа: Jahrbuecher, 41 ч.; Сифертса: Materialien, тетрадь 1.; Клейна: Annalen—ч. 12. 14.

Simon: Bericht ueber die scientivische Redaction der Materialien der Preussich. Gesetzgebung. Der Jurid. Monatsschrift von Mathis. Savigny—Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung. Heidelberg, 1840 г. статья 7, стр. 81.

Упомянутое г. Камппомъ: *Actenmaessige Darstellung der Justiz-reformen Fridrichs des Gross. v. Moeller.*

(6). Обнародовательная грамота напечатана при самомъ уложеніи. Изъясненія правилъ оной въ *Jahrbuecher—Камппа, ч. 9. стр. 55—109 и 289—332.*

(7). О противорѣчащихъ рѣшеніяхъ судовъ въ позднѣйшее время — сморг. *Jahrbuecher fuer die Preussich. Gesetzgebung — часть LV, ст. 1.*

Мысли объ отдѣлѣ мѣстныхъ правъ дѣйствіемъ общаго уложенія—тамъ же, часть XXXIII. ст. 169., и Камппъ—*Actenmaessige Darstellung—стр. 9.*

Жалобы по этому предмету областныхъ собраній. напр *Прусскихъ въ 1830 и въ 1837 гг. — Rumpf—Provincial-Staenden, — in Preussen, стр. 60—65 и 121—123.*

Вотъ подлинныя слова повелѣнія о доказательствѣ дѣйствительности закона или права (*Rumpf, — 1837 г.*). Оно состоялось по заключенію совѣта министровъ и предложено областнымъ собраніямъ 1837 г., что *die Localrechten, geschriebene und ungeschriebene, nicht in die Provincialrechte aufgenommen worden, weil diese Aufnahme als ganz unausfuhrbarsich dargestellt habe, und daher die Erklarung der Landtags-Versammlungen darueber entgegen gesehen werde, ob die Kodification jener oertlichen Rechtsquellen nachtraeglich noch vorzunehmen oder ob von derselben abgesehen und ohne dieselben Statuten und Gewohnheiten einzelner Orte oder Bezirke dergestalt erhalten werden sollen, dass derjenige, welcher sich auf sie beruft, den Beweis derselben zu fuehren hat.*

(8) По исчисленію историка Кольраума, по три закона или повелѣнія на каждый день.

(9) Законъ приобрѣтенія и дѣлимости земельной собственности до сихъ поръ не получилъ полнаго развитія.

Городовое положеніе 1809 въпослѣдствіи измѣнено и въ новомъ видѣ обнародовано: *Revisirte Städte-Ordnung fuer die Preuss. Monarchie.*

(10) Время управленія кн. Гарденберга описано въ сочиненіи: *Benzenberg-Verwaltung des Staatskanzlers v. Hardenberg.* Трудно представить себѣ важнѣе и занимательнѣе этого пространства времени, въ которое Пруссія была потрясена во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ. Внѣшнія и внутреннія государственныя постановленія этого времени напечатаны: у Кюбера, Симона (Прусск. госуд. право), въ собраніи законовъ, Румфа — о областныхъ собраніяхъ 1825 г., существуютъ «Записки кн. Гарденберга 1800 — 1807 г.» которыя, по особому повелѣнію, должны быть изданы не ранее 1850 г.

(11) Сообр. *Ressort und Organismus saemtlicher preuss. Behoerden und Anstalten — Rumpf, Berlin 1837. Geschichte und Darstellung der preuss. Behoerden. Arnberg, 1840.*

(12) Сообр. *Die Gesetze wegen Anordnung der Provincial-Staenden, herausgegeben von Rumpf. Berlin. 1825.* Потомъ послѣ каждого собранія издавались Румфомъ, а послѣ Ничке, и самими собраніями, подъ названіемъ *Verhandlungen.*

(13) Сочиненіе министра ф. Камппа: *Actenmaessige Darstellung der Preussich. Gesetz — Revision, Berlin, 1842.*

(14) Министръ пересмотра и управленія правосудіемъ на Рейнѣ, профессоръ и представитель историческаго правовѣдѣнія, Фридрихъ Карлъ фонъ Савиньи, извѣстенъ въ особенности четырьмя сочиненіями: 1. О правѣ владѣнія, 1803 г. (5-е изданіе 1827 г.) По прибытіи въ Пруссію, послѣ чтеній въ университетѣ, имѣвшихъ необыкновенный успѣхъ, онъ въ 1814 г. издалъ 2-е. О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію (3-е изданіе, Гейдельбергъ, 1840 г.) Основная мысль сего сочиненія есть опроверженіе предположенія Тибо (о необходимости общаго гражданскаго права для Германіи, 1814), указаніе ошибокъ и недостатковъ уложеній римскаго, прусскаго и австрійскаго, охуденіе *Code Napoleon* и изъясненіе мысли о необходимости исторической обработки законовъ, безъ чего правовѣдѣніе, *die nicht auf dem Boden gruendlich historischer Kenntniss ruhet, eigentlich nur Schreiberdienst bei dem Gerichtsgebrauche* versehe. 3-е сочиненіе есть *Historia римск. права въ средніе вѣки; 4-е, доселѣ*

продолжающееся: Нынешнее римское право, 6 част. Берлинъ, 1840—47. Кромѣ высокихъ достоинствъ ученаго и мыслителя, г. Ф. Савиньи отличается изяществомъ изложенія, сколько оно возможно въ предметахъ его сочиненій.

(16) Въ лѣтописяхъ г. Капоца: Historische Nachrichten ueber die neue preussische spezielle und transitorische Gesetzgebung. XLII. стр. 233, и отдѣльное сочиненіе объ этихъ законахъ: Fuerstenthal — Die Gesetze и проч. Кенигсбергъ 1846.

(17) Сравн. Simon — Die Preussischen Richter und die Gesetze 29-го маія 1845. Лейпцигъ, 1846. Verhandlungen — прусскихъ и рейнскихъ собраній 1845 г.

(18) О гласности и проч. издано множество сочиненій. О законахъ, здѣсь упоминаемыхъ, смотри: Die Geste betreffend das Verfahren in den bei dem Kammergericht und dem Kriminalgericht zu Berlin и пр. 17 Juli 1846, und Verordnungen ueber Verfahren in civil-Prozessen, 21 Juli 1846. Berlin, bei Dekker.

(19) Слова изъ завѣщанія покойнаго короля, сообщенныя, по особому повелѣнію, всѣмъ судебнымъ и присутственнымъ мѣстамъ и обнародованныя въ прусскихъ и иностранныхъ вѣдомостяхъ.

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

I.

Каждая великая идея испытала періодъ сильнаго противоборства; — такова участь великихъ идей. Нѣтъ побѣды безъ битвы, нѣтъ посвященія безъ испытанія; — таковъ законъ челоуѣчества. — Посреди періода внутреннихъ раздоровъ, посреди разнообразныхъ мнѣній, то падающихъ, то снова возстающихъ, среди развалинъ стараго міра и чертежей міра раждающагося — умъ челоуѣческій, тревожимый неизвѣстностію, бездѣйствуетъ, помрачается, изнемогаетъ, подъ бременемъ труда и тяжкихъ испытаній. Но вотъ, увядающія силы мгновенно воскресаютъ; мысль поражается какимъ-то лихорадочнымъ состояніемъ и безъ разбора съ жадностію бросается на всё, что ни попадаетъ. Что ей за нужда каковъ предметъ, онъ общаетъ лучшее будущее и даетъ средство избѣгнуть изъ лабиринта невѣдѣнія, слѣдовательно, онъ хорошъ.

Парацельсъ жилъ именно въ такую эпоху всеобщаго преобразования, то-есть въ первой половинѣ XVI вѣка, породившаго три переворота. Онъ явился въ минуту полного развитія *возрожденія*, для того, чтобы занять важнѣйшую роль и сдѣлаться главою одного изъ этихъ переворотовъ. — Величіе ума и разнообразіе познаній даютъ ему, безспорно, первое мѣсто въ медицинѣ того времени; его гений равнялся тѣмъ трудамъ, которые онъ предпринималъ; но этотъ гений былъ помраченъ и изуродованъ са-

мыми странными свойствами. Неслыханныя заблужденія этого челоѣка породили враговъ его сочиненіямъ, а мечтательность и безчисленные предрассудки возбудили къ нему долговременную ненависть. Парацельсъ былъ нелюбимъ большинствомъ современниковъ, и ему суждено было переносить оскорбленія въ XVIII-мъ, а наиболѣе въ XVIII-мъ вѣкѣ. Наука, достигнувъ зрѣлаго возраста, чувствуя свои силы и сознавая вполне свою опредѣлительность, содѣлалась неблагодарною, надменною, и торжественно отрекаясь отъ своего происхожденія, поносила его и открыто презирала. Однако же Парацельсъ приобрѣлъ себѣ огромную славу не только въ кругу избранныхъ современниковъ, но и послѣ смерти, имя его находило отголосокъ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы. Къ тому же одинъ Парацельсъ изъ всѣхъ ученыхъ того времени умѣлъ въ высшей степени занять умъ и любопытство народа, и это можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ его преимущества. Для простаго народа Парацельсъ былъ чѣмъ-то необыкновеннымъ; народъ видѣлъ въ немъ челоѣка хотя и гонимаго, унижаемаго, но торжествующаго посреди гоненій и быстро распространяющаго свое великое ученіе среди всевозможныхъ униженій. Хотя въ наше время трудно найти въ комъ-нибудь такой энтузіазмъ къ Парацельсу, всё-таки онъ пребудетъ челоѣкомъ великимъ, гигантомъ, который выразилъ свой вѣкъ въ наукѣ, какъ Шекспиръ представилъ его въ поэзіи, Микель-Анджело въ искусствѣ живописи и Лютеръ въ теологіи. Впрочемъ этотъ гигантъ во многихъ отношеніяхъ остается существомъ ускользающимъ отъ изслѣдованій, неопредѣленнымъ, подозрительнымъ; Парацельсъ еще неразрѣшенная загадка, и должно сознаться, что самое тщательное изученіе его сочиненій мало способствуетъ къ разрѣшенію всего загадочнаго. Всѣ усилія критики болѣею частью остаются безуспѣшными, потому-что безиременно встречающіяся противорѣчія, варварскій неологизмъ и символизмъ, запутываютъ и потемняютъ всё существенное. Попробуемъ однако же со всѣмъ безпристрастіемъ изложить біографію Парацельса, его великія заслуги, его недостатки, и наконецъ, слѣдѣемъ краткій критическій обзоръ его сочиненій.

Филиппъ — Теофрастъ Парацельсъ родился 1493 года, въ Эйзидельнѣ, небольшомъ городкѣ кантона Швинцъ, лежащемъ въ четырехъ миляхъ отъ Цюриха, въ долинѣ Альпійскихъ горъ. Хотя большая часть враговъ Парацельса утверждаетъ, что онъ происходилъ изъ низкаго сословія, но это несправедливо: онъ былъ дворянинъ и потомокъ знаменитой, могущественной фамиліи. Его отецъ, Вильгельмъ-Бомбастъ Гогенгеймъ, законный сынъ Ге-

орга-Бомбаста Гогенгейма, великаго магистра Тевтонскаго ордена, послѣ сорокалѣтней медицинскій практики въ Каринтіи, переселился въ Эйзидельнъ, и со званіемъ градскаго врача былъ старшимъ врачомъ въ госпиталѣ знаменитаго монастыря Бенедиктинцевъ. Въ этомъ же госпиталѣ жена его исполняла обязанности сестры милосердія. Такія близкія отношенія къ сословію монаховъ заставляли родителей Парацельса жить подлѣ мрачныхъ сводовъ монастыря и вести совершенно монастырскую жизнь. Это обстоятельство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было главнѣйшею причиною, что Парацельсъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ молокомъ матери получилъ ту наклонность къ мистицизму, которая воспламеняла воображеніе нѣмцкихъ монаховъ того времени. Такое постоянное пребываніе въ кругу ученаго ордена св. Бенедикта не избавило однакожь Парацельса отъ обвиненій въ невѣжествѣ, и многіе біографы рѣшительно не допускаютъ въ немъ первоначальнаго образованія. Томасъ Эрастъ увѣряетъ, что Парацельсъ не только не имѣлъ понятія о греческомъ и латинскомъ языкахъ, но худо зналъ даже свой природный. Напрасная клевета; кто не пойметъ всей нелѣпости и глупости такихъ увѣреній? Мельхиоръ Адамъ, критикъ мнѣе пристрастный и писатель заслуживающій болѣе вѣрности, утверждаетъ, что Теофрастъ еще въ дѣтствѣ имѣлъ столь необыкновенную память, что повторялъ наизусть и слово въ слово главнѣйшіе діалоги Платона и почти всѣ теоремы Эвклида. Къ тому же, можно ли повѣрить, чтобы Вильгельмъ-Бомбастъ Гогенгеймъ, будучи челоѣкомъ образованнымъ и извѣстнымъ врачомъ, позволилъ сыну своему не знать языковъ не только древнихъ, но даже языка природнаго?

Какъ бы то ни было, но современные біографы согласны въ томъ, что въ дѣтствѣ Парацельса было много бурнаго, драматическаго, и что въ этомъ періодѣ жизни онъ подвергся самому большому несчастію. Четырехъ съ половиною лѣтъ отъ роду, онъ бѣжалъ изъ дому родителей, и будучи принужденъ пасти стада на равнинахъ Каринтіи, испугалъ отъ насильственной руки *ту же* участь, что и Абельяръ. Другой біографъ, подтверждая истину такого несчастія Бомбаста Гогенгейма, рассказываетъ, что дитя, успувъ однажды посреди стада, подверглось этому случаю отъ укушенія разъяреннаго вепря. Трудно повѣрить подобной исторіи; въ ней слышномъ много романческаго и невѣроятнаго, и она тѣмъ болѣе кажется подозрительною, что каждый рассказываетъ объ ней по своему, и всѣ разногласятъ въ обстоятельствахъ этого случая. Впрочемъ не под-

лежать никакому сомнѣнію, что Парацельсъ былъ во всю свою жизнь безбородымъ, холостякомъ и безстрастнымъ къ женщинамъ: вѣроятно, эти обстоятельства послужили основаніемъ предположенія о его мнимомъ недостаткѣ и другимъ сказкамъ, болѣе или менѣе страннымъ, выдуманымъ по этому случаю.

По увѣренію Конрада Гесснера, Парацельсъ еще въ юношескомъ возрастѣ, подобно всѣмъ студентамъ того времени, пустился странствовать по большимъ дорогамъ Германіи, пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ, претерпѣвая различныя лишенія и питаясь почти однимъ только подаліемъ. Подвижность его характера легко согласовалась съ жизнію кочующею, исполненною приключеній, — жизнію, въ которой не было ничего опредѣленнаго; его безпокойный и дѣятельный духъ находилъ постоянную пищу въ шумныхъ оргіяхъ, воинственныхъ склонностяхъ и буйныхъ привычкахъ университетской молодежи. Потребность многочисленныхъ, разнообразныхъ впечатлѣній, доставляемыхъ продолжительнымъ путешествіемъ, сдѣлалась въ немъ столь сильною и непобѣдимою, что не давала ему покоя даже въ тѣ лѣта, когда упадокъ силъ не терпитъ большихъ движеній. Пробывъ въ одномъ мѣстѣ не болѣе года, онъ вѣчески старался оставить его и переселиться въ другое. Между тѣмъ какъ Лютеръ пріобрѣталъ свой вѣсущій хлѣбъ пѣніемъ псалмовъ у дверей благочестивыхъ христіанъ, Парацельсъ вызывалъ духовъ и предсказывалъ будущее на перекресткахъ древнихъ городовъ Германіи, странствовалъ вмѣстѣ съ солдатами, кочующими поэтами, съ цѣлою ватагою цыганъ, охотно подчинялся и уславляла себя пріятныя и свободныя обыкновенія такого общества. Несмотря однакоже на всю странность и видимую безпутность жизни странствующихъ студентовъ, этихъ бѣдняковъ, болѣе смѣшныхъ, чѣмъ вредныхъ, болѣе разгульныхъ, чѣмъ преступныхъ, Парацельсъ сохранилъ оригинальное направленіе ума, свою характеристическую наклонность и фаталистическое стремленіе. Предчувствіе постоянно говорило ему о его высокомъ назначеніи, усиливающееся честолюбіе пробуждало въ немъ удивительную смѣлость. — Въ эту эпоху жизни, по свидѣтельству Смеціуса, и Шпренгеля, онъ посѣтилъ германскіе университеты и получалъ въ нихъ докторскія степени; въ эту эпоху онъ явился къ швабгеймскому монаху Тритеміусу, тому знаменитому аббату, который, превративъ весь свой монастырь въ огромную мануфактуру тайныхъ, сокровенныхъ идей, сдѣлалъ его открытымъ убожщемъ для мистическихъ зачатій, и храмомъ, посвященнымъ женаукамъ, куда стекались проповѣдники

астрологій, магіи и алхиміи, для взаимныхъ совѣщаній. Увлекаемый безпокойнымъ духомъ и подстрекаемый ненасытною любознательностію, ученикъ вскорѣ оставилъ лабораторію своего наставника и вступилъ въ услуженіе къ Сигисмонду Фуджеру, богатому швабскому гражданину, а отсюда переселился къ епископамъ штетггскому—Шейту, лавентальскому — Эргарту, гиппонскому—Николаю, Матвѣю Шаху, мужамъ, которые болѣе гордились званіемъ *артистовъ*, чѣмъ заботились о своихъ преимуществахъ и о своей важности, какъ правители церкви. Парацельсъ, подобно всѣмъ адептамъ женауку, свѣдѣлъ вопервыхъ на сѣверѣ, чтобы отыскать магнитную гору, и осуществить любимую мечту того времени, или, лучше сказать, таинственный символъ, посредствомъ котораго адепты воплощали ту физическую силу міра, которая выслѣдствіемъ получила названіе *электро-магнетизма*. Надежды на будущее и благородная любовь къ наукѣ заставили его посѣтить Трансильванію, Богемію, Венгрію и Польшу, пройти равнины Даніи, взбираться на сѣвѣжныя вершины Норвежскихъ горъ и опускаться въ бездонныя пропасти Швеціи. Вездѣ онъ являлся энтузіастомъ, испытателемъ природы. Фабриканты стекляннхъ издѣлій, кузнецы и рудокопы сообщали ему весь запасъ своихъ познаній и химическихъ открытій, и это служило основаніемъ тѣхъ теорій, которыя онъ создалъ въ послѣдствіи времени. Парацельсъ сознается, что для пріобрѣтенія познаній въ простонародной терапевтикѣ, онъ входилъ въ самыя тѣсныя сношенія съ монахами, колдунами, старухами, могильщиками и палачами всѣхъ тѣхъ странъ, которыя ему случалось посѣщать. Возвратясь изъ такого продолжительнаго путешествія, онъ вступилъ въ императорскую армію въ качествѣ хирурга, и это званіе дало ему возможность посѣтить несколько разъ Францію, Италію, Испанію и Португалію. Изъ многихъ мѣстъ его сочиненій видно, что онъ былъ во Франціи и жилъ въ Парижѣ; хотя въ этихъ намекахъ замѣтна неопредѣленность и недостатокъ въ подробностяхъ, однакоже мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы не довѣрять свидѣтельству автора. Обративъ вниманіе на все вышесказанное, мы видимъ огромный итогъ познаній, пріобрѣтенныхъ Парацельсомъ, и предполагаемъ въ немъ нѣкоторыми биографами недостатокъ начитанности съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ, что онъ весьма многое впамятовалъ и наблюдалъ. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ писателей, онъ сопровождалъ, въ качествѣ врача, сына какого-то татарскаго хана изъ Константинополя въ Монголію. Говорятъ, что въ Константинополѣ онъ пріобрѣлъ секретный рецептъ знаменитой

тпиктуры отъ какого-то Грека Тризмозина; другіе говорятъ, что онъ провелъ цѣлыя десять лѣтъ въ Египтѣ и Аравіи. Хотя эти увѣренія не доказаны еще неоспоримо, однакоже ихъ нельзя отринути безусловно, потому-что въ ихъ пользу говорить явственно восточный духъ, замѣчаемый въ сущности всего, такъ называемаго парацельсизма.

Всего вѣроятнѣе то, что въ 1526 году Парацельсъ возвратился въ Германію, и въ 1527, по рекомендаціи и усиленнымъ просьбамъ знаменитаго теолога Эколамплада, онъ занялъ катедру физики и медицины въ бальскомъ университетѣ — и тутъ то снискалъ себѣ огромную славу своими блистательными лекціями, служившими ключемъ къ его сочиненію *De arturo*. Тутъ то обнаружилъ Парацельсъ всю силу своего ума, плодотиваго и оригинальнаго; боязливыя попытки и скрываемые труды молодого адепта замѣнились яспостію идей и силою понятія будущаго творца новой школы. Притомъ не должно забывать, что эти лекціи химіи были первымъ примѣромъ въ Европѣ публичнаго изложенія такой науки, которая, послѣ долговременнаго изгнанія и презрѣнія, могла безъ страха, открыто явиться въ свѣтъ и занять мѣсто, равное теологій, юриспруденціи, философій и медицинѣ. — Химія приобрѣла права на званіе науки, перестала именовъ своимъ производимъ ужасъ въ народѣ и, обезпечивъ себя въ настоящемъ, со славою стремилась къ будущему совершенству. Этотъ курсъ химіи привлекъ такое множество соотечественниковъ и иностранцевъ, что городскія гостиницы не вмѣщали въ себѣ многочисленныхъ слушателей Парацельса. Не менѣе важною причиною такого необыкновеннаго стеченія слушателей было то, что Парацельсъ замѣнилъ германскій языкъ языкомъ общимъ въ средніе вѣка, т. е. латинскимъ. Въ свои чисто-ученыя лекціи онъ съ намѣреніемъ вставлялъ релігіозныя пововведенія, распространяемыя Лютеромъ, и это привело его къ той цѣли, которой онъ такъ успѣшно добивался — т. е. сблизиться съ народомъ.

Реформація, распространяясь въ Германіи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, раздувала въ немъ врожденную страсть къ политическимъ бурямъ. Еще во время первыхъ раздоровъ Лютера съ римскимъ дворомъ, онъ сказалъ слова, которыя обнаруживаютъ его характеръ: «Ежели мнѣ вздумается когда нибудь «разобрать всѣ злоупотребленія, то—ручкасъ—я пошлю и само-го Лютера въ школу поучаться».

Парацельсъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ кровавыхъ спорахъ касательно теологическихъ вопросовъ. Подобно всѣмъ замѣчательнымъ мужамъ того времени, онъ не могъ оста-

ваться спокойнымъ при всеобщемъ волненіи; но релігіозныя дѣла были только эпизодами, непродолжительными отступленіями отъ существенныхъ его занятій. Онъ не сознавалъ въ себѣ призванія вступать въ соперничество съ знаменитымъ докторомъ Виттемберскимъ, или вмѣстѣ съ Пингліемъ, Эколампасомъ, Карлоштадомъ и другими, сѣять несогласія и раздоры среди раждающейся реформы. Планы Парацельса принуждали его поддерживать Лютера въ отважной борьбѣ; но при всемъ томъ онъ не упускалъ изъ виду своей главной мысли: распространять и сдѣлать всеобщими свои собственныя начала. Можно смѣло сказать, что Парацельсъ есть какъ бы естественное слѣдствіе и неизбежное дополнение Лютера. Оба они допекивались однихъ и тѣхъ же правъ и сражались за одно дѣло, различіе между ними состоитъ въ томъ, что одинъ трудился на попріщѣ вѣры, другой на попріщѣ науки. Хотя Парацельсъ былъ болѣе шимъ ересіархомъ, чѣмъ Лютеръ, потому что душевно признавалъ рационализмъ и пантеизмъ; однакоже онъ никогда не нападалъ, по крайней мѣрѣ открыто, на заблужденное званіе римскаго ученія. Его благородная душа не постигала возможности оскорблять падающее величіе и побѣжденнаго врага. Каковы бы ни были погрѣшности и злоупотребленія римской Церкви, по эта Церковь вскормила его своею грудью, и онъ, какъ добрый, благодарный сынъ, не отвергъ своей матери, уклонился отъ явнаго разрыва съ нею, и не старался проникнуть его теологическихъ мнѣній, мы видимъ, что на бумагѣ онъ остался католикомъ. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ на знаменитаго Боссюэта, который, по словамъ Вольтера, имѣлъ философскія понятія, совершенно противоположныя понятіямъ теологическимъ.

Трудъ, предпринятый и исполненный Парацельсомъ, неудачи и бѣдствія, имъ перенесенныя, обнаруживаютъ въ немъ твердость воли и рвеніе, неуступающее никакимъ испытаніямъ. Онъ понималъ, что для ниспроверженія старой медицинны, для нанесенія ей послѣдняго, страшнаго удара, нужна не умѣренность, не терпѣніе — оружіе, слабо дѣйствующее и всегда отражаемое массою народа, но страсть, смѣлость и краснорѣчіе, дружны, столь уважаемыя толпою и столь сильно подчиняющія ея убѣжденіе. Всѣмъ извѣстна его дерзкая выходка, употребленная имъ вмѣсто пролога для перваго курса химіи въ бальскомъ университетѣ. Въ день, назначенный для начатія этого курса, Парацельсъ, не входя еще на катедру, приказалъ внести въ аудиторію большую жаровню, наполненную раскаленными углями, и, положивъ на огонь всѣ сочиненія Галлена вмѣстѣ съ канономъ Ависенны, провозгласилъ сильнымъ голосомъ: «Гн-

«Бель Галену и тебѣ Авиценскому вепрю, — волоса моей прически и сурки моиѣ башмаковъ гораздо умнѣе всѣхъ вашихъ книгъ.»

Парацельсу хотѣлось имѣть свое 10 декабря 1520 года, свою драму — въ родѣ драмы виттембергской. Онъ хотѣлъ окончить ее послѣдними страницами духъ отцовъ старой медицины, подобно Лютеру, который окончилъ свою борьбу съ католицизмомъ и средними вѣками въ томъ знаменитомъ ауто-да-фе, когда сжегъ папскую буллу. Не одинъ только странныя выходки, но и самая прожденная пылкость характера и сатирическая ѣдкость Парацельса, его рѣчь, если не всегда изящная, чистая и пристойная, за то цвѣтистая, живописная и оригинальная, всё это вмѣстѣ, чрезвычайно много способствовало его успѣхамъ. У него вышній человекъ, проявляющійся со всеми своими достоинствами и недостатками, превосходно обнаруживалъ другаго человека — внутренняго, такъ сказать — скрытаго, словомъ: ораторъ былъ переводчикомъ мыслителя.

Рамусъ, одинъ изъ слушателей Парацельса въ бальскомъ университетѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ возвышенность идей и удивительный запасъ его познаній. «Парацельсъ, говоритъ онъ, постигъ самыя сокровенныя тайны природы. Съ помощію своей невѣроятной провѣдательности, онъ открылъ и изслѣдовалъ свойства металлическихъ веществъ; изучилъ тѣ элементы, изъ которыхъ состоятъ эти вещества; при томъ онъ исцѣляетъ даже тѣ болѣзни, которыя признаны всеми за неизлечимыя.» Въ самомъ дѣлѣ, слава Парацельса въ это время достигла своего апогея. Великій герцогъ Фердинандъ и другіе могущественные властители часто призывали его къ себѣ, вели съ нимъ переписку, осылали его ласками и дорогими подарками. Многие ученые того времени тоже раздѣляли энтузіазмъ, производимый его именемъ. Каждый хотѣлъ видѣть этого необыкновеннаго человека.

Альбертъ База, врачъ польскаго короля, отправился въ Баль единственно для того, чтобы лично познакомиться съ Парацельсомъ. Однажды они пошли вмѣстѣ къ одному жителю города, который страдалъ тяжкою болѣзнію и былъ приговоренъ всеми врачами-Галенистами къ близкой смерти. Польскій докторъ соглашался съ общимъ мнѣніемъ и предсказывалъ смертельный исходъ болѣзни. Парацельсъ, напротивъ того, обѣщавъ вѣрное и скорое исцѣленіе, ежели только послѣдуютъ его методъ леченія. Завязался сильный споръ: База приводилъ цитаты изъ Галена и клялся именемъ этого великаго учителя; Парацельсъ представлялъ одинъ авторитетъ опыта, и не смотря на сильное про-

тивоборство Галениста, окончилъ дѣло тѣмъ, что предписалъ больному свои знаменитыя *arsana*. Въ слѣдующій день бальскій профессоръ давалъ обѣдъ своимъ друзьямъ и студентамъ. Вообразите удивленіе Базы, когда онъ замѣтилъ въ числѣ самыхъ веселыхъ застольныхъ собесѣдниковъ того самаго, при кровати котораго, вчера еще, онъ проповѣдывалъ бесполезность всѣхъ средствъ и невозможность излеченія. Этотъ анекдотъ рассказываетъ Мельхиоръ Адамъ; можетъ быть, онъ прикрашенъ, но въ сущности его нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Во всякомъ случаѣ, онъ объясняетъ намъ энтузіазмъ германскаго народа къ Парацельсу, и оправдываетъ въ нѣкоторой степени пышное имя *monarcha arcanorum*, которое обыкновенно присовокуплялось къ имени Парацельса.

Около этого же времени онъ изгналъ, своими секретными средствами, знаменитаго типографщика Юанна Фробена отъ подагры, и тѣмъ приобрѣлъ благодарность и уваженіе Эразма. Самъ Эразмъ, этотъ ученый скептикъ, страдавъ долгое время, хотѣлъ тоже прибѣгнуть *ad arsana* Парацельса; но въ этомъ случаѣ онъ былъ несчастливѣе своего друга Фробена. Болѣзь была застарѣлая и, слѣдовательно, нисколько не уступала успѣхамъ искусства. Не смотря на все злословіе враговъ Парацельса, распускавшихъ слухи, будто великій герцогъ Фердинандъ прогналъ его отъ двора своего за шарлатанство, Эразмъ не дался въ обманъ и до самаго конца своей жизни сохранилъ къ Парацельсу не только благодарность за старанія его, но и уваженіе къ его великимъ познаніямъ.

Такая всеобщая извѣстность и такое лестное уваженіе должны были неизбежно возбудить зависть въ душахъ его собратьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Парацельса началось страшный періодъ борьбы и тяжкихъ испытаній. Всѣ школы, недовольныя его успѣхами, его гордостію и смѣлостію, старались отомстить счастливицу за явное неуваженіе и презрѣніе къ общественному мнѣнію, и потому сами подали первый сигналъ къ нападенію. Во-первыхъ парижскій университетъ предалъ его проклятію, какъ ересіарха, столько же опаснаго для блага науки, какъ Лютеръ въ дѣлѣ религіи. Вотъ какъ выразился этотъ университетъ въ своемъ манифестѣ противъ двухъ нововводителей: «Оба они родились въ одной «землѣ и оба равно преступны, потому что одинъ изъ нихъ губитъ душу человека, а другой тѣло его». На этотъ манифестъ Парацельсъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Порожденіе ехидны, ты худо скрываешь свой ядъ! Вы дѣлаете изъ имени втораго Лютера, надѣясь, что его скоро сожгутъ, какъ

«человѣка, котораго ненавиждитъ народъ и великіе міра сего. Вы преслѣдуете его, тогда какъ онъ во сто разъ учене въсьхъ вастъ; «но сравнива мена съ этнхъ человѣкомъ, вы невольно видѣте мое превосходство и всю нашу низость.» Подобные отвѣты, отсылаемые имъ въ университеты Италиі и Франціи, отвѣты, въ которыхъ наглость и дерзость не знали никакихъ границъ,—раздражали всѣхъ болѣе и болѣе. Впрочемъ онъ былъ слишкомъ проникателенъ, видѣлъ свои ошибки, и сознавая ихъ публично, старался отклонить всѣ дурныя послѣдствія и тѣмъ обезопасить свое спокойствіе въ будущемъ. Вотъ примѣръ таковаго миролюбиваго письма: «Господа Парижане, Монпельійцы и Падуанцы,—вы называете мена человѣкомъ грубымъ и не-свѣждой. Что-жъ тутъ удивительнаго? Мена сроду не кормили ни винными ягодами, ни другими подобными сластями. У мена была постоянно одна только пища—молоко, сыръ и хлѣбъ «изъ овсяной муки. Я выросъ въ дикихъ горахъ и лѣсахъ (?), гдѣ же мнѣ было выучиться вашимъ обыкновеніямъ? Я не бывалъ даже въ тѣхъ богатыхъ уборныхъ комнатахъ, гдѣ «вастъ съ самаго дѣтства наряжали въ драгоценныя и мягкія «платья». Хотя сочиненіе, названное — *Defensio*, изъ котораго мы выписали это мѣсто, довольно несправедливо по своей формѣ и выбору выраженій, однако же въ немъ было еще слишкомъ много насмѣшливости и гордости, чтобы успокоить гнѣвъ раздраженныхъ университетовъ. Враги воздвигли на него новое сильное гоненіе; въ числѣ недовольныхъ явились не только иностранцы, но соотечественники и даже его ученики. Германцы не посовѣстились обвинять его въ ереси и чародѣйствѣ, въ такихъ преступленіяхъ, которыя, по духу того времени, наказались не иначе, какъ сожженіемъ на костре. Въ числѣ обвинителей былъ и виттембергскій профессоръ Томасъ Эрастъ; онъ объявлялъ, что Парацельсъ измѣняетъ основные догматы вѣры и всѣ таинства библіи и объясняетъ ихъ мистическимъ образомъ. Феттеръ, товарищъ и другъ Парацельса утверждалъ, что ученый профессоръ за-частую садится верхомъ на бѣлую палку или на чернаго козла и съ страшнымъ богохульствомъ улетаетъ на совѣщаніе съ вѣдьмами. Къ счастью Парацельса, всѣ эти обвиненія, какъ справедливыя, такъ и самыя нелѣпыя,—во всякомъ случаѣ клонившіяся къ явной его гибели,—по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, не причинили ему особеннаго несчастія. Эрастъ снова донесъ, что Парацельсъ принадлежитъ къ ереси социаніанъ. Хотя этотъ доносъ былъ совершенно справедливъ, и обвинитель велъ дѣло съ большимъ искусствомъ и хитростію, но бальской профессоръ обнаружилъ

въ этомъ чрезвычайно опасномъ для него процессѣ неизмѣрнѣе спокойствіе, умѣренность и благоразуміе—качества, которыя не проявлялись въ немъ ни разу во всю его жизнь. Къ величайшей досадѣ обвинителей, онъ уклонился какъ отъ письменныхъ, такъ и отъ словесныхъ отвѣтовъ касательно основныхъ догматовъ вѣры, тогда какъ враги на полемической борьбѣ основывали всю гибель Парацельса. Казалось, онъ предчувствовалъ трагическую катастрофу Михаила Серве, того испанскаго врача, который, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, за слишкомъ смѣлое обнаруженіе своихъ мнѣній въ дѣлѣ вѣры, былъ возведенъ въ Женевѣ на костеръ.

Враги Парацельса вида, что этимъ путемъ имъ не удалось избавиться отъ него, начали нападать на обстоятельства его частной жизни и выдумывать разныя исторіи въ подтвержденіе гнуснаго его разврата. Если вѣрить разсказамъ неблагодарнаго его ученика Опорина, то бальскій профессоръ, сводя личное знакомство съ ямщиками, садился вибѣтъ съ ними за столъ въ кабацкѣ подъ вывѣскою авста, и напивался до совершенной потери разсудка. Тотъ же биографъ увѣряетъ, что Парацельсъ предъ каждымъ посѣщеніемъ больного, предъ каждою публичною лекціею выпивалъ огромное количество вина и потомъ уже отправлялся къ своимъ обязанностямъ, или диктовалъ писемъ свои сочиненія. Хотя свидѣтельство Опорина по многимъ причинамъ подозрительно, однако же оно основано на нѣкоторыхъ истинныхъ фактахъ, потому-что и самые приверженцы Парацельса сознаются въ непомѣрной страсти ихъ наставника къ вину. Извѣстно, что Шиллеръ писалъ лучшія свои драматическія сочиненія при пѣніи шампанскаго; извѣстно, что Шериданъ осушалъ нѣсколько бутылокъ порто, прежде чѣмъ всходилъ на трибуну или садился за свои комедіи, — очень можетъ быть, что и Парацельсъ въ винныхъ паряхъ искалъ вдохновенія — матери великаго творчества, и энтузіазма, огня, безъ котораго ни одно произведеніе искусства и науки не можетъ достигнуть безсмертія.

Должно сознаться, что какъ въ идеяхъ, такъ и въ поступкахъ Парацельса, было множество странностей и крайностей. Правда, часто перетолкованныхъ въ дурную сторону, но со всѣмъ тѣмъ эти странности дѣлали его оригинальнѣе въ высшей степени. Вотъ что писалъ онъ къ Клаузеру цюрихскому врачу: «Каждая нація произвела для нашей науки знаменитаго ученаго, котораго положеніе находится въ аналогическомъ отношеніи къ тому климату, въ которомъ онъ родился. Въ Греціи явился Гиппократъ, на Востокѣ Разесъ, въ Италиі Мар-

«силъ Фичинъ, а Германія произвела — Парацельса.» Кажется, нельзя лучше сознавать свою собственную гениальность и предсказывать свое бессмертіе.

Вотъ еще нѣсколько строкъ, отличающихся необыкновенною гордостью и напыщенностію слога.

«Гиппократъ, Галленъ, Разесъ, Мезіусъ, Монтаньяна—всѣ вы послѣдуете за мною; гг. ученые Париза, Монпелье и Падуа, «вы тоже послѣдуете за мною, и всѣ вы живущіе на Рейнѣ и «Дунаѣ, вы жители острововъ Океана, вы Далматы и Турки—«говорю вамъ, вы послѣдуете за мною, потому-что мнѣ принад-«лежитъ скипетръ медицинъ и свободныхъ искусствъ».

Парацельсъ увѣрялъ, что шпига, которую онъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то нѣмецкаго палача, подчиняла ему одного добраго гения, именуемаго — Азотомъ. Онъ не расста-вался со шпигию ни днемъ, ни ночью, носилъ ее постоянно при себѣ, какъ залогъ сверхъестественной власти. Еслии ему случалось расстаться съ этимъ удивительнымъ талисманомъ, — онъ лишался вдохновенія, и не смотря на всѣ усилія своего краснорѣчія, не могъ уже произносить на своихъ слушателей ни привычнаго обаянія, ни увлечь ихъ непреодолимою силою убѣжденія. Рѣчь медленная, негладкая, простонародная, замѣняла обыкновенную оригинальную легкость, гигантскіе порывы и звучную торжественность. Орелъ всѣхъ алхимиковъ мгновенно терялъ свои огромныя крылья и съ высоты небесныхъ скалъ тяжело упадалъ на низменную землю. Для избѣжанія такого страшнаго паденія, Парацельсъ, стоя на кафедрѣ, не отпиралъ рукъ своихъ отъ рукоятки шпига. Гавриилъ Ноде предпологалъ, что духъ, покровительствующій бальскому профессору, былъ не иное что, какъ удивительныя его агсана, которыя онъ подъ формою шпигля всегда сохранялъ въ таинственной шпигѣ.

Впрочемъ, легко можетъ быть, что вся эта исторія о шпигѣ была только олицетвореніемъ явленія чисто отвлеченнаго, простой и поэтической символъ высшаго самосознанія. Это предположеніе покажется еще болѣе вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ что послѣдователи философіи кабалистической, родившейся на востокѣ вмѣстѣ со сказками и аллегоріями, представляли себѣ понятія самыя отвлеченныя всегда подъ матеріальною формою и мнѣямъ.

Не входя въ дальнѣйшее разбирательство этого вопроса, мы возвращаемся къ нашему биографическому разсказу. Въ концѣ 1527 года, Парацельсъ завелъ какою-то серіозную исторію съ каноникомъ бальской кафедральной церкви и вслѣдствіе этого дол-

женъ былъ выѣхать изъ города. Магистратъ, оскорбленный держимъ его письмомъ, въ которомъ онъ выставялъ всѣ несправедливости судей, погрозилъ ему тюремнымъ заточеніемъ. Усилыя просьбы друзей, боявшихся, что угроза магистрата будетъ приведена въ исполненіе, склонили Парацельса переѣхать въ Альзасъ, и въ Кольмарѣ встрѣтили его преданные ему — докторъ Корнеліусъ и лиценціаты Урсинъ, Андрей, Рафаиль, Панкратій и другіе.

Такимъ образомъ кончилъ Парацельсъ поприще академическихъ лекцій. Теперь онъ былъ свободенъ и могъ жить сообразно своему вкусу и склонностямъ, т. е. могъ возобновить странствованія, совершенныя въ юности и такъ полныя самыхъ разнообразныхъ приключеній. Путешествіе для него, также какъ для Петрарки, Альфиери и Байрона, было условіемъ жизни; онъ долженъ былъ путешествовать для того, чтобы найти счастье или, по крайней мѣрѣ, повстрѣчаться съ его тѣнью. Проживъ не болѣе года въ Кольмарѣ, онъ уже проходитъ Германію по всевозможнымъ направленіямъ; его окружаетъ цѣлая толпа учениковъ, цюрильниковъ и служителей; всѣ они бросили своихъ женъ, дѣтей и пошли за нимъ. На пути онъ останавливается въ Нюренбергѣ, С-тъ Галль, Пфеферсѣ и Аугсбургѣ; но тутъ великій герцогъ Фердинандъ изъ прежняго друга становится непримиримымъ его врагомъ и выгоняетъ его изъ своихъ владѣній, такъ какъ Карлъ V выгналъ Корнелія Агриппу изъ своей имперіи. Томасъ Эрастъ приписываетъ эту немилость герцога безсмысленной лжи, невѣжеству, дерзости Парацельса, отъ руки котораго умерли цѣлыя сотни больныхъ: явная ложь; интриги его соперниковъ и общій заговоръ всѣхъ его собратій были причиною такого поступка Фердинанда. Отсюда Парацельсъ отправляется въ Моравію къ Юанну Ленвицъ, богемскому маршалу, страдавшему долгое время подагрой. Потомъ посѣщаетъ Кроманъ, Вьну и Вилларъ, гдѣ написалъ два сочиненія. Первое, *De Chronica*, онъ посвятилъ каринтійскимъ итатамъ, второе, *De natura rerum*, другу своему Винкельштейнеру. Посреди путешествій, въ цвѣтъ лѣтъ, въ періодѣ самаго ревностнаго и славнаго служенія наукъ, Парацельсъ скончался скоропостижно въ одномъ изъ городовъ Австріи. Его ученики увѣряютъ, что онъ отравленъ своими товарищами во время какого-то пиршества. Противники его согласны въ насильственной смерти Парацельса, но по ихъ мнѣнію онъ сброшенъ съ высокой лѣстницы на мостовую, какимъ-то нѣмецкимъ вельможей, за разные обманы и шарлатанство. Нѣкоторые біографы увѣряютъ, что онъ погибъ въ кабакѣ, вслѣдствіе оргіи; а другіе пишутъ, что онъ умеръ

отъ подагры въ зальцбургскомъ госпиталѣ. Въ наше время достоверно извѣстно, что Парацельсъ скончался въ городѣ Зальцбургѣ 1541 года, на 48 году жизни. Смерть его послѣдовала за пять лѣтъ до кончины Лютера и черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Эразма. Парацельсъ погребенъ въ зальцбургской церкви св. Стефана, и могила его украшена слѣдующею надгробною надписью:

Hic est mirifici Theophrasti corpus in urnis,
Non fuit aequus ei clarus Aristoteles. —

II.

Парацельсъ написалъ 230 сочиненій философическихъ, 46 химическихъ и медицинскихъ и 7 математическихъ. Хотя въ наше время большая часть этихъ сочиненій неизвѣстна и не безъ причины оставлена, презрѣна, однако же онѣ заслуживаютъ всего нашего вниманія.

Въ этихъ сочиненіяхъ, посреди самыхъ странныхъ заблужденій смѣлаго воображенія, блестятъ, подобно звѣздамъ мрачной ночи, необыкновенное остроуміе и самыя положительныя истины; посреди неправильныхъ заключеній, выводящихъ изъ началъ ложныхъ и пелѣныхъ, встрѣчаются драгоценныя жемчужины, утопающія въ мелкомъ пескѣ океана, наблюденія самыя точныя и наведенія самыя логическія. Вотъ лучшія сочиненія Парацельса: *Magna philosophia* и *Archidoxis Magica*—собраніе его открытій и теорій химическихъ; *Liber Paragranum et Liber Paramirum*, гдѣ изложено его медицинское ученіе, и наконецъ *Magna Chirurgia*, книги, наполненныя основательными положеніями и новѣйшими наблюденіями.

Энциклопедическій умъ Парацельса стремился къ тому, чтобы все объяснить, соединить и подвести подъ одно общее. Онъ былъ самый смѣлый и неуравновѣшенный представитель мистической философіи. Въ отношеніи къ западному неоплатонизму онъ былъ тоже, что Ямвлихъ къ неоплатонизму александрійскому. Возобновляя мистицизмъ и кабалистику Евреевъ, онъ старался соединить ихъ съ догматами христіанскаго откровенія. Не входилъ въ разбирательство его понятій теологическихъ, его психологій и въ особенности его *критеріума*, обратимся скорѣе къ его трудамъ на поприщѣ наукъ: тутъ мы увидимъ всю истинную оригинальность Парацельса, весь интересъ и новизну его системы. Хотя въ XV вѣкѣ Марсиль Фичинъ, а въ XVI Корнелій Агриппа и Жеромъ Карданъ, уже подвизались на

этомъ ученюмъ поприщѣ, но ихъ труды были болѣе частныя, отдѣльныя и не принесли никакого плода; эти люди не были одарены умомъ синтетическимъ и не заботились о необходимомъ единствѣ. Можетъ быть, Парацельсъ уступалъ этимъ ученымъ въ трудолюбивыхъ изслѣдованіяхъ, въ терпѣніи и аналитическомъ преслѣдованіи предмета, однако же онъ превзошелъ ихъ своими общими взглядами и умѣнемъ соединить разнородныя данныя въ одно цѣлое. Химию онъ почиталъ основаніемъ всѣхъ другихъ наукъ и всячески старался показать приложеніе ея къ каждой изъ нихъ отдѣльно.

Опредѣляя законы, по которымъ образуется вещество, и входя до первоначальныхъ причинъ рожденія тѣлъ, онъ принимаетъ свойства за самое вещество, качества непосредственныхъ элементовъ за самыя элементы. Такъ напр., названныя имъ *Matrices* или *matres* всѣхъ тѣлъ, т. е. соль или вещество плотное, *Mercurius* или вещество жидкое и *Sulphur* т. е. газъ — суть не что иное, какъ элементы Эмпедокла, украшенные именами, замѣствованными въ химической терминологіи. При всей ошибочности такого мнѣнія, должно однако же замѣтить, что Парацельсъ и тутъ далеко превзошелъ понятія древнихъ; потому-что кромѣ началъ (*matrices*) вещественныхъ, онъ принимаетъ еще начала спиритуальныя, невидимыя, неосвязаемыя, и очевидно, понимаетъ подъ этими началами силы, сокрытыя въ матеріи, жидкости невѣсомыя, причины какъ движенія атомовъ, такъ и симпатическаго взаимнаго ихъ притягиванія и отталкиванія словомъ, онъ намекаетъ на электричество, свѣтъ и теплоту.

Объясняя таинства общей физиологій, вотъ какъ онъ излагаетъ свои понятія о явленіяхъ бытія, существующаго въ мірѣ организованныхъ и живомъ:

«Въ природѣ есть нѣчто нами невидимое, заключающее въ себѣ въ своихъ общемъ бытіи всѣхъ существъ; это *ничто* беретъ свое начало отъ звѣздъ и можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: для поддержанія огня нужно топливо; безъ топлива не будетъ и огня; слѣдовательно, огонь есть жизнь..... «а безъ воздуха, всѣ животныя погибнутъ отъ задущенія».

Стоитъ только вникнуть въ смыслъ этого объясненія, и мы ясно увидимъ, что въ немъ хранится зародышъ простыхъ, важныхъ и несомнѣнныхъ результатовъ, выведенныхъ изъ приложенія фактовъ химическихъ къ объясненію фактовъ жизненныхъ и естественныхъ явленій животной экономіи. Мы видимъ тутъ основаніе великаго и незабвеннаго открытій французскихъ химиковъ XVIII столѣтія, открытій Лавоазье, Сегена, Лапласа, тѣхъ знаменитыхъ мужей, которые такъ справедливо

сравнивали механизм дыхательного процесса съ процессомъ горѣнія, и доказали, что кислородъ воздуха есть необходимый элементъ для возбужденія и перерожденія венозной крови.

Вотъ еще нѣсколько чрезвычайно занимательныхъ строкъ, относящихся къ животной организаціи: «Есть различные виды людей, люди воспаления, волки и т. д., и человѣкъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, состоитъ изъ этихъ различныхъ формъ» Далѣе онъ говоритъ: «Человѣкъ есть самое высшее, «последнее животное.»

Въ приведенныхъ намъ словахъ заключаются всѣ основныя начертанія философическаго анатоміи. Изъ этихъ словъ впервые рождается та наука, которой опредѣлено быть свѣтильникомъ и окончательнымъ вѣдомъ описательной зоологіи. Эти слова бросили необыкновенный свѣтъ на старинную классификацію животныхъ, предпринятую Аристотелемъ, на трудъ, могущій служить образцомъ точности и тщательности анализа, но неоконченный, неизмѣющей тѣсной, общей связи и лишенный жизни. Мысль, всказанная Парацельсомъ, согнала естественныя науки со старыхъ, избитыхъ стезей, и вывела ихъ за пределы методы вульгарной и поверхностной. Этой мысли суждено было, не смотря на всѣ противоборства, развиться, занять приличное ей мѣсто и увѣковѣчить себя въ будущемъ. Однако же она оставалась неизвѣстною, сокрытою и какъ бы дремавшею до времени великаго Линнея; она пробудилась въ трудахъ этого ученаго и начала распространяться во всѣ стороны. Бюффонъ и Карлъ Бонне поддерживали законность ея своимъ могущественнымъ авторитетомъ. Каммеръ, съ своей стороны, изслѣдовалъ ее со всею точностію ученаго, и блистательно изложилъ въ своемъ сочиненіи. Тутъ онъ смѣло доказываетъ аналогію формъ животныхъ, отъ класса рыбъ до класса млекопитающихъ. Въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX столѣтія, великая зоологическая идея нашла сильныхъ поборниковъ по сю сторону Рейна, въ ученикахъ Шеллинга, въ послѣдователяхъ такъ называемой *натуральной философіи*, т. е. Кольмейеръ, Меккель, Спикеръ и Окенъ, этомъ величайшемъ поэтѣ германскаго пантеизма и глубокомысленномъ психологѣ природы. Самъ Гёте говоритъ: «Мы можемъ смѣло утверждать, что животныя, одаренныя высшею организаціею, т. е. рыбы, пресмыкающіеся, птицы и млекопитающіе, образованы по одному первообразному типу.»

Наконецъ, новая идея начала дѣлаться общею во Франціи, и подъ именемъ *l'Unité de composition organique* вступила въ торжественную борьбу съ мнѣніями сильнаго противника—Кювье,

восторжествовала надъ ними, и съ новымъ запасомъ силъ утвердилась на незыблемомъ основаніи.

Для физики имя Парацельса пребудетъ тоже незабвеннымъ. Его трудолюбивое изслѣдованіе явленій и законовъ минеральнаго магнетизма есть трудъ, увѣнчанный результатами, достойными удивленія, если обратить вниманіе на низкую степень совершенства наукъ того времени.

Что касается до собственно такъ называемой патологіи Парацельса, то хотя можно, въ нѣкоторомъ отношеніи, упрекнуть его за то, что онъ далъ своимъ химическимъ теоріямъ слишкомъ обширный кругъ дѣятельности и, такъ сказать, употребилъ ихъ во зло, однако же эти теоріи останутся навсегда удачнѣйшими системами въ исторіи медицины, потому-что онѣ положительны, рациональны и, безъ помощи другихъ гипотезъ имѣютъ удивительное приложение къ различнымъ, совершенно необъяснимымъ болѣзненнымъ состояніямъ. Стоить только выплнуть въ мнѣніе Парацельса на счетъ образованія *gravelle*, мочевого камня, артритическихъ конкреговъ, и нельзя не удивляться счастливому взгляду и глубокомыслию этого человѣка. Что можетъ быть яснѣе, проще и правдоподобнѣе той знаменитой его теоріи броженія, посредствомъ которой онъ объявляетъ явленія, замѣчаемыя въ организмѣ при заразительныхъ болѣзняхъ? Даже при нынѣшнемъ состояніи науки, кажется, можно предполагать, что маленькая капелька оспеннаго гною, введенная подъ кожу, дѣйствуетъ на организмъ какъ закваска, измѣняетъ его и возбуждаетъ въ немъ начало себѣ подобное; это начало, чрезъ особенное волненіе въ организмѣ, подобно накипи, выбрасывается наружу и освобождаетъ такимъ образомъ организмъ отъ агента, всегда готоваго вредить нормальнымъ отправленіямъ его. Въ болѣзняхъ, происшедшихъ отъ вреднаго вліянія металловъ, у рудокоповъ, отравленныхъ частицами свинца или мѣди, Парацельсъ употреблялъ тѣже средства, которыя и теперь признаются за самыя дѣйствительныя, т. е. сѣрную кислоту въ питьѣ. Онъ говоритъ: «Мнѣ случалось пользоваться одного рудокопа, съ которымъ каждый день бывали три или четыре пароксизма сильнаго дрожанія; онъ бросался во всѣ стороны, и цѣлую четверть часа члены его находились въ конвульсивномъ состояніи. Я далъ ему напиться масла и онъ чувствовалъ себя легче; но едва онъ проглотилъ питье изъ сѣрной кислоты, какъ всѣ припадки утихли, потому-что это былъ родъ падечей болѣзни.»

Терапевтика Парацельса есть драгоцѣннѣйшій цвѣтокъ вѣнца его славы; въ этой отрасли медицинскихъ наукъ имя Пара-

здесь я пробудеть навсегда незабвенным и бессмертным. Хотя большая часть терапевтических нововведений были уже сделаны Рожером Баконем, Арно де Вильневом, Раймондом Люлем, Исааком Голландом; но эти открытия не имѣли еще ни употребленія, ни авторитета въ наукѣ; не освѣщенные мыслемъ и не соединенны въ одно цѣлое, онѣ нуждались въ регуляторѣ, который бы далъ имъ извѣстный ходъ, въ архитекторѣ, который бы съ помощью этихъ матеріаловъ умѣлъ построить прочное зданіе.—Парацельсъ своими огромными трудами и многочисленными опытами споспѣшествовалъ истиннымъ успѣхамъ терапевтики, побудилъ ее забыть старое убѣжденіе, что одно только растительное царство доставляетъ лекарственные пособія, и показалъ, что царство минеральное съ избыткомъ одарено цѣлительными качествами.

Послѣ всѣхъ этихъ похвалъ, мы должны быть справедливы, безпристрастны, и сказать какъ о заблужденіяхъ Парацельса, такъ и о заслуженномъ имъ порицаніи. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ ревностный поборникъ таинственныхъ наукъ, и умомъ своимъ, достойнымъ гораздо лучшаго употребленія, созинавалъ самыя смѣшныя предразсудки и сказки самыя нелѣпыя. Онъ царствовалъ въ непрочномъ, таинственномъ пандемоніумѣ. Въ этомъ фантастическомъ пространствѣ, его нетерпимый и быстрый духъ, не давая себѣ покою ни на минуту, силится остановить мелькающіе образы и схватить неуловимые элементы. Впрочемъ не должно забывать, что на мечтательность должно смотрѣть, какъ на слабость и болѣзнь того вѣка; этимъ страдали не только люди, одаренные пламеннымъ воображеніемъ и поэты, но даже умы самыя спокойныя, строгія и наблюдательныя. Знаменитые Фернель, Амвросій Паре и др. не были свободны отъ предразсудковъ, свойственныхъ тому вѣку, въ которомъ они жили.—Удивительно, что люди, истощивъ столько стараній, твердости и генія на созданіе астрологій, магіи и алхиміи, вдругъ потеряли ту вѣру, которая ихъ одушевляла; сомнѣніе заступило мѣсто надежды, лженауки развалились у самого своего основанія и истлѣли, подобно злакамъ, лишившимся живительнаго сока. Еще удивительнѣе то, что эту гибель лженаукъ совершилъ самъ ихъ создатель; верховный жрецъ, воспитанный во мракѣ капища, разрушилъ алтари своихъ боговъ; отецъ убилъ свое собственное дитя, — словомъ: Парацельсъ уничтожилъ парацельсизмъ.

— «Если бы въ природѣ и не было созвѣздіи, человекъ несколько бы отъ того не измѣнился» — «Прежде чѣмъ наступитъ послѣдній день міра, большая часть искусствъ, прини-

маемыхъ теперь за дѣйствіе дьявола, сдѣлаются доступными «понятію каждаго и люди увидятъ, что всѣ эти дѣйствія зависятъ отъ простыхъ силъ природы.»

— «Алхимія есть *жеслудокъ*, содержащій въ себѣ лекарства, и «простые артисты ошибаются, принимая ее за искусство дѣлать «золото и серебро.»

Прочитавъ эти строки, едва вѣришь глазамъ своимъ. Откуда взялось такое отступничество? —

Писатели XVI вѣка считали Парацельса только главою всѣхъ колдуновъ, но XVIII-ый вѣкъ произвелъ такихъ людей (Циммерманъ), которые, послѣ краткаго и самаго неосновательнаго разбора сочиненій великаго человека, провозгласили его плутомъ, хитрымъ обманщикомъ и главою всѣхъ шарлатановъ. Они основываютъ свои мнѣнія на безпрестанныхъ его противорѣчіяхъ, на его особенномъ языкѣ, на его неприличной восторженности и на другихъ причинахъ, которыя заставляли предполагать, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, что онъ преподавалъ двѣ науки, изъ коихъ одна была публичная, вульгарная, приспособленная къ идеямъ эпохи и предразсудкамъ толпы, другая—тайная, высшая, составлявшая его монополію и открываемая имъ небольшому числу вѣрныхъ, непытанныхъ учениковъ.—Но строгій, безпристрастный разборъ дѣла обнаруживаетъ всю неосновательность такихъ мнѣній. Стоитъ только вспомнить тотъ вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, и мы легко объяснимъ себѣ причины, почему Парацельсъ такъ часто перемѣнялъ свои собственные мнѣнія, отчего вторая половина его жизни, была совершеннымъ опроверженіемъ первой. Умъ его, постоянно находясь между непроницаемою тьмою и дальнимъ свѣтомъ, между всеобщимъ заблужденіемъ и сокрытою истинною, медлилъ, сомнѣвался и долго не находилъ точки опоры. Къ тому же, Парацельсъ былъ неизбежное произведеніе своего вѣка, а вѣкъ этотъ былъ опредѣленъ содѣлаться періодомъ преобразованія человѣческихъ идей. Кажда богатства и земныхъ почестей никогда не руководила расчетами и надеждами Парацельса. Онъ сильно возставалъ противъ этихъ пороковъ, которые въ то время, кажется, были въ такомъ же общемъ ходу, какъ и въ нашемъ XIX вѣкѣ.—Онъ не составилъ себѣ никакого состоянія и умеръ почти нищимъ. Парацельсъ находился подъ влияніемъ другой, болѣе благородной, страсти. Кажда славы—вотъ то божество, которому онъ приносилъ въ жертву свое спокойствіе и блаженство: къ несчастію, онъ раздѣлялъ участь многихъ великихъ людей, т. е. вмѣстѣ съ бла-

городною страстію, усвоилъ себѣ дурныя ея качества—ту гордость, которая была причиною многочисленныхъ его заблужденій. Онъ такъ высоко цѣнилъ свой собственный геній, такъ надменно говорилъ о своей индивидуальности что сдѣлался наконецъ добычею своихъ химеръ, потерялъ здравый смыслъ и впалъ въ мономанію. Послушайте, что говоритъ онъ: «Я получаю письма отъ Галлена прямо изъ ада и спорилъ съ Авиценной на счетъ квинтъ-эссенціи въ прихожей у Плутона.» Послѣ этого не остается никакого сомнѣнія въ помѣшательствѣ Парацельса; но приведемъ еще простой разсказъ Крато, слышанный имъ отъ Опорина, ученика Парацельса, спавшаго съ нимъ въ одной комнатѣ: «Онъ бросался на кровать совершенно одѣтый и не отвязывая отъ себя шпаги. Послѣ вѣсколькихъ минутъ сна, вставалъ, брякалъ шпагою, ударялъ ею въ стѣны, окна и двери, воображалъ, что сражается со злыми духами. Часто эти сцены не давали покоя нашимъ сосѣдямъ, а я, лежа на кровати, ожидалъ что онъ проколетъ меня своею шпагою.»

Останемся же справедливы въ памяти Парацельса; отдадимъ уваженіе и почтеніе его знаменитой тѣни; признаемъ въ немъ величайшій синтетическій умъ и величайшій геній медицинскихъ наукъ XVI вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнемъ о немъ какъ о безумцѣ и мономанѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Кримика и Библиографія.

Московскій литературный и ученый Сборникъ на 1847 годъ. Москва, 1847.

Статья I.

Если въ общей суетливости матеріальныхъ интересовъ, на шумномъ базарѣ жизни, является тихій, мечтательный, вдохновенный—въ идеальномъ костюмѣ—юноша, чуждый этихъ интересовъ, носящій въ своемъ умѣ цѣлый міръ возвышенныхъ идей, которыя онъ считаетъ удобопримѣняемыми къ практической жизни и необходимѣйшими, для спасенія ея отъ конечной гибели въ безднѣ эгоизма, — то нельзя не сочувствовать хоть сколько нибудь такому милому, поэтическому явленію; ибо непреложнымъ признакомъ чисто-человѣческаго образованія зрѣлаго мужа бываетъ именно это умиленное сочувствіе, это уваженіе къ золотымъ мечтамъ юности, двѣтущимъ, подобно розѣ, слишкомъ пышно, чтобы принести плодъ — по крайней мѣрѣ — плодъ вещественный! Тутъ невольно вспомнишь слова Шиллера, въ Донъ-Карлосѣ:

— — — — — Sagen Sie
Ihm, dass er für die Träume seiner Jugend
Soll Achtung tragen, wenn er Mann sein wird...

Такимъ любезнымъ юношею является въ наше время такъ называемый Славянизмъ, сѣтующій довольно краснорѣчиво о «нашемъ мысленномъ и бытовомъ раздвоеніи, о разрывѣ между жизнью и знаніемъ, о вѣчной, даже нескрытой враждѣ само-бытнаго начала и *чужеземнаго палыча*»; о томъ, что нами будто бы «утрачено жизненное начало — живая личность народа, черезъ которую единственно дѣлается намъ доступнымъ человечество.» Исцѣленіе отъ этихъ умственныхъ язвъ, возстановленіе живой личности народа, исправленіе всей Европы и, въ добавокъ, конечную судьбу міра юный Славянизмъ видитъ въ себѣ самомъ, въ своихъ элементахъ, *зана* судьба сотворила его «съ *особеннымъ* духовнымъ организмомъ, съ *особенною* наружностью, умомъ, сердцемъ, чтобы изъ всего этого вытекала совокупность нравственной жизни, одному только славянизму свойственной!»

Подобныя фантастическія замашки возобновленнаго славянизма, имѣющаго свой органъ и свое невещественное царствіе только въ «Московскомъ Сборникѣ» и въ умахъ сотрудниковъ этого Сборника — не могли не быть предметомъ насмѣшекъ благоразумной критики: эти насмѣшки суть горькая, но необходимая дань положительной истинѣ! Но теперь, кажется, эти насмѣшки уже не нужны: мнимый славянизмъ — совершенно одинокое, разобщенное (изолированное) явленіе, невозбуждающее ни малѣйшаго участія въ нашей публикѣ. Явленіе это, на своемъ эксцентрическомъ пути, еще нѣсколько времени будетъ продолжать свое колоращеніе вокругъ самого себя и, наконецъ, погаснетъ въ себѣ самомъ, или войдетъ въ составъ благоразумной, истинной народности.

Очень понятно, почему общество не вразумляется и вразумиться не можетъ въ толки этого славянизма и считаетъ ихъ — често-мечтательными.

Славянизмъ — отжившая тѣнь нашей древности, призракъ, любезный нашему сердцу, но все-таки *привидѣніе, не живое* существо, съ которымъ можно бы подѣлиться жизнью. Никакая славянская діалектика не увѣритъ нашего общества, что оно оторвано отъ народа, когда оно чувствуетъ себя на живомъ корнѣ народности, ею питается умственно и матеріально и безпрестанно пріемлетъ отъ нея русской духъ и любовь къ Россіи, нашей общей матери. Легко быть можетъ, что Славянофилы найдутъ два-три

примѣра, свидѣтельствующіе будто бы объ отчужденіи общества отъ народа; но, съ другой стороны, еще легче найдешь соотную доказательствъ, для опроверженія этой печальной идеи. Въ бытность нашу въ Италіи, Русскіе, принадлежащіе высшему кругу общества, чтобы сдѣлать пріятнѣйшій сюрпризъ *одному* Путешественнику, собирались вечеромъ подъ окнами жилища его и, въ *костюмѣ* добрыхъ русскихъ сельскихъ молодыхцевъ, принялись распѣвать русскія народныя пѣсни — и оглашали ими — *римскую* ночь! — Подлѣ скромнаго, на окраинной чертѣ сѣверной столицы, полусельскаго жилища автора этой статьи, находится прекрасная дача одного *русскаго* вельможи; тутъ же и принадлежащая къ ней *русская* деревня. Ежегодно, въ первый день августа, вельможный хозяинъ этой дачи, созвавъ къ себѣ гостей изъ высшаго круга, празднуетъ окончаніе сельскихъ работъ, осматриваетъ хозяйственную часть своей деревни, награждаетъ отличнымъ образомъ тѣхъ, чей рабочей скотъ и земледѣльческій снарядъ найдены въ хорошемъ состояніи, и въ своемъ прекрасномъ паркѣ даетъ всей деревнѣ обѣдъ и послѣ того праздникъ, на который стекается великое множество столичныхъ посѣтителей всѣхъ званій. Вотъ вамъ только два примѣра, которые для насъ убѣдительнѣе, чѣмъ всѣ умные и ученые толки Славянофиловъ, и почему мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы общество (разумѣется петербургское) было оторвано отъ народа. Мы любимъ Москву, въ которой еще вахнетъ прежнюю Русью; мы горячо любимъ святую Русь и неумолимо порицаемъ всякое журнальное нововведеніе, несогласное съ природою русскаго духа; но при всемъ этомъ не можемъ прельститься юношескими мечтами славянолюбія и полагаемъ, что съ *Поклонной горы* и изъ низменной *стелной* деревни не должно сулить о нашемъ обществѣ, о высшемъ цвѣтѣ нашего европейскаго — т. е. чисточеловѣческаго просвѣщенія.

Другая, еще менѣе понятная, еще болѣе парадоксальная идея славянизма та, будто бы «великій славянскій міръ есть міръ еще дѣвственный, непочатый, *до сихъ поръ* заключенный въ себя самого гнетомъ суровой и бережливой судьбы, которая, казалось, боллалась, чтобы онъ не вышелъ на свѣтъ прежде урочнаго времени, и для того поставила его подъ давленіемъ вишней атмосферы!» (страни: 201). Изъ этого незавиднаго и только ожиданіемъ великой будущности улаждаемаго положенія должно заключить, что великимъ дѣвственнымъ, еще непочатымъ міромъ славянскимъ считаютъ заграничныхъ — южныхъ и западныхъ — Славянъ, именно тѣ отдѣльныя сла-

вянскія частицы, которыя, конечно, по волѣ Провидѣнія, не вошли въ составъ великаго міра славянскаго, называемаго *Rosceno*, и которыя, по соображеніямъ человѣческимъ, предназначены слиться наконецъ съ міромъ германскимъ, безъ сомнѣнія, для пользы сего послѣдняго — какъ, на оборотъ, и частицы германскаго міра присоединены къ Россіи, также не безъ какой-либо благой высшей цѣли. Чужой, свѣжій житейскій элементъ, приподобляющійся природѣ другого живущаго тѣла, оказывается благотворнымъ для дальнѣйшаго преусибіянія этого тѣла, подобно тому, какъ и отъ крови чужой возрождаются одряхлѣвшія отъ одинокрвія семейства и племени: таковъ основной законъ житейскихъ процессовъ, отъ высшей ступени дѣятельности существъ внизъ до природы неодушевленной!

Славянизмъ, какъ извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, кромѣ славянофиловъ, не только не есть непочатый *доныи* дѣятельный міръ и прочая, но и выступилъ на политическое поприще уже со времени Рюрика; въ теченіи многихъ вѣковъ, при стѣнительныхъ обстоятельствахъ, развивался, въ умственномъ отношеніи, не быстро и довольно скудно, но за то сосредоточивался въ себѣ самомъ и, наконецъ, до того окрѣпъ въ своей народной силѣ, что совершенно самобытнымъ славянскимъ путемъ, къ вѣчному удивленію міра, произвелъ цвѣтъ, какого дотошъ и донинѣ не производилъ еще ни одинъ народъ!.. Изъ темныхъ, еще неразвитыхъ наружу началъ славянскихъ, изъ духовной жизни, изъ гигантской нравственной силы самаго народа Русскаго — представителя и единственнаго выраженія всего Славянства — сторичнымъ вознагражденіемъ за все прежде скудное его развитіе умственное и политическое — ишелъ *Петръ Великій*, единственный творческій геній, который могъ промолвить своему народу: *да будетъ свѣтъ!* и который проникнулъ Русь своимъ безсмертнымъ геніемъ, содѣлалъ ее способною совершать все великое и прекрасное, ожидаемое славянофилами и нами всѣми, сынами Россіи. По нашему — прибавимъ скромно — *лично* мнѣнію, древняя исторія русскаго народа была бы тягостна для нашего чувства, безъ конечнаго результата ея — *Петра Великаго!* Онъ однакъ примиряетъ насъ съ горькими судьбами древней Руси, съ медленнымъ ея развитіемъ общественнымъ, наконецъ, съ прежнимъ боярствомъ, котораго единственнымъ политически — житейскимъ признакомъ было злополучное мѣстничество. Одно явленіе *Петра* даетъ смыслъ и форму всей массѣ нашей до-Петровской исторіи; его геній вразумляетъ намъ, что только при такихъ судь-

бахъ народныхъ, при такомъ замедленномъ развитіи наружу, заключенная въ себѣ самой духовная сила славянская могла, въ продолженіе вѣковъ, прозревать въ лонѣ своемъ и, въ урочное время, произвести на свѣтъ — столь исполнискаго генія; мы вѣримъ, что, еслибъ она прежде создала побольше такихъ мужей, каковы Іоаннъ III, Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ, то истощилась бы на столько, что уже не могла бы создать *Петра* — и одинъ только колоссальный Петръ могъ выдвинуть громадную Россію изъ глубины азиатской стихіи на путь чисто-человѣческаго просвѣщенія.

Мы удивляемся книжникамъ и фарисеямъ, невидѣвшимъ того, что *въ оцѣ совершалось*, и упорствовавшимъ въ безразсудныхъ ожиданіяхъ *другаго* исполненія завѣта древнихъ предѣщаній; не менѣе удивительны для насъ тѣ изъ нашихъ славянолюбцевъ, которые, съ восторженными легковѣріемъ прослѣдивъ долгое существованіе Славянъ, будто бы записанное въ исторіи, «въ продолженіе болѣе ста пятидесяти вѣковъ» (стр. 196 — отъ сотворенія міра числится всего семнадцать три съ половиною вѣка) — также не видятъ, что и въ Славянскомъ мірѣ ванблистательнѣйшимъ образомъ исполнился завѣтъ великихъ наележдъ и ожиданій, — что уже *былъ* славянскій полубогъ и положилъ вѣковыя основанія, на которыхъ, уже полтора вѣка, столь чудесно высится умъ и сила нашего отечества. Славянофилы все еще ожидаютъ прішествія этого полубога. Болѣе, нежели изумительно, отъ чего ученые люди, столь хорошо знающіе темную *ста пятидесяти-вѣковую* исторію Славянъ, не замѣтили того періода ея, въ который родился *свѣтъ* славянскаго міра! Вотъ задача, достойная французской академіи!

Неукротимѣйшимъ славянофиломъ разбираемаго нами Сборника является — *Нилъ*, по фамиліи, г-нъ *Рихельманъ*, къ «Продолженіи писемъ изъ Вѣны». Онъ восклицаетъ: «Мірѣ славянскій, со всѣми его преданіями, вѣрованіями, народною поэзіею, прошедшею жизнію и настоящимъ бытомъ! Пройдите воображеніемъ весь этотъ кругъ, на сколько онъ намъ доступенъ, при нашихъ ничтожныхъ свѣдѣніяхъ; перелетите отъ *береговъ Адриатики* и стараго Евксинскаго Понта до ледяныхъ скалъ Лапландіи, остановитесь хотя на мгновеніе у каждаго изъ десяти племенъ, составляющихъ великую семью, чтобы припомнить вѣковыя судьбы ихъ прошедшей жизни; прислушайтесь мыслію и чувствомъ къ ихъ пѣсни — и вы, потомокъ этихъ *славныхъ* предковъ, членъ этой семьи, *осмѣльтесь* сказать, что тутъ нѣтъ задатковъ поэзіи, нѣтъ достаточно стихій, чтобы

создать ей великое самостоятельное царство на цѣлое тысячелѣтіе!» (Стр. 207—208).

Безъ *славянизма* послѣдняго слова, можно бы подумать, что здѣсь говорится о самостоятельномъ царствѣ, которое основалъ *Петръ*; но нѣтъ! Здѣсь основная идея гностицизма — *милліада* (millenium); здѣсь пахнетъ Керинѳомъ! Но мнѣнію г-на Ригельмана, великій міръ славянскій еще не выступалъ на настоящее поприще, еще только готовится, приобретаая право перерѣшить все, уже рѣшенное Европою. Мы ни чуть не прочь отъ этихъ блестящихъ, весьма быточныхъ надеждъ, но чрезвычайно недовольны краткимъ срокомъ г-на Ригельмана — *однимъ* только, хотя и *цѣлымъ*, тысячелѣтіемъ! Когда сволочь Ромула могла основать тысяче-аухсотлѣтнее царство, то ужели великій міръ славянскій, при своихъ богатѣйшихъ жизненныхъ началахъ, и готовившійся въ продолженіе *пятнадцати тысячелѣтій* (какъ выше сказано), для вступленія на великое поприще перерѣшителя всего европейскаго, — не просуществовать, не продлѣивуть по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе времени, нежели сколько употребилъ на приготовленіе къ дѣйствію, — и потому просимъ г-на Ригельмана: вмѣсто *одного* цѣлаго тысячелѣтія, поставить *шестьдесятъ* — цѣлыхъ же тысячелѣтій!

Самое интересное въ разбираемой статьѣ, и то, что читается съ наслажденіемъ, съ любовью, есть перечень содержанія поэмы Коллара: *Дочь Славы* (Slavy Dcega). Не лучше ли было бы въѣсто славянофильскихъ разсужденій, которыя никого не убѣдятъ, передать намъ цѣлкомъ, въ прозѣ, поэму Коллара? Этотъ *фактъ* славянскій былъ бы краснорѣчивѣе и, безъ сомнѣнія, возжегъ бы въ нашихъ поэтахъ славянское вдохновеніе. Не пустыми словами, но *запали поэзію* одушевишь и пынѣ *соены*! Приведемъ нѣкоторые изъ переданныхъ г-мъ Ригельманомъ сонетовъ этой поэмы.

«Пустынное песелище славной Ретры! я сижу на твоихъ заросшихъ развалинахъ, какъ Маріи на печальныхъ обломкахъ Кареагена. — Девять вѳрѳовъ, мостъ, островъ, озеро, покрытое судами, и твой Радогостъ, и въ кашахъ идола — какъ мнѣ все это живо рисуетъ воображеніе! О, если бы я былъ Амфіономъ Овнскимъ — мгновенно воздвигъ бы твои обломки значительною силой! И еслибъ я былъ Девкалиономъ, изъ всѣхъ этихъ камней быстро родились бы Славяне!»

— Поэтъ посѣщаетъ Старгородъ (нынѣ нѣмецкій *Ольденбургъ*), нѣкогда столицу Оботритовъ, и Мекленбургъ, покинутый Нѣмцами и занятый Вендами (Славянами), внослѣдствіи овѣме-

чавшимися, котораго Герцовскій родъ, древнѣйшій въ Германіи, несомнѣнно ведетъ начало свое отъ славянскаго Прибислава, въ 1170 году объявленнаго имперскимъ княземъ.

— Взоръ поэта проникаетъ до береговъ Вислы, потомъ еще далѣе (сон. 255):

«Какъ величественно блещетъ твой златобашенный Кремль, святая Москва! Дивно и ярко сияетъ весь свѣтлый сѣверъ твоею красою! Но вотъ, слава бросаетъ огонь на роскошный дворець Растопчина; сыплетъ искры, разлѣваетъ пламя по необъятному городу! Молю, свѣтлая мати! Скажи, что побудило тебя къ такому страшному дѣлу? — «Я зажгла свѣточъ, чтобы и слѣдцы наконецъ узнали меня и моихъ дѣтей!»

(Сонетъ 255.) «Когда мой духъ смущали эти мысли, я воскликнулъ: о, если бы наши разныя племена были золото, серебро, металлы, — я бъ вылилъ изъ всѣхъ *одно* изваніе: Русскіе были бы его головою, Ляхи грудью, Чехи рамена и руки; изъ Сербовъ я бы сдѣлалъ дѣ ноги; меньшія вѣтви Виндовъ, Лужичъ, Слезанъ, Хорватовъ, Словаковъ — я растопилъ бы на вооруженіе и одежду; передъ моимъ великаномъ Европа преклоняла бы колѣни! Челомъ возносился бы онъ выше облакъ, и земля бы дрожала подъ его ногами!»

Рѣшительно эксцентрическимъ славянофильствомъ отличается и статья А. С. *Хомикова*: «О возможности русской художественной школы.» Авторъ одинъ изъ нашихъ даровитыхъ поэтовъ, и потому не лѣзя не пожалѣть, что славянофильство содѣлало его, въ послѣднее время, бесплоднымъ, относительно поэтическаго творчества. За небольшое лирическое стихотвореніе, какія, во время оно, писывалъ г-нъ Хомиковъ, мы охотно бъ отдали всю диссертацию его, въ которой умъ и начитанность, примѣняемые исключительно къ неосновательной постоянной идеѣ славянофильства, производятъ тѣмъ непріятнѣйшее впечатлѣніе, что они были бы достойны лучшаго, правднѣйшаго, полезнѣйшаго употребленія. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ коренныхъ предложеній автора, именно тѣ, на которыхъ основывается онъ мнимую возможность новой художественной школы.

«Конечно, найдутся люди (я такихъ встрѣчалъ и знаю), которые скажутъ: «Почему же школа художества должна быть народною? прекрасно вездѣ прекрасно! Надобно искать художества, а не народности въ художествѣ. Этотъ тѣсный и, такъ сказать, славянофильскій взглядъ на прекраснѣйшее явленіе духа человѣческаго убиваетъ силы духовныя, или увлекаетъ ихъ по ложнымъ безъисходнымъ путямъ: онъ недостойнъ ни

просвѣщенного 19-го вѣка, ни просвѣщенной землѣ!» — «Я согласенъ бы—отвѣчаетъ самъ себѣ авторъ — съ такимъ сужденіемъ, если бы меня не останавливали двѣ преграды: факты и ихъ аналогія, разумъ и его законы!» Вслѣдъ за тѣмъ сказано, что «всѣ замѣчательныя художественныя явленія носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли: Египетъ и Индія, Элада и Римъ, Италия, Испанія и Голландія, каждый изъ нихъ дали образовательнымъ искусствамъ свой особый характеръ. Выводъ одинъ и тотъ же: вездѣ и во всѣ времена искусства были народными. Уже по одной аналогіи не лзя думать, чтобы этотъ законъ измѣнился для Россіи.»

Постараемся, вратцѣ, не утомляя читателя, опровергнуть эту аналогію фактовъ, *этого* разумъ и его законы.

Искусство, преемственно у разныхъ народовъ, продолжало процессъ своего развитія и давно уже совершило свой курсъ образованія, свой циклъ, въ который уже не входитъ ничего національнаго, потому что искусство, въ своей чистотѣ, есть атрибутъ обще-человѣческаго, по теоріи, извлекаемой изъ всей исторіи искусствъ. За исключеніемъ одного только народа — Эллинскаго — у всѣхъ другихъ народно-индивидуальное въ искусствѣ есть только частная, въ исторіи искусствъ конечно интересная черта, но въ отношеніи къ идеѣ и истинной цѣли ихъ, нѣчто лишнее, ошибочное—такъ сказать, необходимый, еще несовершенный модель, мало-по-малу усовершенствованійся до чистаго выраженія идеала. По мудрому уставу вѣчнаго Воспитателя рода человѣческаго, только единожды доселѣ обще-человѣческое совпадало съ народнымъ, у Эллиновъ, и искусство эллинское превосходило не потому, что оно *народно*, но потому, что характеромъ народа было *чисто-человѣческое*, которое, проникнувъ всю массу наивсчастливѣйше организованнаго народа, только въ *этой* формѣ могло находить и дѣйствительно находило высшее и самое стройное выраженіе художественное. Куда нынѣ годится собственно народное въ стилахъ египетскомъ, индійскомъ, испанскомъ и голландскомъ? а идеалы эллинскаго искусства образовали Рафаэля, Микель-Анджело, всѣхъ лучшихъ новѣйшихъ художниковъ, и навсегда пребудутъ образцами, какъ высшее и полное художественное выраженіе до-христіанскаго человѣчества.

Никто не станетъ опровергать вѣковую истину, что великій Воспитатель рода человѣческаго *не повторяетъ себя*, и потому нельзя ожидать, чтобы національное еще разъ совпало съ чисто-человѣческимъ. Ходъ новѣйшей цивилизаціи принялъ совсѣмъ другое направленіе; она такъ раздроблена, разнородна

и сложна, что можетъ быть только достояніемъ небольшого числа людей каждой націи, и эти *выборные люди* каждой націи составляютъ, въ совокупности, то человѣчество, которое вѣчно удобосовершаемо и безирерывно шагаетъ впередъ по пути совершенствованія и, наконецъ, подъ благословеннымъ вліяніемъ христіанскихъ идей, достигнетъ возстановленія человѣка въ цѣлости его, высшей, нежели была древняя. Тогда, безъ сомнѣнія, и искусство новѣйшее будетъ столь же полнымъ гармоническимъ выраженіемъ *искупленнаго*, какъ классицизмъ былъ выраженіемъ *языческаго* — человѣчества. До исполненія этихъ благихъ надеждъ, вся масса ни единого новѣйшаго народа—именно по раздробленію и сложности нашей цивилизаціи—не бывала, не есть и не можетъ быть проникнута образованіемъ и чувствомъ прекраснаго до того, чтобы художникъ долженъ былъ искать въ черноработчьемъ народѣ—идеаловъ красоты! Народность, въ наше время, сохранила всю свою важность только въ политическомъ отношеніи; она вѣчно пребудетъ любезна нашему сердцу; но, въ отношеніи къ *чистому* искусству, она теперь не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого значенія, доколь упомянутое возстановленіе раздробленнаго новѣйшаго человѣка въ цѣлости его не упроститъ нашей цивилизаціи, не содѣлаетъ ея доступною массѣ какого либо народа, или всѣхъ націй. Тогда народная личность, въ *умственно* отношеніи, будетъ возведена до общаго характера облагороженнаго человѣчества и сможетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на искусство. По въ отношеніи *психическомъ*, каждая народность навсегда пребудетъ самобытною и можетъ развиваться только самобытнымъ путемъ, для другихъ — нехудожественныхъ — отвлеченій житейскихъ.

Съ этой точки зрѣнія, которая намъ и всѣмъ не-славянофиламъ, но усерднымъ славянолюбцамъ, кажется единственно вѣрною—можно ли согласиться съ г-мъ Хомяковымъ, утверждающимъ, что «художникъ не творитъ собственною своею силою, и что «духовная сила народа творитъ въ художникѣ»; что мнѣнія «требованія художественной русской школы суть для насъ *вопросъ о жизни и смерти*, въ самомъ высшемъ значеніи умственномъ и духовномъ!!!» У нашего автора есть предположенія, которымъ можно только улыбнуться, напримѣръ: «Германія довела себя до состоянія чисто-аналитической *машинъ*, утратившей всякое живое сознаніе фактовъ!»

Далѣе, авторъ нашъ, ссылаясь на непонятныя имъ слова «лучшаго представителя протестантскихъ *религіозныхъ школъ*, уче-

кѣйшаго преподавателя — историка и весьма прямодушнаго человека Неандера,» обвиняетъ Германію въ «полномъ отсутствіи религіи!» Тутъ уже не наше дѣло спорить; Германія пусть сама себя оправдаетъ передъ нашимъ почтеннымъ соотечественникомъ; мы, съ своей стороны, сожалѣемъ только, что такое капитальное обвиненіе не написано *по тѣмцки*, не напечатано въ нѣмецкомъ журналѣ — и спросимъ: какъ можетъ одинъ человекъ быть представителемъ многихъ — или разныхъ — религіозныхъ школъ? и что такое *религіозная школа*? Мы слышали о протестантскихъ вѣроисповѣданіяхъ, о разныхъ религіозныхъ сектахъ, но о протестантскихъ религіозныхъ школахъ мы слышимъ въ первый разъ! Автору слѣдовало бы объяснить эту новость. Или это просто — обмолвка! Нашему почтенному автору, полному идеєю возможности русской художественной школы, всюду мерещатся *школы*! А въ доказательство, что авторъ не выражаетъ весьма прямодушнаго человека Неандера, приведемъ слова сего послѣдняго:

«Разница — пишеть Нѣмецъ Неандеръ къ Англичанину Дюару — между нами и вами та, что вы вѣрите въ возможность объективной истины въ религіи, а мы нѣтъ: мы пережили эту младенческую эпоху, и знаемъ, что истинная вѣра можетъ быть только субъективною для каждаго человека!»

Это — вновьіе или, пожалуй, ересь, но не *безвѣріе*! Здѣсь не мѣсто растолковать г-ну Хомякову, что значить субъективная вѣра.

Для поясненія многимъ читателямъ понятія автора «объ исторіи и объ отношеніяхъ жизни и просвѣщенія», авторъ, на страницѣ 341, приводитъ, важный, по его мнѣнію, фактъ: «Имена многихъ великихъ музыкантовъ принадлежать къ роду Еврейскому; къ нему же принадлежатъ многие литераторы, и проч. отъ чего же нѣтъ ни *скульптора*, ни *живописца*?»

Мы ждали, что авторъ сошлется на вторую заповѣдь, ошибочно примѣняемую Евреями и къ другому образовательному искусству, и вообще къ житейскому быту, ради страха идолопоклонства. Нѣтъ, авторъ объясняетъ дѣло философски, такимъ образомъ:

«Пластическія искусства процвѣтали у Эллина, поклонника человѣческой красоты. Они процвѣтали и у христіанъ, потому что земной образъ человека получилъ для христіанина освященіе и благословеніе свыше. Они не существовали никогда у Еврея, потому что мысль его была выше поклоненія земной красотѣ, они не могутъ у него существовать потому, что для него

земной образъ человека не принялъ еще высшаго значенія; — это опять *фактъ жизни!*»

А вотъ, каковъ этотъ фактъ жизни! Именно Евреи, безъ своихъ славянофильскихъ понятій о народности, удалившихъ эту націю отъ общенія съ другими народами и помѣшавшихъ ей развиться до идеи обще-человѣческой и солѣжаться народамъ великимъ — именно одни Евреи, потому, что они исповѣдали истиннаго Бога и знали изъ божественнаго закона, что *человекъ созданъ по образу и подобию Божію*, — долженствовали бы быть, по разуму и законамъ его, первыми и отличными скульпторами и живописцами; именно, для *Евреевъ*, земной образъ человѣческой и живописцами; именно, для *Евреевъ*, высшее значеніе. Они одескіи, по закону Моисееву, получили высшее значеніе. Они одескіи, безъ своего національнаго фанатизма, могли бы понять, что созданіе образовательнаго искусства не требуетъ *поклоненія*, но просто относится къ *другому* чувству человѣческому. У христіанъ же, не видъ земной красоты, но *внутренній духовный* человекъ получилъ освященіе и благословеніе свыше! У христіанъ были великіе живописцы и скульпторы потому, что они, съ христіанскими идеями, учились у Эллиновъ. Доказательствомъ тому служатъ та неоспоримая истина, что идеалъ даже Рафаэля, въ художественномъ отношеніи, менѣе возвышенъ, чѣмъ идеалъ Эллиновъ. Одни Эллы могли создать высшее въ искусствѣ, потому что искусство движется и живетъ только въ чувственномъ мірѣ. Если же къ роду еврейскому принадлежатъ великіе музыканты и многіе литераторы, то это потому, что они *перестали* быть Евреями. Истинные Евреи, въ наше время, могутъ быть только банкирами, факторами, ростовщиками, но не музыкантами и поэтами!

Таковы всѣ доказательства автора, въ пользу своей славянофильской идеи. Ему, разумѣется, неизвѣстна генеалогія *всѣхъ* новѣйшихъ живописцевъ и ваятелей; легко быть можетъ, что иной изъ нихъ, хоть въ десятомъ колѣнѣ, происходитъ отъ Еврея. Лучшій изъ новѣйшихъ поэтовъ германскихъ, Генрихъ Гейне, принадлежавшій къ роду еврейскому, одаренъ такимъ отчужденнымъ чувствомъ *пластическимъ*, что принадлежавшій къ еврейскому роду *живописецъ* или *ваятель* гораздо возвышеннѣе, нежели славянофильская художественная школа!

На страницѣ 350, авторъ говоритъ: «Франція была не только неспособною производить, но неспособною воспринимать прекрасное, въ какой бы то ни было области искусства! Такъ, на примѣръ, въ наше время, Франція и оранцузившаяся публика встрѣчала съ слѣпымъ благоговѣніемъ произведенія Жоржъ-Задва,

совершенно ничтожныя въ смыслѣ художественномъ (какое бы они ни имѣли значеніе въ отношеніи движенія общественной мысли), и не наша ни похвалъ, ни удивленія, когда таже Жоржъ-Занль почерпнула изъ скуднаго, но удѣлѣвшаго источника простаго человѣческаго быта, прелестный и почти художественной разсказъ *Чортовой лужи*, подъ которымъ Диккенсъ и *едвали не самъ Гоголь* могли бы подписать свои имена!»

Удивительно, что авторъ, при толчкомъ благоговѣнія къ гениальности Гоголя, заговорилъ о возможности другой русской художественной школы — не признавъ *таковою* школы, основанной Гоголемъ и называемой — *натуральною!!!*

Лучшимъ опроверженіемъ основной идеи своей статьи служить самъ г-нъ Хомяковъ. Богатый, съ европейскимъ образованіемъ помѣщикъ русской раздѣляетъ, въ своей деревнѣ, жизнь своихъ крестьянъ. Явленіе восхищающее, ибо видѣть простой народъ счастливымъ, благоденствующимъ, есть высшая земная радость какъ для славянофила, такъ и для космополита. Но сколь безцѣльно для искусства сіе общеніе съ народомъ, это подтверждаетъ примѣръ г-на Хомякова, даровитаго поэта, творившаго прежде кое-что хорошее: съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался исключительнымъ славянофиломъ, онъ — сколько извѣстно — *ничего* не творить, а только мудрствуетъ, благодаря европейскому образованію, безъ котораго онъ, былъ бы — бояриномъ времени Василія Темнаго и зналъ бы только свои права по мѣстничеству. Если бы, припадая *сердцемъ* къ русской землѣ, нашъ даровитый поэтъ *безпристрастнымъ умомъ* обнималъ европейское просвѣщеніе, то, навѣрное, нашелъ бы предметъ для поэтическихъ вдохновеній, предметъ отечественный, героя русскаго — на примѣръ: Суворова! Но славянофилъ никогда не приметя за Суворова, потому, что столь великій полководецъ былъ у насъ возможенъ только *послѣ переворота Петровскаго*; потому что *Суворовъ* уничтожаетъ идею славянофильства, содѣлавшись чудо-богатыремъ въ *сѣвѣ* европейскаго образованія и оставшись на всю жизнь такимъ Русакомъ-Славяниномъ, что былъ бы между *своими* и въ *гробѣ* Владиміровой!

Третья — по славянофильству — статья этого Сборника: «Прага, отрывокъ изъ заграничныхъ писемъ М. П. Погодина — сообщаетъ намъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ извѣстій, на примѣръ: въ Прагѣ, площадь передъ городскою думою (Рагусей) *очищена!* Для чего? — Вѣроятно, въ память того, что въ 1835 году, во время перваго прѣзда г-на Погодина въ Прагу, чичероне его, молодой Чехъ, воскликнулъ на этой площади, дрожа всѣмъ тѣломъ: «Здѣсь, здѣсь, послѣ сраженія при Бѣлой

Горѣ (подлѣ Праги, 8-го ноября 1620), казнены были *послѣдніе Чехи* — т. е. чешскіе Касси и Бруты! (стр. 397). Второе любопытное извѣстіе — то, что заграничная славянская ученость находится не подлѣ вѣдомствомъ мѣстной Полиціи. *Когда же* полиція касалась мирныхъ уединенныхъ занятій ученаго? Г-нъ Погодинъ *занесся* въ своемъ славянскомъ усердіи! — Какъ экстраординарное извѣстіе, какъ анекдотъ, тутъ же читается, въ какихъ то идеальныхъ письменахъ, что одного знаменитаго чешскаго филолога, углубленнаго въ свои славянскія разысканія, стережетъ ручной — изъ другой славянской земли, ученый медвѣдь, съ камнемъ въ лапѣ, и уже разъ швырнулъ въ муху, но къ счастью, еще не было: «хватъ камнемъ друга въ лоб!» — Третье — опять уже ординарное и обыкновеннымъ шрифтомъ напечатанное — важное извѣстіе, что ученый *Шафарикъ*, авторъ Исторіи славянскихъ языковъ и литературы», «Славянскихъ древностей» и «Славянскихъ народописанъ», занимается теперь пространнымъ систематическимъ сочиненіемъ *о славянскомъ языкѣ* — «этомъ драгоценномъ наследіи предковъ, котораго оцѣнить, восчувствовать, уразумѣть вполне, до сихъ поръ *Мы* (т. е. Русскіе) не были въ состояніи!» (стр. 601).

Доходимъ до четвертой — нерадостной — вѣсточка! «Всѣхъ Чешскихъ ученыхъ волнуетъ теперь ужасная схизма, которую производятъ *Стуръ* въ Пресбургѣ. Тридцать чловѣкъ — всѣ *корифеи* — написали на него свои протесты и напечатали особою книгою» — Что же сдѣлалъ Стуръ? Въ чемъ состоитъ его ужасная схизма? Извольте прислушаться! «Словаки писали до сихъ поръ на *одномъ языкѣ* съ Чехами и Моравами, имѣли *одну* литературу и трудились вмѣстѣ, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ; а Стуръ теперь *пускаетъ*» — не бумажный змій — а газету на словацкомъ (своемъ родномъ) нарѣчій и — стало быть — *отдѣляется* отъ Чеховъ!» А эти тридцать корифеевъ во все горло кричатъ ему: «Анаеема!» — Такъ это-то ваша *славянская любовь*, которую вы считаете отличительнымъ качествомъ вашего первороднаго племени, и на которой основываете свои міровыя належады и свое славянское тысячелѣтіе! Увидимъ, далеко ли уйдете *съ этою любовью!* Чловѣкъ пишетъ на родномъ нарѣчій, и его предають анаеема — славянскіе *корифеи!* Да, развѣ *чешскій языкъ* долженъ быть общимъ славянскимъ нарѣчіемъ, общимъ книжнымъ языкомъ всѣхъ славянскихъ племенъ? Извините: русскій языкъ не уступитъ свое право на первенство! Россія держитъ скипетръ славянскій! — Сія ученая славянская анаеема тѣмъ неприличнѣе, что недавно въ столи-

цѣ чешской, въ такъ называемой «колыбели народнаго, умственнаго и литературнаго возрожденія Славянъ» (надобно прибавить: однихъ *заграничныхъ*), въ Прагѣ, въ одномъ зданіи, выходящемъ дверьми на ту знаменитую площадь, гдѣ молодой Чехъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ передъ *московскимъ* профессоромъ *Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ*—событіе достойное рѣзца Кановы и Даннекера, кисти Брюлова и Горациа Вернета — та славянская анагема господъ корифеевъ, хотѣли мы сказать, тѣмъ неприличіе, что въ Прагѣ недавно поставили колоссальныя изъ бѣлаго мрамора статуи двухъ учредителей славянской грамоты, родоначальниковъ Славянской учености! Что можетъ примирить воюющія партіи, какъ не посредничество общихъ родоначальниковъ!

Въ заключеніе, г-нъ Погодинъ рассказываетъ «объ одной чешской партіи, которая избрала себѣ девизомъ: мы не Славяне, а Чехи! Точно какъ нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ: мы не Славяне, а Русскіе!»—Просвѣти Богъ ихъ и насъ вмѣстѣ! И это г-нъ Погодинъ говорить *серьезно!* Можемъ ли мы не дорожить именемъ *Святой Руси* передъ тою мелкопомѣстною Славяниною, центромъ которой называете вы чешскую Прагу? Просвѣти Богъ сего ультра-славянофила!

Прекрасная статья г-на Срезневскаго. «Взглядъ на современное состояніе литературы Западныхъ Славянъ,» принадлежитъ къ отдѣлу литературному и будетъ нами оцѣнена въ нашей II статьѣ объ этомъ Сборникѣ.

Радуемся, что лучшая и важнѣйшая изъ статей Сборника есть чисто-русская: «О мѣстничествѣ,» г-на Соловьева. Не его вина, что предки наши не завѣщали автору лучшаго, благороднѣйшаго предмета, для археологическихъ разысканій. Что же дѣлать! За то Русскіе вдвое и второ отличаются со временемъ Петра I!

Въ статьѣ г-на Попова: «*Шлецеръ*, разсужденіе о Русской Исторіографіи» не достаетъ выраженія той искренней благодарности, которою каждый Русскій обязанъ ученому, оказавшему Россіи важнѣйшую услугу очищеніемъ нашего древнѣйшаго лѣтописца. Намъ всегда жаль, когда видимъ мелочное, сокровенное неблаговоленіе къ тѣмъ иностранцамъ (по рожденію или фамиліи)—которые, вписавшись со славою въ русскую исторію, суть не только *Русскіе*, но и занимаютъ мѣсто между *лучшими* природными Русскими. И что же такое *природные* Русскіе? Русская земля не родила ни одного Русскаго; *народъ* не созданъ, какъ человекъ, изъ глыбы земли, но составленъ и продолжастъ составляться изъ скопленія разво-

родныхъ племенъ, приплывшихъ и принимающихъ одну общую форму, называемую національностью. Продолжаетъ наше общее, ни къ кому въ особенности неотносящееся замѣчаніе. Не смѣшно ли, когда *Сидоръ Полутолтинъ*, чванясь русизмомъ своего имени и своего прозвища, назоветъ себя *Русскимъ*, а не-Русскимъ—напримѣръ—*Карла Брюлло*, который сталъ *Брюловымъ* и однимъ изъ блистательнѣйшихъ сыновъ Россіи, между тѣмъ какъ мнимый Русакъ Полутолтинъ никогда не будетъ даже Полтиннымъ? И при равенствѣ качествъ и талантовъ, вѣтъ и не можетъ быть, относительно русской народности, никакого различія между тѣми, которые одинаково служатъ русскому Царю, ѣдятъ русской хлѣбъ, говорятъ и пишутъ русскимъ языкомъ, и дѣйствуютъ для славы или пользы Россіи. Зависть къ такъ называемому не-Русскому—недостойна величія нашего отечества. Въ Пантеонѣ русской исторіи — и въ душѣ образованнаго Россіянина—Минихъ и Дибачъ-Забалканскій такіе же Русскіе, какъ и Румянцевъ-Задунайскій!

Чтобы не прерывать нити славянства, мы отнесли къ концу нашей статьи огромную піесу, съ которой начинается Московскій Сборникъ — шестнактую драму индійскую: «Торжество свѣтлой мысли», переведенную г-мъ Коссовичемъ и посвященную Н. М. Языкову. Мы радуемся, что у насъ есть ученіе, занимающіеся санскритскимъ языкомъ и обратившіе вниманіе на индійскую литературу, но сожалѣемъ, что выборъ переводчика палъ на столь скучную, неодолимую драму, дѣйствующія лица которой суть—*понятія*, «*абстракты*, *философемы!*» Страшный антропоморфизмъ! Изъ любви къ Саконталя, мы нѣсколько разъ принимались развѣдывать *индійскія* прелести соотечественницы ея, но ничего не развѣдали и до смерти соскучились. Признаемся, что не могли прочесть ея до конца, и пасть къ тому не принуждала никакая обязанность. Обязанъ былъ бы прочесть ее *тотъ*, кому она посвящена—Н. М. Языковъ; но благосклонная къ нему судьба заблаговременно переселила его, естественною смертію, въ Елисейскія поля—чтобы пѣвцу веселій не умереть трагически отъ абстрактной *Индійки* — подъ широкимъ существоннымъ соусомъ въ двѣсти печатныхъ страницъ! Почему она помѣщена въ этомъ Сборникѣ? Какое таинственное соотношеніе между *абстрактною* Индійкою и *конкретнымъ* славянофильствомъ? Допремъ этого соотношенія въ предисловіи переводчика!

«Я думалъ—говоритъ онъ на страницѣ XIV—что эта драма, переведенная на русской языкъ, для насъ можетъ имѣть *цнते-*

рест современный!) (счастливая мысль!) «Безчисленная толпа индйских мудрователей, выведенная на сцену постомъ въ лицѣ буддистовъ, Джайновъ, Лѣкаятвъ и т. д., представляетъ читателямъ живые образцы разнородныхъ философскихъ системъ индйскаго времени. Каждый изъ этихъ философовъ крѣпко стоитъ за свое, каждый истощаетъ въ ней всю силу словопрѣвнн, для того, чтобы защитить собственную систему; но, въ тоже время, поэтъ срываетъ съ нихъ личину, и что же? безъ личины, всѣ, они до одного оказываются явными *материалистами*. Этотъ фактъ показался для меня *занимательнымъ*...»

Здѣсь истинно-занимательны только складъ вашей мысли, ваша древне-индйская наивность, ваша санскритская простота! Продолжайте!

«Этотъ фактъ показался для меня занимательнымъ, потому, что онъ наводитъ на сличеніе этихъ различныхъ индйскихъ систематиковъ съ различными современными *западными* системами, столь обширно и многообразно истекшими изъ общаго источника знаменитой системы *вѣчнаго развитія*, — и слѣд. невольно наводитъ на мысль: что, ежели, по примѣру индйскаго поэта, сорвать личину и съ этихъ современныхъ намъ *неогегелистическихъ* мудрователей? Не окажутся ли и они также материалистами, какъ оказались древніе ихъ предшественники? Будетъ ли, по крайней мѣрѣ, благообразіе, этотъ нѣмецкій или швейцарскій материализмъ? или на Западѣ вѣтъ теперь материализма и проч»...

Вотъ, куда мѣтнитъ нашъ почтенный санскритологъ! Понимаемъ: это вишнуитское нападеніе на европейскій *сиванзмъ*, т. е. славянофильская выходка противъ иностранной цивилизаціи! И птицы небесныя должны служить добродушному дѣлу! и ветви индйская, на славянофильскомъ древкѣ, можетъ содѣлаться знаменемъ побѣды надъ западнымъ сиванзмомъ! Силенъ Брама и въ своихъ ветошахъ! Страшенъ для европейской цивилизаціи — томстѣй, исполненскій тысящестраничный Сборникъ Московскій!...

О литературномъ отдѣлѣ поведемъ рѣчь въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

Сѣверная Пчела опередила насъ: въ ней уже появились двѣ статьи объ этомъ Сборникѣ и общаются еще третью. Мы надѣемся кончить вторую статью.

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РОССИИ. *Отдѣленіе первое. Томъ второй. Сизимунда Герберштейна. Часть первая. С. Петербургъ. 1847.*

Изданіе *Библиотеки иностранныхъ писателей о Россіи* началось еще въ 1836 году. Тогда былъ изданъ первый томъ перваго отдѣленія, заключающій въ себѣ: путешествіе въ Тау Исафата Барбаро, венеціанскаго дворянина; путешествіе Амвросія Контарини, посла свѣтлѣйшей венеціанской республики, къ знаменитому персидскому государю Узунъ-Гассану, совершенное въ 1473 году; письмо Алберта Кальпеизе къ папѣ Клименту VII, о дѣлахъ Московіи, и наконецъ книгу Павла Іовія Новомоскаго о посольствѣ, отправленномъ Василіемъ Іоанновичемъ великимъ княземъ московскимъ, къ папѣ Клименту VII. Въ программѣ этого изданія, вышедшей въ сентябрѣ 1835 года, было объявлено, что первое отдѣленіе Библиотеки будетъ состоять изъ *двадцати* томовъ, изъ которыхъ первые три выйдутъ къ январю 1836 года. Между тѣмъ, первый томъ вышелъ уже въ концѣ 1836 года, а второй томъ или, справедливѣе, начало втораго тома, заключающее въ себѣ восемь листовъ перевода, и два латинскаго текста, явилось только въ августѣ 1847 года! Когда выйдетъ окончаніе этого тома? Когда явится въ свѣтъ третій томъ, обѣщанный къ январю 1836 года? Когда будутъ изданы послѣдующіе девять томовъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ скрывается во мракѣ грядущихъ временъ. Мы даже не знаемъ, кто и на какихъ основаніяхъ издалъ теперь начало втораго тома, и имѣетъ ли издатель намѣреніе сообщить читателямъ послѣдніе слоги тѣхъ словъ, которыми оканчиваются русскій и латинскій тексты; въ первомъ послѣднія слова: *кустарниковъ, ко—*; во второмъ *Nunc Sa—*. Издатель не счелъ нужнымъ войти въ подобныя объясненія; вѣроятно, будущность этого изданія зависитъ отъ волн неперевѣдимыхъ судебъ. Въ нашей литературѣ часто замѣчается прискорбное явленіе, что дѣльныя и полезныя изданія, обещающія многое по своему началу и еще больше по своимъ программамъ, остаются далеко неоконченными. Зависитъ ли это отъ издателей, которые, предпринявъ дѣло, несообразное съ силами и средствами, по неволѣ останавливаются на первомъ шагу, какъ скоро опытъ докажетъ невозможность идти далѣе, или причина этого скрывается въ холодномъ приѣмѣ публики, которая не слишкомъ интересуется книгами, подходящими къ разряду ученыхъ, дѣльныхъ и полезныхъ, а любитъ болѣе чтеніе легкое, какъ чтеніе романовъ и повѣстей? Какъ бы то ни было, но нельзя не

пожалеть, что Библиотека иностранных писателей о Россіи подверглась той же печальной участи, какая постигла многія изданія, интересныя для образованныхъ людей.

Вышедшая теперь первая часть втораго тома Библиотеки заключаетъ въ себѣ начало любопытныхъ сказаній Герберштейна о нашемъ отечествѣ. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, переименованный нашими предками въ *Гербенъ-Стеня* или еще *Гребенъ-Стеня*, нѣмецкій дипломатъ и писатель шестнадцатаго столѣтія (онъ родился въ 1486 году, а умеръ въ 1566), два раза прѣзжалъ въ Россію, въ качествѣ посла отъ нѣмецкаго императора Максимилиана, и отъ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда. Въ 1517 году, онъ былъ отправленъ императоромъ въ Польшу, къ королю Сигизмунду, и въ Россію къ великому князю Василью Іоанновичу, съ тѣмъ, чтобы склонить перваго къ брачному союзу съ дочерью герцога Іоанна Сфорцы, внукою Максимилиана, и убѣдить втораго къ примиренію съ Сигизмундомъ. Первое порученіе Герберштейнъ исполнилъ съ успѣхомъ; но въ мирныхъ переговорахъ съ московскимъ дворомъ ему не посчастливилось. Не смотря на искусную дипломатику Герберштейна, не смотря на его краснорѣчивыя убѣжденія и приводимыя имъ примѣры изъ древней и новой исторіи въ пользу мира, московскіе болре и литовскіе послы остались непреклонными. При всемъ томъ умный Герберштейнъ заслужилъ особое уваженіе великаго князя. Василій Іоанновичъ часто угощалъ нѣмецкаго посла роскошными обѣдами, и приглашалъ его на соколиную охоту, любимую забаву княжескую. Герберштейнъ родился въ Вапшахъ, въ Сиріи, хорошо зналъ словацкій языкъ, и могъ объясняться съ Русскими безъ переводчика; потому великій князь любилъ бесѣдовать съ нимъ о разныхъ предметахъ. Герберштейнъ прожилъ въ Москвѣ около восьми мѣсяцевъ; неудача его въ переговорахъ была вознаграждена тѣми свѣдѣніями, какія онъ собралъ о Россіи, извѣстной дотолѣ въ Европѣ только по суровости климата и по мнимоу варварству жителей; императоръ Максимилианъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы своего посла о диковинкахъ земли русской, и нерѣдко просиживалъ съ нимъ до глубокой ночи.

Въ 1526 году, Герберштейнъ снова прибылъ въ Россію, посломъ отъ эрцгерцога Фердинанда, вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ Леонардомъ, графомъ Погарольскимъ, для изъявленія признательности своихъ государей за привѣтствіе великаго князя, по случаю избранія Карла на престолъ римскій. Кромѣ того, Фердинандъ поручилъ Герберштейну собрать какъ можно

болѣе свѣдѣній о русской землѣ, въ особенности о правленіи и религіи. Василій Іоанновичъ принялъ преняго знакома такъ же милостиво, какъ и въ 1517 году. На этотъ разъ, Герберштейнъ прожилъ въ Москвѣ тоже не менѣе восьми мѣсяцевъ и обогатилъ себя еще новыми свѣдѣніями о Россіи, которыя, по возвращеніи своемъ въ Вѣну, привелъ въ порядокъ и издалъ въ 1549 году, посвятивъ свою книгу эрцгерцогу австрійскому Фердинанду. Въ его сочиненіи заключаются столь любопытныя и достовѣрныя извѣстія о современной ему Россіи, что оно служилъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи нашего отечества въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Герберштейнъ сначала излагаетъ исторію Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до Василія Іоанновича; эти историческія извѣстія онъ почерпаетъ частію изъ русскихъ лѣтописей, которыя не рѣдко переводитъ слово въ слово, а частію изъ преданій изустныхъ; потомъ онъ изображаетъ подробнѣе характеръ правленія, обряды, совершавшіеся при восшествіи на престолъ и коронованіи великихъ князей, со многими любопытными подробностями о княженіи Василія Іоанновича; съ такою же подробностію говоритъ о правилахъ и обрядахъ греко-россійской церкви; описываетъ военное дѣло въ Россіи, судъ и расправу, нравы и обычаи, образъ жизни, торговлю и промышленность Русскихъ; наконецъ, разсказываетъ о Татарахъ, Литвѣ и другихъ сосѣдственныхъ съ Россіею народахъ. Въ заключеніе же къ своему сочиненію Герберштейнъ приложилъ дневникъ своего двукратнаго путешествія въ Россію.

Свои записки о московской землѣ, писанныя на латинскомъ языкѣ, самъ Герберштейнъ перевелъ на нѣмецкій языкъ, и напечаталъ этотъ переводъ въ 1557 году. Небольшая часть этихъ записокъ является теперь въ русскомъ переводѣ, съ приложеніемъ еще меньшей части латинскаго подлинника. Переводъ довольно чистъ и ясенъ; желательно было бы только, чтобы переводчикъ или корректоръ обращалъ болѣе вниманія на правописаніе; въ наше время, когда употребленіе буквъ е и ѣ опредѣлено согласно всѣми грамматиками, неаріятно бросаются въ глаза слова, въ родѣ слѣдующихъ: эрцгерцогъ, Іоанновичъ, и проч. Но въ латинскомъ текстѣ небрежность въ правописаніи замѣтна еще болѣе. Отчего напримѣръ, *poloni* (Поляки), *walachi* и *szechi*, пишутся черезъ строчную букву, а *Bohemi*, *Schorouati* и другіе черезъ прописную? Но подождемъ полнаго изданія любопытныхъ записокъ Герберштейна о нашемъ отечествѣ, и тогда поговоримъ подробнѣе объ этомъ сочиненіи. На этотъ разъ, вышисемъ одно изъ инте-

ресныхъ для нашей исторіи сказаніи о торжественномъ вѣнчаніи на царство внука Іоанна III, Димитрія. Искони пастыри русской Церкви благословляли государей при восшествіи ихъ на престолъ, и этотъ священный обрядъ совершался въ церкви. Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго влѣствовать надъ южною Россіею; въ Кіевѣ и Новгородѣ князья восходили на престолъ въ Софійскомъ храмѣ. Но древніе наши лѣтописцы не описываютъ подробностей этого торжественнаго обряда. По описанію Герберштейна, совершенно согласному съ свидѣтельствомъ нашихъ лѣтописей, служившихъ ему источникомъ, вѣнчаніе на царство Димитрія происходило слѣдующимъ образомъ.

«Посреди храма Пресвятыя Богородицы сооружается амвонъ, на которомъ ставятъ три сѣдалища т. е. для дѣда, внука и митрополита. Кромѣ того ставится каедрa, которую называютъ аналоемъ. На аналоѣ кладутъ княжескую шапку и бармы т. е. княжескія украшенія. Въ назначенное время входятъ въ торжественныхъ облаченіяхъ митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь священный соборъ. При входѣ въ храмъ великаго князя со внукомъ, діаконъ, по обыкновенію, возглашаютъ многолѣтіе одному только великому князю Іоанну. Затѣмъ митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть молебенъ Пресвятой Богородицѣ и Святому Петру исповѣднику, котораго Русскіе именуютъ чудотворцемъ. По окончаніи молебна, митрополитъ, великій князь и внукъ всходятъ на амвонъ; первые садятся на свои мѣста, а внукъ остается внизу амвона. Тогда великій князь произноситъ слѣдующія слова: отецъ митрополитъ! по волѣ Божіей и по обычаю великихъ князей нашихъ предковъ, соблюдаемому до нашихъ временъ, отцы наши, великіе князья, передавали свою власть первороднымъ сыновьямъ своимъ; но ихъ призыву, родителю мой великій князь благословилъ меня на великое княженіе; и я благословилъ всенародно первороднаго моего Іоанна на великое княженіе. Но волею Божіею сынъ мой скопчался, оставивъ по себѣ едиnorodнаго Димитрія, котораго Богъ далъ мнѣ вмѣсто сына. И такъ благословляю его всенародно отъ сего дня на великое княженіе владимірское, новгородское и проч., которыми я благословилъ и отца его.

Потомъ митрополитъ предлагаетъ внуку занять назначенное для него мѣсто и, благословивъ его крестомъ, повелѣваетъ діакону читать эктению, а самъ между тѣмъ, сидя подлѣ внука, говорить съ преклоненною главою слѣдующую молитву: Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ, Господь господствующихъ,

Ты который чрезъ Пророка Самуила избралъ Давида раба Твоего и помазалъ его въ царя надъ народомъ Твоимъ Израилемъ,—услыши моленіе недостойныхъ рабъ Твоихъ и призри отъ Святаго Твоего на вѣрнаго раба Твоего Димитрія, котораго Ты избралъ и поставилъ Царемъ надъ священнымъ Твоимъ народомъ, котораго Ты искупилъ дражайшею кровію едиnorodнаго Твоего Сына, и помажи его елеемъ радости, оудіи его силою съ высоты и возложи на главу его вѣнецъ изъ каменей честныхъ, дай ему долготу дней и въ десницу его скипетръ царскій, посади его на престолъ правды, огради его всеоружіемъ правоты, укрѣпи мышцу, и покори ему всѣ варварскіе языки; да будетъ все сердце его въ страхъ Твоемъ, да слушается Тебя со смиреніемъ сердца, соблюди его въ непорочной вѣрѣ, и покажи его твердымъ хранителемъ святыхъ Твоихъ заповѣдей Вселенской Церкви, да судитъ народъ въ правдѣ, да окажетъ правосудіе бдѣлымъ, да сохранитъ дѣтей сира, и да будетъ наследникомъ царствія небеснаго.

Послѣ сего митрополитъ возглашаетъ: яко Твоя есть держава и Твое есть царство, да будетъ слава и честь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ. По окончаніи молитвы, митрополитъ повелѣваетъ двумъ архимандритамъ принести бармы, которыя вмѣстѣ съ шапкою покрыты были шелковымъ покровомъ (который они называютъ ширинкою); передаетъ бармы великому князю, а внука знаменуетъ крестнымъ знаменіемъ. Великій князь возлагаетъ бармы на внука. Потомъ митрополитъ говоритъ: миръ всѣмъ; діаконъ: Господу помолимся. Тогда митрополитъ, моляся, говоритъ: Тебѣ единому Царю вѣчному, которому вѣрено и царство земное; приклонитесь съ нами, и помолитесь Владыкѣ всѣхъ: сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, укрѣпи его на царствѣ, чтобъ всегда дѣлалъ Тебѣ благоудное, да сіяетъ онъ правдою и державою; да въ кротости его и тишинѣ мирно проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Послѣднія слова произноситъ тихо; потомъ громко продолжаетъ: Ты еси Царь міра и Спасъ душъ нашихъ, слава Тебѣ Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь. Наконецъ подноситъ великому князю княжескую шапку, подающую ему по его приказанію думя архимандритамъ; причемъ знаменуетъ внука крестомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. При возложеніи великимъ княземъ шапки на главу внука, подходитъ къ нему митрополитъ, потомъ архіепископъ, епископы, и всѣ по чину благословляютъ его. Вслѣдъ за симъ, митрополитъ и великій князь, садясь, приглашаютъ внука занять его мѣсто; спустя нѣсколько време-

ни встають. Между тѣмъ диаконъ начинаетъ (такъ называемую) литанію: Помилуй насъ Господи! имениа великаго князя Иоанна. Хоръ провозглашаетъ великаго князя Дмитрія и другихъ, по обыкновенію. По окончаніи литаніи митрополитъ читаетъ молитву: О! Пресвятая Госпоже Дѣво Богородице. Послѣ молитвы митрополитъ и великіе князья садятся. Священникъ или диаконъ, указывая на мѣсто, гдѣ лежало Евангеліе, провозглашаетъ многая лѣта великому князю Иоанну, благовѣрному, Христолюбивому, Богоизбранному и Боговѣчанному великому князю Иоанну Васильевичу, владимірскому, новгородскому и всея Русіи Самодержцу многая лѣта. Священники предъ алтаремъ поютъ: великому князю многая лѣта; равнымъ образомъ и на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ диаконы поютъ: многая лѣта. Наконецъ диаконъ опять громкогласно провозглашаетъ: многая лѣта великому князю Дмитрію, благовѣрному, Христолюбивому, Богоизбранному и Боговѣчанному великому князю Дмитрію Иоанновичу, владимірскому, новгородскому и всея Русіи многая лѣта; священники у алтаря и на обѣихъ клиросахъ поютъ многая лѣта Дмитрію. Послѣ сего митрополитъ, архіепископъ, епископы и весь соборъ по порядку подходятъ къ великимъ князьямъ и съ почтеніемъ ихъ приветствуютъ; подходятъ и дѣти великаго князя и поздравляютъ его наклоненіемъ головы.

Обряды послѣ коронованія великаго князя.

Симонъ митрополитъ говоритъ: Государь и великій князь Дмитрій! по волѣ Божіей, дѣду твой великій князь милостиво благословилъ тебя на великое княженіе, и ты, государь и сынъ, имѣи страхъ Божій въ сердцѣ твоемъ, люби истину и судъ правый, повинуйся дѣду твоему великому князю, имѣи пощеченіе о всѣхъ твоихъ вѣрноподанныхъ; и мы тебя благословляемъ государя сына своего, и молимъ Бога о твоемъ здравіи. Потомъ митрополитъ и великіе князья встають; митрополитъ съ молитвою благословляетъ крестомъ великаго князя и его дѣтей. Наконецъ, по окончаніи литургіи т. е. священнодѣйствія, великій князь дѣду отходитъ въ свой дворецъ; Дмитрій же, въ княжеской шапкѣ и бармахъ, изъ храма Св. Дѣвы, при великомъ стеченіи бояръ и въ сопровожденіи дѣтей, идетъ въ церковь Архангела Михаила, гдѣ на помостѣ, Георгій, сынъ великаго князя Юнна, осыпаетъ его три раза золотыми день-

гами. По входѣ въ храмъ, священники, читая литанію, по обыкновенію благословили его крестомъ; при гробницахъ и памятникахъ также знаменовали его крестнымъ знаменіемъ. При выходѣ изъ храма, Георгій во дверяхъ снова осыпалъ его золотыми деньгами. Отсюда онъ идетъ прямо въ церковь Благовѣщенія Маріи, гдѣ священники также благословляютъ его, а Георгій по прежнему осыпаетъ деньгами. По окончаніи всей церемоніи Дмитрій уходитъ къ дѣду и матери. Коронація Дмитрія происходила въ 7006 году отъ сотворенія міра, а въ 1497 отъ Рождества Христова, мѣсяца февраля въ 4 день.

Грамматическій курсъ нѣмецкаго языка, составленный бакалавромъ С. Петербургской Духовной Академіи, Евграфомъ Бенескриптовымъ. Часть 1. С. Петербургъ 1847.

Почтенный составитель этого курса, Е. А. Бенескриптовъ, нѣсколько лѣтъ былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ с.-петербургской Духовной Академіи. Добросовѣстно и съ любовью занимаясь своимъ предметомъ, онъ издалъ, въ руководство воспитанникамъ Академіи, свои записки, для изясненія правилъ нѣмецкой грамматики. Эти-то записки, плодъ долготѣяннаго, зрѣлаго изученія нѣмецкаго языка, являются теперь въ свѣтъ. При составленіи своего *грамматическаго курса*, Е. А. Бенескриптовъ совѣтовался съ лучшими сочиненіями нѣмецкихъ грамматиковъ и филологовъ, какъ Гейнзіуса, Беккера, Штеллера и другихъ, и не вдаваясь въ утонченныя филологическія изслѣдованія, соединилъ въ своемъ курсѣ все существенное и необходимое. Этотъ курсъ раздѣляется на двѣ части: этимологію и синтаксисъ; теперь явилась въ свѣтъ первая часть; она составлена къ совершеннымъ знаніемъ дѣла; послѣдательность, ясность и основательность — главные достоинства этой книги.

Начальныя основанія Геометріи, сочиненіе Спродда, одобренное королевскимъ советомъ народнаго просвѣщенія во Франціи, перевелъ и дополнилъ рѣшеніемъ вопросовъ въ полѣ и сѣмкою плановъ Францъ Симашко, артиллерій штабсъ-капитанъ, преподаватель математики и топографіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и льскою институтъ. Часть 1. Планиметрія. С. Петербургъ. 1847.

Начальныя основанія геометріи, г. Спродда, приобрѣли во Франціи общую извѣстность и заслужили одобреніе королев-

сваго совѣта народнаго просвѣщенія. Это можетъ быть уже достаточнымъ ручательствомъ за достоинство этого сочиненія, избраннаго г. Сизашко для перевода на русскій языкъ. Но г. переводчикъ, кромѣ того, что передалъ это сочиненіе чистымъ и правильнымъ языкомъ, обогатилъ его собственною статью: *Приложеніе геометріи къ рѣшенію вопросовъ на мѣстности и къ сѣвекъ плановъ*. Одно изъ удобствъ, при употребленіи этой книги, составляетъ то, что чертежи, вырѣзанные на деревѣ, помѣщены въ текстѣ, а не въ особомъ атласѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ОТЫСКАНІЮ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАКОНЕНІЙ. Составилъ Николай Цыловъ. С. Петербургъ. 1847.

Трудъ г. Цылова заслуживаетъ полной благодарности; его указатель представляеть съ одной стороны важное и въ высшей степени необходимое пособіе для чиновниковъ полиціи къ отысканію всѣхъ постановленій, относящихся до круга дѣйствій полицейской службы, а съ другой стороны чрезвычайно полезную книгу для городскихъ обывателей, которымъ знаніе полицейскихъ законовъ вполнѣ необходимо. «Въ алфавитномъ указателѣ свода законовъ», говоритъ г. Цыловъ въ своемъ *предисловіи*: полицейскіе чиновники вообще, и въ особенности чиновники с.-петербургской полиціи, не находятъ для себя полнаго и удобнаго руководства, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во 1-хъ, *въ отношеніи къ с.-петербургской полиціи*, сводъ законовъ, и слѣдовательно и алфавитный указатель его, недостаточенъ, потому что въ первомъ не помѣщены самыя нужныя для полицейскаго чиновника постановленія, именно, указы оберъ-полиціймейстера, заключающіе въ себѣ, кромѣ собственно полицейскихъ распоряженій, многія Высочайшія повелѣнія и распоряженія высшаго начальства, тогда какъ эти, въ сущности полицейскія, узаконенія, будучи разбѣяны во множествѣ частію письменныхъ документовъ, составляютъ, такъ сказать, основу всей полицейской дѣятельности въ столицѣ, и не должны оставаться неизвѣстными чиновнику полицейскому, подъ опасеніемъ строгаго судебнаго взысканія. Во 2-хъ, *въ отношеніи къ полицейскимъ узаконеніямъ вообще*, способъ изложенія и расположенія ихъ въ общемъ къ своду законовъ алфавитномъ указателѣ, составленномъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, соответственномъ столь обширному государственному труду, не можетъ быть удобенъ для пракческаго употребленія полицейскаго чиновника, потому что въ общемъ указателѣ, частныя, по разнымъ случаямъ узаконенія должныствовали

быть отнесены къ общимъ разрядамъ учреждений и управленій, заключающихъ въ себѣ эти узаконенія; между тѣмъ какъ въ алфавитномъ указателѣ собственно полицейскомъ, порядокъ этого долженъ быть замѣненъ порядкомъ болѣе простымъ, хотя и не вполнѣ систематическимъ. Последнее необходимо для того, чтобы на каждый встрѣтившійся случай можно было немедленно прискать законъ, по ближайшему наведенію разсудка, даже самаго ограниченнаго и не ознакомленнаго предварительно съ общими государственными учрежденіями.» — Эти соображенія внушили г. Цылову мысль, составить *алфавитный указатель къ отысканію полицейскихъ узаконеній*. И эта мысль выполнена прекрасно. Въ указателѣ г. Цылова помѣщены всѣ полицейскія узаконенія и распоряженія, не вошедшія въ составъ общаго свода законовъ, съ указаніемъ не только нумера, года и числа приказа и пр., служащаго основаніемъ закона, но съ изложеніемъ вкратцѣ и самаго смысла постановленія, равно какъ и всѣ общія узаконенія свода гражданскихъ законовъ, съ указаніемъ лишь статей свода. Статьи узаконеній расположены такимъ образомъ, чтобы для каждаго случая могъ быть отысканъ законъ самымъ кратчайшимъ путемъ и подъ тою именно буквою, съ которой начинается слово, непосредственно относящееся къ представившемуся случаю или вопросу.

ПОПЕЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О СПАСЕНІИ МІРА.
Книга вторая. С. Петербургъ, 1847.

Первая книга, подъ названіемъ: *Попеченіе православной церкви о спасеніи міра*, вышла въ 1843 году. Читатели, знакомые съ этимъ изданіемъ, искренно благодарятъ сочинителя за продолженіе его труда. А простота и ясность, съ какою сочинитель излагаетъ свои изслѣдованія о предметѣ столь высокомъ и священномъ для сердца каждаго христіанина, даютъ право думать, что это сочиненіе имѣетъ обширный кругъ читателей. Въ вышедшей теперь второй книгѣ, подробно разсматривается значеніе и принадлежности богослуженія, совершаемаго православною церковію. Здѣсь читатели найдутъ объясненіе всѣхъ обрядовъ, сопровождающихъ величественное Богослуженіе нашей церкви, созерцаніе которыхъ должно возносить сердце молящагося къ небеснымъ тайнамъ. Выстъ съ тѣмъ здѣсь показывается и историческое происхожденіе всѣхъ этихъ обрядовъ. Какъ излагаетъ сочинитель предметъ своихъ изслѣдованій, читатели могутъ судить о томъ по слѣдующему отрывку о вечернемъ богослуженіи.

«Вечернее время издревле освящено истиннымъ богослужениемъ. Въ Ветхомъ Заветѣ ежедневно приносимо было Богу вечернее воссожженіе. Въ Новомъ Иисусъ Христосъ освящалъ вечеръ совершеніемъ и установленіемъ Тайной Вечери. Въ апостольскихъ постановленіяхъ внушается епископу, чтобы онъ совѣтовалъ и убѣждалъ народъ ежедневно приходить въ священное собраніе, утромъ и вечеромъ для псалмопѣнія и молитвъ. Священномученикъ Киприанъ, писатель III вѣка, о важности вечернихъ молитвъ говоритъ: «намъ должно молиться при заходѣніи солнца и при окончаніи дня; ибо Иисусъ Христосъ есть истинное солнце и истинный день. Посему молясь при заходѣніи солнца и окончаніи дня, и прося, чтобы снова возсіялъ намъ свѣтъ, мы тѣмъ самымъ молимся о пришествіи Христовомъ, дабы оно принесло намъ благодать свѣта вѣчнаго. Хотя по закону природы день смѣняется ночью, однакожъ для молящихся не можетъ быть никакого препятствія и отъ ночнаго мрака, потому что для сыновъ свѣта и ночью — какъ день. Ибо когда безъ свѣта тотъ, у кого свѣтъ въ сердцѣ? Или какими образомъ пѣтъ солнца и дня у того, для кого солнце и день—Христосъ? А всегда пребывавъ во Христѣ, т. е. во свѣтѣ, не престанемъ молиться и по ночамъ. Такъ Анна вдова *неотхождаше отъ церкви, постомъ и молитвами служащи день и ночь.*» Отъ св. Василия Великаго церковь приняла многія вечернія молитвы, нынѣ совершаемая ею при вечернемъ богослуженіи.

Вечернія молитвы церкви православной, составляя заключеніе богослуженія дня текущаго и предначатіе слѣдующаго, состоятъ изъ девятаго часа и междочасія, т. е. изъ молитвъ, кои постановлено совершать въ 9 часть дня и въ промежутокъ между симъ и слѣдующимъ молитвеннымъ часомъ, и собственно изъ вечерни и повечерія. *Девятый часъ*, по древнему счисленію часовъ, съ утра до вечера, соотвѣтствуетъ третьему часу по полудни и, слѣдовательно, времени вечерняго богослуженія православной церкви. Онъ есть древній священный часъ; въ онъй совершалось и ветхозавѣтное богослуженіе, бывшее сѣбно и указаніемъ будущаго, принесена и крестная молитва и жертва Сыномъ Божиимъ, совершалось и перво-апостольское и вообще православное христіанское богослуженіе, какъ свидѣтельствуя постановленія апостольскія, Тертуліанъ, св. Афанасій Великій, св. Василій Великій. Въ апостольскихъ постановленіяхъ говорится: «совершайте молитвы въ 9 часть, въ который, когда Христосъ былъ распятъ, вся природа содрогнулась, сокрушая жестокосердечность нечестивыхъ Иудеевъ и не могши снести униженія Господа.» Въ сихъ постановленіяхъ

о вечернемъ богослуженіи предписывается произносить 112 псаломъ: *хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне*, нынѣ читаемый православною церковію на междочасіи 9 часа. Тертуліанъ пишетъ, что общественныя молитвы христіанъ въ его время были въ 3, 6 и 9 часть дня, и что постъ держали до 9 часа въ память смерти Иисуса Христа, а до вечера въ память Его погребенія. Св. Василій Великій говоритъ: «девятый часъ отъ самихъ Апостоловъ преданъ въ Дѣяніяхъ необходимымъ для молитвъ.»

«Междочасіе 9 часа установлено и совершается церковію съ древнихъ также временъ....»

«Согласно съ Писаніемъ и преданіемъ, девятый часъ и междочасіе главнымъ образомъ посвящены воспоминанію крестной смерти Иисуса Христа. Такъ церковь на девятомъ часѣ произносить: «Иже въ 9 часть, насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашей мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ.» Кромѣ того въ псалмахъ и молитвахъ 9 часа и междочасія церковь похваляетъ и прославляетъ пребываніе наше въ дому Господнемъ, содѣйствующее умерщвленію мудрованія плоти и спасенію нашему; проситъ Господа явить намъ милость свою, внять гласу моленія нашего и наставить насъ на путь свой; исповѣдуетъ Господа, на высокихъ живущаго и на смиренныя призирающаго, и молить Его избавить насъ отъ зла.

«За 9 часомъ и междочасіемъ въ непрерывномъ порядкѣ совершается *вечерня*. По различію дней, она бываетъ великая, отправляемая въ праздники, какъ то: въ воскресные дни св. отъредесятиницы, въ пасху, и въ другіе дни; *малая*, поемая предъ воскресными и праздничными днями, въ кои положено всенощное бдѣніе; и наконецъ, вечерня *седмичная* или *будничная*.

«Показуя, что и вечеръ есть время священное, вечерня вкратцѣ изображаетъ судьбы міра — Богомъ созданныя и хранимаго, — сотвореніе, паденіе и искупленіе міра. *Сотвореніе* изображается вечернимъ и предначинательнымъ псаломомъ, имѣющимъ надписаніе: «псаломъ Давидовъ о сотвореніи міра». При наступленіи вечерняго пѣнія зажигаются свѣтильники, и посему вечерній псаломъ называется *свѣтильничнымъ*, а равно и молитвы по вечернемъ псалмѣ произносимыя — *свѣтильничными*, (на греческомъ *επιλυχνια* — отъ *επι* при, и *λυχνιον* — лампадка; а самое слово *λυχνιον* отъ *λυειν* — разогнать, и *νυχος* — ночь — т. е. псаломъ и молитвы, читаемыя при лам-

падкахъ, или тморазгонительныхъ). Въ молитвахъ свѣтильничныхъ церковь прославляетъ и проситъ Господа облечь насъ въ оружіе духовнаго свѣта, дабы при благодатномъ свѣтѣ избѣжать намъ козней діавола, подобному тому, какъ преткновенія ночи легко усматриваются и устраняются при свѣтѣ видимомъ. При вечернемъ псалмѣ иногда отверзаются Царскія врата; храмъ Божій наполняется кадильнымъ оумианомъ, во образъ Духа Божія, который носился верху воды, — при сотвореніи міра; озаряется свѣтомъ свѣтильника, предносимаго каждому, — въ знаменіе первобытнаго свѣта послѣ мраковъ перваго вечера. По произнесеніи псалма, Царскія двери затворяются; и такимъ образомъ внушается, что блаженное состояніе прародителей было непродолжительно. Изображая *грьхопадєніє*, церковь обращается съ молитвами къ Богу, отъ Котораго единаго зависитъ наше помилованіе и вѣчное спасеніе. Сія молитва состоитъ изъ ектеніяхъ, чтенія Псалтыря и пѣвнн стихиръ на Господи возвахъ, взятыхъ изъ псалмовъ 140, 141, 129 и 116, и изображающихъ состояніе грѣшника, молящагося и исповѣдующаго грѣхи свои Богу. «Господи возвахъ къ Тебѣ услыши мя. Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣваніе руку моею жертва вечерняя. Положи Господи храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденія о устахъ моихъ. Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, испещенати вины о грѣсѣхъ (т. е. грѣхъ считать не виновнымъ). Аще беззаконія изриши Господи, Господи, кто постыитъ? яко у Тебе очищеніе есть. Да уповасть Израиль на Господа: яко у Господа милость, и многое у Него избавленіе: и Той забавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его». «Кто о мнѣ не плачетъ, преступившемъ заповѣдь Вышняго, вопіетъ церковь въ одной сѣи стихиръ на Господи возвахъ: невоздержанія ради во адъ вселиха вмѣсто рая; сѣиди сладкія видѣиємъ смерть исходатанхъ и лишилася ея ради Божія славы к жизни: но прими мя кающагося Господи, яко милостивъ и челоуѣколюбецъ». Падшіе прародители исповѣдали предъ Богомъ грѣхъ свой, и Богъ обѣщалъ послать имъ Спасителя. Обѣтованіе искупленія исполнилось воплощеніемъ Сына Божія, которое св. церковь и изображаетъ вечернимъ входомъ и пѣснью: «*Спите тихій*, и особенно молитвою св. Симеона Богопримца: «ныиъ отпущаеши раба твоего, Владыко.» Вечерня оканчивается исповѣданіемъ грѣховъ и покаяніемъ, — приличнымъ и необходимымъ при концѣ дня и дѣлѣ.

«Послѣ вечерни совершается *повечеріє*. Оно бываетъ великое, — въ св. четьрнадцатницу, и малое, — въ прочіе дни. Указуя на священное время вечера и ночи, церковь пѣиємъ повечерія

благословляетъ и освящаетъ вѣрующихъ, послѣ вечера или вечерняго принятія пищи отходящихъ ко сну; отчего оно и названо *повечеріемъ*, и въ богослужебныхъ книгахъ положено послѣ вечерней трапезы. Но, для удобнѣйшаго въ немъ участія намъ, оно болѣею частію бываетъ тотчасъ послѣ вечерни, потому что и обѣдъ, обыкновенно уготовляемый по полудни, есть также вечеря. Благословляя и освящая приближающихся ко сну, церковь руководствуетъ повечеріемъ къ моленію Бога и Святыхъ, — особенно о соблюденіи насъ отъ грѣха и смерти въ наступающую ночь. Ибо спящій и сѣдовательно охраняетъ себя наступающей преимущественно имѣетъ нужду въ покровѣ Всевышняго. «Невидимыхъ врагъ моихъ неусыпаніе вѣси, молился церковь Господу отъ лица нашего: и окаянныя плоти молился неможеніе вѣси: тѣмже въ рунѣ Твои предаю духъ мой, покрый мя крилома Твоея благости, да некогда усну въ смерти». И желая сдѣлать насъ достойными защиты Божіей во время почнаго сна, церковь молитвами повечерія насъ руководствуетъ также къ покаянію, которое особенно преклоняетъ къ намъ милосердіе Божіе, и которое при концѣ дня преимущественно необходимо, какъ отчетъ предъ Богомъ въ поведеніи послѣ дневнаго поприща, и благовременно. Ибо вечерній мракъ послѣ дневнаго свѣта, закрывая отъ насъ видимые предметы и средоточивая наши мысли и чувствованія болѣе внутрь насъ, много располагаетъ насъ съ самоуглубленію и самосознанію. Къ искреннему покаянію при повечеріи церковь настраиваетъ насъ чтеніемъ псалмовъ покаянныхъ (50, 101, 14) и молитвы Манассіи, царя Іудейскаго, примѣромъ своимъ поучающаго насъ чистосердечному покаянію; исповѣданіемъ вѣры, которая дѣлаетъ достойною предъ Богомъ и нашу предъ Нимъ исповѣдь; упованіемъ на милосердіе Господа, иже праведныя любитъ и грѣшныя милуетъ; всегдашнимъ предстательствомъ Божіей Матери и всѣхъ Святыхъ, и наконецъ, словеснымъ примиреніемъ съ живущими и молитвеннымъ съ умершими.

«Ветхій завѣтъ былъ временемъ приготовленія челоуѣковъ къ достойному вступленію въ царство Христово, для чего необходимо покаяніе: такъ вечернее богослуженіе — образъ ветхаго завѣта, оканчивается внушеніемъ намъ покаянія. Это богослуженіе равно указываетъ и на вечеръ и конецъ жизни нашей, и, такимъ образомъ, при окончаніи дневныхъ заботъ, обращая насъ отъ суеты міра къ самимъ себѣ и къ Богу, побуждаетъ насъ къ раскаянію, которое для вѣрующихъ во Христа Спасителя есть одно изъ главнѣйшихъ благодатныхъ средствъ къ исправленію нашего поведенія, примиренію и единенію съ Богомъ и

стяжанію особеннаго покровительства Божія. Въ порядкѣ дневнаго богослуженія вечернія молятвы, составляя заключеніе дня настоящаго и предначатіе будущаго, суть священныя повечерія и приготовленія къ завтрашнему дню.»

ПАТРИАРХЪ Іоакимъ и заслуги его отечеству, *въ гражданскомъ, политическомъ и религиозномъ отношеніяхъ. Историческое изслѣдованіе Н. Е.—на. С. Петербургъ. 1847.*

Это изслѣдованіе г. Е-на было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ, въ нумерахъ 133—136, и съ удовольствіемъ было прочтано публикою.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Емьсь.

ПЕРИКО-ЭЛЬ-САРАГАТЕ. *Сцены изъ жизни Мексиканцевъ. Габріеля Ферри.* Мексико, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшій изъ всѣхъ городовъ Нового Свѣта, и Европа могла бы съ гордостію причислить его къ своимъ городамъ. Тотъ, кто желаетъ полюбоваться великолѣпною и странною панорамною столицы Мексика, долженъ, при захожденіи солнца, войти на одну изъ башенъ ея кафедральнаго собора. Куда ни бросишь оттуда взглядъ, вездѣ увидишь вдали синѣющіеся остроконечныя вершины гигантскихъ Кордильеровъ, опоясывающихъ горизонтъ на шестьдесятъ миль въ окружности. Съ южной стороны два вулкана величественно поднимаютъ свои вершины, покрытыя вѣчными снѣгами и окрашенныя пурпуровымъ цвѣтомъ заходящаго солнца. Одинъ изъ нихъ, *Попocatepetль* (дымящаяся гора) рисуется острымъ конусомъ на темной синевѣ неба; другой, *Ицтацигуатль* (бѣлая женщина), походитъ на лежащую нимфу, снѣжныя плечи которой ласкаютъ лучи заходящаго солнца. У подошвы вулкановъ блестятъ, какъ зеркало, озера, въ которыхъ отражаются облака и плаваютъ лебеди. Къ западу находится величественный за-

пы народа въ лохмотьяхъ, въ рѣи изображавшаго мексиканскіе нравы. Глядя на леперо, въ его живописно-ветхомъ костюмѣ, мнѣ всегда приходила охота дѣлать наблюденія вблизи надъ этимъ классомъ цыганъ, напоминавшихъ мнѣ странныхъ героев-мошенниковъ новыхъ романовъ. Я искалъ для этого удобнаго случая, и успѣлъ черезъ одного моего друга, французскаго монаха, коротко познакомиться съ самымъ отчаяннымъ леперо Перико Сарагате¹. Въ началѣ моего знакомства съ нимъ, я уже имѣлъ причины желать, чтобъ оно прекратилось. Едва успѣлъ узнать я черезъ него нѣсколько ничтожныхъ обстоятельствъ о его состояніи, какъ уже Перико сдѣлалъ перетаску у меня такъ много пиастровъ, что заставилъ меня крѣпко задуматься. Я уже рѣшился не брать болѣе отъ него уроковъ, стѣнившихъ мнѣ слишкомъ дорого, какъ вдругъ однажды вошелъ ко мнѣ отецъ Серапіо, достопочтенный монахъ, познакомившій меня съ Перико.

— Я пришелъ за вами, сказалъ Францисканецъ: пойдите смотреть бой быковъ на площади Некатитланъ. Тамъ будетъ jamaica и monte Parnaso.

— А что это такое jamaica и monte Parnaso?

— Вы узнаете это сейчасъ. Походите, скоро будетъ одиннадцать часовъ, и мы едва умѣемъ застать хорошія мѣста.

— Меня всегда привлекалъ бой быковъ; а въ сопровожденіи отца Серапіо я могъ безопасно пройти по предметямъ Мексико. Въ особенности въ предметяхъ, гдѣ находится площадь Некатитланъ, опасно показываться въ европейскомъ костюмѣ, и мною овладѣвало всегда очень непріятное чувство, когда я принужденъ былъ идти тамъ одинъ. Теперь же парижскій фракъ могъ безопасно показаться тамъ, подъ защитою монашеской рясы. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе отца Серапіо, и мы отправились. Теперь въ первый разъ я сталъ съ спокойномъ духомъ осматривать эти грязныя, немощеныя улицы, необведенныя тротуаромъ, эти почернѣвшіе, развалившіеся дома, это убѣжище и колыбель бандитовъ, шатающихся по дорогамъ и грабящихъ часто даже городскихъ жителей. Множество леперовъ, кривыхъ, съ развѣрапанными лицами, покрытыми рубцами, пили, свистали, кричали въ питейныхъ домахъ, завернувшись въ грязныя, изодранныя покрывала, называемыя frazada. Полунагія женщины, въ лохмотьяхъ, стояли у домовъ своихъ; вокругъ нихъ, нагія дѣти валялись въ грязи, испуская рѣзкіе крики. Проходя мимо этихъ отвратительныхъ разбойничьихъ притоновъ, приводящихъ въ ужасъ полицію, уголовный судья читаетъ молитву, а къладъ творитъ крестное знаменіе, честный человекъ дрожитъ; но монахъ идетъ тамъ смѣло, съ улыбкою на устахъ; шестеть его сандалій поселяетъ тамъ болѣе страха, чѣмъ бряцаніе сабли селадора; часто даже бандиты, какъ ручные

¹ Zaragate, опаснѣйшій мошенникъ.

тигры, которые узнаютъ своего господина, снимаютъ перелъ монахомъ шляпы и цѣлуютъ его руку.

Площадь Некатитланъ представляла странное и совершенно новое для меня зрѣлище. Жаръ былъ нестерпимъ; солнце ярко освѣщало palcos de sol (сторону цирка, обращенную на солнце). Развѣсивъ, для защиты отъ солнца, свои покрывала, народъ шумѣлъ, кричалъ, свисталъ. На противоположной сторонѣ султаны офицеровъ, пестрыя шаки дамъ усаждали взглядъ на солнце, опечаленный бѣдностью и наготою зрителей стороны, обращенной къ солнцу. Я уже много разъ бывалъ въ циркѣ, я видѣлъ уже прежде эту толпу народа, утомленную, но еще ненасытившагося боемъ, я уже слышалъ, какъ онъ, подъ вечеръ, кричалъ охриплымъ голосомъ, когда бой уже приходилъ къ концу, когда лучи солнца пробивались сквозь щели досокъ амфитеатра, когда запахъ крови привлекалъ къ цирку стаи голодныхъ коршуновъ; но никогда еще я не видѣлъ, чтобъ арена была убрана такъ, какъ теперь: она была почти застроена шалашиами, украшенными травою, цвѣтами и душистыми древесными вѣтвями, такъ, что походила на прохладную рощу съ таинственными тропичками и дорожками. Въ этихъ шалашахъ, или puestos¹ продавались различныя кушанья, приправленныя стручковымъ перцемъ и свинымъ жиромъ, а огромные стаканы были наполнены красными, зелеными, желтыми и голубыми напитками. Народъ, сидѣвшій въ palcos de sol, съ жадностію вдыхалъ въ себя отвратительный запахъ жира; между тѣмъ, какъ нѣкоторые счастливыцы сидѣли въ этихъ построенныхъ изъ зелени бесѣдкахъ и предавались гастрономическимъ наслажденіямъ, кушая дикихъ утокъ.

— Вотъ что называется jamaica, сказалъ мнѣ Францисканецъ, указывая на людей, сидѣвшихъ за столами въ аренѣ.

— А какъ называется, вотъ это? спросилъ я у моего товарища, указывая на дерево, четырехъ или пяти метровъ высоты, посаженное посреди арены и обвѣшанное грубыми пестрыми платками.

— Это monte Parnaso (гора Парнасъ), отвѣчалъ монахъ.

— Не буду ли я вѣшать на него поэты?

— Нѣтъ, не поэты, но леперы и даже совершенно безграмотные; а будетъ гораздо забавнѣе.

Въ это время изъ галерей, освѣщенной пальцами солнцемъ, послышались крики: toro! toro! Крики усилились, шалаши опустѣли въ одинъ мигъ, завтраки вдругъ прервались. Въ арену, изъ верхнихъ ложъ, стали спускаться, по своимъ покрываламъ, леперы, и отъ ихъ толчковъ зеленые шалаши разваливались. Я не былъ удивленъ, увидя моего стараго друга Перико въ числѣ этихъ бѣшеныхъ, которые выли, прыгали, разламывали шаткіе шалаши. Безъ него праздно

¹ Puestos, лавки, гдѣ продается вода. Эти лавки бывають построены изъ древесныхъ вѣтвей.

не походил бы на праздник. Посреди обломков бесѣдокъ, разбросанных на аренѣ, возвышался монте Рагнасо, украшенный бумажными платками; къ нему обратились взоры всѣхъ; вся толпа бросилась вѣззать на него, но такъ какъ каждый сбивалъ съ ногъ другаго, старался скорѣе схватить какойнибудь платокъ, то нѣсколько времени никто не могъ вѣззать на дерево. Въ это время изъ ложи альюда послышался звукъ трубы, и въ арену впустили огромнѣйшаго быка. Къ сожалѣнію зрителей, надѣявшихся увидѣть страшный бой леперовъ съ быкомъ, этотъ быкъ былъ embolado, то есть на его рога были налѣпы шары. Парнасскіе поэты однако же со страхомъ и нерѣшимостію взглянули на него. Быкъ также былъ сначала въ нерѣшимости, но потомъ вдругъ винулся къ дереву. Нѣкоторые леперы убѣжили; а остальные, избавившись отъ соперниковъ, бросились на монте Рагнасо. Быкъ, подбѣжавши къ дереву, сталъ бить въ него рогами; отъ этихъ ударовъ оно начало клониться на сторону, и наконецъ, въ то время, какъ Перико послѣдно срывалъ съ него платки, оно повалилось; а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ леперы. Между зрителями раздались неистовые крики и аплодированія; между тѣмъ несчастные, изувѣченные леперы старались выпутаться изъ вѣтвей.

Быкъ еще болѣе увеличилъ смятеніе, ударяя въ нихъ рогами, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ несчастный Перико, брошенный имъ на десять футовъ въ воздухъ, безъ памяти упалъ на землю. Это обстоятельство лишило меня надежды изучать мексиканскіе нравы, съ помощію такого искуснаго наставника, каковъ былъ Перико. Въ то время, какъ его съ трудомъ унесли за арену, тысяча головъ закричали: священника! Отецъ Серапіо прижался къ углу ложи; но по неволѣ долженъ былъ согласиться на требованіе народа. Онъ всталъ съ важностію, подъ которою старался скрыть отъ публики свое неудовольствіе, и сказалъ мнѣ тихо:

— Идите за мною, васъ примутъ за мелика.

Я послѣдовалъ за монахомъ съ такою же важностію, какою одлекся онъ самъ, и покуда мы спустились съ дѣстницы, веселые взглясы и хохотъ толпы увѣрили насъ, что публика уже забыла несчастный, слишкомъ обыкновенный случай. Мы вошли въ темную комнату, находившуюся въ нижнемъ ярусѣ цирка. Въ углу положили несчастнаго Перико, у котораго уже успѣли похитить всѣ его платки. При нашемъ появленіи всѣ присутствующіе удалились; леpero, прислонясь къ стѣнѣ и не показывая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, казался сидѣть, а не лежать; его опущенныя руки, его лицо покрытое смертною блѣдностію, показывали, что онъ готовъ разстаться съ жизнью. Монахъ и я посмотрѣли другъ на друга, не зная, что дѣлать.

— Мнѣ кажется, сказалъ я монаху: вы можете отпустить ему грѣхи.

— Absolve te, сказалъ отецъ Серапіо, грубо толкнувъ ногою лепера, который, казалось, почувствовалъ это доказательство участія и прощенталъ, открывъ немного глаза.

— Ахъ: мошенники украли у меня всѣ платки... Senor padre! я умираю.

— Нѣтъ еще, мой сынъ, отвѣчалъ монахъ: но, можетъ быть, тебѣ недолго жить и я совѣтую употребить тебѣ это время на покаяніе.

— Развѣ бой еще не кончился? Мнѣ кажется, сказалъ онъ, ощущая себя: мнѣ еще не такъ дурно, какъ вы полагаете.

Но потомъ, увидя меня, Перико закрылъ глаза, какъ будто бы вторично сталъ терять чувство, и сказалъ замирающимъ голосомъ:

— Мнѣ дурно.... очень дурно.... прошу васъ, исповѣдуйте меня скорѣе.

— Начиная же, сынъ мой.

Монахъ наклонился къ больному, у котораго впрочемъ не было видно никакой раны. Снявъ свою широкую сѣрую шляпу, онъ придвинулся къ уху монаха. Я отошелъ въ сторону, чтобъ не мѣшать леперу исповѣдываться.

— Во-первыхъ, я грѣшенъ въ томъ, что платилъ самую гнусною неблагодарностію за ласки вотъ этого господина, и бралъ у него денегъ такъ часто, какъ только могъ. но.... не такъ часто, какъ бы я желалъ, и я прошу его не сердиться за это на меня, потому что, въ самомъ дѣлѣ.... я былъ нѣжно привязанъ къ нему.

Я поклонился въ знакъ одобренія.

— Я грѣшенъ еще въ томъ, что украдъ золотые часы у углованаго судьи Сайозы, когда явился къ нему въ послѣдній разъ.

— Какимъ образомъ, сынъ мой?

— Г. Сайоза былъ такъ неостороженъ, что вздумалъ при мнѣ посмотреть на часы, но не найдя ихъ при себѣ, изъяснилъ удивленіе и сталъ жаловаться, что забылъ ихъ дома, а вмѣстѣ съ ними и золотую цѣпочку. Я сказалъ тогда самъ себѣ, что пока я еще не повѣшенъ, я могу сыграть славную штуку. Не зная еще, какая участь ожидала меня въ то время, я шепнулъ нѣсколько словъ одному моему приятелю, котораго только что выпустили изъ тюрьмы. Надо вамъ сказать, что судья любилъ индѣекъ, и это было всѣмъ извѣстно....

— Я не понимаю ничего, мой сынъ.

— Вы сейчасъ поймете все. Мой кумъ купилъ чудесную индѣйскую, принесъ ее къ женѣ г. Сайозы, и сказалъ, что ея мужъ приказалъ ему доставить ей эту индѣйку и просилъ принести забытые имъ дома золотые часы и цѣпочку... такимъ образомъ часы....

— Это важная вина, мой сынъ.

— Я слѣдалъ поступокъ еще хуже этого, мой отецъ; на другой день, въ то время, какъ г. Сайоза былъ въ должности, я украдъ у его жены....

— Что еще?

— Индѣйку. Вы понимаете, что вѣдь очень непріятно терять собственность, прощенталъ Перико томнымъ голосомъ.

— А по какому дѣлу, спросилъ монахъ, четвертымъ голосомъ, ты попался въ уголовный судъ?

— Я обаялся, за вѣскольго эюю, быть орудіемъ мести одного вѣдшнаго жителя (до имени нѣтъ дѣла). Мнѣ показали человека, котораго я долженъ былъ убить. Это былъ прекрасный молодой человекъ; его не трудно было узнать по долгову, тонкому рубцу, очень ясно означенному надъ правою бровью. Я спрятался за дверью одного дома, куда молодой человекъ ходилъ каждый день послѣ вечерни, и видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ этотъ домъ. Наступила ночь, и я сталъ ждать. Прошло два часа; на улицѣ уже не было никого, все затихло, а тотъ, кого я жалалъ, не выходилъ. Мнѣ захотѣлось узнать, что задерживало его такъ долго. Я посмотрѣлъ черезъ рѣшетку окна, открытаго, вѣроятно, потому, что было чрезвычайно жарко.

Перико, по слабости, или по какой нибудь другой причинѣ, казался, нѣ-хотя продолжалъ свою исповѣдь, повинувшись власти надъ нимъ отца Серапіо. Онъ похололъ на ясновидящаго, открывающаго свои мысли подъ вліяніемъ магнетизма. Я бросилъ вопрошающій взглядъ на монаха, долженъ ли я оставаться тутъ; онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно.

— У окна, продолжалъ Перико: спала старуха, завернутая въ покрывало.

Прекрасный молодой человекъ, котораго я тотчасъ же узналъ, сидѣлъ на диванѣ. Молодая, прекрасная женщина стояла передъ нимъ на козбнахъ и съ упоеніемъ глядѣла на молодого человека, общипывавшаго розу, приколотую къ ея волосамъ. Я понималъ, почему время летѣло для него такъ быстро. Можетъ быть, состраданіе, которое я почувствовалъ въ то время, зачтется мнѣ тамъ за мои грѣхи; мнѣ стало грустно, что я принужденъ былъ прервать нить такого милаго романа.

— И такъ ты убилъ его, несчастный? воскликнулъ монахъ.

— Я сѣлъ въ темномъ мѣстѣ на тротуаръ противъ дома. Я былъ тронутъ, уныніе овладѣло мною, такъ, что я заснулъ, сидя на мѣстѣ. Шумъ отворившейся двери пробудилъ меня; изъ нея вышелъ человекъ. Я сказалъ тогда самъ себѣ, что давное слово должно быть соблюдено, что теперь не время предаваться моей чувствительности, и всталъ. Спустя секунду послѣ этого, я догналъ незнакомаго. Изъ окна слышались звуки фортепіано. Я почувствовалъ, что счастье придавало бѣглость пальцамъ игравшей на нихъ. Бѣдная женщина! сказалъ я самъ себѣ: твой любовникъ сейчасъ умретъ, а ты поешь!

Я нанесъ ударъ, и онъ упалъ...

Растроганный Перико замолчалъ и вздохнулъ.

— Не печаль ли ослѣпила меня? продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія. Луна освѣтила въ это время лицо убитаго. Это былъ не онъ. Я очень обрадовался. Я отрѣзалъ клочокъ волосъ отъ незнакомаго, чтобъ принести ихъ тому, кто подкупилъ меня, въ знакъ

доказательства, что я исполнилъ порученіе. Всѣ волосы сходны, думалъ я; но ошибся. Убитый мною былъ Англичанинъ. Волосы его были красны, какъ зрѣлый стручекъ перца. Прекрасный молодой человекъ остался живъ и я не получилъ обѣщанныхъ эюю.

Перико ударилъ себя въ грудь. Францисканецъ едва сказалъ вѣсколько словъ о преступленіи, потому что жизнь человека, въ особености еретика Англичанина, ничего не стѣбитъ для необразованнаго класса Мексиканцевъ, къ которому, безъ сомнѣнія, принадлежали и деперо и монахъ, составлявшие два различные типа. Отецъ Серапіо окончилъ свою рѣчь отпущеніемъ грѣховъ на латинскомъ языкѣ, потомъ онъ продолжалъ на чистомъ испанскомъ языкѣ.

— Теперь тебѣ остается просить прощенія у этого господина за то, что ты бралъ съ него много денегъ, а онъ проститъ тебя за это, потому что ты уже не въ состояніи будешь продолжать свои плутни.

Деперо обратился ко мнѣ и сказалъ мнѣ самымъ томнымъ голосомъ:

— Я великій грѣшникъ и буду почитать себя очищеннымъ отъ грѣховъ только тогда, когда вы простите меня. Я скоро умру, а меня нечѣмъ похоронить. Мою жену уже извѣстили теперь обо мнѣ, и она очень успокоилась бы, если бы нашла въ моемъ карманѣ вѣскольго піастровъ, чтобъ заплатить за мои похороны. Богъ заплатитъ вамъ за это.

— Вы не можете отказать ему въ этой милости, тѣмъ болѣе, что это будутъ уже послѣдніе піастры, которые онъ получитъ отъ васъ.

— Дай Богъ! сказалъ я, не подумавши, что желалъ его смерти, и высыпалъ изъ моего кошелька всѣ деньги на руку Перико, который закрылъ глаза, опустилъ голову и пересталъ говорить.

— Requiescat in pace, сказалъ отецъ Серапіо: бой уже давно начался и мнѣ, кажется, болѣе нечего здѣсь дѣлать.

Мы вышли. — Какъ бы то ни было, сказалъ я самъ себѣ, выходя изъ цирка: а до сихъ поръ Сарагате не сообщалъ еще мнѣ такихъ любовныхъ тайнъ. Эта исповѣдь исполнѣ вознаградила меня за мои первыя неудачныя сношенія съ этимъ страннымъ человекомъ. Къ тому же деперо далъ мнѣ уже послѣдній урокъ... мнѣ стало жалъ его. Однако жъ я ошибался; счеы мои съ моимъ учителемъ Перико еще не были, кончены.

II.

Почти во всѣхъ городахъ Мексики есть аламеда или публичный садъ, но въ столицѣ онъ, разумѣется, долженъ быть лучше, чѣмъ въ прочихъ городахъ. Аламеда въ Мексико имѣетъ видъ параллелограмма, окруженнаго глубокимъ ровомъ, наполненнымъ грязною, сто-

ячею водою; главная аллея, по которой ъздаютъ въ экипажахъ и верхомъ, обсажена тополями, ясенями и ивами, прочія аллеи при-
мыкаютъ къ круглымъ площадкамъ, украшеннымъ фонтанами. Про-
гуливающіеся по этимъ тѣмнымъ аллеямъ, вдоль которыхъ растутъ
мирты, розы и жасмины, могутъ любоваться на роскошные экипа-
жи и на ретивыхъ коней, проѣзжающихъ по главной аллее, вокругъ
аламеды. Глухой стукъ колесъ, катящихся по гладкой песчаной до-
рогѣ, смѣшивается съ журчаніемъ водопадовъ, съ шумомъ вѣтерка,
колеблющаго вѣчно зеленые листья деревъ, съ жужжаніемъ пчелъ и
колибри. Позолоченныя кареты катятся подлѣ европейскихъ каретъ;
великолѣпная сѣбля мексиканскихъ лошадей блистаетъ рядомъ съ
англійскимъ сѣдломъ, кажущимся очень бѣднымъ въ сравненіи съ
этимъ восточною роскошью. Дамы, въ костюмахъ, отставшихъ шестью
мѣсяцами отъ парижскихъ модъ, небрежно сидятъ въ экипажахъ.
Ихъ черныя косы украшены натуральными цѣфтами, улыбка ихъ
прекрасна, во всѣхъ движеніяхъ замѣтна смѣсь живости и безпечно-
сти. Толпа прогуливающихъ вѣшкомъ также очень живописна. Въ
ней только рѣже встрѣчается однообразный европейскій костюмъ,
между пестрыми американскими костюмами.

Обѣжавъ нѣсколько разъ вокругъ аламеды, кареты и экипажи
уѣзжаютъ; верховые слѣдуютъ за ними. Вся толпа равнодушно от-
правляется по тротуару мимо одного рѣшетчатого окна, на другое
гулянье, называемое Paseo de Bucareli. Трудно угадать, какія отвратительныя вещи скрываются за заржавленной рѣшеткою этого окна
находящагося въ двухъ шагахъ отъ блистательнѣйшаго гулянья Мек-
сико. Сюда приносятъ всѣ найденныя мертвыя тѣла. Полунагіе,
окровавленные трупы мужчинъ и женщинъ лежатъ здѣсь въ безпо-
рядкѣ, одни на другихъ, и каждый день сюда приносятъ новыхъ го-
стей. Пазео, находящійся въ сосѣдствѣ съ этимъ печальнымъ зда-
ніемъ, не имѣетъ ничего достойнаго замѣчанія: тамъ по краямъ аллеи
стоятъ каменные скамьи, а три фонтана украшены аллегорически-
ми статуями, дурной скульптуры. Отсюда открывается тотъ же
видъ, какъ и съ каедральной церкви: сѣвныя вершины обоеихъ
вулкановъ, синія горы, а у подошвы ихъ бѣлѣющіеся фермы; че-
резъ арки гигантскихъ мостовъ, видны поля засѣянные мансомъ, ку-
полы церквей и крыши дворцовъ, почти всегда позлащенные захо-
дющимъ солнцемъ, въ то время, когда прогуливаются въ Пазео.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда я былъ въ церкви, я вмѣштался
въ толпу праздношатающихся, наполняющихъ обыкновенно про-
странство между Пазео и аламедою. Наступала ночь; начинали за-
жигать фонари. Кареты и пѣшеходы свѣжили домой. Это было въ
воскресенье. Вечерній звонъ колоколовъ въ церквяхъ и въ мона-
стыряхъ заглушалъ говоръ толпы народа. Потухающей дневной
свѣтъ слабо освѣщала, черезъ рѣшетчатое окно, трупы, лежащіе
на каменной скамьѣ, покрытой широкими кровавыми пятнами. Жен-
щины, которыхъ отталкивали солдаты, топчались у окна и громко
плакали. Ихъ вопли возмущали снোকостіе прохожихъ. Нѣкоторые

сожалѣли объ нихъ, а другіе смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ.
На колѣняхъ у рѣшетки окна, слявъ шляпу и держа въ рукѣ узду
великолѣпно осѣдланной лошади, молодой человекъ набожно читалъ
вечернюю молитву. По платью его легко было угадать, что онъ
принадлежалъ къ богатому классу жителей Тьерра Абуега (внѣшней
или пограничной земли), съ пренебреженіемъ отталкивающихъ отъ
себя европейскія моды и идеи. Живописный костюмъ его очень
шелъ къ его мужественнымъ, прекраснымъ чертамъ лица. На от-
крытомъ челѣ незнакома, надъ правою бровью, бѣлѣлъ длинный,
тонкій рубецъ. Безъ сомнѣнія, это былъ тотъ прекрасный молодой
человекъ, о которомъ говорилъ Перико. Благодарилъ ли онъ Бога
за избавленіе его отъ опасности, или за счастье взаимной любви!
Вопросъ остался нерѣшеннымъ. Къ тому же его молитва была вдругъ
прервана. Какая то лошадь, испуганная стукомъ каретъ, не повинув-
шись усиліямъ всадника, ударилась о лѣстницу, на верху которой
сегено зажегала фонарь, висѣвшій на стѣнѣ казармы La Acordada.
Серено упалъ съ высоты пятнадцати футовъ и безъ движенія
растянулся на мостовой. Мнѣ очень легко описать остолбенѣніе не-
счастнаго всадника, когда онъ увидѣлъ лишеннаго чувствъ, жестоко,
можетъ быть, раненаго серено, потому что этого всадникъ былъ я
самъ; но я опишу лучше то, что послѣдовало за этимъ.

Мой конь, не смотря на бѣшенство его, окруженный со всѣхъ
сторонъ столпившимися леверами, рассуждавшими о томъ, какому
наказанію подвергнуть виновника преступленія, не могъ оказать мнѣ
никакой услуги, и я позавидовалъ судьбѣ серено, несчастливаго
толчковъ этой толпы, попиравшей его ногами, ни мало не заботясь
объ немъ. Къ счастью, случай послалъ мнѣ двухъ защитниковъ, на
одного изъ которыхъ я и не думалъ надѣяться. Первый изъ нихъ
былъ алькалъ, пробравшійся ко мнѣ въ сопровожденіи четырехъ сол-
датъ: онъ сказалъ мнѣ, что я виновенъ въ убійствѣ мексиканскаго
гражданина. Я поклонился молча. По приказанію полицейскаго чи-
новника, тѣло серена положили на носилки; потомъ алькалъ учтиво
попросилъ меня слѣзть съ лошади и идти вслѣдъ за носилками до
дворца, откуда оставалось нѣсколько шаговъ до тюрьмы. Я не согла-
щался на предложеніе, и старался доказать алькаду, что исключи-
тельность этого случая освобождаетъ меня отъ суда. Къ несчастію,
алькалъ былъ несговорчивъ, и на всѣ мои разсужденія отвѣчалъ, что
я долженъ повиноваться обычаю. Я сталъ искать тогда кого нибудь
въ толпѣ, кто бы могъ служить мнѣ порукою, и мои взгляды обрати-
лись въ ту сторону, гдѣ я замѣтилъ молвившагося молодого человекъ-
ка, вышущаго мнѣ съ перваго взгляда глубокое участіе къ нему;
но онъ уже исчезъ. Неужели я принужденъ подчиниться отврати-
тельному обряду судопроизводства. Требуемому алькадомъ? Въ это
время ко мнѣ подошло на помощь второе лицо, о которомъ я го-
ворилъ. Этотъ человекъ, вставшій между мною и алькадомъ, былъ ве-
личественно завернуть въ суконный плащъ, оливковаго цѣфта; полюю
этого плаща онъ почти совершенно закрывалъ себѣ лицо. Черезъ

многочисленные дыры плаща можно было видеть куртку такого же подозрительного сукна. Съ трудом пробравшись через толпу, этот человек подошел къ алькаду, и просунувъ руку въ дыру своего плаща, онъ вѣжливо снялъ съ головы изношенную шляпу. Къ его чорнымъ, дыбомъ стоявшимъ волосамъ, было прицѣплено нѣсколько сигаретъ и лотерейный билетъ. Я очень удивился, узнавъ въ этомъ почтенномъ мексиканскомъ гражданинѣ моего пріятеля Перико, котораго почиталъ умершимъ.

— Господинъ алькадъ, сказалъ Перико: этотъ господинъ правъ. Онъ неумышленно совершилъ убійство, следовательно, его нельзя смѣшивать съ обыкновенными убійцами, и къ тому же я готовъ быть его порукою, потому что имѣю честь знать его.

— А кто будетъ твоєю порукою? спросилъ алькадъ.

— Мои предшественники, сказалъ скромно Сарагате: и вотъ этотъ господинъ. Онъ указалъ на меня.

— Но вѣдь ты самъ служишь ему порукою.

— Такъ что же? я его порука, а онъ моя, следовательно, тутъ двѣ поруки вмѣсто одной, и ваша милость не можетъ найти ничего лучше этого.

Признаюсь, я равно не довѣрлялъ справедливости алькада и покровительству Перико. Алькадъ, казался, не былъ убѣжденъ силлогизмомъ Перико, сказаннымъ съ такою торжественною самоувѣренностью. Я прекратилъ тогда недоумѣніе алькада, шепнувъ ему на ухо мой адресъ.

— И такъ, сказалъ онъ, удаляясь: я согласенъ, чтобы вашъ пріятель въ оливковомъ плащѣ былъ вашею порукою, и иду прямо къ вамъ, надѣясь застать васъ дома.

Алькадъ и солдаты удалились; толпа не расходилась и угрожала мнѣ; но рѣзкій свистъ и нѣсколько прыжковъ Перико заставили его товарищей узнать его; они всѣ собрались около него. Леперо взялъ тогда за узду мою лошадь, и я удалился отъ этой грозной толпы, беспокоясь о развязкѣ моихъ приключеній.

— Какимъ образомъ выздоровѣлъ ты? спросилъ я своего проводника, успокоившись немного. Признаюсь, я думаю, что ты уже разстался съ этимъ міромъ.

— Нѣтъ еще, возразилъ Перико: но кажется, вамъ непріятно, что я ожилъ. Впрочемъ вы понимаете, что, не смотря на мое желаніе доставить вамъ удовольствіе...

— Нѣтъ, Перико, я очень радъ, что ты живъ; но скажи мнѣ, какимъ образомъ совершилось это чудо?

— Я и самъ этого не знаю, отвѣчалъ съ важностію Леперо: только оно совершилось такъ скоро, что я успѣлъ занять прежнее свое мѣсто между зрителями боя, и даже еще разъ попробовалъ вѣзти на дерево. Такъ какъ я только что получилъ отпущеніе грѣховъ, то мнѣ предстоялъ единственный, можетъ быть, въ моей жизни случай повергнуть опасности мою жизнь, не губя души, и я вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ; это принесло мнѣ счастье, потому что хо-

ты бѣкъ и поднялъ меня на рога, но я упалъ на ноги, къ удовольствію публики, осыпавшей меня реалами и полуреалами. Кошелѣкъ мой наполнился, въ особенности по вашей милости, и я вздумалъ одѣться по своему вкусу; я купилъ себѣ вотъ этотъ костюмъ, который придаетъ мнѣ очень почтенный видъ. Вы видѣли, съ какимъ уваженіемъ обошелся со мною алькадъ. Вотъ что значитъ быть хорошо одѣтымъ!

Я видѣлъ очень ясно, что плутъ обманулъ меня, и что его притворныя предсмертныя страданія послужили ему поводомъ выманить у меня нѣсколько піастровъ. Признаюсь, что, не смотря на странные рассказы Лепера, комическая важность, съ какою онъ завертывался въ свой разорванный плащъ, обезоружила мой гнѣвъ. Я желалъ только освободиться отъ его неаріятнаго общества, и сказалъ ему, улыбаясь:

— Мнѣ кажется, что болѣзни твоихъ дѣтей, ихъ рожденіе и твои похороны стоѣтъ мнѣ почти сто піастровъ. Я думаю, что этимъ уже достаточно вознаградилъ тебя за теперешнюю услугу. Мнѣ пора домой, благодарю тебя еще разъ.

— Вы иаете домой! возможно ли это! воскликнулъ Перико. Теперь домъ вашъ долженъ быть окруженъ вооруженною силою; васъ ищутъ вездѣ; вы не знаете, съ какимъ алькадомъ имѣете дѣло.

— А ты знаешь его?

— Я знаю всѣхъ алькадовъ, а въ доказательство того, какъ я мало заслуживаю данное мнѣ прозваніе, скажу вамъ, что не всѣ алькады знаютъ меня. Алькадъ, преслѣдующій васъ теперь, есть хитрѣйшій и величайшій взяточникъ.

Хотя я и нашелъ, что этотъ портретъ преувеличенъ, но мною овладѣло недоумѣніе. Перико, въ трогательныхъ выраженіяхъ, сталъ изображать счастье, которое будутъ чувствовать его жена и дѣти, если ихъ благодѣтель придетъ просить у нихъ убійца на ночь. Поставленный между двумя корыстолюбивыми покровителями, я рѣшился избрать того, котораго менѣе страшился, и послѣдовалъ за Леперо.

Между тѣмъ приближалась ночь; мы шли по глухимъ, безлюднымъ улицамъ; чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ рѣже стали встрѣчаться фонари. Я чувствовалъ, что приближаюсь къ той части города, куда правосудіе не смѣетъ проникнуть, а я не имѣлъ съ собою оружія и находился во власти человека, котораго я слышалъ страшную исповѣдь. До сихъ поръ мнѣ казался, что Сарагате, такъ безстрашно признавшійся въ своихъ преступленіяхъ, нисколько не отличался отъ народа, котораго безирравственность происходила отъ невольства, нищеты и междоусобныхъ войнъ; но въ тишинѣ ночи, посреди этого лабиринта мрачныхъ улицъ, мое воображеніе дѣлало его страшнымъ, фантастическимъ существомъ. Положеніе мое было критическое. Въ этихъ пустыхъ улицахъ опасно было уйдти отъ твоего проводника, опасно было и слѣдовать за нимъ.

— Но гдѣ же, чортъ возьми, живешь ты? спросилъ я Перико.

Леpero, вмѣсто отвѣта, почесалъ въ головѣ. Я повторилъ вопросъ.
— По правдѣ сказать, отвѣчалъ онъ: не имѣя постоянного жилища, я понемногу живу вездѣ.

— А твоя жена и дѣти, а убѣжище, которое ты предлагалъ мнѣ?

— Я забылъ, отвѣчалъ Сарагате, безъ малѣйшаго смущенія, что еще вчера отослалъ жену и дѣтей въ Керетаро; что же касается до убѣжища...

— Не хочешь ли, чтобы и я тоже отправился въ Керетаро? спросилъ я, догадавшись слишкомъ поздно, что жена и дѣти этого честнаго человѣка существовали только въ воображеніи его, точно такъ, какъ и жилище его.

— Убѣжище, продолжалъ спокойно Перико: вы будете имѣть тамъ, гдѣ приидете его мое воображеніе, которое бываетъ очень находчиво, когда я не имѣю средствъ нанять квартиру. Не каждый же день судьба посылаетъ намъ бой быковъ и подобныя милостивныя... Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на слабый и отдаленный огонекъ, отражавшійся на гранитномъ тротуарѣ: вотъ тамъ мы, можетъ быть, найдемъ что нибудь.

Мы стали подходить къ блиставшему вдали огоньку, и я вскорѣ могъ различить, что онъ происходилъ отъ фонаря серено.

Завернувшись въ желтоватый плащъ, находившійся не въ лучшемъ состояніи, какъ и плащъ Перико, ночной сторожъ слѣлъ на тротуарѣ и, казалось, задумчиво слѣдилъ взглядомъ за густыми облаками, собиравшимися на небѣ. При нашемъ приближеніи, онъ не тронулся съ мѣста.

— Эй! пріятель! спросилъ Сарагате, не знаешь ли ты, вѣтъ ли здѣсь гдѣ нибудь по близости *велоріо*?

— Есть! отсюда черезъ нѣсколько домовъ, у моста Эхицамо, подъ такую вывѣскою, что если бы я не боялся обхода рехидора, или если бы какой нибудь добрый человѣкъ надѣлъ на себя мой плащъ и постерегъ бы мой фонарь, то я и самъ пошелъ бы туда поспировать.

— Благодарю, сказалъ ласково Перико, мы воспользуемся этимъ свидѣніемъ.

Серено съ удивленіемъ взглянулъ на мой костюмъ.

— Такіе господа, какъ вы, сказалъ онъ мнѣ: не ходятъ въ подобныя собранія.

— Это такъ случилось; господинъ этотъ слѣлалъ долгъ, не позволяющій ему возвратиться сегодня домой.

— Это другое дѣло. Бываютъ долги, которые не охотно уплачиваютъ.—Услыша на колокольнѣ бой часовъ, ночной сторожъ пересталъ обращать на насъ вниманіе и закричалъ плачевнымъ голосомъ.

— Девять часовъ! погода ненастная! Потому онъ слѣлъ по прежнему, между тѣмъ, какъ вдали голоса прочихъ сереновъ отвѣчали ему попеременно въ тишинѣ ночи.

Я опять пошелъ вслѣдъ за Перико, взявъ за узду мою лошадь, потому что послѣ вечерни запрещено ѣздить верхомъ по улицамъ Мек-

сико, а я не хотѣлъ богѣе имѣть дѣла съ алькалами. Признаться ли? мнѣ не хотѣлось разстаться съ моимъ проводникомъ, потому что его слова возбудили мое любопытство. Я желалъ узнать, что значить *велоріо*.

Не прошло десяти минутъ, какъ мы, по разсказу серено, подошли къ мосту, перекинутому черезъ узкій каналъ. Развалившіеся дома стояли на мокрой, грязной почвѣ. Свѣтъ лампы, горѣвшей передъ изображеніемъ чистилища, отражался въ лужѣ. На террасахъ, цѣпныхъ собаки выли, глядя на луну, то скрывавшуюся за облаками, то покрытую легкимъ паромъ. Въ одномъ домѣ, нижній этажъ былъ освѣщенъ. Перико постучался въ дверь освѣщеннаго дома. Черезъ нѣсколько времени дверь открылась.

— Кто тамъ? спросилъ мужской голосъ.

— Друзья, которые пришли молиться за усопшихъ и веселиться съ живыми.

Насъ впустили; мы вошли на дворъ. Исправлявшій должность дворника показалъ намъ въ стѣнѣ кольцо и я привязалъ къ нему лошадь. Мы вошли по дѣстницѣ въ довольно хорошо освѣщенную комнату. Наконецъ я узналъ, что такое *велоріо*.

III.

Общество въ которое ввелъ меня Перико представляло странное зрѣлище. Около двадцати мужчинъ и женщинъ изъ простаго народа, сидѣли въ кружкѣ, разговаривали, смѣялись. Запахъ гниваго трупа свѣшивался съ табачнымъ дымомъ и винными парами. Въ одной углу комнаты, на столѣ, стояли различныя кушанья, чашки, бутылки, флажки. За другимъ столомъ сидѣли игроки и примѣшивали къ звону оспариваемымъ ими другъ у друга мѣдныхъ монетъ разныя техническія выраженія. Оргія, казалось, должна была вскорѣ достигнуть высшей степени. Всего болѣе меня поразило предметъ, на который присутствующие мало обращали вниманія. Дитя, лѣтъ шести, лежало на столѣ. Глядя на его блѣдное лицо, украшенное поблекшими отъ жара цвѣтами, на его неподвижные глаза, на его ввалившіяся, худыя, уже позеленѣвшія щеки, можно было догадаться, что жизнь оставила его и что онъ уже нѣсколько дней спитъ вѣчнымъ сномъ. Посреди криковъ, хохота и пѣнія, нельзя было смотрѣть безъ жалости на маленькаго покойника. Цвѣты и драгоценныя камни, украшавшіе его, не отнимали у смерти ея печальной торжественности, а напротивъ того еще усиливали неприятное впечатлѣніе, производимое ею. Вотъ каково было убѣжище, доставленное мнѣ заботливостію Перико.

Всѣ замолчали, когда мы вошли. Только одинъ хозяинъ, отецъ умершаго ребенка, всталъ, чтобы принять насъ. На его лицѣ было видно слѣдовъ печали, а напротивъ того на немъ изображалось удовольствіе, и онъ съ гордымъ видомъ указалъ намъ на много-

численных гостей, пришедших праздновать смерть его сына. Он уверял нас, что очень рад нашему посещению и что в такой радостный день, он готов почитать всех иностранцев друзьями. Рассказы Перико привлекли ко мне взоры всех присутствовавших. Я не знала, как вести себя; Перико говорил, что никто не умел лучше меня убивать людей. Уверенный в том, что сь волками надо быть повольше, и желая поддержать свою репутацию, я спрятал свои перчатки и принял дерзкий вид.

— Каково убьжище, доставленное мною вам? спросил Перико, потирая себѣ руки. Не лучше ли оно того, которое вы бы могли найти в моемъ домѣ? Къ тому же вы узнаете теперь, что значитъ велоріо. Благодаря мнѣ, вы будете сь этихъ поръ вѣчно пользоваться благодарностію этого достойнаго отца семейства, дитя котораго сдѣлаюсь теперь ангеломъ на небеси.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ варварскаго обычая, повелѣвающаго отцу семейства заглушать свои слезы и печаль подъ видомъ веселія, и угощать первого бродяга, проходящаго набѣдаться и напиться передъ трупомъ его сына и пользоваться щедрыми подаяніями, которыя, иногда, на другой же день повергають въ нищету цѣлое семейство. Когда прерванная нашимъ приходомъ оргія возобновилась съ болѣею силою, я успокоился немного и сталъ осматривать, что происходило вокругъ меня. Нѣсколько женщинъ, изъ числа тѣхъ, которыя почитаютъ обязанностію присутствовать при всѣхъ похоронахъ, окружали мать умершаго. Ея лицо было блѣдно; жертва грубаго суевѣрія, она старалась улыбаться, но изъ глазъ ея катились слезы. Замѣтно было, что ея ангелъ небесный не могъ замѣнить ей того, который стелѣтъ отъ нея сь земли. Кумуши, суетившіяся вокругъ нея, еще болѣе усиливали ея печаль неосторожными рѣчами. Одна изъ нихъ рассказывала всѣ страданія и измѣненія болѣзни умершаго дитяти, другая исчисляла средства, какими бы она помогла ему, еслибы потребовали ея совѣта, какъ напримѣръ: парѣ травъ, собранныхъ постомъ въ пятницу, и декоктъ, пропѣженный черезъ доскутъ расы доминиканца. Бѣдная, легковѣрная мать утирала украдкой свои слезы, вѣря, что эти лекарства спасли бы ея сына. Въ то время, какъ происходили эти совѣщанія, пили хересъ и курили сигареты; потомъ стали играть въ разныя игры, употребительныя въ испанской Америкѣ; а утомленные дѣти дожились и засыпали во всѣхъ углахъ залы, какъ будто бы завидуя вѣчному сну того, чье блѣдное тѣло, увычанное обожженными чѣтками, казалось, должно бы было отстранить это гнусное поруганіе смерти.

Помѣстившись въ углубленіе окна, обращеннаго на улицу, я сь безпокойствомъ слѣдилъ глазами за всѣми движеніями Перико. Мнѣ казалось, что онъ подъ видомъ покровительства, скрывалъ какой нибудь злой умыселъ. Вѣроятно, на моемъ лицѣ выказывалось мое

безпокойство, потому что лезеро подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, въ видѣ утѣшенія:

— Видите ли? убить человека не трудно, только первый шагъ дорогъ. Впрочемъ, можетъ быть, вашъ серено, точно такъ какъ и мой Англичанинъ, здоровѣе сегодня, чѣмъ когда выдѣлъ. Эти еретики такъ долговѣчны! Ахъ! сударь, я всегда жалѣю, что я не зретьки.

— А этотъ молодой человекъ, котораго ты долженъ былъ убить? спросилъ я, вспоминая о задумчивомъ молодомъ человекѣ, молившемся передъ окномъ: какъ ты думаешь, живъ онъ или нѣтъ?

Перико покачалъ головою.

— Завтра, можетъ быть, онъ заплатитъ жизнию за свою безумную страсть, и его любезная не переживетъ его. Что до меня, то я не хотѣлъ убить вдругъ двухъ жертвъ, и отказался отъ этого дѣла.

— Это дѣлаетъ тебѣ честь, Перико.

Перико захотѣлъ воспользоваться выгоднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его отвѣтомъ:

— Безъ сомнѣнія... нельзя же жертвовать собою за нѣсколько піастровъ... но, кстати, о піастрахъ, продолжалъ онъ, прогнѣвая ко мнѣ руку: я чувствую, что буду сегодня счастливъ въ игрѣ, а вашъ кошелькъ, кажется, еще довольно туго набитъ; если я выиграю, я общаю вамъ половинну выигрыша.

Мнѣ показалось, что неосторожно было бы отказать Сарагате въ этой новой просьбѣ, къ тому же игра могла избавить меня на нѣсколько времени отъ его непріятнаго общества. Я сунулъ нѣсколько піастровъ въ руку Перико. Въ это время вдругъ на часахъ пробило полночь. Одинъ изъ присутствовавшихъ всталъ и воскликнулъ торжественнымъ голосомъ.

— Это часъ скорбящихъ душъ, помолимся! Игроки встали, веселіе прекратилось, всѣ присутствующіе встали на колѣни. Началась молитва. Вообразите этихъ обьявившихъ гостей и полунагихъ женщинъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ покрытаго чѣтками трупа; эту душную атмосферу, наполненную гнилыми испареніями и виваными парами, и вы получите понятіе о странной, отвратительной сценѣ, при которой я принужденъ былъ присутствовать.

По окончаніи молитвы, игры возобновились. Я занялъ прежнее мѣсто у окна, и чтобъ разогнать сонъ и избавиться отъ удушливаго воздуха, отворилъ немного окно. Желая узнать по звѣздамъ, который часъ, я едва могъ увидѣть надъ сосѣдними домами часть неба, которое въ эту ночь не было такъ ясно, какъ обыкновенно. Я также старался узнать улицы, по которымъ шелъ, но память измѣнила мнѣ. Мнѣ казалось, что я никогда не выдѣлъ въ Мексикѣ этого мутнаго канала, этихъ темныхъ переулковъ, перпендикулярно выходящихъ на набережную, по обѣимъ сторонамъ канала. Я совершенно не зналъ, гдѣ находился. Оставаться ли мнѣ долѣе на этой отвратительной оргіи, или уйдти тайкомъ и предпринять опасное путешествіе по этой отдаленной части города? Покуда я рѣшалъ эти затруднитель-

вые вопросы, слышались шаги и неясный говоръ. Я спрятался за окно, такъ, чтобы могъ все видѣть и слышать и не быть замѣченнымъ. Шесть человекъ вышли вскорѣ изъ противоположной улицы. У шедшаго впереди висѣла шпала съ боку; прочіе же несли обнаженные шпаги въ рукахъ; по робкому виду этихъ людей, новопріѣзжій Европеецъ принялъ бы ихъ за ночныхъ воровъ; но опытность моя не обманула меня: только одна полиція могла имѣть такую боязливую поступь, и я легко догадался, что это ночной обходъ, состоявшій изъ рехидора, алькада и четырехъ низшихъ чиновъ *саадороовъ*.

— *Voto a brios!* сказалъ человекъ, шедшій впереди, вѣроятно принадлежавшій къ числу чиновниковъ, исполнявшихъ въ одно время должности алькадовъ и цѣловаальниковъ и собиравшихъ взятки съ воровъ днемъ, для того, чтобы оставлять ихъ въ покоѣ ночью:—о чемъ думаетъ господинъ префектъ, что посылаетъ насъ дѣлать обходъ, по этимъ кварталамъ, куда никогда не проникало правосудіе? Желалъ бы я, чтобы онъ самъ взялъ на себя эту обязанность!

— Онъ, вѣрно, взялъ бы съ собою огнестрѣльное оружіе, котораго намъ не даютъ, сказалъ другой чиновникъ, казавшійся спокойнѣе прочихъ:— преступники и воры не имѣютъ привычки носить, какъ мы, только одно бѣлое оружіе, и тотъ, кого намъ приказано защищать вынче ночью, испытываетъ это, на бѣду себѣ.

— Чортъ возьми! сказалъ алькадъ: когда знаешь, что подвергаешься опасности быть убитымъ, то сиди дома.

— Бываютъ на свѣтѣ сумасшедшіе, которыхъ страхъ не удерживаетъ: но кто ищетъ опасности, тотъ погибнетъ.

— Который теперь часъ? спросилъ алькадъ.

— Четыре часа, отвѣчалъ одинъ изъ его товарищей, и посмотрѣвъ на окно, за которымъ я спрятался, онъ прибавилъ: завидую людямъ, которые такъ весело проводятъ время въ этой *тертуліи*.

Разговаривая такимъ образомъ, *селадоры* шли вдоль перилъ, окружающихъ каналъ. Вдругъ шедшій впереди споткнулся въ темнотѣ. Въ то же время съ земли поднялся человекъ и всталъ передъ ночнымъ дозоромъ.

— Кто ты? спросилъ алькадъ, стараясь придать своему голосу строгое выраженіе.

— Какое вамъ дѣло? отвѣчалъ человекъ такимъ же высокомернымъ тономъ. Развѣ нельзя спать на улицѣ, не подвергаясь допросамъ?

— Снять дома... покуда возможно, сказалъ оробѣвшій алькадъ. Человекъ, обличенный въ бродяжничество, рѣзко саяснулъ, и оттолкнувъ отъ себя алькада, побѣжалъ въ близкую улицу. Къ величайшему моему удивленію, алькадъ и *селадоры*, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его, пошли въ противоположную сторону, какъ будто бы страшась попасть въ западню.

Почти въ то же время, кто-то положилъ мнѣ на плечо руку; я вздрогнулъ и обернулся. Передо мною стояли Перико и хозяинъ.

— Этотъ свистъ походить на призываніе моего кума Напахъ, вѣроятно, занятаго какимъ нибудь ночнымъ предпріятіемъ, воскликнулъ Перико, смотря въ окно; между тѣмъ хозяинъ, сатаясь и едва удерживаясь на ногахъ отъ ошаренія, поднесилъ мнѣ стаканъ вина, наливая его черезъ край дрожащею рукою. Съ обилливоюстію, свойственною всѣмъ пьяницамъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Право, можно подумать, что вы пренебрегаете обществомъ такихъ бѣдныхъ людей, какъ мы; вы не играете и не пьете; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда совѣтъ не совѣмъ чиста, игра и водка очень полезны. Посмотрите на меня: чтобы угостить моихъ друзей, я пропилъ и пробѣлъ все, что имѣлъ, и даже бога. Ну, а я доволенъ, хотя у меня нѣтъ теперь за душою ни одного *тако*.

Избавясь отъ несприятныхъ разсказовъ нѣжнаго отца, я снова сталъ смотрѣть на улицу; но вдоль канала вездѣ уже было тихо и пусто. Вскорѣ однако же я увѣрился, что тишина эта была обманчива; неясный говоръ слышенъ былъ по временамъ въ одномъ изъ переулковъ, выходившихъ на каналъ. Вскорѣ послышались чьи-то робкіе шаги. Я высунулся за окно и сталъ прислушиваться; мнѣ казалось, что эта тишина будетъ скорѣ прервана отчаяннымъ крикомъ. Между тѣмъ шумъ въ задѣ снова привлекъ мое вниманіе. Оргія достигла высшей степени. Сарагате, окруженный грозною толпою игроковъ, въ которыхъ слишкомъ постоянное его счастье возбудило подозрѣніе, тщетно стараясь гордо прикрыться лохмотьями своего оливковаго плаща, изодраннаго въ длинныя клочки его противниками. Самыя обидныя прозванія сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

— Я честный человекъ, кричалъ безстыдно этотъ чужакъ: это такъ же вѣрно, какъ и то, что вы изорвали прекраснѣйшій изъ всѣхъ плащей, какіе у меня бывали.

— Безстыдный воръ, кричалъ одинъ игрокъ: въ твоемъ плащѣ было столько же прорѣхъ, какъ и въ твоей совѣсти.

— Во всякомъ другомъ случаѣ, сказалъ Перико, съ намбрѣніемъ птившійся къ двери: я бы раздѣлялся съ вами за эту двойную обиду. Милостивый государь, продолжалъ онъ, обращаюсь ко мнѣ: будучи моею порукою, какъ я былъ вашею; половина моего выигрыша принадлежитъ вамъ, это честный выигрышъ, и все это клевета.

Я еще разъ проклялъ мое знакомство съ Перико, и чуть не сдѣлался жертвою происшедшей драки.

Я уже довольно наглядѣлся. Я бросился къ балкону, чтобы взглянуть еще разъ на улицу и увѣриться въ возможности побѣга. Но и тамъ было не лучше. Изъ переулка выбѣжалъ на каналъ человекъ; другіе люди бѣжали за нимъ, потрясая орудіемъ. Это, вѣроятно, былъ Напахъ, товарищъ Перико, съ шайкою. Немнѣя возможности помочь жертвѣ, я принужденъ былъ оставаться свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ ночныхъ убійствъ, которыми славятся и гордятся нѣкоторые леперы. Преслѣдуемый человекъ добѣжалъ до перилъ набережной и прислонился къ нимъ. Я слышалъ, какъ онъ закричалъ:

— Прочь, мошенники! васъ пятеро противъ одного.

— Смѣльте! воскликнулъ начальникъ шайки. Намъ дадутъ за это сто пиастровъ. — Нужно ли говорить о томъ, что произошло послѣ этого? Неравная борьба продолжалась нѣсколько секундъ; звѣрскій, радостный крикъ возвѣстивъ мнѣ, что она кончилась въ пользу убійцы. Однакоже несчастный, на котораго такъ безчестно напали, еще дышалъ; онъ еще поползъ по мосту, и махая сломанною шпагою, защищался ею отъ пятерыхъ убійцъ; но это уже было его послѣднее усиліе, и онъ вскорѣ упалъ безъ чувствъ. При блѣдномъ свѣтѣ лампы, горѣвшей передъ изображеніемъ чистилища, я видѣлъ, какъ пятеро убійцъ подняли тѣло и бросили его въ каналъ, поверхность котораго возмущилась на короткое время. Убійцы исчезли, и все это произошло такъ скоро, что мнѣ показалось, будто бы я видѣлъ тяжелый сонъ; но я не долго находился въ этомъ заблужденіи. Новый случай доказалъ мнѣ, что я не сплю. Изъ воротъ дома, въ который привело меня такое несприятное стеченіе обстоятельствъ, выѣхалъ верхомъ человѣкъ; это ѣхалъ Перико на моемъ прекрасномъ конѣ, съ такимъ трудомъ выведенномъ мною изъ Гациенды де ла Норіи.

— Эй! молодецъ! закричалъ я: кто это позволилъ тебѣ! Ты хочешь украсть мою лошадь.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Перико хладнокровно: я ужоу ее потому, что она могла бы служить уликою и доставить вамъ несприятности.

Таково было прощаніе леpero; онъ сильно ударилъ мою лошадь и она поскакала въ галопъ. Не простясь ни съ кѣмъ, я бросился въ погоню за Сарагате, но уже было поздно. Вдали слышалось жалобное ржаніе и топотъ, который вскорѣ совершенно затихъ. Я пошелъ по первой попавшейся мнѣ улицѣ. Долго бродилъ я, и уже начинало свѣтать, когда я наконецъ вышелъ въ знакомую мнѣ часть города. Я рѣшился подать форменное объявленіе о несчастіи, причиненномъ мною наканунѣ, и смѣло пошелъ въ уголовный судъ. Когда я вошелъ туда, судьи еще не было тамъ, и я сталъ ожидать его въ прихожей. Усталость и сонъ овладѣли мною. Я уснулъ на лавкѣ. Въ то время, какъ мнѣ спались сны, напминавшіе мнѣ видѣнія мною сцены, я услышалъ вокругъ себя шумъ, потомъ опять все затихло. Я открылъ глаза и мнѣ показалось, что все еще вижу сонъ. У ногъ моихъ поставлены были носилки, покрытыя окровавленными холстомъ. Я вообразилъ, что меня узнали и нарочно подожили близъ меня тѣло убитаго мною человѣка. Я отодвинулся въ самый задній уголъ прихожей; видъ этого окровавленнаго покрывала былъ несносенъ для меня. Мало по малу я успокоился и, вооружась храбростію, придвинулъ конецъ покрывала. Я тотчасъ узналъ жертву. Его прекрасное и блѣдное лицо, тонкій и длинный рубецъ на лбу глубоко врѣзались въ моей памяти. Болотныя травы и зеленая тина, покрывавшая его лицо, напомнили мнѣ мѣсто убійства. Это былъ тотъ человѣкъ, который такъ храбро защищался и котораго, вѣроятно, такъ горько оплакивали.

Прошли двѣ недѣли. Мои ночныя приключенія поселили во мнѣ глубокое огорченіе отъ всѣхъ леperовъ. Вдругъ я получилъ приказаніе явиться къ одному неизвѣстному мнѣ алькаду. Тамъ ожидалъ меня человѣкъ, уже пожилой и незнакомый мнѣ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ: я тотъ самый *фаролеро*, котораго вы изволили ушибить до полусмерти, а такъ какъ это обстоятельство не позволяло мнѣ работать цѣлыя двѣ недѣли, то вы неоткажетесь удовлетворить меня.

— Разумѣется вѣтъ, сказалъ я, обрадовавшись, что не имѣю причинъ упрекать себя въ смерти ближняго. Сколько тебѣ надо заплатить?

— Пять сотъ пиастровъ.

Признаюсь, что мое удовольствіе смѣнилось гнѣвомъ, и я послалъ фоварщика къ чорту. Однако же мнѣ стало стыдно самого себя; алькадъ посоветовалъ мнѣ поторговаться, и я очень былъ радъ, что могъ отдавать пятую долю требуемой суммы.

Хотя мои наблюденія надъ леperами стоили мнѣ дорого, но пріобрѣтенная мною опытность имѣть свою цѣну, и я не жалѣю о пиастрахъ, выпрошенныхъ у меня моимъ изобрѣтательнымъ пріателемъ Перико.

СКАЗАНІЯ ОБЪ ИСТОКАХЪ НИЛА. Изъ путешествія Ампера по Египту и Нубіи.

— Ни одна рѣка не имѣетъ столь любопытной монографіи, какъ Ниль. Почти всѣ имена, подъ какими эта рѣка была известна въ различныя эпохи, выражаютъ идеи чернаго или синяго цвѣта. Греки называли Ниль *Мелассъ*, Евреи *Шіоръ*, Копты *Амири*; всѣ эти названія значатъ *черный*. Арабы же одинъ изъ притоковъ Нила называютъ *Баръ-эль-Азребъ*, что значитъ *Синяя рѣка*. Самое слово *нилосъ* походитъ на санскритское слово *нилька*, синій или черный; откуда персидское *ниль*, значащее *индиго*. Названіе этой рѣки нельзя произволить отъ цвѣта ея воды, которая скорѣе кажется желтою, чѣмъ черною или синею. Не есть ли это намекъ на цвѣтъ прибрежныхъ жигелей, такъ какъ Нигеръ получилъ свое названіе отъ того, что протекаетъ въ странѣ Негровъ? Греки и Арабы, по обширности разлива, называли Ниль моремъ, и Арабы называютъ его также святою или благословенною рѣкою, и Древніе Египтяне употребляли его имя въ своихъ клятвахъ. Древніе Египтяне обоготворяли Ниль въ двухъ видахъ: Ниль-верхній и Ниль-нижній. Священныя фигуры, встрѣчающіяся въ іероглифическихъ письменахъ и на барельефахъ, изображены въ видѣ женщинъ, надъ головами которыхъ вырѣзаны знаки верхняго и нижняго Египта. Впрочемъ, французскіе и германскіе ученые, считая Ниль центромъ египетской религіи, слишкомъ преувеличиваютъ роль, какую игралъ Ниль въ древнѣйшіе времена, Ниль рѣдко, и то какъ бы случайно, присоединялся къ разряду великихъ божествъ: Аммона, Осириса и Фты. Кажется, онъ занялъ важное мѣсто въ богочченіи въ

что путешественники, достигнув до вершины чудной горы, были объаты каким-то неистовым восторгом и съ рукожесканиями и диким хохотомъ бросились въ бездну.

Между древними нѣкоторые полагали истоки Нила въ той воображаемой южной землѣ, которую называли *Антистои*; а другіе на восточной оконечности Азии или на западной оконечной Африки. Александръ, достигнув до береговъ Инда, думалъ, что онъ дошелъ до истоковъ Нила. Плиній выводилъ Нилъ изъ западной Африки. Эзрини думалъ, что Нилъ и Нигеръ имѣютъ одно и тоже начало. Нигеръ представляли западнымъ рукавомъ Нила на всѣхъ картахъ, до 1722 года. Это ложное мнѣіе, противъ котораго возставалъ Гобей еще въ 1689 году, нашло своего защитника, въ наше время, въ одномъ Англичанинѣ, который въ 1821 въ году, доказывалъ, что Нигеръ и Нилъ вѣтви одной и той же рѣки. Христиане и магометане полагали, что Нилъ вытекаетъ изъ земнаго рая. Крестоносцы не сомнѣвались, что Нилъ дѣйствительно выходитъ съ правой стороны адема. Арабскіе писатели говорятъ, что листья райскаго дерева упадаютъ въ воды ражающагося Нила и, уносимые волнами, поглощаются одною рыбою, которая потому отличается чрезвычайно вкуснымъ мясомъ. Жуанвилъ, съ своей стороны, рассказываетъ, что жители областей, орошаемыхъ Верхнимъ-Ниломъ, закидываютъ сѣти свои въ рѣку и вытаскиваютъ оттуда имбирь и ремень. «Говорятъ, прибавляетъ протодушный Жуанвилъ, что эти вещи происходятъ изъ земнаго рая, и что вѣтеръ срываетъ ихъ съ райскихъ деревъ.» Замѣчательно, что три вѣка спустя, Колумбъ, когда достигъ береговъ новаго свѣта, которые онъ считалъ берегами Восточной-Азии, не сомнѣвался, что вкусная вода залива Парія вытекала изъ земнаго рая, и что въ этомъ заливѣ Южной-Америки были источники Нила, Ганга, Тигра и Евфрата. Такимъ образомъ, будучи близъ устья Ороноко, Колумбъ считалъ себя при истокахъ Нила.

ИЗМѢНЕНІЯ, ЗАМѢЧАЕМЫЯ ВЪ ОТНОСИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ МОРЯ И ЕГО БЕРЕГОВЪ. — Есть много мѣстностей, по различнымъ берегамъ морей, положеніе которыхъ относительно къ океану не измѣнилось, по крайней мѣрѣ замѣтнымъ образомъ, съ самыхъ давнихъ временъ. Такъ, портъ въ Марселѣ, портъ Гортинскій на островѣ Критѣ, Триестъ, утесы Сицилы и Харибды, сохраняютъ и въ наше время тѣ же линіи уровня, какія находимъ въ описаніяхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ. Съ другой стороны, мы находимъ мѣстности, которыя представляютъ очевидное доказательство большихъ или меньшихъ измѣненій, и которыя даже въ настоящее время, то понижаются, то возвышаются. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны берега Скандинавскаго полуострова; на нихъ море оставило очевидные слѣды своего пребыванія на различной высотѣ. Эти слѣды, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, обозначаются террасами, параллельно танущимися по крутымъ берегамъ, или

линіями, идущими тоже параллельно по обрывистымъ и даже отвѣснымъ береговымъ утесамъ.

Отъ чего происходятъ эти измѣненія? Море ли понижается, или берега возвышаются надъ водою, вслѣдствіе какой-нибудь причины, дѣйствующей внутри земли? Многие геологи допускали первое мнѣіе, опираясь на свои наблюденія надъ берегами Скандинавіи. Оставшіяся на этихъ берегахъ линіи прежняго уровня моря кажутся съ перваго взгляда совершенно горизонтальными; изъ этого нѣкоторые исследователи заключили, что берега остались неизмѣнными, тогда какъ море понизилось отъ испаренія. Но съ помощію точныхъ нисометрическихъ наблюденій найдено, что эти линіи далеко уклоняются отъ горизонтальнаго направленія. Напримѣръ, въ Алтенфіордѣ одна линія уровня возвышается на 67 метровъ, а другая на 28; а въ Гаммерферстѣ первая поднимается только на 28 метровъ, а послѣдняя на 13. Потому, причину относительно измѣненія въ положеніи моря и его береговъ натуральнѣе приписать не неустойчивости моря, но возвышенію земли. Доказательствомъ же того, что до этихъ высотъ дѣйствительно достигали нѣкогда морскія волны, служитъ то, что во многихъ точкахъ въ этихъ различныхъ террасахъ, осадочная почва заключаетъ въ себѣ такія раковины, которыя водятся еще донынѣ въ морѣ. Такъ Бухъ замѣтилъ, что городъ Тромсое, возвышающійся на 7, 33 метра надъ уровнемъ моря, построенъ на раковинистомъ грунтѣ, и что эти раковины сходны съ живущими нынѣ въ сѣверномъ морѣ. Въ заливѣ Дронгтеймскомъ замѣнены многія террасы и окаменѣлые осадки въ 43, 18 и въ 6 метрахъ надъ уровнемъ моря; а въ долинѣ, лежащей близъ Филлагельфа, высота этихъ линій доходитъ до 140 метровъ.

Но тогда какъ сѣверныя оконечности Скандинавіи возвышаются, на южныхъ замѣчается совершенно другое измѣненіе. Скандинавія представляетъ слѣды пониженія и, кажется, въ эпоху очень недавнюю; такъ въ городѣ Мальмѣ большая часть улицъ наводняется во время прилива, а это, очевидно, не могло быть въ эпоху его основанія; то же надобно сказать и о всѣхъ маленькихъ городахъ, лежащихъ на южномъ берегу Швеціи. Линней, въ 1749 году, измѣрилъ въ Тредлеборгѣ, разстояніе одного камня отъ поверхности моря; Шилсонъ, снова измѣряя то же разстояніе въ 1836 году, нашелъ, что оно уменьшилось на 30 метровъ. Эти факты очень ясно показываютъ, что южныя берега Швеціи, въ настоящее время, понижаются, и это движеніе какъ будто составляетъ противообѣдствіе движенію, замѣченному въ сѣверной части полуострова. Сосѣдніе съ Скандіей берега датскіе также понижаются. Но поднимаясь по восточному берегу Швеціи, вдоль моря Балтійскаго и залива Ботническаго, равно какъ и въ западномъ округѣ, между Готеборгомъ и Юдеваллою, находятъ многочисленныя и очевидныя признаки недавняго возвышенія грунта, которое совершается и теперь, медленно, но постоянно. Давно уже открыты осадки раковинъ въ Юдеваллѣ, на высотѣ 66 метровъ надъ поверхностью моря, а это доказываетъ, что море долгое

время находилось на этой точкѣ. Подобныя раковины найдены и на берегахъ озера Венера, верстахъ въ 70 отъ моря. Г. Лейбъ принимаетъ за вѣрное, что море простиралось до озера Венера. Въ Кольмарѣ жители твердо убѣждены, что берега ихъ постоянно возвышаются. То же доказываютъ и историческія памятники: основаніе башней знаменитаго кольмарскаго вѣмка возвышается, въ настоящее время, болѣе одного метра надъ моремъ; между тѣмъ какъ четыре вѣка назадъ эти башни были покрыты водою. Окрестности Стокгольма представляютъ еще больше слѣдовъ этихъ возвышеній, совершившихся не только въ историческую эпоху, но и гораздо прежде, въ то отдаленное время, о которомъ не сохранилось воспоминанія въ исторіи, но въ которое, между тѣмъ, тамъ обитали люди, оставившіе по себѣ, какъ памятники, множество предметовъ промышленности, находимыхъ въ раковинныхъ слояхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *езаровъ* (oesar) или *сандезаровъ* (sandoesar). Образованіе езаровъ давно обратило на себя вниманіе геологовъ, и было предметомъ очень серьезныхъ споровъ. Кромѣ раковинъ, находимыхъ въ нихъ, въ нѣкотораго рода возвышеніяхъ, имѣющихъ видъ древнихъ кургановъ, множество оружія, украшеній и глиняныхъ издѣлій, совершенно сходныхъ съ произведеніями такого рода, находимыми въ Индіи; замѣчательна необыкновенная малость сабельныхъ рукоятокъ; она показываетъ, что эти оружія принадлежали индійской расѣ, которая, какъ извѣстно, отличается маленькими руками. И такъ геологія открыла намъ фактъ, котораго и не подозревала исторія, что индійскій народъ обиталъ на Скандинавскомъ полуостровѣ. Эти оружія и украшенія встрѣчаются иногда въ такомъ изобиліи, что, собравъ ихъ, могли составить цѣлые музеи, которые находятся во многихъ городахъ, и особенно въ Копенгагенѣ. Въ 1819 году, въ Седертельбѣ, въ городѣ, лежащемъ въ 20 верстахъ отъ Стокгольма, была открыта хижина рыбака, погребенная въ глубинѣ 18 метровъ, въ одномъ езарѣ; она сохранила свое совершенно правильное положеніе и послужила доказательствомъ, что многія мѣста шведскаго берега подвергались переворотамъ даже въ то время, когда обитали тамъ люди.

Окрестности Орегрунда, Левгрундета и Або представляютъ большое число мѣстностей, гдѣ точныя измѣренія доказали значительное возвышеніе почвы въ послѣдніе годы; такъ замѣтки, которыя, по распоряженію стокгольмской академіи наукъ, были вырѣзаны, въ 1820 году, на утесахъ, наравнѣ съ водою, находятся теперь болѣе одного дециметра выше морскаго уровня. Городъ Геэле, на памяти живыхъ еще людей, поднялся надъ моремъ; а въ окрестностяхъ этого города, болѣе тридцати верстъ отъ берега, вѣшли, во внутренности езара, судно и якорь. Не нужно напоминать, что въ этихъ езарахъ шведскихъ и финляндскихъ береговъ находятъ большее количество раковинъ, одинаковыхъ съ раковинами, живущими и теперь въ Балтійскомъ морѣ и въ Ботническомъ заливѣ. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій видно, что восточная часть Скандинавскаго полуострова

медленно и постоянно возвышается, и это возвышеніе продолжается непрерывно, отъ времени до-историческихъ до нашихъ дней.

Г. Дезоръ, основываясь на наблюденіяхъ надъ струичатыми скалами, образованными движеніемъ прежде бывшихъ ледниковъ, теперь погруженныхъ въ море, полагаетъ, что Скандинавія подвергалась тремъ главнымъ переворотамъ; то были: первоначальное возвышеніе, когда почва была поднята гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ—это періодъ существованія ледниковъ; потомъ, всеобщее пониженіе—въ этотъ періодъ воды моря разлились до подножія высокихъ горъ, находящихся нынѣ во внутренности полуострова; наконецъ, вторичное возвышеніе этихъ затопленныхъ частей материка, которое продолжается и теперь, въ нашихъ глазахъ. Этотъ послѣдній переворотъ соединилъ снова Швецію съ Финляндіею и образовалъ заливъ съ соленой водою, отличающіея своими прибрежными растеніями. Самыя озера во внутренности Швеціи имѣли первоначально соленую воду, и мало-по-малу, съ теченіемъ времени, преобразовались въ прѣсноводныя хранилища. Слѣды этого остались до сихъ поръ, именно по берегамъ озеръ растутъ морскія растенія и въ ихъ водахъ живутъ рыбы, свойственныя только морямъ.

Слѣды прежнихъ линій морскаго уровня, происшедшіе или отъ медленнаго возвышенія береговъ, какъ въ Швеціи, или, гораздо обыкновеннѣе, отъ землетрясенія, встрѣчаются на берегахъ всѣхъ морей стараго и новаго свѣта. Западный берегъ Гренландіи понизился, уже въ историческія времена, на протяженіи 217 миль, между 60 и 69 градусами широты. Во многихъ мѣстахъ Англіи, Ирландіи и особенно Шотландіи, находятъ многочисленныя слѣды возвышенія и пониженія земли. Такъ, въ Шотландіи, въ Эдмбургскомъ заливѣ, Макларенъ нашелъ террасы въ 34 метрахъ выше настоящаго уровня. Дарвинъ замѣтилъ также, близъ Каледонскаго канала, множество узкихъ террасъ, совершенно похожихъ на дороги, продолженныя горизонтально по склону горъ. Это, очевидно, прежнія линіи уровня воды. Дарвинъ считаетъ эти террасы морскими берегами, между тѣмъ какъ Агасси приписываетъ образованіе ихъ какому-нибудь озеру, и въ подтвержденіе своей мысли приводитъ очень любопытный фактъ, что до сихъ поръ не нашли ни въ одной изъ этихъ террасъ никакой морской раковины. Западные берега Франціи представляютъ очень значительное измѣненіе. Такъ, между тѣмъ, какъ окрестности Морле, въ Финистерѣ, и заливъ Канъ-Каль представляютъ очевидныя признаки пониженія, берега нижнепюарского департамента, Биривѣвъ, Круазикъ, Гераядъ и Ла-Рошель очевидно возвысились, какъ доказываютъ слои раковинъ, находящихся на довольно значительномъ разстояніи надъ моремъ. Иница также сохраняетъ слѣды прежняго морскаго уровня, потому-что на морскихъ берегахъ, въ двѣнадцати метрахъ отъ воды находятся остатки раковинъ, существующихъ еще въ Средиземномъ морѣ. Но эти измѣненія особенно замѣтны въ окрестностяхъ Пуццола, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ этого города; самое же очевидное доказательство

представляетъ здѣсь храмъ Юпитера Сераписа. На мраморныхъ колоннахъ этого храма, въ нѣсколькихъ футахъ отъ ихъ pedestаловъ, замѣтны скважины, образованныя морскими раковинами; что доказываетъ продолжительное пребываніе этихъ колоннъ въ морѣ, и потому постепенное возвышеніе ихъ изъ воды. Въ настоящее время храмъ Сераписа снова понижается, и по вычисленію Никколини, онъ опустился, съ начала XIX столѣтія, на шестьдесятъ сантиметровъ. Такимъ образомъ, эта часть Италіи представляетъ намъ поразительный примѣръ подвижности земной коры. Такія же явленія замѣчаются въ Греціи, особенно по берегамъ Пелопонеза, и на западныхъ берегахъ Азіатской Турціи. Въ Америкѣ прежнія линіи уровня моря имѣютъ иногда безмѣрное протяженіе. Островъ Нью-Фаундлендъ въ особенности обратилъ на себя вниманіе геологовъ, въ послѣдніе годы. Бухты и заливы, не давно еще доступные для кораблей, вдругъ сдѣлались мелководными, такъ что теперь могутъ входить въ нихъ только небольшія суда. Наконецъ, многіе острова Океаніи представляютъ слѣды новѣйшаго измѣненія морскаго уровня, засвидѣтельствованныя европейскими путешественниками.

Изъ всего этого видно, что на земномъ шарѣ нѣтъ ни одной мѣстности, которая бы не подвергалась какому-нибудь перевороту въ историческія или до-историческія времена, но во всякомъ случаѣ гораздо позже великихъ геологическихъ переворотовъ. Подобныя наблюденія заставили нѣкоторыхъ геологовъ предположить, что земная кора постоянно подвержена приливамъ и отливамъ жидкой, огненной массы, возмущающейся во внутренности земли. Быть можетъ, это справедливо; но покуда еще остается предположеніемъ.

УСЛУГИ, ОКАЗЫВАЕМЫЯ ПТИЦАМИ ЗЕМЛЕДѢЛЮ.—Г. Бекстонъ въ своей *Естественной исторіи Пенсильваніи*, очень остроумно защищаетъ птицъ противъ дѣлаемыхъ имъ упрековъ въ хищничество. И дѣйствительно, одни только вороны и голуби, которые вмѣстѣ съ сѣменами вредныхъ травъ, истребляютъ сѣмена полезныхъ растений, да еще зимородокъ, который ловитъ пчелъ, когда онѣ возвращаются съ добычею въ ульи, по справедливости могутъ назваться врагами земледѣльца. Но другія птицы скорѣе заслуживаютъ названія полезныхъ, чѣмъ вредныхъ для трудовъ сельскаго. Смотря на птицу издали, въ самомъ дѣлѣ кажется, будто она клюетъ зерна въ колосьяхъ; между тѣмъ она ищетъ тутъ не зерна, а насѣкомаго, которое гложетъ зерно. Такимъ образомъ, она не опустошаетъ жатву, напротивъ предохраняетъ ее отъ дѣйствительныхъ враговъ.

Пѣвчія птицы и свистятели считаются врагами нашихъ вишенъ и другихъ плодовъ; дѣйствительно, онѣ ѣдятъ ихъ, но главную ихъ пищу составляютъ гусеницы и пауки. Реполовы налетаютъ на наши виноградники, но они ищутъ въ нихъ не винограду, а червячковъ и мошекъ.

Множество птичекъ изъ рода воробьевъ, во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживаютъ нашего покровительства; большая часть изъ нихъ ис-

ключительно ѣдятъ насѣкомыхъ; нѣкоторыя же питаются зернами и насѣкомыми, и почти всѣ услаждаютъ нашъ слухъ мелодіею своихъ пѣсень. Убытокъ, наносимый имъ, слѣшкомъ малъ въ сравненіи съ услугами, какія онѣ оказываютъ намъ.

Красивница одна изъ самыхъ полезныхъ птицъ для истребленія насѣкомыхъ. Эта маленькая птичка не только не боится присутствія человѣка, но даже ищетъ его общества. Въ Сѣверной Америкѣ, во многихъ мѣстахъ замѣтили выгоду, какую можно извлечь изъ этихъ птицъ, и почти при каждомъ сельскомъ домѣ прикрѣпляютъ къ шесту ящичекъ, чтобы красивницы постоянно свивали въ нихъ свое гнѣздо. Когда дѣтеныши вылупятся изъ скорлупы, самецъ съ самою стараются отыскивать пищу своимъ малюткамъ. Наблюдая надъ полетомъ этихъ птичекъ за пищею, наши, что среднимъ числомъ они слетаютъ пятьдесятъ разъ въ продолженіе часа. Меньшее число было сорокъ, а большее шестьдесятъ разъ; однажды только онѣ слѣтали въ часъ семьдесятъ одинъ оборотъ. Эта охота на насѣкомыхъ продолжается у нихъ непрерывно цѣлый день. Среднее число пятьдесятъ, даешь, въ двѣнадцать часовъ, шестьсотъ гусеницъ или другихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ каждый день одна пара красивницъ очищаетъ садъ и огородъ. Но по этому счету предполагается, что красивница въ каждый полетъ захватитъ одно только насѣкомое; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ часто приносятъ по два и по три за-разъ; слѣдовательно, въ каждый день онѣ истребятъ отъ тысячи двухсотъ до тысячи восьмисотъ насѣкомыхъ.

На табачныхъ плантаціяхъ, для предохраненія табаку отъ нападенія гусеницъ, негры очищаютъ отъ нихъ драгоцѣнныя листья, иногда на огромныхъ пространствахъ! Нѣсколько семействъ красивницъ слѣтали бы эту услугу за ничто. А сверхъ того онѣ повелевали бы хозяевъ своимъ хорошенькими пѣсенками. И послѣ этого, если онѣ позволяютъ себѣ слѣдовать нѣсколько вишенъ, нѣсколько ягодъ малины, разсудительный фермеръ не долженъ сердиться на нихъ; онѣ могутъ имѣть маленькую долю въ плодахъ, за то, что мастерики умѣютъ беречь ихъ.

Наблюденія г. Бекстона напоминаютъ намъ разсказы о закавказскихъ птицахъ *тарби*. Почти во всемъ Закавказьѣ существуетъ повѣрье, что въ Персіи, въ Ширазѣ, и близъ монастыря Св. Іакова, въ Эриванскомъ уѣздѣ, есть источники, изъ которыхъ человѣку безукоризненной правдивости стобитъ только взять воды и принести ее на поля, опустошаемыя саранчею, то въ этихъ поляхъ тотчасъ появится птица *тарби*, водящаяся при чудныхъ источникахъ, и истребитъ всю саранчу. Появленіе птицъ, враждебныхъ саранчѣ, дѣйствительно всегда слѣдуетъ за привоженіемъ священной воды. Извѣстія съ Кавказа почти каждый годъ подтверждаютъ это. Въ № 22 газеты *Кавказъ* 1846 года мы находимъ слѣдующее извѣстіе изъ карабагскаго уѣзда: «Въ прошедшемъ году, саранча, опустошивъ значительно поля въ карабагскомъ уѣздѣ, и оставивъ сѣмена свои, грозила жителямъ тѣмъ же бѣдствіемъ

и вынѣшнимъ лѣтомъ. Побуждаясь общимъ повѣремъ, а также желая успокоить жителей и показать имъ, что начальство не пренебрегаетъ никакими мѣрами къ предотвращенію угрожающаго имъ бѣдствія, карабагскій уѣздный начальникъ, въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года отпривилъ, по желанію жителей, избраннаго ими поселенца кеберлинскаго участка, мирзу Джамаль-Бека — Поврузъ-Бека — Оглы въ Ширазъ, за этою водою; издержки путешествія были покрыты добровольными пожертвованіями однихъ Бековъ.

• Нынѣ мирза Джамаль-Бекъ возвратился съ водою, а за нимъ, 6-го мая, утромъ, тарби въ безчисленномъ множествѣ покрыла всё поле, отъ рѣки Аракса версть на пятнадцать и съ такою жадностію истребляетъ саранчу, что чрезъ нѣсколько дней не останется и слѣдовъ ея. •

Въ нынѣшнемъ году повторилось тоже самое явленіе.

• Намъ пишутъ изъ Гори, говоритъ газета Кавказъ, что посѣтившая въ прошломъ году здѣшній край саранча оставила столько зародышей, что въ настоящую весну, со всходами хлѣбовъ, поля покрылись возродившеюся саранчею; мѣры, предписанныя правительствомъ, объ истребленіи ея, при соревнованіи мѣстнаго начальства, хотя имѣли значительный успѣхъ, но въ сравненіи съ тѣмъ, сколько показалось здѣсь саранчи, количество истребленной не могло быть слишкомъ значительно. Обстоятельство это произвело сильное вліяніе на здѣшнихъ жителей. Только святая вѣра въ милосердіе Божіе еще ободряетъ ихъ упніе, и ослабляетъ страхъ при мысли, что съ опустошеніемъ полей угрожаетъ голодъ. Въ такомъ положеніи народъ и духовенство прибѣгнули къ водѣ изъ источника св. Іакова. 18-го мая вода привезена, а вмѣстѣ въ привозомъ ея появились безчисленныя стаи птицъ тарби. Армянское духовенство, отслуживъ молебствъ въ соборѣ, въ 11 часовъ утра, предприняло въ полномъ облаченіи шествіе чрезъ городъ, для принятія воды, оставшейся за заставою города, у священника Тер-Степанова. Оттуда она была несена подъ балдахиномъ въ сосудѣ. Собраніе людей разныхъ сословій и религій было такъ велико, что во всѣхъ улицахъ и переулкахъ, по направленію отъ армянскаго собора, тѣсно было бы усніе прохожаго пройти въ противоположную сторону шествія. Въ это самое время, нѣсколько стай птицъ, не пугаясь толпы народа, пролетѣли надъ самымъ балдахиномъ; другія кружились надъ нимъ нѣсколько секундъ. Всѣ бывшіе свидѣтелями этого чуднаго привлеченія птицъ, съ умиленіемъ простерли взоры къ небу, и на лицѣ каждаго вилѣтъ былъ переходъ отъ удивленія въ несоколебимую вѣру и къ моленію, приносимому Господу Богу. Не прошло еще двухъ дней, какъ вѣрными разказами стали подтверждаться слухъ объ истребленіи саранчи во многихъ мѣстахъ. Разнородны только разказы о томъ, какимъ образомъ истребляютъ птицы саранчу; но и эти разказы, при самомъ разногласіи, не удивляютъ уже насъ послѣ того, что мы видѣли вчера.

• Послѣ вчерашняго дива, разнесагося такъ скоро по уѣду, многіе деревенскіе священники съ старшинами явились въ Гори, для полученія воды, сюда привезенной.

• Какимъ то общимъ результатомъ кончится появленіе здѣсь священныхъ птицъ? Но если саранча будетъ истреблена даже половиною противъ того, сколько осталось ея за истребленіемъ средствами людей, то и тогда будетъ великою благодатью, за которую навсегда будутъ возноситься благодарныя молитвы къ Всевышнему. •

ПОВАРЕННОЕ ИСКУССТВО У ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ. Нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію произведеній, которыя получали Римляне изъ другихъ странъ, съ огромными издержками; ихъ заботливости, съ какою старались они усвоить своей землѣ чужеродныхъ растеній, и попеченію объ откармливаніи различныхъ животныхъ, назначенныхъ для ихъ столовъ. Они имѣли парки, въ которыхъ откармливались кабанья, дикія овцы, олени, козы, разныхъ породъ зайцы и другія животныя. Каждое изъ этихъ животныхъ получало пищу свойственную его природѣ и съ особеннымъ выборомъ: такъ сови, родъ крысъ, считавшіяся въ то время большимъ лакомствомъ, которыхъ мясо вкусомъ походитъ на мясо индійской свиньи, воспитывались въ особенныхъ загородкахъ и вскармливались жемчужами и каштанами; слизни также имѣли отдѣльные помѣщенія, установленныя сосудами, въ которыхъ они укрывались; ихъ такъ хорошо откармливали варенымъ виномъ и мукою, что по словамъ Плинія была такъ велика, что слизней привозили изъ Африки и Илірии. Анивий, въ своемъ сочиненіи, *de Obsonis et Condimentis*, оставилъ намъ секретъ, какъ приготовить это кушанье. Сначала вымойте слизней въ соленомъ молокѣ, высушите ихъ, потомъ въ свѣжемъ; поджарьте ихъ въ деревянномъ маслѣ и подавайте на столъ горячіе, съ соусомъ изъ *assa-fetidis*, перцу, мясгаго отвару и деревяннаго масла; или лучше, поджаривая ихъ, безпрестанно обливайте соусомъ изъ перца и тмина. Слизни въ наше время считаются нѣкоторыми гастрономами лакомымъ кушаньемъ; есть люди, которые каждый день, за завтракомъ, глотаютъ по дюжины вареныхъ слизней, приправленныхъ вкуснымъ соусомъ изъ разныхъ травъ.

Гортензій приобрѣлъ знаменитость не однимъ своимъ красоченіемъ, но и тою заслугою, что первый ввелъ въ обыкновеніе подавать за столомъ павлина, зажареннаго съ верями, когда онъ дѣлалъ обѣдъ по случаю избранія его въ число авгуровъ: объ этомъ жаркомъ говорили тогда, какъ о необыкновенной роскоши; но вскорѣ оно вошло во всеобщее употребленіе, такъ что хозяинъ могъ повергнуться насмѣшкамъ, если за обѣдомъ у него не подавался жареный павлинъ. Это тоже самое, если бы у насъ сдѣлали обѣдъ безъ индійки съ трюфлями. И потому откармливаніе павлиновъ составляло тогда очень прибыльный промыселъ: нѣкто Орфаній Лурко,

занимаясь этою отраслью промышленности, приобрѣлъ себѣ до пятнадцати тысячъ годового дохода.

Но самыя роскошныя блюда въ столѣ Римлянъ состояли изъ рыбы, которую обыкновенно держали въ садкахъ. Эти садки поглощали цѣлыя милліоны. Ничего не щадили для снабженія ихъ соленой водою; Лукуллъ велѣлъ прорыть гору, чтобы провести морскую воду въ свой паркъ. Многіе Римляне проводили воду даже въ свои столовые комнаты, такъ чтобы гости, протянувъ только руку, сами могли брать живыхъ рыбъ, для полной увѣренности, что будутъ кушать самую свѣжую рыбу.

Цезарь иногда давалъ обѣды римскимъ гражданамъ; но Римляне считали за стыдъ садится за цезарскій столъ, если въ немъ подавались какія-нибудь дешевыя блюда; они требовали рыбы, и цезарь однажды былъ долженъ прибѣгнуть къ займу, чтобы приготовить рыбный столъ. Мирій Прійи, доставлявшій ему *муреновъ* (родъ морскихъ угрей), не хотѣлъ продать ему этой рыбы; но требовалъ, чтобы Цезарь возвратилъ ему такое же ея число.

Понятно, что былъ бы безконечный пробѣлъ въ поваренномъ искусствѣ Римлянъ, если бы имъ не извѣстны были трюфели; но они знали ихъ и по достоинству оценивали. У нихъ было, по крайней мѣрѣ, до шести различныхъ способовъ готовить трюфели.

Нашествіе варваровъ, невѣжество среднихъ вѣковъ, и особенно обыкновеніе монаховъ выскабывать древніе манускрипты, чтобы писать на томъ же пергаментѣ свои легенды, были причиною утраты многихъ драгоценныхъ сочиненій древнихъ писателей. Къ счастью, монахи уважали трактатъ Апиція о хорошемъ угощеніи, въ которомъ онъ, съ стараніемъ, достойнымъ величайшихъ похвалъ, описалъ искусство готовить плоды въ сахарѣ, показалъ всѣ способы составлять различныхъ блюдъ и разныя приправы для каждаго изъ нихъ.

Нельзя смѣшивать трехъ знаменитыхъ людей, носившихъ имя Апиція, хотя всѣ они оложены своею знаменитостію склонности къ обжорству, которое, кажется, было наследственнымъ въ этой счастливой фамилии. Первый жилъ во времена Силлы, второй въ царствованіе Августа и Тиберія, а третій при Траянѣ; это второй изъ нихъ составилъ упомянутое нами сочиненіе. Высокій талантъ, скажемъ лучше, гений, проявляющійся въ его трактатѣ, не удивитъ никого, если припомнить, что былъ за человекъ, составившій этотъ трактатъ въ поученіе потомству. Одинъ анекдотъ достаточно охарактеризуетъ его.

Провесся слухъ, что въ одномъ изъ адриатическихъ портовъ остаются такихъ толстыхъ раковъ, какихъ никогда еще не было въ римскихъ рынкахъ; Апицій до того былъ пристрастенъ къ лакомымъ блюдамъ, что не могъ спокойно спать, пока не навялъ нарочно корабля, чтобы самому повѣрить эту обольстительную молву. Лишь только корабль вошелъ въ портъ, рыбаки, узнавъ о пріѣздѣ знаменитаго путешественника, поспѣшили представить ему самыхъ тол-

стыхъ раковъ, какихъ только могли достать. Но Апицій, по внимательномъ изслѣдованіи, нашелъ, что эти раки вовсе не лучше тѣхъ, какихъ онъ ѣлъ въ Римѣ; виля надежды свои обманутыми, онъ велѣлъ повернуть корабль назадъ, не удостоивъ даже сойти на берегъ.

Годовой расходъ на столъ этого богача возвышался до двухъ съ половиною милліоновъ на наши деньги; почему бѣднякъ рѣшился умереть, когда имѣніе его ограничилось семидесятью тысячами рублей серебромъ.

ОБЪ АТМОСФЕРѢ ЛУНЫ. — Имѣетъ ли луна атмосферу, подобную той, какаю окружаетъ землю? Этотъ вопросъ до сихъ поръ не разрѣшенъ окончательно астрономами: одни допускаютъ существованіе лунной атмосферы, другіе, напротивъ, отвергаютъ. Послѣдніе, въ подтвержденіе своего мнѣнія, указываютъ на то, что поверхность луны всегда представляется намъ въ одинаковой степени ясною и свѣтлою, что она не затеняется ни облаками, ни испареніями, и свѣтлою, что она не затеняется на ея поверхности, однаково видныя пятна, выказывающіяся на ея поверхности, однаково видны во всякое время. Этотъ фактъ, по видимому, могъ бы быть сильнымъ доказательствомъ противъ существованія атмосферы, если бы только наблюденія, на которыхъ основываются астрономы, были бы только наблюденія, на которыхъ основываются астрономы, были бы вѣрны и несомнѣны. Но есть много астрономовъ, которые утверждаютъ, что поверхность не всегда одинаково свѣтла. Гевелій говоритъ, что среди совершенно чистаго неба, луна и ея пятна не всегда были видны съ одинаковою ясностію, хотя этотъ наблюдатель вооружался всегда однимъ и тѣмъ же телескопомъ. «Очевидно, прибавляетъ онъ, что причина этого явленія скрывается не въ нашей атмосферѣ, ни въ телескопѣ, ни въ лунѣ, ни въ глазѣ наблюдателя; но должно искать ее въ чемъ нибудь существующемъ кругомъ луны, то есть, въ ея атмосферѣ.» Съ другой стороны существованіе лунной атмосферы опровергается тѣмъ, что звѣзды, скрываясь отъ взора наблюдателя за тѣломъ луны, сохраняютъ весь свой блескъ до той минуты, когда онѣ, по видимому, касаются самаго края луны, и потомъ исчезаютъ мгновенно. Этотъ феноменъ былъ бы не возможенъ, если бы луна окружена была атмосферою. Но и этотъ фактъ, подобно первому, одинъ изъ астрономовъ признаютъ, а другіе отвергаютъ. Кромѣ того, одинъ астрономъ часто замѣчалъ, что звѣзды и планеты подвергались измѣненію, относительно своей формы и цвѣта, когда приближались къ лунному диску; между тѣмъ какъ въ другое время онъ не замѣчалъ въ нихъ ничего подобного. Есть еще одно доказательство противъ существованія лунной атмосферы. Если бы, говорятъ, луна была окружена атмосферою, тогда продолженіе затишній дождженствовало бы сокращаться отъ дѣйствія преломляющей ея силы. Основываясь на этомъ, одинъ французскій астрономъ старался доказать, что если бы существовала подобная атмосфера и ея горизонтальное отраженіе простиралось только до 8 секундъ, то никогда не могло бы быть полнога затишнія солнца; между тѣмъ какъ, въ 1724

году, во время солнечного затмѣнія совершенный мракъ покрывалъ землю въ продолженіе двухъ минутъ 16 секундъ. Но и это мѣняе имѣетъ своихъ противниковъ даже въ числѣ знаменитѣйшихъ астрономовъ. Галлей и Эйлеръ говорятъ, что во время полныхъ и кольцеобразныхъ затмѣній, въ солнечномъ дискѣ замѣтно бываетъ искривленіе. Послѣ такихъ противорѣчивыхъ мѣній, трудно дойти до какаго нибудь удовлетворительнаго заключенія. Англійскій ученый г. Груби, разсматривая всѣ эти мѣнія, въ послѣднемъ засѣданіи британскаго общества поощренія наукъ, принимаетъ за правдоподобное только слѣдующее положеніе, что луна окружена атмосферою, подобною въ некоторомъ отношеніи нашей, но гораздо рѣдчайшею. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, мы знаемъ, что вслѣдствіе медленнаго движенія луны на своей оси, главная часть ея поверхности подвергается прямому вліянію солнечныхъ лучей въ продолженіе четырнадцати съ половиною дней и столько же ночей непрерывно. а потому, въ продолженіе такого же періода времени, бываетъ лишнее солнечнаго свѣта: такъ какъ одинъ изъ этихъ періодовъ производитъ на лунѣ ужасный холодъ, о какомъ мы не можемъ имѣть даже и понятія, а другой приноситъ съ собою теплоту, вѣроятно, достаточную для того, (если только на поверхности луны есть вода) чтобы образовать изъ испареній временную атмосферу; то не въ правдѣ ли мы заключить, что атмосфера, окружающая луну, матеріально отличается по своему составу и своимъ свойствамъ отъ атмосферы земнаго шара; а это объясняетъ въ извѣстной степени, почему астрономы имѣютъ столь противоположныя мѣнія о лунной атмосферѣ». Въ заключеніе, г. Груби надѣется, что кольцеобразное солнечное затмѣніе, которое послѣдуетъ въ октябрѣ наступающаго года, представитъ удобный случай пріобрѣсти болѣе точныя и опредѣленныя понятія объ этомъ предметѣ. Наконецъ, астрономы не оскутатъ этого случая, и мы въ свое время сообщимъ результаты ихъ наблюденій.

ГУМБОЛЬДТЪ. — «Ея королевское высочество, принцесса Амадія прусская, говоритъ одинъ французскій писатель, есть лучезарное свѣтло Берлина, около котораго движется, въ этомъ мыслящемъ городѣ, всѣ умы, всѣ науки, вся философія. Въ ея салонахъ гремятъ ученые, профессоры, путешественники, поэты, философы, князья, люди государственные, всѣ таланты, всѣ знаменитости. Въ этой толпѣ рѣзко выказывается слабый старикъ, съ выразительнымъ лицомъ, въ бѣломъ широкомъ галстухѣ; по быстротѣ взгляда, по живости жестовъ, по совершенной ясности рѣчи, по разнообразію и глубинѣ воззрѣній, можно признать въ немъ великаго ученаго. Этотъ старикъ, у котораго семьдесятъ семь лѣтъ не потушили еще жара вдохновенія, слава Пруссіи, высшая личность Европы съ тѣмъ поръ, какъ умеръ Кювье и замолкъ торжественный голосъ Шатобриана; это Гумбольдтъ. Знаменитый творецъ *Космоса* тоже въ Берлинѣ, что Гете былъ въ Веймарѣ, живой образецъ совершеннаго созданія, ма-

нина неслыханнаго устройства, въ которой не ослабѣваетъ ни одно колесо! Любимецъ покойнаго короля прусскаго, Гумбольдтъ остался другомъ и любимцаго короля: это холатай у трона обо всѣхъ умственныхъ интересахъ. Зѣфирницы, ботаническіе сады, шарлоттенбургская магнетическая обсерваторія, всѣ эти творенія внушены, созданы и обогащены дѣйствіемъ его холатайства, пламеннымъ, какъ юность, неизмѣннымъ, какъ чистая любовь къ наукѣ.

Посмотрите на него только съ свѣтской стороны; какъ онъ необыкновененъ и пріятелателенъ! Какъ онъ овладѣваетъ бесѣдою! какъ господствуетъ въ ней! какъ представляетъ все въ ясномъ свѣтѣ! Нѣтъ такой бесплодной почвы, гдѣ бы онъ не нашелъ неизвѣстныхъ еще оазисовъ! Нѣтъ столько ограниченнаго горизонта, на которомъ бы онъ не открылъ невѣдомыхъ видовъ!

Нельзя составить понятія, какъ трудно разговаривать съ Гумбольдтомъ въ обществѣ: если въ словахъ будетъ недостатать точности, строгой логики, особенно совершенной увѣренности, то неумѣнно сдѣлаешься жертвою этого ума, который съ коварнымъ удовольствіемъ, иногда съ ѣдкою шуткою, откроетъ свое безмѣрное превосходство предъ другими, обнаживъ ихъ слабѣйшія стороны. Гумбольдтъ подойдетъ къ вамъ съ самыми очаровательными пріемами, ласково раскланяется съ вами, ободритъ васъ, мало-по-малу опутаетъ, потомъ вдругъ обхватитъ, унизитъ, поразитъ васъ, прежде чѣмъ вы успѣете вскрикнуть о пощадѣ. Правда, онъ послѣ подастъ вамъ съ насмѣшкою руку, чтобы помочь вамъ подняться, и съ какою то особенною милостію, пособитъ перевязать ваши раны.

Гумбольдтъ почти каждый день садится за королевскій столъ. Въ бесѣдѣ его все встаетъ: при нуждѣ онъ говоритъ самъ съ собою и о себѣ, что нужды до сюжета! общія мѣста приведутъ къ частностямъ, частности къ анекдоту, а анекдотъ его господство, его поле сраженія и торжества. По нѣкоторымъ признакамъ, Гумбольдтъ тотчасъ догадается, когда вниманіе короля возбуждилось, и онъ удваиваетъ жаръ: его рѣчь раздражается въ самыхъ забавныхъ, въ самыхъ непринужденныхъ, самыхъ живописныхъ исторіяхъ, которыя рассказываетъ онъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, по-нѣмецки или по-французски, иногда на томъ и другомъ языкѣ попеременно, исторія, которая, одинъ только онъ можетъ рассказывать, и которая украшаетъ онъ самыми живыми эффектами съ безконечнымъ искусствомъ.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ и изъ самыхъ рѣкихъ умственныхъ наслажденій, видѣть Гумбольдта, когда онъ бываетъ въ Парижѣ, въ бесѣдѣ съ другимъ человѣкомъ, также одареннымъ великимъ умомъ и неистощимомъ остроумію, которому извѣстно все, несчастье и величіе, и который научился въ этой игрѣ счастья, узнавать подобныхъ себѣ и управлять ими, который въ политикѣ, въ прастепенности, въ философіи, въ наукахъ положительныхъ, знаетъ все, что только можно знать, и который остался столько же простымъ въ жизни частной, сколько великимъ въ жизни общественной, — словомъ съ Людовикомъ Филиппомъ....

Гумбольдтъ говоритъ увлекательно, и любитъ говорить. Эта страсть такъ сильна въ немъ, что онъ никакъ не можетъ успѣть снять съ себя портретъ, потому что не можетъ сохранить, въ продолженіе необходимого времени, молчанія и неподвижности позы. Трудно повѣрить, чтобъ авторъ *Космоса*, въ той сферѣ, гдѣ онъ живетъ, не пользовался значительнымъ богатствомъ. Между тѣмъ онъ бѣденъ, какъ Шатобрианъ, и по тѣмъ же причинамъ. Все его состояніе поглощено путешествіями, совершенными на свой счетъ, съ неутомимой ревностію, въ Америку, въ Сибирь и другія страны; наконецъ, какъ Ньютонъ, онъ во всю свою жизнь оставался незнакомымъ съ человѣческими страстями; — это весталка науки.

Гумбольдтъ есть воплощеніе Германца во Французѣ; невозможно рѣшить, къ которой изъ этихъ двухъ природъ онъ относится правѣе. Не одиѣ умственные побужденія привлекаютъ его къ Франціи; его мать была Француженка: она принадлежала къ одной изъ тѣхъ колоній, которая по силѣ Нантскаго эдикта, перешла въ Германію, гдѣ и до сихъ поръ еще сохранили типъ, преданія и языкъ своихъ предковъ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТИАНСТВА ВЪ КОРЕѢ. — Недавно въ Корею прибыли новые христіанскіе миссіонеры. Эти ревностные проповѣдники вѣры должны были бороться съ безчисленными трудностями, чтобы проникнуть въ эту недоступную для христіанскихъ народовъ страну. Но они были утѣшены тѣмъ, что нашли тамъ еще остатки христіанства, сохранившагося съ давнихъ временъ между многими семействами. Эти христіане, долгое время жившіе безъ пастырей, приняли миссіонеровъ съ распростертыми объятіями, и можно надѣяться, что, благодаря попеченію и покровительству этихъ тайныхъ исповѣдниковъ Христа, труды миссіонеровъ увѣнчаются болѣе счастливымъ успѣхомъ, чѣмъ благочестивая ревность ихъ предшественниковъ. Но прежде, чѣмъ послѣдуемъ за ними по этому опасному пути, который привелъ прежнихъ миссіонеровъ къ мученичеству, бросимъ взглядъ на поприще ихъ подвиговъ и на прежнюю исторію христіанства въ Корей.

Корея, вассальная земля Китая, лежитъ на сѣверовостокъ отъ Невской Имперіи и образуетъ полуостровъ, около двухъ сотъ миль въ длину и шестидесяти въ ширину. Она раздѣляется на восемь провинцій и заключаетъ въ себѣ три города перваго класса, пятьдесятъ восемь втораго, шестьдесятъ шесть третьяго. Ея столица, *Гань-Янь* или *Кинь-ту*, что значитъ *королевскій дворецъ*, потому что тамъ находится резиденція владѣтеля, лежитъ въ пяти миляхъ отъ Желтаго моря. Этого довольно большой, но худо и безъ всякаго плана построенный, городъ лежитъ среди амфитеатра горъ и дѣсовъ. Нельзя опредѣлить числа жителей Кореи даже приблизительно образомъ. Известно только изъ разсказовъ миссіонеровъ, что, по безплодности почвы, народонаселеніе Кореи вообще незначительно. Есть много причинъ, которыя препят-

ствуютъ тамъ размноженію народонаселенія. Однѣ изъ нихъ состоятельны, это заразительныя болѣзни и страшный голодъ; другія же относятся къ нашествію сосѣднихъ народовъ. Въ 1592, Японцы, а въ 1636 году Китайцы напали на этотъ слабый народъ, который дерзаетъ обнажать мечъ только противъ беззащитныхъ христіанъ, превратили весь полуостровъ въ пустыню и наложили на жителей тяжкое иго. Потери, нанесенная этими нашествіями, не могла вознаградиться воидами. Кромѣ того, въ безплодныхъ горахъ скрываются страшные и многочисленные враги: тамъ бродятъ дикіе звѣри, и въ особенности тигры, которые каждый годъ истребляютъ, по крайней мѣрѣ, тысячу жертвъ.

Разсматриваемая съ точки религіозной, Корея съ незапамятныхъ временъ преклоняется передъ идолами. Въ ряду ея безчисленныхъ божествъ первую степень занимаютъ: *Сеницу*, домашній ларь, *Цзэ цзю*, хранитель жилищъ, *Самсинь*, творецъ рода человѣческаго, *Малым-энь*, другъ и мститель родственниковъ, *Сенацзань*, провидѣніе вселенной, *Женитовъ* и *Тайпакъ*, влстители домашнего очага, и многіе другіе геніи, которыхъ слишкомъ долго было бы перечислять. Въ Корей, равно какъ и въ Китаѣ, поклоненіе умершимъ родителямъ составляетъ часть народнои религіи.

Первые лучи Евангелія проникли въ этотъ хаосъ языческихъ заблужденій въ то время, какъ христіанство имѣло свой пвѣтущій періодъ въ китайской имперіи. Говорятъ, что нѣкоторые мудрецы, почтенные въ своемъ отечествѣ титломъ учителей и руководимые свѣтомъ разума, не позраченного страстями, постигли, что должно быть ученіе высшее того, какое представляли ихъ различныя секты. Эти люди услышали о христіанской вѣрѣ отъ посланниковъ, которые каждаго годно отправлялись въ пекинскому двору съ данію. Желая лучше узнать новую религію, они упростили посланниковъ слѣдующаго года подробнѣе объ ней развѣдать въ Китаѣ. Дѣйствительно, имъ привезли изъ Китая нѣсколько христіанскихъ книгъ, въ числѣ европейскихъ рѣдкостей. Послѣ этихъ первыхъ понятій, въ 1632 году, христіанство уже сдѣлалось известнымъ въ Корей. Съ того времени до 1720 года, судьба этой раждающейся церкви оставалась неизвѣстною. Можно думать, что первые тамошніе христіане, почувствуя бурю, благоразумно сокрыли свое вѣрованіе подъ покровомъ молчанія. Но послѣ того, другой посланникъ возобновилъ сношенія къ китайскими миссіонерами, и получивъ отъ нихъ новыя христіанскія книги, привезъ ихъ въ Корею. Одинъ изъ его соотечественниковъ, которому поручены были эти книги для христіанства, прочитавъ ихъ, принялъ христіанство, и нареченъ былъ въ крещеніи *Іоанномъ*; а спустя нѣсколько времени, съ согласія другихъ новокрещенныхъ, послалъ одного изъ своихъ товарищей въ Пекинъ, чтобы собрать тамъ подробнѣйшія свѣдѣнія о нашей святой религіи. Этого благочестивый посолъ назывался *И*; послѣ свиданія съ миссіонерами, онъ принялъ крещеніе, въ февралѣ 1784. По возвращеніи въ отечество, онъ ревностно началъ распространять вѣру

Спасителя въ своей странѣ и положила твердое основаніе христіанству въ Корей.

Настало время, когда эту вѣру надо было запечатлѣть кровью. Въ Корей существовали двѣ партіи, которыя оспаривали другъ у друга власть. Одна изъ нихъ называлась *Никъ*, а другая *Ди*. Изъ ихъ соперничества, которое сначала было споромъ за мѣня и борьбой за вліяніе между честолюбивыми министрами, образовались двѣ политическія школы, которыя питали одна къ другой непримиримую ненависть и наконецъ вступили въ открытый бой. Они безъ жалости убивали не только тѣхъ, которыя принадлежали къ противной партіи, но и всякаго, кому покровительствовала эта партія. Христіанская религія, совершенно чуждая этихъ распрій, подверглась тогда гоненію, и ея исповѣдники, въ теченіе полулѣтка, испытали самыя жестокаго преслѣдованія. Подъ управленіемъ *Дистова*, отличавшихся вѣротерпимостію, христіанство сдѣлало быстрые успѣхи. Этого было довольно, чтобы въ 1791 году, *Никисты*, захватившіе тогда власть, поклялись уничтожить ее. Въ этотъ годъ, равно какъ и въ 1795, 1801, 1819, и 1839 годахъ, то есть, каждый разъ, какъ власть переходила въ руки *Никистова*, кровь лилась рѣкою на полуостровѣ корейскомъ. Христіане всѣхъ сословіи и всѣхъ возрастовъ были убиваемы безпощадно; даже принцессы владѣтельнаго дома были заключаемы въ темницы и погибали въ пыткахъ за вѣру Христа, или преклонялись, вмѣстѣ съ своими невольниками, подъ мечъ палача. Болѣе восьми сотъ славныхъ именъ внесены уже въ списокъ мучениковъ. Между всѣми этими жертвами, корейскіе христіане особенно почитаютъ *Паала Цинзунни*, первого и знаменитѣйшаго мученика. Неизвѣстно, какія претерпѣлъ онъ страданія, но онъ умеръ медленно и мучительною смертію, какъ герой вѣры, внушившій почтеніе христіанамъ своими добродѣтелями, и даже уважаемый самыми язычниками, за его познанія.

Впрочемъ, бѣдствія новообращенныхъ не ограничивались только казнями, опредѣшенными закономъ. Они должны были жить вдали отъ язычниковъ, которые и теперь еще гонятъ ихъ отъ себя, какъ прокаженныхъ, или даже продаютъ ярости изувѣренныхъ солдатъ. Никто изъ нихъ не имѣлъ постоянного жилища. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій, они сѣпали продать свое имущество, или бросали его, за недостаткомъ покупателей, и убегали въ мѣста необитаемыя, въ горы и лѣса. Эти переселенія, столь часто повторявшіяся, повергли ихъ въ крайнюю бѣдность. Они ежегодно погибали сотнями отъ нищеты. Когда пріѣзжали къ нимъ христіанскіе миссіонеры, то должны были дѣлиться съ этими несчастными послѣднимъ кускомъ хлѣба. «Если намъ будетъ прислано каюе-нибудь пособіе, писалъ миссіонеръ Шастанъ, въ 1837 году, то мы еще можемъ поддерживать наше скромное существованіе, въ противномъ же случаѣ, намъ придется питаться травами и кореньями, подобно нашимъ бѣднымъ христіанамъ.»

Съ удивленіемъ спрашиваешь себя: какимъ образомъ, эти ко-

рейскіе христіане, забытые, такъ сказать, на краю свѣта, оставшіеся много дѣтъ безъ пастырей, могли сохранить свою вѣру, среди всѣхъ ужасныхъ испытаній? Враги были утврены, что они уничтожили христіанство; проклятая секта, какъ они называли христіанъ, не являлась болѣе; казалось, что совершилось желаніе корейской владѣтельницы, которая говорила, что, для уничтоженія христіанства, не только надо снести траву, но и вырвать корни. Между тѣмъ, сѣмя христіанское прозябало въ тиши и безвѣстности; въ эпоху каждаго преслѣдованія являлось болѣе и болѣе вѣрующіихъ. Въ 1836 году, число ихъ простиралось до четырехъ тысячъ: три года спустя, эта цифра удвоилась; и слѣдствіемъ всѣхъ гоненій было то, что теперь христіанъ въ Корей считается до двадцати тысячъ. Во время этихъ гоненій, корейскіе христіане были ободряемы проповѣдью миссіонеровъ, приходившихъ къ нимъ каждыиъ годъ изъ Китая. Въ 1794 году, епископъ пекинскій, *Гудеа*, отправилъ въ Корею китайскаго священника *Чжесу*, но одинъ изъ отступниковъ вѣры продалъ его преслѣдователямъ, и онъ былъ казненъ въ 1801 году. Уже въ 1834 году прибылъ въ Корею другой китайскій священникъ, а два года спустя, посѣдовалъ за нимъ миссіонеръ *Мобанъ*. На границахъ полуострова, Мобанъ отдалъ послѣдній долгъ своему епископу *Броньеру*, апостольскому викарію въ Корей, который, послѣ долгихъ странствованій въ пустыняхъ Монголіи, умеръ въ бѣдной хижинѣ, окруженный безутѣшными миссіонерами. Почти въ то же время, проникъ въ Корею миссіонеръ *Шастанъ*; къ нимъ посѣпнули присоединиться епископъ *Илбертъ*, потому-что надъ его собратьями начиналась собираться гроза. Онъ увидѣлся съ ними уже въ темницѣ, и всѣ трое вскорѣ приняли смерть, въ 1839 году. Съ тѣхъ поръ кончились смертныя казни христіанъ. Послѣ смерти миссіонеровъ разнеслась молва, заставившая корейскій дворъ трепетать именованія ихъ соотечественниковъ; народъ вопіялъ, что Корея, столько же виновная передъ Европейцами, какъ Китай, будетъ имѣть такую участь; что несправедливый флотъ принесетъ ихъ странѣ страданія и бѣдствія, потому что они продали кровь невинныхъ. Министры были приведены въ сильное безпокойство; вся страна волновалась въ ожиданіи великаго бѣдствія. Французы, въ самомъ дѣлѣ, пристали къ берегамъ Корей, но вмѣсто военныхъ кораблей и свирѣпыхъ солдатъ. Корейцы увидѣли простое судно, поврежденное бурей, и проповѣдниковъ мира, которые привезли милостиво бѣднымъ Корейцамъ. То были епископъ Ферреоль и его спутникъ Давидъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ отецъ Андре, молодой Кореецъ, совершившій путешествіе въ холодныхъ пустыняхъ Манчжуріи и озавершившій перевалъ черезъ Желтое море. Какъ живутъ они теперь на снѣжной перевалѣ черезъ Желтое море. Какъ живутъ они теперь на негостеприимныхъ берегахъ полуострова, это узнаемъ изъ ихъ письма. На этотъ разъ можемъ сообщить только отрывокъ изъ письма епископа Ферреоля, писаннаго въ 1843 году. «Скоро, писалъ онъ, мы увидимъ опасную заставу первой корейской таможни, мы идемъ утѣшимъ этотъ оставленный народъ, отереть его слезы, перевязать его

еще не закрывшіяся раны и загладить, сколько возможно, слѣды преслѣдованій. Мы найдемъ его въ чащѣ лѣсовъ, на вершинахъ горъ; въ пещерахъ мы будемъ совершать наше богослуженіе; раздѣлимъ свой хлѣбъ съ бѣдными; будемъ отцами сиротъ; и если даже пролитіе нашей крови будетъ необходимо для спасенія бѣдствующихъ христіанъ, то Богъ дастъ намъ бодрость преклонить наши головы подъ сѣкиру палача.

НОВАЯ ОТРАСЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Не даромъ намъ вѣкъ называютъ торговымъ, положительнымъ, эгоистическимъ. Было бы намъ хорошо, до другихъ дѣла вѣтъ. Въ наше время изъ всего стараются выжать золото. Это въ новомъ родѣ вѣкъ алхимистовъ. Нѣкто г. Режи, парижскій фабрикантъ недавно открылъ въ Парижѣ, въ улицѣ Болье, новый магазинъ, подъ выѣскою: *Dépot des dieux Africains*. Имѣя торговля сношенія съ французскою колоніею на рѣкѣ Сенегалѣ, онъ устроилъ у себя фабрику африканскихъ идоловъ и занимается теперь обдѣлкою языческихъ божествъ, соображаясь со вкусомъ и карманомъ своихъ покупателей, изъ разнаго матеріала и различной доброты. Сбытъ этого товара, говорятъ, очень хорошъ, и можно надѣяться, что принесетъ почтенному Режи большія выгоды, если не помѣшаютъ этому миссіонеры.

СНАРЯДЪ ДЛЯ ПОДАНІЯ ПОМОЩИ СУДАМЪ ВО ВРЕМЯ БУРИ. Въ Гаврѣ произведенъ былъ опытъ надъ новозобрѣтеннымъ снарядомъ для поданія помощи судамъ, находящимся въ опасности, во время бури. Устройство этого снаряда очень просто: веревка, свернутая трубкой, вставляется въ пустой металлическій цилиндръ; одинъ ея конецъ прикрѣпляется къ цилиндру, а съ другимъ сращивается другая веревка, также свернутая трубкой и крѣпко привязанная на берегу. Цилиндръ кладутъ въ пушку, заряженную отъ 80 до 10 граммовъ пороху. При выстрѣлѣ, направленномъ къ суду, требующему помощи, мотки веревки распускаются, и цилиндръ упадаетъ въ назначенное мѣсто. Произведенные опыты были очень удачны и вполне оправдали надежды изобрѣтателя, господина Дельвивя (*Delvigne*). Посредствомъ этого снаряда можно подавать помощь нарастающимъ болѣе 200 метровъ (около 100 сажень).

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЪРНАГО ЗОИРА ВЪ ПЧЕЛОВОДСТВѢ. Дефей, репетиторъ брусельской ветеринарной школы, вздумалъ употребить сѣрный зойръ для усыпленія пчелъ, чтобы такимъ образомъ, вынудивъ медъ изъ ульевъ, не истреблять его производителей. Польза этого способа очевидна; надобно только вспомнить, сколько погибаетъ пчелъ, когда при собираніи меду уничтожаютъ цѣлые ихъ рои. Опыты г. Дефея были не давно повторены въ Парижѣ, и доказали, какъ легко усыплять этихъ насекомыхъ, заставляя ихъ вдыхать пары сѣрнаго зойра.

СТРАННОСТИ УЧЕНЫХЪ. Многие изъ ученыхъ не могутъ предаваться иначе своимъ глубокомысленнымъ размышленіямъ, какъ при какихъ-нибудь особенныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Питтъ всего лучше могъ размышлять тогда, когда онъ входилъ и выходилъ изъ своей комнаты; Шериданъ, когда сморгѣлъ на зажженные свѣчи; Фоксъ послѣ веселой бесѣды съ своими друзьями; Гиббонъ въ тихіе часы полдня; Байронъ во время ночи. Нѣкоторые, во время занятій, имѣютъ обыкновеніе грызть ногти. Но самымъ страннымъ обыкновеніемъ отличался одинъ англійскій драматическій писатель нашего времени: онъ часто приходилъ къ одному доктору и каждый разъ просилъ у него какихъ-нибудь средствъ, способствующихъ къ рощенію волосъ, которые вылезали у него необыкновеннымъ образомъ.—Долго я не могъ, говорить докторъ, открыть причины болѣзни его волосъ; но въ одинъ день я вошелъ въ его рабочей кабинетъ, когда онъ писалъ какое-то сочиненіе, и къ моему немалому удивленію, я замѣтилъ, что мой пациентъ время отъ времени вырываетъ у себя по одному волосу. Теперь для меня объяснилась причина, отчего у него лезли волосы, но мнѣ стоило большихъ трудовъ отлучить поэта отъ его несчастной привычки.

ЕЩЕ НОВАЯ ПЛАНЕТА.—Г. Ле-Веррье сообщилъ парижской академіи наукъ объ открытіи еще новой планеты, честь котораго принадлежитъ г. Гинду. Она была замѣчена этимъ астрономомъ 13 августа нов. ст., въ 9¼ часовъ вечера, близъ звѣзды Шацци XIX, 396. По своему блеску, она равняется звѣздамъ 8-ой или 9-ой величины, и принадлежитъ къ группѣ планетъ, вращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ.

==

ХОДЪ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ХОЛЕРЫ ВЪ РОССИИ.

Эту любопытную статью мы заимствуемъ изъ *С. Петербургскихъ Академическихкихъ Вѣдомостей* (№ 133).

Эпидемическая холера, около двухъ лѣтъ свирѣпствуя въ Персіи и подвигаясь постепенно по направленію къ сѣверо-западу, въ концѣ лѣта 1846 г. показала въ Тавризѣ и Тегеранѣ, а къ осени была уже въ ближайшихъ къ нашей границѣ мѣстахъ. Вскорѣ оправдалась, къ несчастію, и опасенія, возбужденныя у насъ близости эпидеміи. 16 октября холера появилась въ Шемахинской губерніи м. Сальянахъ и Тальшинскомъ уѣздѣ, а въ ноябрѣ въ Ленкоранѣ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которые впервые постигла въ эпидемію 1830 года. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ ноябрѣ же, болѣзнь проникла въ Баку, въ началѣ декабря появилась въ Шемахѣ, потомъ въ Дербен-

ложномъ берегу Волги. Съ этого времени болѣзнь стала примѣтно распространяться въ городѣ. Въ началѣ успѣхи ея были довольно медленны; заболѣвали немногіе (съ 4 по 13 число не болѣе 23 человекъ гражданскаго вѣдомства, изъ коихъ 19 умерло); болѣзнь соирождалась явными признаками воспаления брюшныхъ внутренностей, иногда принимала видъ кроваваго поноса, причемъ прочіе извѣстные признаки болѣзни не показывались еще въ полномъ развитіи и лишь изрѣдка встрѣчались въ совокупности у одного и того же больного. Врачи не рѣшались еще признать болѣзнь за эпидемическую холеру; большая часть изъ нихъ считали ее за холеру спорадическую, которая ежегодно бываетъ въ Астрахани, въ большей или меньшей степени, въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Эти сомнѣнія на счетъ эпидемическаго свойства болѣзни продолжались однако же недолго; съ 13 іюля холера начала распространяться со всею свойственною ей быстротою и злокачественностію, поразивъ первоначально значительное число военныхъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ она разлилась по всему городу, появляясь въ одно время въ частяхъ онаго, совершенно другъ другу противоположныхъ и свирѣпствуя преимущественно въ мѣстахъ низменныхъ и сырыхъ. Она проникла даже въ больницы, гдѣ подвергались ей больные, одержимые недугами, немалыми ничего общаго съ нею, какъ напримѣръ: сифилитики, умалишенные и т. п. По большей части заболѣвали люди низшихъ сословій, безъ различія пола и возраста. Замѣчено однако же, что мужщинъ занемогало вѣднѣе болѣе чѣмъ женщинъ, взрослыхъ болѣе чѣмъ несовершеннолѣтнихъ и Русскихъ вообще гораздо болѣе чѣмъ казаческаго населенія. Последнее легко объясняется образомъ жизни какъ тѣхъ такъ и другихъ: магометане вообще держатся опрятнѣе, одѣваются лучше и теплѣе, даже лѣтомъ, весьма умѣренны и осторожны въ пищѣ и питіи; а въ Калмыкахъ, народѣ кочующемъ, уменьшаегъ въ нѣкоторой степени воспримчивость къ эпидемическимъ болѣзнямъ постоянное пребываніе на просторѣ, въ чистомъ, степномъ воздухѣ.

Въ первое время эпидеміи болѣзни была весьма скоротечна; смерть постигала заболѣвшихъ иногда чрезъ нѣсколько часовъ; въ послѣдствіи она сдѣлалась менѣе быстрою въ ходѣ своемъ и выстѣ болѣе доступною приличному врачеванію. Въ прямомъ содержаніи съ болѣею или меньшею быстротою болѣзни была и относительная смертность: въ первые три дня (считая съ 13 числа) умирало болѣе половины пораженныхъ; далѣе содержаніе это становилось постепенно болѣе благоприятнымъ, такъ что въ послѣднее время большая часть больныхъ были спасены своевременнымъ медицинскимъ пособіемъ. Самое большое число умершихъ отъ холеры въ Астрахани было 19 іюля: въ этотъ день умерло 137 человекъ, но потомъ число умершихъ начало ежедневно уменьшаться, и 2 августа умерло не болѣе 14 человекъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля, когда число умирающихъ уже значительно уменьшилось, появились вновь эпидемическія пере-

мѣжающіяся лихорадки — явный признакъ измѣненія въ характерѣ эпидеміи; холера стала рѣже показываться въ сопровожденіи всѣхъ своихъ признаковъ, какъ уже сказано, была менѣе скоротечна, и часто переходила въ тифъ, который, впрочемъ, не рѣдко былъ смертеленъ.

Въ настоящее время эпидемію въ Астрахани можно считать близкою къ окончанію. Изъ полученныхъ до нынѣ свѣдѣній, движеніе больныхъ въ теченіи тридцати дней (съ 3 іюля по 2 августа) представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	прибыло	умерло.
Отъ 4 по 12 іюля	23	19
— 13 — 16	147	49
— 17 — 19	679	401
— 20 — 23	313	318
— 24 — 26	372	259
— 27 — 29	170	99
— 30 — 2 Августа	167	78
	Итого 2,071	1,223

Къ 3-му августа оставалось больныхъ 178.

О способахъ леченія, оказавшихся наиболѣе полезными при холерѣ въ Астрахани, не поступило еще свѣдѣній отъ тамошнихъ врачей, по той же причинѣ, которая объяснена выше: изъ числа прочей, стонародныхъ средствъ получили нѣкоторую извѣстность средства, употребляемыя астраханскимъ жителемъ, Армянномъ *Ериванцовымъ*. По полученнымъ изъ Астрахани отзывамъ, *Ериванцовъ* пользовался многими больныхъ не безъ успѣха и средства его, какъ отзывалась и врачебная управа, вслѣдствіе произведенныхъ имъ въ присутствіи инспектора опытовъ, дѣйствительно оказываются полезными въ легчайшихъ видахъ болѣзни.

Способъ леченія *Ериванцова*, изложенный въ собственныхъ его словахъ, съ немногими лишь для ясности измѣненіями, состоитъ въ слѣдующемъ:

Для унятія судорогъ:

Дегтю чистаго (т. е. березоваго) бутылку; вина хлѣбнаго хорошаго (т. е. не ниже трехъ-пробнаго) стаканъ или нѣсколько болѣе; горчицы, истертой въ порошокъ $\frac{1}{2}$ фунта; все смѣшать и намазывать руки и ноги, чтобы жилы смягчились; не тереть щеткою, а только просто намазывать рукою.

Во внутрь:

Мятныя капли съ водою и сахаромъ. Количество капель опредѣляется по состоянію и возрасту больного; но только, чтобы не было слабо, а то выветъ.

Отъ боли средней части живота при ощущеніи холода во внутренности:
Вина хлѣбнаго хорошаго стаканъ, перцу чернаго нѣмецкаго, истол-

ченнаго въ порошокъ и просѣяннаго, 4 ложечки чайныя, или до 1 ложки столовой. Смѣшать и этимъ составомъ намазывать больное мѣсто и вокругъ онаго, а потомъ наложить тряпку и привязать по-туже т. е. стянуть вокругъ живота.

Отъ внутренняго жару:

Уксусу виннаго крѣпкаго (называемаго въ Астрахани 1 сыркомъ) штофъ, вина хлѣбнаго хорошаго 1 штофъ, воды розовой хорошей 1 штофъ. Перемишать и слѣзать примочку, которую прикладывать на грудь подъ ложечку; примачивать также голову до 3 разъ. Потомъ голову обвязать. — Большею частію по 2-му разу больной чувствуетъ наклонность ко сну, а за 3-мъ разомъ, почти обыкновенно засыпаетъ; въ такомъ случаѣ надобно покрыть голову, затворить ставни, чтобы было темно и остерегаться, чтобы отнюдь вѣтромъ не пахнуло на больнаго и чтобы не разбудить его: иначе придетъ роль помѣшательства.

Примочка прикладывается посредствомъ напитанной ею хлопчатой бумаги. Дѣйствіе ея состоитъ въ томъ, что изъ примоченнаго мѣста, особенно изъ головы, вскорѣ начнетъ выходить очень сильный и видный паръ, а внутренній жаръ ослабѣетъ.

Случается иногда, что трехкратное примачиваніе несовершенно подѣйствуетъ; тогда безвредно можно и повторить.

По минованіи припадковъ, употребляется, не для всѣхъ, а для нѣкоторыхъ:

Для укрѣпленія живота:

Ирваго корня (по-армянски эгиръ) $\frac{1}{2}$ фунта, полыни 2 фунта, вина хлѣбнаго 1 штофъ. Этотъ составъ настаивать по крайней мѣрѣ въ продолженіи сутокъ, чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше; въ случаѣ недостатка времени, можно и подварить. — Давать два раза въ день по маленькой рюмкѣ.

Больнымъ, которые чувствуютъ сильную жажду, *Ериванцовъ* даетъ нить грогъ, т. е. воду съ малою частію рома.

Ериванцовъ, какъ увѣряютъ, узналъ этотъ способъ леченія отъ жившаго въ Астрахани Индѣйца, у котораго онъ былъ долгое время въ услуженіи. Не ручаемся за вѣрность этого показанія; признаемся даже, что находимъ ее сомнительною: березовый деготь и трехпробная водка отвѣчаютъ чѣмъ-то народнымъ, Русскимъ.

Опечатка. Въ Отд. VI., стр. 3, строка 6, сверху, напечатано: собирались; читай: собрались.

Журналъ *Сыть Отечества* будетъ издаваться и въ будущемъ 1848 году; подробная о томъ программа разошлется въ скоромъ времени.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Жижка десятая.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1847.